

Б.С.ВАЙНШТЕЙН

**ИМПРОВИЗАЦИЯ
В ШАХМАТНОМ ИСКУССТВЕ**

**Выдающиеся
шахматисты
мира**

Хорошо

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ШАХМАТИСТЫ
МИРА

Б.С.ВАЙНШТЕЙН

ИМПРОВИЗАЦИЯ В ШАХМАТНОМ ИСКУССТВЕ

**О ТВОРЧЕСТВЕ
ГРОССМЕЙСТЕРА
БРОНШТЕЙНА**

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1976

Вайнштейн Б. С.

В 14 Импровизация в шахматном искусстве. О творчестве гроссмейстера Бронштейна. М., «Физкультура и спорт», 1976.

280 с. с ил. с портр. (Выдающиеся шахматисты мира).

В этой книге, продолжающей серию «Выдающиеся шахматисты мира», рассказывается о творчестве одного из оригинальнейших современных шахматистов — гроссмейстера Д. Бронштейна. Автор, давний друг и секундант гроссмейстера, описывает жизненный путь и творческие взгляды своего героя и приводит его партии.

Главу о своем матче на первенство мира с М. Ботвинником гроссмейстер написал сам. Рассчитано на квалифицированных шахматистов.

В 60904-025
009(01)-76 108-76

7А9.1

Борис Самойлович Вайнштейн

ИМПРОВИЗАЦИЯ В ШАХМАТНОМ ИСКУССТВЕ

О творчестве гроссмейстера Бронштейна

Заведующий редакцией Э. П. Киян. Редакторы Ю. А. Бразильский, Ф. М. Малкин, Художник Е. С. Пермяков. Художественный редактор Ю. Н. Маркаров. Технический редактор Н. Н. Бузова. Корректор Л. В. Чернова. А08326. Сдано в производство 3/IX 1975 г. Подписано к печати 19/I 1976 г. Бумага тип. № 1. Формат 60×84/16. Печ. л. 17,5. Усл. п. л. 16,27. Уч.-изд. л. 15,86. Тираж 50 000 экз. Издат. № 4932. Цена 1 р. 10 к. Заказ № 3276. Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103006. Москва, Каляевская ул., 27. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валуевская, 28

БЛИСТАЮЩИЙ МИР ШАХМАТНОГО ИСКУССТВА

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Эта книга — о шахматах как об искусстве, об их безграничном содержании и духовной красоте. Эта книга — о шахматах как об области культуры, органически вплетенной в жизнь современного общества. Эта книга — о лидерах шахматного искусства, о носителях шахматной культуры, о Давиде Бронштейне—многогранном, ярком и необычном художнике неповторимого облика.

Шахматы — искусство, созданное коллективным разумом и интуицией многих народов; оно формировалось в течение веков, возникнув первоначально из какой-то древней игры или как синтез нескольких игр. О шахматах нередко говорили, порой говорят и сейчас, что это — наука, игра, спорт... Быть может, шахматы в прошлом были игрой, но современные шахматы в своем развитии все в большей мере приобретают черты подлинного искусства. Если искать аналогии среди искусств, то шахматы более всего сходны с музыкой.

Разумеется, в шахматах силен спортивный элемент, а разве его нет в музыке? Вспомним «Певцов» Тургенева, вспомним вагнеровские «Нюрнбергские майстерзингеры», концерт И.-С. Баха для двух скрипок. А многочисленные конкурсы пианистов, певцов, скрипачей, начиная от конкурса им. Чайковского и вплоть до «отборочных турниров» на замещение вакантных мест в оркестрах и хорах? Все это — соревнования, но музыка от этого не становится спортом.

Конечно, шахматы не чужды науке. Но ведь в основе любого творчества лежит знание, и чем ближе к вершине, тем шире научно-техническая база мастерства и тем меньше доля науки и техники в произведении искусства. Обратимся к музыке — законы, определяющие связь амплитуды и частоты колебаний с силой звука и высотой тона, тембры, обертоны... Да что там! Даже материал струн, взаимодействие смычка, струны и дерева скрипки, законы резонанса — чем это не наука и техника? Но музыка не перестает быть искусством.

Да, в шахматах есть игровой элемент, произведения шахматного искусства соперники создают вдвоем. И в этом один из стимулов шахматного творчества — соревнование стимулирует творчество. С незапамятных времен живет в человеческом обществе потребность

в борьбе умов, но без элементов азарта, присущего картам, домино, костям. Это стремление к соревнованию так же велико и столь же глубоко заложено, как потребность в музыке, танце, театре; оно растет по мере повышения культурного уровня общества. Законы шахмат не придуманы каким-либо одним человеком, пусть даже мудрейшим из мудрых. Они, подобно сказкам и былинам, подобно эпосу, созданы народом в течение тысячелетий. Поэтому правила шахмат полны внутреннего смысла и логики. Не случайно именно шахматы завоевали такую любовь народов нашей страны. Не покер, не орлянка, не игра на деньги, не игра на авось, на удачу, а равная борьба талантов, фантазий, логики, знаний.

И если в прошлом было немало дискуссий о сущности шахмат, то они порождены не различием мнений, а скорей неясностью предмета спора и неточностью терминологии. Нам приходилось слышать такой софизм: «мы играем в шахматы, значит, шахматы — это игра». Но ведь это не более, чем игра слов! Глагол «играть» имеет в русском языке семь значений, а слово «игра» — не менее десяти. И если говорят, что человек играет, то вполне возможно, что речь идет об искусстве — о музыке, о театре, о шахматах.

Многие, говоря о шахматах, имеют в виду лишь отдельные шахматные партии, забывая о шахматах как элементе культуры и общественной жизни. И этот наивный взгляд, к сожалению, запечатлен в авторитетных словарях нашего века. Например, французский Ларусс пишет: «Шахматы — игра на доске в 64 клетки посредством 32 фигур различной ценности». Или знаменитый американский Вебстер: «Игра чистого искусства (все-таки искусства!) посредством фигур, передвигаемых поочередно игроками, пока король одной стороны будет так атакован, что не сможет быть защищен». Эти «передвигаемые фигуры» — просто прелесть! Что такое конь? Игрушечная фигура для ребенка? Да нет же, это символ движения и логического взаимодействия с другими фигурами. Суть шахматной борьбы ведь заключается в том, что в динамической замкнутой системе меняются логические отношения и разрешается остроконфликтная ситуация. И быть может, именно эти стороны — обнаженность и острота коллизий, стремление разрешить их наиболее справедливым способом — наиболее привлекательны в шахматах.

Обидно, что и наш всемирно известный «Словарь современного русского литературного языка» далеко не лучшим образом представляет шахматное искусство. В последнем, 17-м томе этого словаря на стр. 1306 скупо сказано, что это «игра на доске, разделенной на 64 светлые и темные клетки, между 16 белыми и 16 черными фигурами по установленным для них правилам передвижения». Неясным осталось, как это фигуры ухитряются между собой играть. К тому же цвет фигур и окраска клеток для сущности шахмат никакой роли

не играют. Для столь сложного понятия, как шахматы, строгое логическое определение вряд ли возможно. Такое понятие можно раскрыть только через систему содержательных признаков и фактов.

Если все же искать обобщения, то можно сказать вместе с Бронштейном, что шахматы — это вовсе не доска, фигуры и клетки, а отрасль культуры, которая по содержанию представляет собой искусство, а по форме — многочисленные способы общения коллективов и личностей. В понятие «шахматы», толкуемое как отрасль культуры, входят, во-первых, публичные мероприятия (индивидуальные и командные турниры и матчи, сеансы одновременной игры, лекции); во-вторых — любительские домашние или клубные шахматные встречи; в-третьих — составление и решение шахматных этюдов и задач; в-четвертых — шахматная литература и периодическая печать, радио- и телевизионные передачи; в-пятых — теория шахмат, включая такие ее элементы, как стратегия, тактика, техника, дебюты, окончания, история шахматной мысли; в-шестых — связи шахмат с науками, в том числе с кибернетикой, теорией математических игр, теорией графов, логикой, психологией и другими; в-седьмых — заочные шахматы — игра по переписке, телефону, радио, телеграфу; в-восьмых, в-пятнадцатых... Вся эта динамическая большая система есть элемент интеллектуальной жизни человека и общества, искусство, в котором выразительными средствами служат логические понятия и соотношения между ними. А эстетическое воздействие этого искусства на человека и его самовыражение в творчестве есть результат самостоятельного поиска и открытия неожиданных и эффективных связей между этими понятиями, воплощенных в шахматной комбинации. На каждом шагу шахматисту становятся доступны радости Колумба и Магеллана.

Шахматную борьбу можно трактовать и как модель конфликтных ситуаций, которые требуют решения в условиях неопределенности. Не случайно в классическом труде фон Неймана и Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» то и дело приводятся примеры и аналогии из шахмат. Не случайно в классическом труде Клода Бержа «Теория графов и ее применение» есть немало шахматных диаграмм и указывается между прочим, что одна из фундаментальных теорем теории графов была первоначально открыта для шахмат (теорема Цермело).

Что же касается неопределенности, то она, в отличие от обычных игровых ситуаций, возникает в шахматах, как и в жизни, не только от недостатка информации, но и от ее избытка, при остром дефиците времени и невозможности использовать долговременную память *.

* Под долговременной памятью в шахматах мы понимаем шахматную литературу и собственные записанные анализы мастеров. Долговременную память

Выбор решений в этих условиях основан отчасти на памяти шахматиста и его программном подходе к оценке позиций, но в наибольшей степени — на интуиции и на таланте импровизации, то есть на способности к нестандартному мышлению, к мгновенному подсознательному перебору и оценке различных возможных вариантов, далекому прогнозу направлений и результатов борьбы. Поэтому процесс создания шахматных произведений в некотором отношении сложнее процесса творчества в других искусствах, он протекает в сотни и тысячи раз быстрее, чем в музыке, живописи, архитектуре. Здесь нет ни партитуры, ни выученной роли, ни многочисленных репетиций, в которых закреплены все нюансы исполнения. Импровизационные аналогии можно найти, пожалуй, лишь в ораторском искусстве. Только одареннейший человек, изучивший научную основу шахмат, овладевший к тому же всеми элементами профессионального (технического) мастерства, накопивший бездну фактического материала и способный молниеносно его обобщать, только он может в минуты высшего интеллектуального взлета эффективно импровизировать, достигая вершин в мире фантастической логики.

И шахматы Давида Бронштейна, яркого представителя импровизационного жанра, — это не передвижение черных и белых фигур на плоской «темно-светлой» доске, это — красочное творчество в многомерном пространстве идей, в диапазоне от бетховенских страстей до мягкой улыбки Алеша Карамазова.

Бронштейн — разносторонний деятель шахматной культуры. В своих литературных трудах и газетных статьях, в лекциях и выступлениях перед любителями шахмат он ненавязчиво, но неизменно подчеркивает, что шахматы в Советском Союзе — это элемент социальной жизни. И сам он принимает участие в этой жизни как турнирный боец, как литератор и журналист, как шахматный аналитик и комментатор, как шахматный композитор и международный арбитр по композиции, лектор, сеансер, как наставник молодых шахматистов...

Если говорить о шахматах как о значительном явлении в культурной жизни нашего общества, то сразу же возникает вопрос: в чем их социальная эффективность? Какие результаты достигаются на основе широкого развития шахмат? Об этом многое можно было бы сказать, ограничимся самым важным.

Шахматы, если отвечать на радость, которую они приносят, уважительным отношением к их содержанию, могут для каждого стать источником жизненной информации, средством формирования

возможно использовать в игре по переписке или же в игре шахматных автоматов. Поэтому игра по переписке моделирует жизненные ситуации, в которых возможен длительный анализ, а игра за доской моделирует реальную обстановку принятия решений при ограниченном ресурсе времени.

лучших черт характера. Желание бороться и побеждать требует объективного учета обстановки, быстрой реакции, немалых знаний и добросовестного трудолюбия. Но разве не на тех же компонентах основаны стремления и успехи во многих других областях человеческой жизни? И если человек объективно наблюдает поведение шахматных мастеров и свое собственное поведение за игрой, если приходит сам или при помощи товарищей к разумным выводам, то он может найти далеко идущие полезные аналогии между шахматными и жизненными ситуациями.

Шахматы учат с уважением относиться к противнику, проникать в его замыслы, предвидеть его действия или объективно возникающие препятствия и готовиться к ответу на них. Они учат быстро реагировать на неожиданные ситуации, быстро, пусть даже не всегда безупречно, действовать в аварийной обстановке, когда нельзя предвидеть все возможности. Шахматы развивают столь важную способность, как распределительное (дистрибутивное) внимание, то есть искусство охватывать всю обстановку в целом, не упуская в то же время из виду существенных деталей. И если я как шахматист взял за правило анализировать проигранные партии, находить свои ошибки, чтобы в другой раз они не повторились, то я обязательно и в жизни буду искать зависящие от меня причины своих неудач, будь то работа, наука, искусство или личные отношения с людьми, с коллективом.

Шахматная партия необратима во времени. Сделанный ход нельзя вернуть; однажды прозвучавшее слово «сдаюсь» никогда не будет забыто, зачеркнуто или стерто. Часы и пешки назад не ходят. И жизненные ошибки необратимы. В другой раз можно поступить по-иному, но что сделано — осталось навсегда, будь то проявление благородства, равнодушия или низости. И это значит, что шахматы постоянно напоминают об ответственности за свои поступки.

Основная эстетическая идея шахмат — разрешение конфликта в пользу логики и справедливости, торжество разума над грубой силой. Борьба начинается в равных условиях и ведется с соблюдением правил, одинаковых для всех участников. Исход партии нельзя решить грубым окриком, принуждением, угрозой, интригой. Кто больше знает и умеет, кто трудолюбивей, талантливей, умнее, тот и побеждает. Не потому ли столько рассказов и легенд связано с шахматной победой ради спасения любимой, ради торжества справедливости! Заветные мечты вроде ковра-самолета лежат в основе народных сказок. А с шахматами связаны не только легенды, но и реальные события. Одно из них сохранилось в описании надежного и точного свидетеля — римского историка Сенеки. Латинский текст мы нашли в книге Д. Саргина «Древность игр в шашки и шахматы» (Москва, 1915).

В вольном переводе это звучит примерно так: «Юлий Кан, приговоренный при Калигуле к смертной казни, играл в шахматы, когда центурион, отбравший партию осужденных для исполнения над ними приговора, приказал и ему поспешить.

Юлий Кан пересчитал фигуры на доске и сказал своему партнеру: — Смотри, не скажи после моей смерти, что ты выиграл эту партию.

Затем он обратился к центуриону:

— Не дай ему соврать, будь свидетелем, что перевес на моей стороне. Уж не думаешь ли ты, что Юлий Кан проиграл бы, имея лишнюю пешку?!

Сенека изумлен величием духа Юлия Кана. Тиран Калигула не победил шахматиста»*.

Возвращаясь, однако, к социальной эффективности шахмат в наше время, заметим, что шахматы, должным образом управляемые, выступают еще и как фактор воспитания, притом в самый трудный возрастной период, при превращении мальчика в юношу, а юноши в мужчину. Возможности самовыражения в творчестве, в общении с товарищами, развитие духа коллективизма (в командных соревнованиях и при выступлениях в качестве представителя коллектива) — все это противостоит некоторым нежелательным психологическим настроениям, порой возникающим в переходный возрастной период.

Итак, в этой книге мы хотели бы показать, хотя бы эскизно, шахматы как могучее средство духовного общения, развития интеллекта, воспитания характера. Мы рассматриваем шахматы как отрасль культуры и источник эстетического восприятия для самых широких кругов народа.

В книге будут партии, комбинации и позиции, будут турниры и матчи, города и годы, крупные события и забавные курьезы, бесспорные истины и щекочущие ум парадоксы. Мы вспомним идейных лидеров шахматного искусства и чемпионов разных времен; расскажем о связях шахмат с современной наукой. Через творчество Давида Бронштейна мы попытаемся раскрыть красоту шахмат.

Теперь представим читателю главного героя этой книги.

* «Вольность» нашего перевода заключается в том, что играли не в шахматы, а в другую распространенную в те времена игру — «латрункули», которая более походит на шашки.

Впоследствии этот изумительный и достоверный случай, пишет Д. Саргин, был описан одними как происшедший с Конрадином Гогенштауфеном в 1268 году, другими — с курфюрстом саксонским Иоганном Фридрихом, когда он играл в шахматы с герцогом Эрнестом Брауншвейгским в 1547 году. Упоминания об этом и других аналогичных эпизодах можно найти в популярной книге Ежи Гижицкого «С шахматами через века и страны».

Давид Ионович Бронштейн родился 19 февраля 1924 года в большом украинском городе Белая Церковь. Его отец, Ион Борисович, прошел большой жизненный путь. Солдатом он воевал в 1914—1917 годах, участвовал в Брусиловском прорыве, был отравлен газами. Затем гражданская война, вступление в партию большевиков, назначение на знакомую ему с детства работу в мукомольной промышленности.

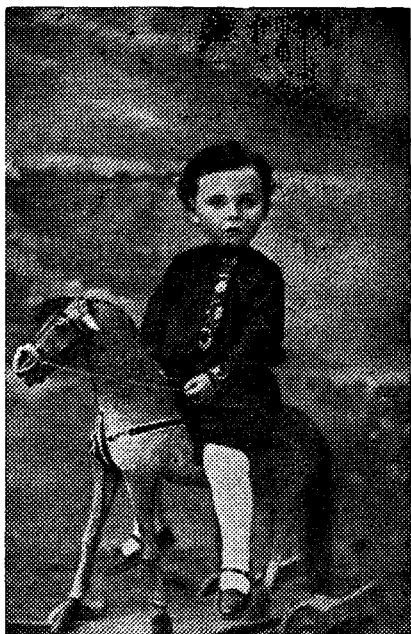
В 1920 году Ион Борисович встретился с Эстер-Марией Аптекар, которая заведовала женотделом районного партийного комитета.

Семья Бронштейнов в 1926 году переехала в Бердянск, а в 1930 году — в Киев, где юный Давид пошел в школу. Учился он хорошо, но больше интереса проявлял к школьным кружкам самодеятельности и перепробовал, кажется, их все, не исключая радиотехники и авиамоделизма, пока дошел до шахмат.

Заняв второе место в школьном турнире, когда ему было лет двенадцать, Давид отправился в Киевский шахматный клуб. Директор клуба — выдающийся организатор С. Я. Натов (мастер по шашкам) — собрал в клубе плеяду талантливых мальчиков, из которых под руководством А. М. Константинопольского выросли многие мастера.

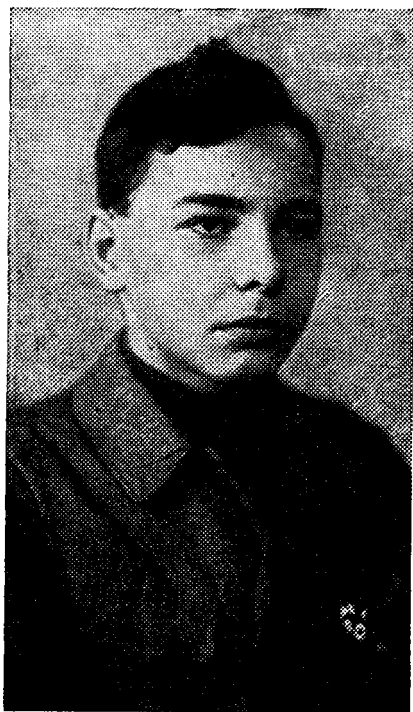
В этой обстановке «малютка» Давид быстро набирал силу. В 1938 году он участвовал в шести турнирах и матчах и завоевал I категорию, в следующем году в турнире на первенство Киева (для взрослых) набрал 10 очков из 14 и стал кандидатом в мастера. В 16 лет он играл в пяти турнирах, среди них — первое место в массовом турнире школьников и второе место в чемпионате Украины, где играли многие сильные мастера. Давиду Бронштейну присвоено звание мастера, и он получил право играть в полуфинале Всесоюзного чемпионата, назначенного на июнь 1941 года в Ростове.

Грянула война, и Давид вместе с другими допризывниками был направлен на работу на Кавказ. Здесь он работал в военных госпиталях, в Доме Красной Армии в городе Орджоникидзе. Трижды

он обращался в военкомат с просьбой направить его на фронт, но по слабости зрения его в армию не брали.

В 1943 году он вместе с группой грузинской молодежи был направлен на работы по восстановлению Сталинграда и работал в строительном тресте № 1. Он жил в конторе треста, спал на столе, а по ночам разбирал и записывал бисерным почерком на листках бумаги и клочках картона варианты королевского гамбита.

Незадолго до конца войны Центральный совет общества «Динамо» пригласил его в Москву. Попав в XIII Всесоюзный чемпионат, двадцатилетний Бронштейн превосходно ставил партии, пытался проводить оригинальные идеи, но в целом не был еще подготовлен для серьезной борьбы с ведущими мастерами и гроссмейстерами. И лишь после Победы началась его интенсивная шахматная жизнь, наполненная радостью творчества, общением с выдающимися людьми, поездками по нашей стране и по зарубежным странам.

На этом можно было бы и завершить нашу краткую справку, ибо дальнейшие внешние события жизни Бронштейна изложены в списке шахматных соревнований, а внутреннему содержанию его жизни посвящена вся эта книга.

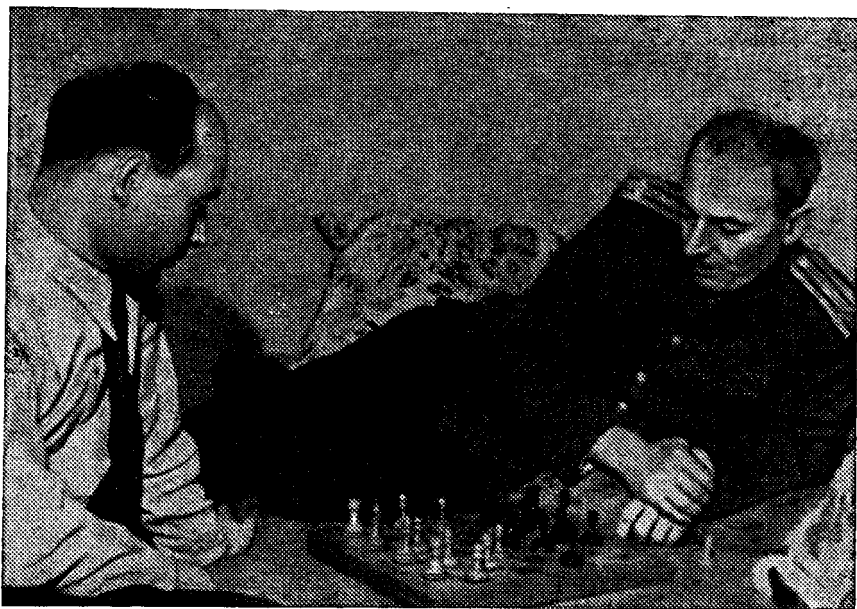
Хочется все же добавить несколько слов о характере Бронштейна, о его отношении к людям.

Основные черты его характера — это, несомненно, общительность и дружелюбное отношение к людям, необычайный интерес к жизни в самых различных ее проявлениях. Как в школе, когда у него возникали разносторонние увлечения (радиотехника, авиамоделизм и др.), так и будучи взрослым, он неожиданно увлекается психологией, кибернетикой, историей кинематографии, взахлеб читает книги и расспрашивает специалистов...

На турнирах журналисты порой устраивают конкурсы на самого

«общительного», самого «симпатичного» шахматиста. В этих случаях кандидатура Бронштейна проходит вне конкуренции.

Среди его друзей — люди самых различных кругов: математики, писатели, футболисты, строители, и с каждым из них он что-то об-

суждает, каждого о чем-то расспрашивает с подлинным интересом и зачастую со знанием дела.

В психологических столкновениях он необычайно уязвим. Нарушения этики приводят его в шоковое состояние, сопротивляться окрикам он не может. Бронштейн неутомим при подготовке к турнирам, его комната завалена литературой на всех языках мира, и, будьте уверены, он всю ее прочел.

Бронштейн постоянно пребывает во власти новых идей, иногда экстравагантных, порой гениальных, а на взгляд «нормального» человека — слишком необычных. Это он придумал запись времени в турнирных партиях, он предложил сокращенный контроль времени в турнирах... Но он же предложил и «рокировку ферзя»!

Таков облик этого многогранного человека и художника, насколько его возможно обрисовать в небольшой заметке.

— Сыграть матч на первенство мира — заветная мечта каждого шахматиста, — сказал Бронштейн перед своей поездкой на первый межзональный турнир в Стокгольме (Сальчонбадене) в 1948 году. — Что касается меня, — продолжал он, — то мечтаю об этом с того самого дня, как впервые пришел в киевский Дом пионеров и доказал своему строгому экзаменатору Александру Марковичу Константинопольскому, что умею провести пешку в ферзи. Вот так же, думал я, окончится моя партия с Ласкером — его я считал главным своим конкурентом. Я поставлю короля в оппозицию впереди своей пешки, а затем косым маневром проложу ей дорогу до восьмой горизонтали. А будь у меня лишний ферзь, Ласкеру лучше со мной не связываться. И вот прошло 12 лет, и эти детские грезы стали близки к реальности. Я понимаю, сейчас мало кто в меня верит, но ведь, по сути дела, осталось всего две ступени — Стокгольм и турнир претендентов. И задачу свою я вижу даже и не в том, чтобы дойти до финального матча и победить соперников. Мне хочется превзойти творческий уровень нынешнего чемпиона мира.

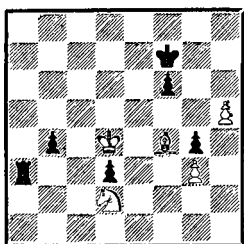
Так размышлял Бронштейн, когда ему было 24 года, вскоре после того, как М. Ботвинник впервые в истории завоевал для нашей страны мировое первенство по шахматам, победив в матч-турнире всех четырех своих конкурентов, оторвавшись от ближайшего на три очка.

Вступил в силу статус розыгрыша первенства мира, разработанный Международной шахматной федерацией. В отборочный (межзональный) турнир вошли четыре победителя зональных турниров, а остальные 16 были определены закрытым голосованием всех национальных шахматных федераций.

Итак, Бронштейн летом сорок восьмого отправился с дружиной советских гроссмейстеров на свой первый международный турнир, «ищущи себе чести, а отечеству славы». Он не считался главным претендентом, но мы-то знали, что за его застенчивой улыбкой скрываются бездонный творческий потенциал, интуиция, знания и безудержная решимость.

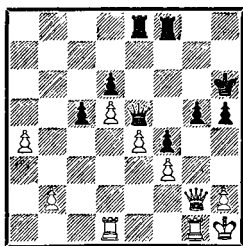
Спортсмен Бронштейн ехал в Стокгольм не с пустыми руками. В чемпионате СССР 1944 года он, хотя и занял скромное место, без всякой робости бо-

ролся с гроссмейстерами и, более того, победил Ботвинника. Трудно поверить, что двадцатилетний юноша смог выиграть у прославленного чемпиона такое окончание!

С сознанием высокой ответственности и чувством глубокого уважения к партнеру реализовал Бронштейн свой далеко не очевидный перевес, сочетая стратегические замыслы с точными проверочными расчетами на каждом ходу.

В следующем чемпионате он, проиграв в первом туре, затем на равных играл с шахматной элитой нашей страны. Его партия с Ботвинником была отложена в такой позиции.

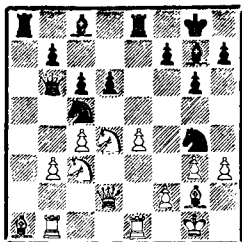

Если бы черными играл Ботвинник, исход партии не вызывал бы сомнений, но Бронштейн

еще не настолько созрел, чтобы найти технически сложный путь к победе. Однако если говорить о турнире в целом, то Бронштейн завершил его сенсационно, заняв третье место, за Ботвинником и Болеславским. Его называли «счастливчиком», когда в последнем туре, победив П. Романовского, он обошел сразу четырех соперников. Но ведь надо было в предыдущих турах создать такую ситуацию, чтобы при «везении» занять третье место, да и победа над опытейшим Романовским была далеко не так проста!

Особо надо сказать об игре Бронштейна в командном матче Прага — Москва (1946 г.). Играл по шевенингенской системе, то есть каждый участник одной команды поочередно со всеми участниками другой (по две партии). Первый круг в Праге, второй в Москве. Проиграв в первом туре, Бронштейн показал затем абсолютно лучший индивидуальный результат — 10 ½ очков из 11 партий, причем последние девять выиграл подряд. Дело-то, собственно, было и не в счете. Ему удалось создать на староиндийскую тему программные произведения, которые произвели сильнейшее впечатление на современников и навсегда остались в истории шахмат.

Это были чистейшие импровизации в стратегически подготовленной позиции. Решающая комбинация в партии против Зиты началась уже на 17-м ходу.

Если бы он помедлил еще один ход, не сыграл 17... Л : a1, то белые успевали принять меры. А так после 18. Л : a1 К : f2! 19. Ле3 К : h3+ 20. Крh2 Кf2 21. Лf3 Кс : e4 вскоре все стало ясно.

Говоря о творческом и спортивном активе Бронштейна, надо добавить, что в его лице уезжал недавний чемпион Москвы, завоевавший это звание в многодневной борьбе с гроссмейстерами и лучшими мастерами. Проиграв по обыкновению в первом туре московского чемпионата, он затем благодаря длинной серии побед вышел на лидирующую позицию. Положение его несколько пошатнулось после проигрыша И. Бондаревскому, но он красиво провел принципиальную встречу с В. Смысловым и занял первое место.

Можно еще сказать о полуфинале того же первенства Москвы, который в некотором отношении был интересней финала. Бронштейн выиграл 15 партий и сделал две ничьи.

В Стокгольме ему предстояло встретиться кроме шести советских гроссмейстеров с двенадцатью новыми для него иностранными шахматистами, партии

которых он тщательно изучал перед поездкой. Фаворитами среди них считались М. Найдорф, С. Глигорич, Л. Сабо и Г. Штальберг, особенно первый из них.

Многие на Западе полагали, что Найдорф имел основания участвовать в матч-турнире на первенство мира еще в 1948 году. То есть формальных прав у него, конечно, не было, но все же он имел в активе немало внушительных побед, а на турнире в Гронингене (1946 г.), который считался как бы отборочным к первенству мира, Найдорф занял вместе с Сабо 4—5-е места, непосредственно за Смысловым и впереди Болеславского. При этом Найдорф, который хорошо знал себе цену, не устал напоминать в печати, что он в этом турнире выиграл у Ботвинника, а по результатам первых семи призеров между собой стоял на первом месте, набрав 4 ½ очка.

Как бы то ни было, Найдорф в то время как шахматист-практик принадлежал к числу звезд первой величины. Это человек сангвинического темперамента, уверенный в себе и, как многие западные профессионалы (да и не только они), не лишенный элемента саморекламы.

Однако в Стокгольме, вопреки прогнозам, турнир у Найдорфа не получился. Выйдя поначалу в лидеры, он в пятом туре потерпел сокрушительное поражение от своего приятеля Андре Лилиентала, получившего за эту партию первый приз за красоту.

Найдорф, однако, не пал духом. В шестом туре он победил Болеславского, а к 11-му туру снова был в числе лидеров. Но тут он проиграл Сабо, а вскоре еще и В. Рагозину. В результате — дележ четырех мест, с 6-го по 9-е со Штальбергом, Бондаревским и Флором.

Что же касается Бронштейна, то его трасса в этом турнире была прямой и убедительной. Не проиграв против обыкновения в первом туре, он все же после шести туров имел лишь 3 ½ очка, находясь в компании с тремя нашими гроссмейстерами и позади четырех иностранцев. Но затем сработала волевая пружина, и зрелая тактика Бронштейна — распределение сил на всю дистанцию — принесла свои плоды. Он в следующих четырех турах выиграл сначала у шведов Штольца и Лундина, а затем встретился в решающей партии с Сабо, который к тому времени стал единоличным лидером турнира.

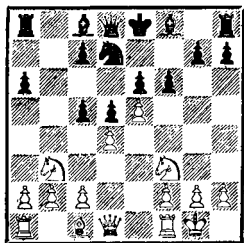
Пойдя на форсированный вариант, хорошо известный его противнику, он подготовил при помощи своего друга Болеславского ошеломляющую нежиз-

данность, сыграв в следующей позиции 10. с2—с4!

Партия фактически была завершена уже на 16-м ходу, хотя под влиянием шока Сабо играл почти до контроля (подробнее об этом см. в партии № 13).

Однако борьба за первое место продолжалась, Сабо не был сломлен, он в четырех турах набрал 3 ½ очка и вновь вышел, как говорят велосипедисты, на первую позицию. Будучи теперь уверен в победе, он сделал четыре ничьи и к последнему туру был вновь настигнут Бронштейном.

В заключительном туре жребий свел Бронштейна с гроссмейстером Савелием Григорьевичем Тартаковым, колоритнейшей фигурой среди шахматистов двадцатых-тридцатых годов, одним из видных идеологов и пропагандистов «гипермодернизма». Из чувства глубокого уважения к этому кумиру шахматной публики Бронштейн решил играть с ним королевский гамбит. Нужно ли говорить, что этот дебют ныне считается сомпрометированным уже в своей основной идее, а в турнирной практике почти никогда не встречается? Но Бронштейн помнил, что Тартаков в одной из своих книг с восхищением назвал гроссмейстера Р. Шпильмана «рыцарем королевского гамбита». Правда, сам Шпильман — победитель специального гамбитного турнира в Аббации, где все партии в обязательном порядке начинались ходами 1. е4 е5

2. f4 еf,— впоследствии отказался от такого гамбитного мировоззрения и обычно начинал партию не иначе как 1. d4.

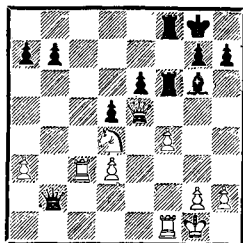
Увы, желание Бронштейна не сбылось. Тартаковер ответил на ход королевской пешки скромным 1. . .с6. Белые позиционно пожертвовали пешку и выиграли окончание, в котором у них было пешкой меньше*.

В этом же последнем туре Сабо проиграл Лундину и отстал таким образом от победителя на целое очко.

19 туров стокгольмского турнира, как 19 серий телевизионного фильма, по-новому осветили облик Бронштейна для шахматного мира. Если раньше мы видели лишь многообещающего юношу, то теперь стало ясно, что это собранный и волевой боец, который по масштабности своего творчества не уступает никому из шахматной элиты. И если в каждой отдельной партии он стремится создать обстановку, благоприятную для импровизации, то в турнире он способен на каждом этапе действовать по оптимальному игровому, а не только творческому алгоритму.

Так или иначе, но Бронштейн — единственный мастер в первой десятке призеров-гроссмейстеров — провел целый турнир так и не произнеся слова

«сдаюсь», а в заключительном интервью сказал, что ни в одной партии не стоял хуже. Впрочем, это не помешало ему показать в примечаниях к партии с Яновским комбинацию, которая могла принести его партнеру победу за несколько ходов до того, как они согласились на ничью. За доской ни тот ни другой эту комбинацию не увидел.

Только что Яновский взял пешку b2, и Бронштейн в своих предварительных расчетах полагал, что он развязывает позицию путем 23. Лb3 Фd2 24. Л : b7 С : d3 25. К : е6 С : f1 26. Л : g7+ Кph8 27. К : f8 Кр : g7 28. Кd7 и т. д. Проверяя варианты, он заметил, что получает мат на g2. После получасового раздумья Бронштейн все же пошел на это продолжение, но на 27-м ходу не взял ладью f8, а сыграл 27. Лg5.

Яновский без колебаний ответил 27. . .Фе 2, после чего получилась ничья: 28. К : f8 Ф : е5 29. Л : е5 Л : f8 30. Кр : f1 Л : f4+ 31. Кре2 Ла4 32. Л : d5 Л : а3.

Однако у черных был изящный выигрыш, указанный Бронштейном в турнирном бюлле-

* Впоследствии в матче с командой Франции Бронштейн играл королевский гамбит с другим корифеем начала века — О. С. Бернштейном и победил его.

тене: 27. . . Сс4!, и если 28. h3, то теперь 28. . . Фе2, вынуждая размен ферзей и оставаясь с лишней фигурой, а в случае 28. К : f8 черные выигрывают путем 28. . . Фс1+ 29. Крf2 Ф : f4+ 30. Ф : f4 Л : f4+ и 31. . . Л : f8.

Теперь Бронштейну предстояла подготовка к новому этапу — первому турниру претендентов, который должен был состояться в 1950 году. Но этому предшествовали другие важные события, и в числе их два чемпионата Советского Союза.

Стокгольмский калейдоскоп

Сабо лидировал начиная от 4-го тура и до предпоследнего. Он по справедливости мог рассчитывать на дележ первого места, если бы выиграл в последнем туре белыми у Лундина, который шел на чистом последнем месте с разрывом в 10 очков от Сабо.

Партия протекала в нервной обстановке. Лундин, которому нечего было терять, пожертвовал в дебюте пешку и не создал никаких контршансов. В свою очередь, Сабо сделал несколько ошибок краду и получил тяжкое окончание. Победа Лундина, единственная в течение всего турнира, доставила много радости его соотечественникам.

Состав турнира в Стокгольме был сформирован по результатам тайного голосования национальных шахматных федераций. Каждая федерация прислала в ФИДЕ список на 20 человек, располагавшихся в порядке мест. Первым оказался Найдорф, вторым Болеславский. Бронштейн шел в окончательном списке тринадцатым... Наша

федерация вообще не включила его в список участников. Окончательное распределение первых мест было таково: 1. Д. Бронштейн — 13 1/2 очков; 2. Л. Сабо — 12 1/2; 3. И. Болеславский — 12; 4. А. Котов — 11 1/2; 5. А. Лилиенталь — 11; 6—9. И. Бондаревский, М. Найдорф, С. Флор, Г. Штальберг — по 10 1/2 очков.

В состав предстоящего турнира претендентов должны были войти первые пятеро, к ним присоединялись участники матч-турнира на первенство мира 1948 года В. Смыслов, П. Керес, С. Решевский и М. Эйве. Кроме того, одно место было закреплено за Р. Файном, который имел право играть в этом матч-турнире, но не играл. Однако произошло неожиданное: д-р Эйве отказался от принадлежащего ему места, «завещав» его Найдорфу, а Файн — Г. Штальбергу. На это, правда, можно было бы возразить, что право играть в отборочном турнире не передается по наследству или по усмотрению участника. Но Советская шахматная федерация справедливо рассудила, что турнир претендентов, в котором кроме Сабо и Решевского участвовали бы только советские шахматисты, в значительной мере утратил бы интерес. А если искать еще кандидатов, то где, как не в межзональном турнире? Таким образом, Найдорф, Штальберг и Флор вошли в турнир претендентов.

Бронштейн незадолго до стокгольмского турнира завоевал звание чемпиона Москвы по молниеносной игре. Найдорф считался «блиц-чемпионом» западного мира. Неофициальная встреча между ними состоялась в непринужденной обстановке после Стокгольмского турнира и завершилась, как об этом рассказал гроссмейстер Котов на страницах турнирного бюллетеня, полным разгромом Найдорфа.

Глава вторая

ЗАЯВКА ПРЕТЕНДЕНТА

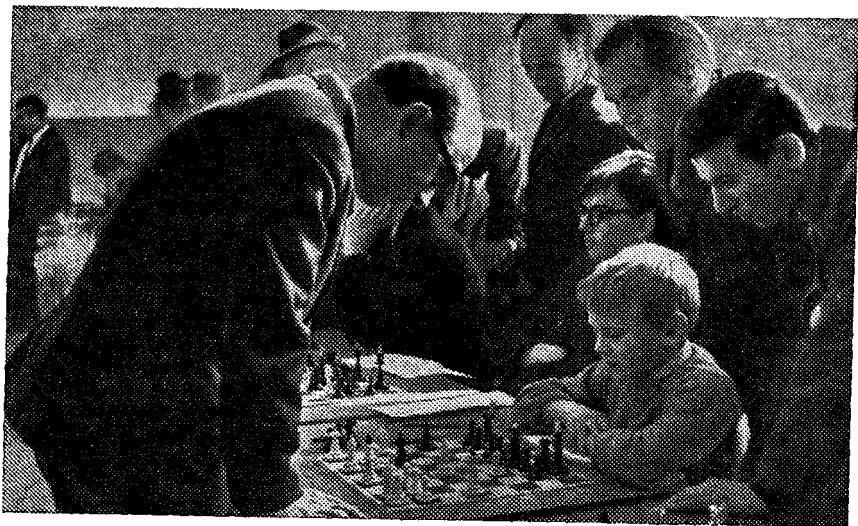
Получилось так, что в промежутке между Стокгольмом и Будапештом фактически за один

год было разыграно два первенства Советского Союза: XVI — в конце сорок восьмого и XVII —

осенью сорок девятого. Бронштейн играл в обоих, а Ботвинник ни в одном.

В первенстве 1948 года Бронштейн и Котов разделили первое место и оба получили золотые медали. Бронштейн провел почти всю дистанцию турнира твер-

до и уверенно и проиграл только одну партию. В противоположность ему Котов из 18 партий сделал всего четыре ничьи, из них три с первыми призерами. Все остальные его партии были результативны. Десять он выиграл и четыре проиграл. Десять

побед в чемпионате — не каждому это удастся! Впрочем, Ботвиннику случалось выигрывать в первенствах СССР и по 12, а однажды даже 13 партий (в XIV первенстве).

Следующее первенство сложилось крайне интересно — здесь дебютировали Е. Геллер и Т. Петросян, и нельзя сказать, чтобы очень удачно: в первых трех турах оба они проиграли по три партии... Можно ли было думать, что этот «неудачник» Геллер перед последним туром будет единоличным лидером,

одержав превосходные победы над Котовым, Флором и Болеславским? Что же касается Бронштейна, то он первую половину провел как-то вяло, будто был в этом ансамбле статистом или даже зрителем. Множество ничьих на старте и неожиданный проигрыш Смыслову отложенной партии. Теоретически ничейное окончание «ладья против ладьи и слона» — для гроссмейстера здесь нет работы, достаточно вспомнить элементарную технику защиты, а если забыл, — посмотреть в справочник. И все

же Бронштейн проиграл. Во время доигрывания Бронштейн бродил по сцене и обсуждал с судьей полушутя-полусерьезно, что позиция уже повторилась три раза, но на разных сторонах доски. За этими разговорами он проглядел перестановку ходов и сдался, не дотянув лишь несколько ходов до положенных пятидесяти. Он обиделся на Смыслова—зачем тот доигрывает ничейный эндшпиль? Но с годами стал мудрее и понял, что гроссмейстер, имея материальный перевес и практические шансы на выигрыш, не должен так уж сразу «по теории» соглашаться на ничью. И вот через 8 лет он в течение 50 ходов доигрывал окончание с ладьей и конем против ладьи, а его противник Суэтин, ничуть не обижаясь, сделал ничью.

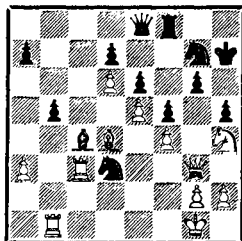
Так или иначе, в XVII чемпионате у Бронштейна после 10 туров было 5 ½ очков и он занимал при двадцати участниках чистое 10-е место. Начиная с 11-го тура Бронштейн как будто переродился. Он выиграл почти все, что можно было выиграть, и перед последним туром догнал Смыслова (Геллер все же был впереди), а в результате Бронштейн и Смыслов разделили первое место и каждый из них получил по золотой медали. Игра Бронштейна во второй половине турнира была выше всяких похвал, но в творческом отношении Геллер ему здесь по меньшей мере не уступал.

Кроме этих двух крупных

шахматных событий в промежутке от Стокгольма до Будапешта было еще несколько соревнований, пониже рангом.

Возвращаясь к Бронштейну, заметим, что он сделал дубль, став два года подряд чемпионом СССР, что до него удавалось только Боголюбову, Ботвиннику (дважды) и Левенфишу.

С попутным ветром начал Бронштейн первый в истории официальный турнир претендентов. Вместо того чтобы традиционно проиграть в первом туре, он в защите Нимцовича белыми применил вариант, специально подготовленный им против Сабо, и выиграл блестящую позиционную партию на зажим. Черные просрочили время на 31-м ходу в позиции полного цугцванга.

И это произошло не случайно.

Бронштейн как шахматист и как шахматный художник был блестяще подготовлен физически, психологически и по уровню профессиональных знаний. Не будучи, подобно Кересу и Смыслову, первоклассным спортсменом, он систематическими тренировками в ходьбе и отчасти в беге выработал в се-

бе высокую выносливость и вел борьбу в пятичасовой партии, ни на минуту не снижая напряжения.

Показная самоуверенность и высокомерие, свойственные некоторым даже очень крупным шахматистам в период их быстрого роста, были ему органически противны. Его мягкость и некоторая застенчивость создавали порой обманчивое впечатление робости, но в действительности оптимизм и бесстрашие никогда не покидали его ни в отдельных партиях (например, во втором круге против Сабо и Смыслова), ни в ходе турнира, даже в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях (например, после проигрыша Г. Штальбергу).

Вместе с тем Бронштейн понимал, что чемпионом мира можно стать, лишь внося нечто принципиально новое в трактовку шахмат. И, выступая в Будапеште, он уже владел парадоксальной концепцией, что в шахматах не существует теории дебютов. Он никогда и ничего не публиковал по поводу этой идеи, которая — тут нечего скрывать — звучит нелепо. «Вопрос лишь в том, достаточно ли она нелепа, чтобы быть правильной» (Нильс Бор).

Действительно, сегодня, когда издаются новые и новые дебютные руководства в сотни страниц, публикуются тысячи партий, выходят специальные теоретические бюллетени, составляются подробнейшие кар-

тотеки, функционирует международный центр теории дебютов (в Югославии), когда дебютная информация накоплена в сотнях тысяч вариантов, в десятках миллионов бит,— в такой обстановке можно ли говорить, что нет теории дебютов?

Но раз эти слова уже произнесены, то истину спрятать нельзя: информационный взрыв — это еще далеко не теория.

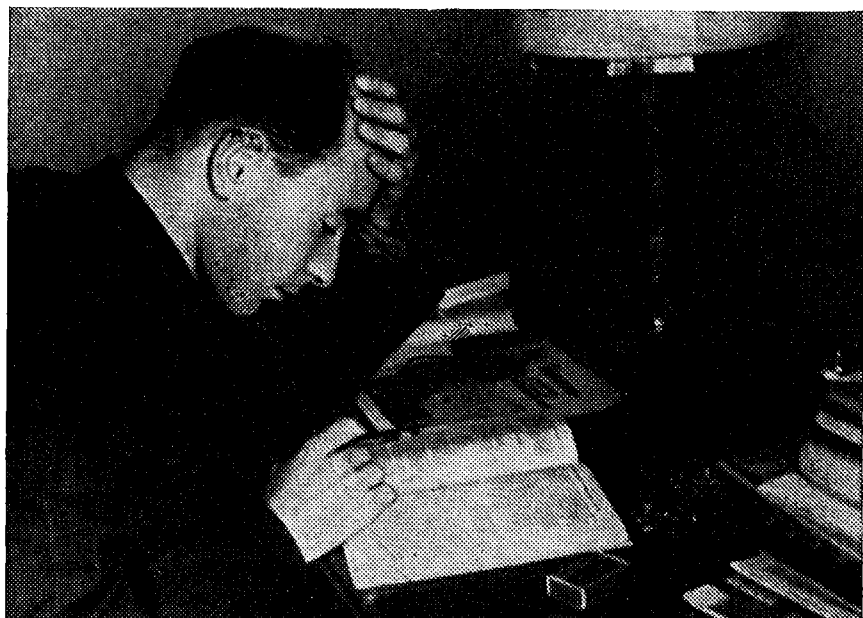
Ну, а что же такое теория с точки зрения современной науки и какие требования с этих позиций мы могли бы предъявить к теории шахматных дебютов?

На семинаре по научному управлению*, который проводился под руководством автора, было предложено логическое содержание понятия «теория». Теория — это система, которая содержит: объекты, определенным образом обозначенные; постулаты, то есть логические предпосылки, полученные из других теорий, более высокого ранга, или из обобщения практики, которые содержат исходную информацию об отношениях между объектами; правила логических операций над объектами; результаты (теоремы), то есть соотношения между объектами, доказанные на основе постулатов, принятых логических правил и свойств рассматриваемых объектов; выход на практику, то есть методы применения полученных результатов для дости-

* НИИ экономики строительства
Госстроя СССР, 1970—1971 гг.

жения критериальной цели всей системы или для решений отдельных задач, на которые распадается главная цель*.

Имеется в виду, что теория базируется на обобщении фактов, опыта и знаний, вскрывает существенные закономерности исследуемой системы.

по этому поводу в книге Клода Бержа «Теория графов и ее применение»:

«Рассмотрим шахматную игру; каждое положение задается диаграммой и указанием очере-

В шахматах в качестве объектов теории могли бы выступать позиции, обозначенные при помощи нотации или диаграмм. Что касается логических операций над объектами, то это — правила перехода от одной позиции к другой, иначе говоря, правила ходов. Вот что сказано

ди хода. Пусть «X» — множество всевозможных положений... (следует математический текст, который мы опускаем). Такая система обозначений позволяет выразить формулой множество выигрышных положений и вывести отсюда некоторые свойства... однако здесь мы имеем дело с таким большим количеством положений,— продолжает

* Такая трактовка логического содержания понятия «теория» близка к концепции Н. Бурбаки («Теория множеств». М., 1965).

Берж,— что изобразить все их точками и стрелками, соединяющими некоторые точки, практически невозможно. Тем не менее некоторые свойства, общие для правил шахматной игры и для отношений родства в группе людей, можно выявить, обращаясь к аксиоматическому методу...

Таким образом, шахматные дебюты могли бы быть прекрасной ареной для развития теории, но постулаты этой теории пока, к сожалению, бедны по своему содержанию, а закономерности совсем не раскрыты. Принципы развития, захвата (или уступки) центра, взаимодействия сил («не ходить два раза одной и той же фигурой») — все это может убедить питомцев детского сада от элементарных ошибок, но не дает выхода на стратегию, приемлемую для мастера.

Например, сделаны ходы 1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd 4. K : d4 Kf6 5. Kc3. Здесь «хорошая» теория дебютов должна бы дать количественную оценку позиции (например, +53—47 в пользу белых) или хотя бы качественную оценку и уж во всяком случае указать, какой ход следует сделать черным или какую стратегию избрать. На все эти вопросы «теория» шахматных дебютов не дает однозначного ответа.

Из практики известно, что здесь играют по меньшей мере четырьмя способами, но если порываться в информации, то найдутся и восемь способов. После любого из этих четырех (или восьми?) продолжений у белых

имеется несколько возможных ответов, но ни один из них, вероятно, не ведет к форсированному выигрышу *. Значит, множество допустимых решений для черных и для белых достаточно велико при расчете только на один ход и растет лавинообразно по мере увеличения числа ходов в варианте. Какое же из этих решений оптимально для черных? Для белых? На эти вопросы теории дебютов быстро отвечает: «Не знаю».

Таким образом, теория дебютов сегодня складывается в основном из миллионов фактов, в которых устанавливается оценка объекта, возникающего из позиции № 1 после серии определенных ходов. Но поскольку число позиций бесконечно, а каждая теорема относится к одной, и только к одной, позиции, то вероятность того, что какую-нибудь теорему удастся практически применить, ничтожна, если только не держать в оперативной памяти (в голове) сотню-другую тысяч вариантов или около того.

Однако представление о том, что гроссмейстеры будто бы заучили наизусть все варианты и обыгрывают других гроссмейстеров играя «по книжке», «по шпаргалке» и т. п., сильно преувеличено. Во-первых, это просто невозможно, а во-вторых, изнурительное заучивание вариантов подавляет в шахматисте

* Строго говоря, этого и требовать нельзя, ибо неравенство исходной позиции слишком невелико.

способность к импровизации, этот наиболее ценный дар богов. Ни один из чемпионов мира не был дебютным «теоретиком» в талмудическом смысле этого слова. Мало кто из авторов дебютных руководств прославился как крупный шахматный художник.

Вся эта концепция была в основном понята и осмыслена Бронштейном уже в 1950 году. Обладая негативом, то есть знанием того, что теории дебютов не существует, он должен был для себя решить позитивно проблему дебютной подготовки к турниру претендентов. Конечно, он знал до тонкости множество дебютных вариантов. Информационный дебютный взрыв тогда еще не достиг такой интенсивности, как сейчас, и «теоретический» багаж Бронштейна был достаточен для успешной игры, даже без дальнейших философских обобщений. Но он не хотел довольствоваться конъюнктурным временным преимуществом над соперниками, которое на следующем этапе легко было утратить. И поэтому в процессе подготовки и даже в ходе турнира он анализировал дебюты не только в поисках лучшего хода в отдельном варианте, но и с более высоких позиций — в поисках оптимальной дебютной стратегии.

Присматриваясь к способам ведения борьбы, применявшимся крупнейшими шахматистами разных времен, Бронштейн пришел к выводу, что они — Чиго-

рин, Ласкер, Шлехтер, Капабланка, Алехин, Рети, Ботвинник — применяли по меньшей мере четыре дебютные стратегии, а именно: «табии», системы здравого смысла, форсированные варианты и системы с контршансами. Всеми этими стратегиями владеют современные крупные мастера шахматного искусства, но индивидуальность их наряду с другими чертами проявляется и в том, какая дебютная стратегия преобладает.

«Табия» в буквальном смысле — это позиция, с которой в древности по взаимному соглашению начинали игру, чтобы миновать неизбежно тягучую и невыразительную при действовавших тогда правил дебютную стадию. «Табия» в наше время — это стандартная или модная позиция, которая возникает после серии общепринятых ходов, сделанных по молчаливому соглашению партнеров. Вот, например, типичная «табия» двадцатых годов: 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 Ce7 5. e3 0—0 6. Kf3 Kbd7 7. Lc1 c6. На таких или аналогичных вариантах с небольшими отступлениями порой проходили целые турниры. Разумеется, и белые и черные имеют право в любой момент уйти на другую дорогу. Но зачем же? — рассуждают они. Ведь так играли Ласкер с Капабланкой, Алехин с Эйве...

И сейчас нередко играют «табиями»: в испанской — чуть ли не два десятка ходов, в сицилианской, защите Нимцовича —

даже больше. Конечно, для практической игры в турнире «табия» довольно удобная вещь. Во-первых, сразу не проиграешь. Во-вторых, первые ходы можно делать быстро, следовательно, накапливается время, сохраняются силы для решающей фазы борьбы. Однако шансы на выигрыш при такой стратегии невелики, а возможности полноценного творчества, импровизации значительно сужаются. Преимущества художника перед стандартным шахматистом исчезают. То он бы 20 ходов боролся и творил, а так лишь повторяет чьи-то чужие ходы. И попадая в позицию, где уже нет возможности вести полноценную борьбу, вынужден со скукой вопрошать партнера: «Вы играете эту позицию на выигрыш?» (Такова деликатная формула предложения ничьей).

Говоря о дебютной стратегии здравого смысла, мы имеем в виду создание надежной, прочной позиции, которая служит броней в защите и трамплином в атаке. Например, белые делают ходы 1. Kf3 2. g3 3. Cg2 4. d3 5. Kbd2 6. 0—0 7. c4 и т. д., не переходя демаркационную линию между лагерями и практически почти не считаясь с ходами черных, если, конечно, они не проявляют агрессивности. Подобным образом зачастую играли Капабланка, Рети, а в более позднее время — Смыслов, Ларсен, Корчной и другие. Если партнер, обманутый кажущейся пассивностью, бросится в преж-

девременную атаку, то ему придется не сладко, ибо позицию здравого смысла с ходу пробить нельзя, она устойчива и упруга, на сильный нажим она отвечает не как броня, но как пружина. («Я изгибался в защите, как черный кот. А затем стал распрямляться» — Д. Бронштейн о партии матча с Ботвинником). Если партнер будет придерживаться аналогичной стратегии, передвигая фигуры в пределах своей территории, то получится затяжная позиционная борьба. В какой-то момент она может перейти в открытую схватку, но в большинстве случаев завершается «кровопролитными» разменами по линии «с» или «d» и тем же стандартным вопросом насчет ничьей.

Форсированные дебютные варианты были известны еще Морфи, а быть может, и раньше — Греко. Но в те времена это нельзя было назвать стратегией дебютов. Если же говорить о концепции форсированных вариантов, то основоположником следует считать М. И. Чигорина (эта сторона его творчества в посвященных ему монографиях недостаточно раскрыта). Он разрабатывал серию единственных ходов в сложных и крайне опасных многовариантных позициях. Применяя форсированный вариант, шахматист сжигает за собой мосты и отравляет колодцы, он создает для партнера альтернативу «все или ничего», но и для себя тоже. Не каждому по плечу изобретать и приме-

нять форсированные варианты — для этого требуются фантазия, аналитический талант, колоссальная трудоспособность и крепкие нервы. На эту черту творчества Чигорина автору указал Федор Иванович Дуз-Хотимирский.

Оказывается, когда игрались две партии по телеграфу между Чигориным и чемпионом мира Стейницем (официально это был матч Петербург — Лондон) и в обеих партиях позиция Чигорина висела на тонком волоске, Чигорин был блестяще во-

оружен вариантами. Беседуя с Дуз-Хотимирским, он открыл ящики своего письменного стола и показал ему массу записей: все мыслимые варианты обеих партий, расшлифованные чуть ли не до мата!

В более позднее время идея форсированных вариантов была подхвачена Раузером и Константинопольским, но не как универсальный метод дебютной борьбы, а как один из элементов

общей подготовки мастера. К числу глубоких знатоков форсированных вариантов относятся также И. Болеславский и С. Фурман.

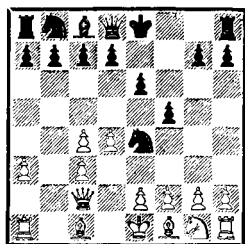
Что касается дебютной стратегии, основанной на системах с контршансами, то здесь идеологами следует считать А. Нимцовича и А. Алехина, а в наше время М. Ботвинника. Мы скажем об этих системах позднее.

Бронштейн в Будапеште владел всеми этими элементами дебютной подготовки, но сверх того он внес и свой вклад, придя к выводу, что, во-первых, для полноценного творчества нужно иметь две стратегии — за белых и за черных, а во-вторых — форсированные варианты следует персонифицировать, то есть готовить не вообще лучший вариант — таких не бывает, а индивидуально, имея в виду конкретного партнера. Идея персональной подготовки сама по себе не нова, но форсированный вариант для каждого участника турнира — за белых и за черных — это принадлежит Бронштейну. Он отчетливо сознавал при этом, что в форсированных, а тем более в индивидуальных вариантах возможны элементы «блефа».

Пользуясь случаем, хотелось бы подчеркнуть, что в таком термине нет ничего предосудительного. Правда, разговорный язык придает слову «блеф» значение «выдумка, обман с целью запугивания или хвастовства», но в теории математических игр это научный термин, а в практике математических игр (с конфликтными ситуациями) — обязательный прием и элемент оптимальной стратегии. Создатели математической теории игр фон Нейман и Моргенштерн указывают, что «блеф» создает элемент неопределенности, его цель — вызвать у противника обманчивое впечатление о подлинном соотношении сил и побудить его ук-

лониться от оптимальной стратегии.

Известны четыре партии из матча на первенство мира, в которых М. Таль, быть может, также применил «блеф» в одном дебютном варианте: 1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. a3 C: c3+ 5. bc Ke4.

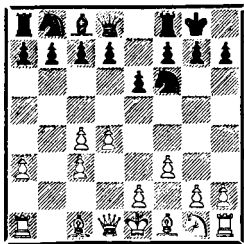
Белые после 6. Фс2 f5 могут пойти 7. f3, и если конь вернется, то черные потеряют два темпа. Однако на 7. f3 возможно 7. . . Фh4+ 8. g3 K: g3 9. hg Ф: h1 10. Kh3, и неясно, может ли черный ферзь вырваться из заключения. В дальнейшем подробный анализ показал, что этот вариант выгоден белым, а быть может, даже приводит к их прямой победе, но Ботвинник во всех партиях отказался от 7. f3, и все четыре партии закончились вничью. Можно предпологать, что Таль знал этот вариант до конца и пошел на «блеф» — играл 5. . . Ke4, рассчитывая проскочить мимо опасного хода 7. f3, а затем спокойно играть, имея равную партию.

И вот, возвращаясь к Будапешту, я вспоминаю, что в партии Бронштейн — Сабо был момент, когда Найдорф, большой

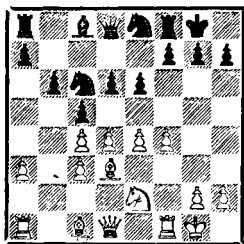
знаток защиты Нимцовича, ска- зал мне:

— Ваш Дэвик блефует.

Разумеется, я не стал с ним спорить. Речь шла о позиции после 1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. a3 C : c3+ 5. bc 0—0 6. f3.

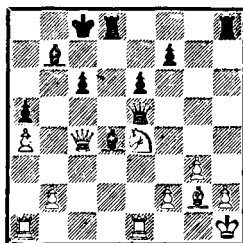
Через четыре тура Бронштейн снова играл форсированный вариант в защите Нимцовича, специально подготовленный против Найдорфа. Над позицией аргентинца нависли свинцовые тучи, и у него оставался единственный способ не то чтобы спасти партию, но хотя бы поиграть в шахматы — 11...f5.

Однако Найдорф не поверил угрозе 12. f4—f5, полагая, быть может, что Бронштейн и здесь блефует, как в партии с Сабо. Последовало 11...Ca6, «угрожающая» путем 12...Ka5 выиграть

пешку. Бронштейн игнорировал эту угрозу и, более того, сам подтолкнул злосчастного черного коня в захолустье — 12.f5 e5 13. f6! Kph8 14. d5! Ka5 15. Kg3, и через шесть ходов черные сдались под угрозой мата.

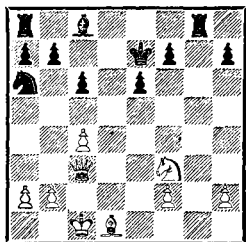
Все это было в пятом туре, а во втором Бронштейн играл форсированный вариант, специально подготовленный против Смыслова, но не использовал свой шанс, не увидел в следующей позиции сильного хода 23...C : f2, который ставил перед белыми

трудные задачи. После 23... Fh5 Смыслов отразил атаку и остался с материальным преимуществом.

В третьем туре Бронштейн играл острейший вариант слаянского гамбита с жертвой двух пешек, специально им подготовленный против Котова, который, со своей стороны, также готовился к этому варианту. Он рассказывал впоследствии, что расшлифовал вариант до своего 13-го хода Ke7—d5! и, убедившись, что получает две ладьи за ферзя, избавляясь от непосредственных опасностей, на этом завершил свой анализ. Что же касается Бронштейна, то он,

по предположению Котова, лишь с этого хода начал свой анализ и довел его по меньшей мере до 17-го хода. «Еще один темп,— писал П. Романовский,— и черные, закончив мобилизацию, избегнут всякой опасности».

Лишь здесь Бронштейн погружился в глубокое раздумье. Многие ожидали очевидного 17. с5 с намерением Cdl—e2 : a6 и недоумевали, чего ищет Бронштейн. «Опять какие-нибудь экстравагантные выдумки?..» И вот последовали челночные движения ферзя, которые, подобно поворотам гаечного ключа, расшатали всю позицию черных: 17. Ke5 Cd7 18. Фа3+! c5 19. Фf3! Лаб8 20. Ф : f7+ Kpd6, и вскоре черный король погиб. Тонкость хода конем была спрятана в варианте 17. . f6 18. Фh3 — снова челночное движение ферзя — 18. . fe 19. Ф : h7+ Kpf8 20. . Ch5.

Весь этот вариант был на долго, если не навсегда, выбит из турнирной практики. Впоследствии, правда, в анализе были найдены усиления защиты, но желающих применить их, насколько я знаю, не нашлось.

Сделав ничью с С. Флором, Бронштейн после пятого тура

вместе с П. Кересом возглавил таблицу. Так хорошо он еще никогда не начинал крупный турнир. В шестом туре к лидерам присоединился И. Болеславский, выигравший форсированный вариант у Смыслова.

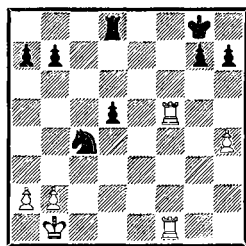
Когда началась партия между Бронштейном и Болеславским, никто не сомневался, что она завершится быстрой «гроссмейстерской» ничьей. Партнеры были близкими друзьями еще с киевских довоенных времен, они делились идеями, мыслями и вариантами, помогали друг другу при анализе неоконченных партий. Только три человека точно знали, что на этот раз игра пойдет в полную силу. Это были Болеславский, Бронштейн и его секундант. Острейший форсированный вариант защиты Грюнфельда с жертвой качества был проанализирован нами до 17-го хода, но выигрыш так и не был найден. Главная острота борьбы заключалась в том, что Болеславский знал весь этот вариант не хуже, а, быть может, лучше Бронштейна. По всей вероятности, они его когда-нибудь вместе анализировали. Вся красота и тонкость позиции была раскрыта лишь впоследствии, в матче Болеславского с Бронштейном, а теперь белые получили лишь небольшое преимущество, которое было нейтрализовано безупречной игрой Болеславского.

Перед концом первого круга произошла катастрофа. Хорошо, мы хоть знали причину. Всему

виной был черный пушистый кот, который, подобно кипплинговскому когу, гулял сам по себе, где ему вздумается, расхаживая по парку на острове Маргит-Сигет, и хладнокровно перешел дорогу перед Бронштейном. Правда, Бронштейн был предупрежден об опасности нашей обаятельной переводчицей с длинным именем Элеонора Владимировна, которую порой звали короче — «мисс Кобра» (за ее ядовитое остроумие). Мисс Кобра настоятельно советовала Дэвику обойти кота по боковой дорожке, не вступая в открытую и безнадежную борьбу с судьбой, но он не послушался, желая показать свою удаль.

Вместо заранее подготовленного варианта ферзевого гамбита Бронштейн сыграл против Штальберга атаку Шатара, которую он знал, конечно, но не на высшем гроссмейстерском уровне, в то время как его партнер лишь недавно участвовал в тематическом турнире по переписке, где этот вариант был проанализирован во всех деталях. Попав в столь трудную обстановку, Бронштейн проявил бездну изобретательности. Серией найденных за доской неожиданных ходов он полностью опроверг тактические удары черных и привел партию к следующему положению (см. диагр.).

Если бы он не затратил столько сил, да еще если бы не черная кошка, он, несомненно, сыграл бы здесь 34. Le1, и после примерного 34. . g6 35. Lf4

Ld7 36. Krc2 белые должны постепенно выиграть. Но он вместо этого сыграл сначала 34. Lf1f2, выпуская выигрыш, а затем 35. b3, выпуская уже и ничью.

Итак, после первого круга Болеславский занимал чистое первое место с шестью очками, за ним следовал Керес — на полочка меньше. И оба без поражений. У Бронштейна и Штальберга было по 5 очков из девяти партий — не густо!

И дело было даже не в том, что Бронштейн отстал на очко от лидера, а в том, что вся поступь Болеславского, его фаталистическая преданность своим хорошо подготовленным вариантам, непринужденная трактовка середины игры, безупречный расчет, точная игра в эндшпилье — все это весьма напоминало облик победителя турнира. Да и другой лидер, Керес, был столь же опасен, а по пятам за Бронштейном и Штальбергом шли такие грозные соперники, как Котов и Смыслов, отнюдь не утратившие стремления к победе.

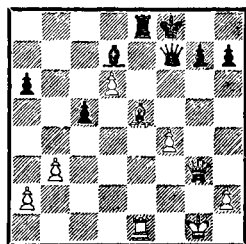
Гроссмейстеры во время крупных соревнований живут в постоянном нервном напряжении. Каждый стремится к успеху и понимает, что его успех — неуда-

ча для других; по этой причине общение их между собой не всегда дружелюбно. Но здесь, в Будапеште, все было по-другому. Мы жили в комфортабельной гостинице на цветущем Дунайском острове, Венгерская шахматная федерация широко и гостеприимно принимала шахматистов. Круто заправленная двумя перцами (поприко и борщ), мадьярская кухня выдавала свои лучшие блюда, приветливость официантов и профессиональное мастерство поваров были выше всяких похвал. За общим столом, где председательствовал руководитель делегации Виктор Гоглидзе — человек исключительно тонкий и тактичный, — всегда царили спокойствие, теплота и остроумие: веселые диалоги, речи, а иногда и розыгрыши...

В этих условиях победы воспринимались с особой радостью, а поражения порой оценивались иронически и не лишали неудачников оптимизма.

Итак, начался второй круг. Бронштейн играет черными против Сабо заранее подготовленный вариант голландской защиты. За основу принята контратака Корчмаря, которая незадолго до этого встретила в одном из небольших советских турниров. Бронштейн за доской «улучшает» вариант типично голландским маневром — он дает шах Sf8—b4, а после ответа Sc1—d2 возвращается слоном на e7. Идея заключается в том, чтобы белый слон c1 не попал на b2. В результате этот слон пере-

бирается на великолепное поле c3, контролируя большую диагональ и будучи защищен пешкой b2. Бронштейн, посмеиваясь над своим «улучшением», не теряет, однако, бодрости духа, очень изобретательно ведет защиту, и его конь прорывается на d3. Но Сабо в ответ жертвует качество, уничтожая этого коня, и при помощи двух слонов организует сильнейший нажим на позицию черных. Незадолго до перерыва Бронштейн возвращает качество, оставаясь без пешки. Партия после 40. . .Le8 откладывается с заметным перевесом белых.

Проигрыш этой партии — конец борьбе за первое место. Секундант анализировал позицию всю ночь напролет, и лишь с восходом солнца мелькнул луч надежды. На доигрывании зал был переполнен, ибо позиция была опубликована в газетах и передана по радио. В Будапеште не осталось шахматиста, который не давал бы Сабо советов, как простейшим способом выиграть отложенную партию. Только это последнее обстоятельство и сохраняло за нами шансы на ничью.

Судья Баллог вскрыл конверт и показал Бронштейну записанный ход. Как мы и предполагали, 41.f5. Бронштейн немедленно ответил 41. . .g6. В зале раздался гул. В такой позиции, при ферзях и без пешки, еще больше раскрыть своего короля или, того хуже, допустить пешку на f6 — это значит, что конец близок.

Однако Сабо увидел, что дело здесь не так просто, и задумался, да не на шутку. Наконец он сыграл 42.f6, на что черные немедленно ответили 42. . .Фе6! Сабо увидел, что размена ферзей не избежать, и снова задумался, а контроль был, как и предполагается, час на 16 ходов. Игра продолжалась, партия шла к ничьей, но вот примерно к 52-му ходу его флажок повис на стрелке, а Сабо все не делал хода. К доске подошел судья Баллог и начал нарочито внимательно разглядывать часы, наклонившись через доску, чуть ли не вплотную над фигурами. Сабо был безучастен, он как бы застыл, обхватив голову руками.

Секундант Бронштейна, буквально следуя своему амплуа, считал секунды. Сабо уже трудно было сделать оставшиеся ходы... Судья Баллог взял в руки будто бы остановившиеся часы и стал их энергично трясти. Натурально, часы пошли, а вскоре у Сабо флажок упал. Тут Сабо очнулся и сказал, что флажок упал не вследствие просрочки времени, а по причине вмешательства судьи. Судья

Баллог сказал, что, по его мнению, часы остановились, и он взял их в руки, чтобы выяснить это обстоятельство. Судья Зубарев сказал, что флажок упал и время просрочено. Главный судья — чехословацкий мастер Карел Опоченский, который во

всем шахматном мире пользовался глубоким уважением, — собрал судейскую коллегию. Он-то прекрасно понимал, в чем дело, но не хотел огорчать гостей-принимных будапештцев, которые ужасно волновались, полагая, что у их любимца Ласло

хотят отнять верное очко. Опоченский спросил, согласен ли Бронштейн продолжать партию, а тот ответил, что хочет посоветоваться со своим секундантом. Это было разрешено, и партия продолжалась. Ничья уже определилась, когда Бронштейн сыграл на публику — вроде бы пропустил белую пешку в ферзи, а затем «пожертвовал» слона, которого нельзя было взять. В общем, поволновал народ!

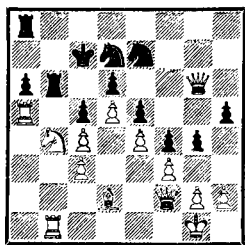
Иной раз три очка кряду не приносят столько радости, как одна такая ничья.

После тяжелых переживаний в этой партии новые испытания выпали на долю Бронштейна в следующем туре, в партии против Смыслова. В известном варианте защиты Нимцовича Смыслов, подметив допущенную Бронштейном перестановку ходов, сначала предпринял интересный выпад королевским конем, а затем, не рокируя, «врезал» 10. . .g5!! Белые попали в безвыходную ситуацию. Бронштейн боролся за каждый дюйм, но Смыслов двинул пешки на штурм королевского фланга, и к 35-му ходу казалось — партия решена. И тут, к удивлению всех зрителей, участников и секун-

дантов, Бронштейн поставил под бой коня.

Он ничего не взял этим конем, даже пешки. Конь не объявил шаха и не напал ни на какую фигуру, просто пошел под удар и там остался. Смыслов, не обращая внимания на этого самоубийцу, продолжал атаку на королевском фланге, но через два хода сердце у него дрогнуло, и конь был съеден пешкой... Если можно понять Смыслова, не взявшего коня на 35-м ходу, то навсегда останется загадкой, почему он все же взял его на 37-м... Как бы то ни было, обстановка внезапно переменялась: черный король, перебравшийся на ферзевый фланг, почувствовал себя неуверенно, белые пешки пошли вперед. Бронштейн отыграл фигуру и отложил партию с преимуществом, а затем выиграл. Таким образом Бронштейн догнал Кереса, но оба они отставали от Болеславского на целое очко. Предстояла партия с Котовым черными. Но Бронштейн после всех этих нервных событий почувствовал себя неважно и попросил к себе врача, а секундант Бронштейна предупредил Котова при случайной встрече в гостинице, что его партия сегодня, вероятно, не состоится. Врач — профессор А. Гукасян — по своей доброте готов был дать Бронштейну бюллетень, но судья Зубарев, обнаружив, что у больного нет температуры, неумолимо заявил:

— Профессор, вы не знаете наших гроссмейстеров. Если мы

начнем давать выходные дни по поводу их нервных переживаний, то никогда не кончим турнир...

Пришлось Бронштейну играть, но Котов утратил боевой дух, и партия чуть ли не на 12-м ходу закончилась вничью. Котов был — и справедливо — в претензии к секунданту Бронштейна: зачем тот сказал ему, что партия будто бы не состоится и этим демобилизовал его? Я после, можно сказать, зрелого размышления думаю, что Котов был прав, и пользуюсь случаем принести ему свои извинения, которые он, возможно, сочтет несколько запоздалыми.

В этот день Болеславский также сделал ничью, а Керес выиграл у Сабо.

После этого Бронштейн сделал два важных шага, выиграв у Флора и у Найдорфа. Он упрочил свое положение, но не улучшил его: обогнав на очко Кереса, он не приблизился к Болеславскому, который также выиграл две партии. Интервал не сократился и в следующем туре — Бронштейн пытался получить преимущество против Лилиентала, но успеха не достиг, а Болеславский в тяжелой защите добился ничьей против Смыслова.

Драматическая ситуация сложилась за три тура до конца, когда Бронштейну предстояла партия с Болеславским и, чтобы догнать его, надо было выиграть черными. Судя по тому, как уверенно Болеславский ставил

партию, как устойчиво и логично вел борьбу, я считал такую попытку безнадежной. Пойти на авантюру с риском проиграть, отстав от лидера на два очка, — жаль было бы так завершить такой турнир! Нет. Сделать ничью и сохранить шансы на дележ первого места в случае, если Болеславский потеряет две половинки в партиях с Котовым и со Штальбергом, что было очень вероятно.

И все же Бронштейн решил рискнуть. Я расскажу о партии Болеславский — Бронштейн словами А. Котова из турнирного бюллетеня.

«Уже выбор дебюта со стороны Бронштейна говорил о его стремлении к острой борьбе. Староиндийская защита, примененная Бронштейном, уже с первых ходов сошла с обычных рельсов. «Специально для своего друга» Бронштейн приготовил интересную новинку, продвинув на четвертом ходу черную пешку на e4. Выяснилось, что пешка эта теряется. Однако черные получили инициативу с угрозами белому королю. Позиция белых стала очень опасной.

Но и здесь лидер оказался на высоте. Не боясь мнимых угроз, он смело перевел своего короля на ферзевый фланг под непрекращающимися ударами черных фигур (белый король пешком перекочевал с e1 на b1 и пристроился между ладьей a1 и слоном c1. — Б. В.). Теперь белому королю уже ничего не угрожало.

С горечью в сердце Бронштейну пришлось предложить размен ферзей, после чего его шансы на победу в столь важной партии стали минимальными. Получившийся эндшпиль не давал оснований никому из партнеров играть на выигрыш, и они вскоре согласились на ничью.

Гроссмейстер Болеславский удержал разрыв в одно очко... и почти обеспечил себе первое место».

Все это нарисовано фотографически точно, и все же я думаю, что Болеславский не был застигнут врасплох выбором дебюта — слишком уж он четко разыграл этот почти форсированный вариант вплоть до размена ферзей.

В предпоследнем туре Бронштейн взял реванш у Штальберга за поражение в первом круге. Победа была одержана в сложной борьбе, которая протекала на обоих флангах и в центре. Болеславский черными уверенно сделал ничью с Котовым, и теперь Бронштейн отставал от лидера только на одну половинку, ближайшие соперники, Керес и Смыслов, были на полтора очка сзади.

В последнем туре Болеславский при всех фигурах на 16-м ходу в примерно равном положении предложил ничью Штальбергу, которая была принята. Такой образ действия вызвал критические замечания у некоторых комментаторов, например у Алаторцева, который писал о

недоумении зрителей, ожидавших напряженной борьбы.

Но если рассудить здраво, то не было ни малейшего основания ожидать напряженной борьбы ни у зрителей, ни у Алаторцева. Мог ли Болеславский поставить под удар результаты своего великолепного творчества, результаты 40 дней борьбы? Чего он мог достичь в случае связанной с большим риском победы? Первого места. А если сразу делал ничью? То же первое место или в крайнем случае дележ. В победу Бронштейна над Кересом он не верил, во всяком случае, это было маловероятно. Ну, а если бы в погоне за выигрышем у Штальберга он сам потерпел поражение? Ведь Штальберг не такой гроссмейстер, у которого можно взять очко по заказу только потому, что очень уж хочется выиграть.

А в данном случае в этой ничьей со Штальбергом была заложена и более глубокая идея: победителю турнира в Будапеште предстоял матч с Ботвинником, и если победителей будет двое, то они сначала сыграют матч между собой. Совершенно не исключено, что Болеславский не возражал бы сначала сыграть матч с Бронштейном, чтобы проверить себя перед матчем на первенство мира. Это была бы прекрасная тренировка. Ведь если Болеславский вступал в борьбу с чемпионом мира, то у Бронштейна он наверняка должен был выиграть.

И можно ли укорять тех, кто

после длинного, утомительного турнира, который по богатству переживаний и по затраченному объему творчества соизмерим с величайшими произведениями искусства, можно ли их укорять в том, что они не хотят искушать судьбу, бросая монету, — «эх, рискну, вдруг да партнер чего-нибудь проморгает!»

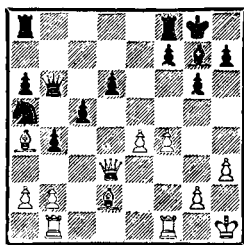
Вполне понятно, что шахматисты, когда они поставлены в условия непрерывного отбора, действуют как спортсмены, думают порой не о красоте шахмат, не о разрешении драматических коллизий, а о числе очков, о занятом месте, о праве на дальнейший отбор. Именно в этом причина того, что в последних турах отборочных турниров бесцветные ничьи и ничьи по уговору все еще встречаются. И, добавим, не только ничьи, и не только в последнем туре.

Как бы то ни было, Бронштейн в последний час будапештского турнира претендентов остался один на один со своей судьбой после того, как Болеславский согласился со Штальбергом на ничью, как бы говоря своему другу: «Выигрывай, Давид, у Голлафа... то есть у Пауля, если можешь, хоть я в это и не верю. Победишь — буду рад за тебя, сыграем хороший матч. Проиграешь — не сетуй».

Бронштейн сыграл против Кереса специально подготовленный вариант в испанской партии с жертвой пешки на 11-м ходу *.

* Вариант был подготовлен в Москве по идее А. Константинопольского.

Конечно, Керес менее всего мог ожидать, что Бронштейн бросит ему вызов на теоретической территории Рюи Лопеца, которую весь шахматный мир считал суверенным владением Кереса, лучшего в мире знатока испанской партии и автора превосходного дебютного руководства. Керес направил свои пешки и фигуры завоевывать пространство на ферзевом фланге, тогда как Бронштейн не проявлял пока намерений атаковать черного короля. Он маневрировал ходов десять-двенадцать, налаживая взаимодействие своих фигур и заставляя противника каждый раз просчитывать сложные варианты. Керес достиг на правом крыле угрожающей концентрации сил, а затем отрядил им в поддержку еще и черного ферзя.

Это была как бы сигнальная ракета для белой пешки, которая ринулась на f5, а через несколько ходов объявилась уже на f6, скосив свой глаз на черного короля. Керес попал в сильнейший цейтнот (что тоже входило в план Бронштейна в этой партии), допустил ошибку и сдался на 33-м ходу под угрозой не-

избежного мата. Оvation в честь советских шахматных художников — Болеславского, Бронштейна и Кереса, — вышедших победителями в интеллектуальной борьбе грандиозного масштаба, не стихала в течение тридцати минут. Никто не хотел уходить из зала.

Будапештский калейдоскоп. Когда закончился первый круг и у Бронштейна с тремя победами и двумя поражениями было всего пять очков в таблице, он спросил своего секунданта: — Сколько очков мне нужно набрать во втором круге, чтобы выйти на первое место?

Секундант, ничего не отвечая, написал несколько слов на листке бумаги, положил в конверт, запечатал, а затем при свидетелях передал Зубареву с просьбой вскрыть после окончания турнира.

— И все-таки, — попытался Бронштейн, — сколько нужно очков? Как мне играть?

— Играть партию за партией, очки сами по себе получатся.

Когда турнир пришел к концу — 19 мая 1950 года, — Зубарев за ужином распечатал конверт и прочел:

— «Чистое первое место — 12,5 очка; декеж — 12 при условии не проиграть Смыслову и выиграть у Кереса в последнем туре».

Бронштейн хотя и не читал выдвинутые секундантом условия, но выполнил их и разделил первое место. При этом у него получилось во втором круге 7 очков из 9. Сам Мессинг в качестве секунданта не сработал бы лучше!

Однажды к нам в номер зашел Найдорф и, не застав Бронштейна, сел играть блиц с секундантом. Затем вернулся Бронштейн, и Найдорф ему говорит:

— Не понимаю, чем вам может помочь такой секундант? Ведь он в игре зевает фигуры! У других секунданты — Толуш, Симагин, Авербах, а ваш — даже не мастер...

— Все другие секунданты, — ответил Бронштейн, — уверены в глубине души, что играют лучше своего гроссмейстера, и жалеют, что сами не попали в турнир. Мой секундант единственный из всех на это не рассчитывал.

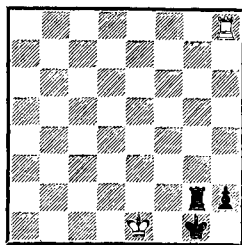
Найдорф долго смеялся.

— Мой Болбочан тоже считает, что играет лучше меня.

Посол Советского Союза в Венгрии несколько раз приходил на турнир. И он тоже недоумевал по поводу роли секундантов.

— Если вы понимаете шахматы лучше Бронштейна, играли бы вместо него. А если хуже, то зачем вы ему?

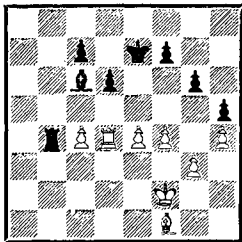
Секундант вынул карманные шахматы и показал послу позицию.

— К чему это вы? — спросил посол.

— Это заключительная позиция партии Найдорф — Бронштейн, которую они сейчас будут доигрывать.

— Но ведь в вашей позиции белым сдать пора, а на демонстрационной доске совсем другая, ничего похожего.

— Сейчас другая, а получится эта, если Найдорф будет играть лучшим образом. Что касается меня, то я как практический игрок не бог весть как силен и знаю об этом. Но в анализе и в дебютах кое-что соображаю, и Бронштейн знает об этом. Ночной анализ — это ведь совсем другая работа. Зрителей нет, никто не торопит, часы не идут, нервы спокойны. Можно все обдумать, нарисовать «логическое дерево» вариантов и найти лучший из них.

— А что делает в это время Бронштейн?

— Спит. Для него в этом турнире главная работа — ночью спать, утром гулять, а днем получать за доской выигрышные позиции. А моя работа — найти, как выиграть выигрышную позицию. Только у меня мало работы, он все партии кончает за доской. В сущности, я анализировал здесь только

три партии: со Смысловым, Сабо и вот эту — с Найдорфом.

— И вы ни в чем не ошибетесь?

— Обязательно ошибусь. И над чем я ночью размышлял полчаса, Бронштейн утром поправит за полминуты. Он ведь чемпион по блицу. Но одно дело найти вариант, а другое дело его поправить.

... На 82-м ходу белые сдались в позиции, которая была на карманных шахматах. После окончания турнира я получил специальный приз как лучший секундант; думаю, это решение было принято не без участия посла. Мне лично кажется, что больше прав на этот приз имел секундант Болеславского А. Сокольский. Он был столь же полезен своему гроссмейстеру, как секундант Бронштейна, но... скромнее его.

Глава третья

ПЕРВЫЙ МАТЧ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

Итак, борьба Бронштейна за первенство мира вступила в решающую стадию. Объективно его шансы оценивались не очень высоко. Да это и понятно. Огромные знания М. Ботвинника, его глубокая шахматная культура, умение полностью мобилизовать себя в каждой партии, непрерывная серия крупнейших успехов в соревнованиях — все это создавало ниб непобедимости. Ведь это один из немногих наших современников, который играл с четырьмя чемпионами мира — Ласкером, Капабланкой, Алехиным и Эйве, играл и побеждал.

Вместе с тем и Бронштейн в предстоящей борьбе с Ботвинником имел свой психологический шанс. Он на высоких ско-

ростях приближался к реализации своей заветной мечты. По меньшей мере шесть раз кряду он одерживал победы в крупных соревнованиях: чемпионате Москвы, матче Москва — Прага, в Стокгольме, двух чемпионатах СССР, в Будапеште, причем, как правило, достигал успеха благодаря взлету в заключительной фазе борьбы. Освоив технологию применения форсированных вариантов и обладая колоссальной памятью, он был крайне опасен в дебютной стадии. В искусстве перехода от дебюта к середине игры ему не было равных. По скорости расчета вариантов и правильной их оценке он, безусловно, в то время превосходил всех шахматистов мира. Из недостатков его игры можно отметить

некоторую экстравагантность, вытекающую из непочтения к классическим принципам позиционной игры,— он не боялся слабости изолированных сдвоенных и отсталых пешек, не считался с соотношением стоимости ладей и легких фигур. В окончаниях он был заметно слабей своего противника, а кроме того, не так хорошо умел анализировать отложенные партии.

Он привлекал симпатии тем, что открыто провозгласил шахматы искусством и стремился создавать произведения импровизационного жанра. Ботвинник в то время шахматы искусством не считал.

Если же говорить очисто шахматной специфике творческих успехов Бронштейна, то следует отметить прежде всего, что их базой была глубоко продуманная система взглядов на сущность шахматной борьбы.

Эта, если можно ее так называть, философия базировалась на анализе различных классов позиций, закономерно возникающих в ходе борьбы или создаваемых волей партнеров, на анализе методов перевода позиций из одного класса в другой, желательный для Бронштейна, и на разработке приемов их оптимизации.

Рассматривая всю совокупность шахматных позиций как бесконечное множество и понимая условность любых попыток его классификации, мы все же различали позиции технические, логические и интуитивные (в

то время мы называли их «хаотическими»).

В технических позициях коллизия разрешается однозначно на основе теоретических знаний и практического опыта каждого шахматиста. Разница между рядовыми любителями и гроссмейстером заключается лишь в объеме техники, которым владеет тот и другой. Для одного категория технических позиций исчерпывается, скажем, элементарными матами и проведением пешки в ферзи, для другого она значительно шире. Для гроссмейстера многие сотни и тысячи позиций укладываются в понятие «дело техники». Рихард Рети свидетельствует, что Х.-Р. Капабланка все время шлифовал какую-нибудь позицию и в шахматной технике по справедливости считался королем.

Я думаю, что никто из шахматистов всех времен не заходил столь далеко, как Фишер, в накоплении богатства технических позиций. Беспрерывный напряженный расчет вариантов для его противника и непринужденная серия ходов, заранее известных Фишеру,— таково подчас бывало соотношение сил в его борьбе с партнерами.

Что касается Ботвинника, то мы перед матчем не считали, что он намного превосходит Бронштейна в технических позициях, и после матча наше мнение не изменилось. Главная его сила, несомненно, была в сфере логики и в анализе отложенных партий.

Логические позиции отличаются от технических тем, что в них программой борьбы и способом разрешения конфликтной ситуации служит не серия ходов, а стратегия, то есть серия логических преобразований, учитывающих возможные действия противника. Как сказали бы теперь, алгоритмическая последовательность элементов плана.

Стратегия логических позиций широко использует технические приемы, но вместе с тем шахматисту приходится учитывать тактическую обстановку и индивидуальные особенности данной конкретной позиции. К числу логических приемов борьбы, допускающих программирование, можно отнести, например, создание пешечных слабостей, ограничение подвижности пешек и фигур, овладение командными пунктами в районе решающих столкновений или установление контроля над ними, эквивалентное превращение преимущества в различные формы: развитие, пространство, коммуникации, материя.

В логических позициях зачастую проходит где-то на втором плане возможная, хотя и не примененная в партии, «маленькая комбинация». Она выступает как логическое ограничение действий противника. Такая «теневая» комбинация отсекает из категории допустимых целые ветви возможных планов сопровитвления. «Маленькая комбинация» в логической позиции —

излюбленный прием одного из крупнейших представителей логической школы в шахматах — Хосе-Рауля Капабланки.

Характер природного дарования Ботвинника, его способность к систематизации, вся присущая ему манера мышления и восприятия действительности выдвигают его на одно из первых, а вернее, на первое место среди шахматистов всех времен по искусству создавать логические позиции и доводить их до оптимального завершения.

Однако в матче с Бронштейном чемпион мира не смог в полной мере использовать это свое преимущество, которое столько раз приносило ему триумфальные успехи. Бронштейн, поняв и изучив эту наиболее сильную сторону творчества Ботвинника, в свою очередь, «запрограммировал» мероприятия, которые ограничивали возможность создания логических позиций и позволяли переводить борьбу в ту область, которую можно назвать четвертым измерением в шахматах, — в многомерное пространство интуитивных позиций, требующих импровизационного творчества.

Бронштейн называл «хаотическими» позиции, которые хотя и допускают, быть может, оценку по признаку «хуже-лучше», но не поддаются логическому программированию, а создание любого конкретного плана игры не может обойтись без интуиции или далекого расчета многочисленных широко развет-

вленных вариантов. Стратегия в том смысле, который придается этому термину в теории математических игр, превращается из стройного дерева в дремучий лес вариантов, сквозь которые не то что конечную цель, но даже солнца не видно. Поскольку прямой перебор бесконечного множества вариантов невозможен не только для человека, но даже для электронной машины (с учетом фактора времени), то исход борьбы определяется факторами, не вытекающими прямо из логики, а зачастую ей противоположными. Здесь играет роль фантазия (разрыв логической нити), интуиция (мгновенный подсознательный перебор вариантов), проникновение в психологию противника (интросекция) и умение воздействовать на нее, способность к импровизации планов, то есть к неожиданным решениям, ранее не встречавшимся в практике. И, разумеется, природная и развитая тренировкой способность к быстрому расчету сложных вариантов. Этот дар богов лежал в основе шахматного дарования многих выдающихся шахматистов прошлого. В наше время он в высшей степени характерен для Д. Бронштейна, М. Таля, В. Корчного и Л. Полугаевского. Но, к сожалению, он заметно ослабевает с годами.

Стремление к переходу в хаотические позиции, как показывает анализ, было присуще многим шахматистам, но как осознанный принцип борьбы идет от Эмануила Ласкера, который го-

тов был жертвовать многим, чтобы уйти от логических построений Стейница, Тарраша, Шлехтера и заставить их вести борьбу, как сейчас мы говорим, «ход на ход».

Эта стратегия Ласкера была модернизирована Талем. И все же мы не побоимся утверждать, что Бронштейн в своем творчестве превзошел стратегию Ласкера, ибо он создавал хаотические позиции не путем уступок в развитии и пространстве, не путем объективно некорректных жертв, а на хорошо подготовленной позиционной базе в сочетании с применением форсированных вариантов.

В этом отношении он многое заимствовал в концепции Зигберта Тарраша — «накопление мелких преимуществ, а затем их реализация на основе форсированного варианта с жертвами». Кстати сказать, Тарраш был одним из любимых шахматистов А. М. Константинопольского, первого шахматного наставника Бронштейна и его секунданта в матче с Ботвинником.

Возвращаясь к вопросу о трактовке Бронштейном хаотических позиций, можно сказать, что он выступил в матче на первенство мира как представитель осознанной им и сознательно примененной новой творческой концепции, которая в наибольшей мере отвечала его необычайному и своеобразному таланту импровизации, его пониманию шахмат как искусства. Надо к этому доба-

вить высокую трудоспособность Бронштейна, его универсальные дебютные познания, неутомимость в игре (как в многоочковой партии, так и на протяжении длительного соревнования). Надо к этому добавить и столь важные качества, как психологическая решимость в борьбе и нарастание творческой энергии на финише.

Только совокупность этих качеств дала Бронштейну моральное право (помимо формального права) вступить в борьбу с таким общепризнанным корифеем шахматной культуры, как Ботвинник.

Недели за две до начала матча Бронштейну была передана специально подготовленная записка с объективной оценкой шансов — психологических, которым мы придавали первостепенное значение, и чисто шахматных, игровых. Более того. Поскольку было известно, что Ботвинник составляет характеристики своих противников и, как он не раз говорил впоследствии, программирует себя на борьбу с ними, была сделана попытка воспроизвести такую его характеристику на Бронштейна.

Мы хотели помочь Бронштейну посмотреть на самого себя глазами Ботвинника. Трудно сказать, насколько верна была наша «теневая» характеристика, но в принципе идея эта любопытна, и нам порой доставляло большое удовольствие в ходе матча проверять, в чем «был

прав» чемпион мира и в чем он «ошибался» в своих оценках, как мы их себе представляли.

Мы полагали, что Ботвинник не считает Бронштейна опасным противником. Позднее Ботвинник положительно отзывался о своем противнике, но тогда, перед матчем, в его глазах Бронштейн был таким «крутилой», который, «оказавшись в проигрышном положении, начинает ловко мутить воду» (из примечаний Ботвинника к одной партии Бронштейна). Позднее, уже незадолго до матча, Ботвинник эту же мысль высказал в более корректной форме. «Гроссмейстер Бронштейн с большим искусством поддерживал напряжение в течение всей партии». Это было сказано по поводу блестящей партии Бронштейн—Керес из будапештского турнира. Такая несколько поверхностная оценка нас обнадеживала, поскольку подлинные источники силы Бронштейна лежали гораздо глубже и были намного прочнее. Ботвинник должен был столкнуться с этим в матче, и мы считаем, что это было для него психологической неожиданностью.

Что же касается наших сообщений о предстоящей борьбе, то мы обратили внимание Бронштейна, во-первых, на известную идеализацию силы Ботвинника (явление, в то время встречавшееся и в некоторых областях науки и искусства) и, во-вторых, на замечательные идеи дебютной стратегии Бот-

винника, особенно на защиты с контршансами.

В течение многих лет он изменял до тонкости им разработанные системы, которые раньше считались для черных не вполне корректными или, во всяком случае, крайне рискованными. Таков, например, вариант Нимцовича во французской партии — 3. .Cb4, вариант «дракона» в сицилианской, голландская защита и некоторые другие. К числу его наиболее оригинальных и эффективных разработок принадлежит носящая его имя система 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Kf3 c6 5. Cg5 dc6. e4 b5 7. e5 h6 с очень сложной игрой.

От традиционных в прошлом защит с игрой «на уравнение» защита с контршансами отличается тем, что в ней объективная вероятность поражения больше, но и вероятность выигрыша тоже больше, тогда как вероятность ничьей намного меньше. Если для ортодоксальной — некогда самой модной — защиты распределение вероятностей (в пользу белых), скажем условно, $+0,2-0,1=0,7$, то для защиты с контршансами объективные вероятности могут быть, например, $+0,45-0,2=0,35$.

Таким образом, по формальному счету (по величине математического ожидания) защита с контршансами как будто невыгодна для черных. Однако шахматные лидеры находят способы освобождаться от оков закона больших чисел, опираясь не на

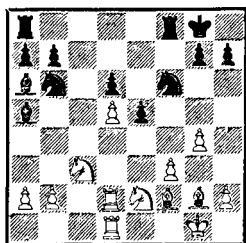
правила, а на исключения. Ботвинник, детально изучив свои излюбленные системы, много раз проверив их в анализе и в тренировочных партиях, виртуозно разыгрывал позиции, которые по внешним признакам выглядели очень тяжелыми и вызывали у его партнеров несбыточные надежды на быстрый выигрыш. В то же время противники его, не будучи хорошо подготовлены, зачастую по пути где-то незаметно ошибались, то избегая единственного точного хода, который казался им слишком рискованным, то допуская риск сверх меры.

Победы Ботвинника в турнирах с относительно неровным составом в известной мере были основаны на том, что он черными выигрывал много партий, применяя запрограммированные им рискованные системы с контршансами. Такую дебютную стратегию легко описать, но ее эффективное исполнение требует железных нервов и высокого мастерства. Любопытно, что во времена гегемонии Ботвинника его системы нередко применялись в турнирах, теперь же они почти полностью исчезли из практики. «Система Ботвинника», подобно луку Одиссея, создана им для себя, и только для себя. Другим не так-то просто попадать в цель, натягивая столь тугую тетиву...

Однако в матче с сильным противником, который не уходит от осложнений и при этом превосходно считает варианты,

защита с контршансами далеко не всегда приводит к успеху.

И вот уже в первой партии Бронштейн бросил вызов на острый психологический поединок, ответив на ход ферзевой пешки 1. . e7—e6. Этим он показал, что готов играть и французскую и голландскую, по выбору противника, то есть любую из тех защит, которые чемпион мира охотно сам применяет за черных. Получилась голландская, и Бронштейн довольно быстро достиг позиционного преимущества.

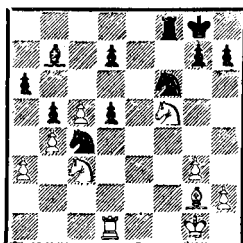
Здесь черные, сыграв 22. . . e4, получали реальные шансы на победу. Однако некоторая — обычно не присущая Бронштейну — скованность привела после 22. . . Kc4 23. Лс2 Сb6 24. С : b6 ab 25. Ле1 Ке3 26. Лd2 Kc4 к троекратному повторению позиции. По требованию Ботвинника партия была признана ничьей уже на 29-м ходу.

Во второй партии против защиты Грюнфельда Бронштейн применил хорошо подготовленную новинку и получил по дебюту настолько значительный перевес, что Ботвинник в течение всего матча боль-

ше ни разу эту защиту не применял. Однако в критический момент, когда казалось — лишь один шаг отделяет белых от получения решающего преимущества, Бронштейн, находясь, по видимому, под давлением авторитета чемпиона, избрал не наилучшее, а просто хорошее продолжение. Его оказалось недостаточным для выигрыша.

Третья партия была французская. Ботвинник играл очень точно и аккуратно, получил желательную для него логическую позицию с некоторым преимуществом (изолированная черная пешка) и заставил Бронштейна до 63-го хода вести тяжелую защиту. Бронштейн с честью выдержал этот прессинг, который для любого гроссмейстера мог бы оказаться роковым, и в конце концов Ботвинник сам предложил ничью.

После того как и четвертая партия, протекавшая при давлении Бронштейна, закончилась вничью, в пятой наконец наступил перелом. Выдержав сильный натиск белых и отразив все прямые угрозы, Бронштейн с исключительной изобретательностью использовал ма-

лозаметную неточность Ботвинника.

Глядя на эту позицию со сдвоенными изолированными черными пешками и активным расположением белых фигур, никто не мог вообразить, что через 10 ходов белый король будет заматован. Какую же ошибку допустил Ботвинник? Он поставил ладью на ферзевую вертикаль, желая забрать эту пешку, а то и обе в наиболее выгодной ситуации.

Ответ был 30...Kph8!! Таким странным и нелогичным способом черные защищают пешку d5. Если белые все же возьмут ее, то последует 31. K : d5 C : d5 32. C : d5 K : d5 33. Л : d5 g6 34. Kd6 Ke3! и черные выигрывают ввиду угрозы мата на f1.

Дальнейшая игра шла в темпе блиц. Бронштейн был в своей стихии, к тому же и лишняя пешка на линии «d» стала реальной силой. На 39-м ходу черный конь дал шах с e3, и мат стал неизбежным.

Ошибка Ботвинника никем не была бы замечена, если бы Бронштейн не нашел комбинационный маневр 30...Kph8!! Уместно вспомнить в этой связи слова Льва Толстого:

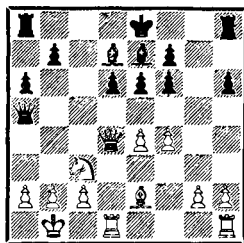
«Хороший игрок, проигравший в шахматы, искренне убежден, что его проигрыш произошел от его ошибки, и он отыскивает эту ошибку в начале своей игры, но забывает, что в каждом его шаге в продолжение всей игры были такие же ошибки, что ни один его ход не был совершенен.

Ошибка, на которую он обращает внимание, заметна ему только потому, что противник воспользовался ею». («Война и мир», том III, часть II, глава VII).

Что же это значит? Ошибочны не ходы, а концепции. В глазах иного шахматиста сдвоенные изолированные пешки, да еще на открытой линии,— это потрясение основ, призыв к мятежу против логики. Эти пешки должны быть наказаны, вплоть до полного их истребления. Но пешки, даже изолированные, все же существуют и хотят воевать даже в самых тяжелых ситуациях, подобно Василию Теркину, который сохранял боеспособность, будучи «частично уничтожен и частично окружен».

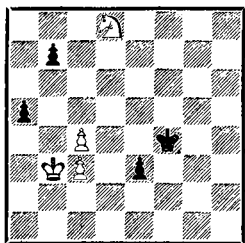
Итак, счет стал +1—0=4. Такое начало можно было считать отличным, но уже в следующей партии случилось нечто невероятное.

В сицилианской партии Ботвинник построил «ежа».

Долгое время он вел трудную защиту. Бронштейн пошел на размен ферзей, создав себе сдвоенные изолированные пешки. Позиционная жертва качества принесла ему некоторое преимущест-

во, но партия была отложена в общем-то в ничейном положении. Все же он не предложил ничью без доигрывания *, а решил за доской испытать свои шансы. Ему удалось в окончании выиграть фигуру за пешку, но этого было недостаточно. И вот...

Вместо очевидного 57. Кс6+ с последующим Кd4, имея час времени, Бронштейн 45 минут раздумывал бог знает о чем, потом очнулся и вдруг сыграл 57. Крс2, а после 57. . . Крг3 сдался. При этом осталось загадкой, на что же в лучшем случае рассчитывал Бронштейн, играя королем на с2. Оказывается, он и при другом, не столь точном ответе черных 57. . . Крf3 все равно проигрывал в несколько ходов: 58. Ке6 е2 59. Кd4+ Крf2 60. К : е2 Кр : е2, и белые элементарно проигрывают пешечный

* Точнее сказать, его секунданты, которых гипнотизировала лишняя пешка. Но парадокс: Бронштейн, который любит изолированные пешки, весьма холодно относится к оценке позиций по «признаку лишней пешки». Помнится мне, и в данном случае он голосовал за выходной день без игры.

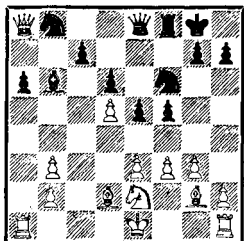
эндшпиль. Не выигрывают они и при других ходах черных...

Счет сравнялся, а после следующей, седьмой, партии лидером матча стал Ботвинник. Будучи раздосадован незаслуженным поражением, Бронштейн пытался насильственным путем черными в голландской партии изменить логический характер позиции. Он без достаточных оснований пожертвовал пешку, и его тактика едва не увенчалась успехом, поскольку Ботвинник, в свою очередь, допустил неточность. Тут-то как раз и могли завязаться небезвыгодные для черных осложнения, но Бронштейн не использовал эту ситуацию, и дело закончилось коневым эндшпилем без пешки. Не исключено, что и здесь где-нибудь нашлась бы ничья... Но Ботвинник разыграл окончание безупречно и на следующий день одержал вторую кряду победу.

В восьмой партии Бронштейн показал, что, несмотря на тяжелые испытания, он не утратил чувства юмора. В честь судьи матча шведского гроссмейстера Штальберга он сыграл в меранской системе давно забракованную атаку Штальберга. Такое использование белого цвета в столь важном соревновании никак не назовешь рациональным, но Бронштейну важнее всего было восстановить психологическое равновесие, без которого вообще трудно вести шахматную борьбу, а в хаотических позициях — просто невозможно. В данной партии без сколько-ни-

будь ощутимых опасностей для обеих сторон получится классический «меранский эндшпиль» — у белых две проходные на фланге, у черных — в центре. В результате — ничья.

Психологическое состояние Бронштейна после двух рядовых поражений еще не вошло в норму. А в следующей партии в присутствии тысячи зрителей произошли события, в реальность которых трудно поверить тому, кто не видел их собственными глазами. Еще и дебютная стадия не вполне завершилась, как белая пешка чемпиона мира, продвинувшись сначала на b6, затем на b7 и, наконец, взяв ладью на a8, превратилась заодно в ферзя буквально на глазах окаменевших от ужаса многочисленных черных фигур. В этот момент у Бронштейна не было за ладью даже одной пешки...

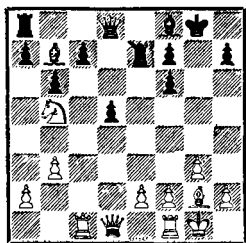
Старожилы не упомнят подобных событий на соревнованиях выше четвертого разряда. Казалось, к 29-му ходу все будет кончено, если только черные сразу же не сложат оружие. Однако белый ферзь, родившийся в неполюженное время и в неполюженном месте, испытывал ком-

плекс неполноценности, и для поддержания у него бодрости духа белые отдали ладью за коня и пешку. Тем временем Бронштейну, который проявил фантастическую изобретательность и выдержку («попав в проигрышное положение, Д. Бронштейн начинает мутить воду»!), удалось выиграть слабые белые пешки — не совсем уж даром он отдал свою ладью... Разменяли ферзей. Когда двинулись две черные проходные пешки, среди зрителей творилось нечто невообразимое. Я сам видел и слышал солидных, интеллигентных людей, которые в возбуждении вскакивали на кресла в зале им. Чайковского и из такой позиции громко «подсказывали» ходы тому или другому партнеру, а то и обоим сразу.

Партия была отложена, и Бронштейн предполагал, что, имея за фигуру две далеко продвинувшиеся пешки, он может выиграть. Но как только он вместе со своим секундантом А. Константинопольским вернулся на базу — в гостиницу «Пекин», — выяснилось, что ни у одной из сторон нет шансов на победу. Назавтра последовало соглашение на ничью без доигрывания.

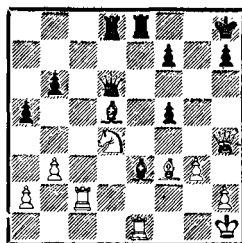
8 апреля было создано полноценное произведение двух сильнейших шахматистов мира, игравших на пределе своего таланта. В специально подготовленном варианте новоиндийской защиты Ботвинник белыми до 10-го хода следовал партии из

своего же матча с Левенфишем, которую он играл черными, а затем улучшил вариант — пожертвовал пешку. Как заметил один из комментаторов, принятие этой жертвы требовало величайшей смелости от Бронштейна. На 15-м ходу было разрушено прикрытие его короля, на доске появились дежурные в армии Бронштейна сдвоенные изолированные пешки.

После сильных 18-го и 19-го ходов белых $Lfd1$ и $Kd4$ многие зрители говорили, что партию черным не удержать. Но Бронштейн вел защиту твердой рукой. Ответственность обоих партнеров все возрастала, ибо ошибка в выборе единственного из многих возможных продолжений сразу же приводила к катастрофе. Был ли там выигрыш у белых, могли они сыграть лучше или нет — неизвестно и поныне, но несомненно, что Бронштейн сделал 12 кряду превосходных ходов и перехватил инициативу. Вот это уже не контринициатива, а контратака (см. диагр.).

Здесь Бронштейн мог выиграть путем 31. . . $Cg5$ 32. $L : e8 +$ $L : e8$ 33. $\Phi : g5$ $C : f3 +$ 34.

$K : f3$ $\Phi d1 +$ и 35. . . $\Phi : c2 +$, но он нашел более элегантный способ: 31. . . $Le4!$, и после 32. $C : e4$ $C : e4 +$ белые вынуждены отдать ферзя.

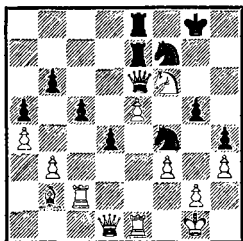
Бронштейн сравнивал счет, и можно было надеяться на дальнейшие успехи, судя по общему уровню его игры и по этой партии в особенности. Но уже в следующей партии он белыми в голландской защите рокировал в длинную сторону и попал в жуткую передрагу. Ботвинник с большой силой провел атаку на короля, пришлось отдать качество... И это всего лишь через один день после блестящей творческой победы в 11-й партии... Даже не хочется вспоминать наше разочарование.

Следующие партии проходили под знаком игрового преимущества Ботвинника, наконец он научился обходить коварные попытки Бронштейна «замутить воду» и перевел борьбу в русло жестокого позиционного пресинга. Четыре партии, из которых одна продолжалась 56 ходов, другая — 66, а третья — 75! Восемь дней бескомпромиссной игры, тяжелой борьбы за ничью без сколько-нибудь реальных шансов на победу.

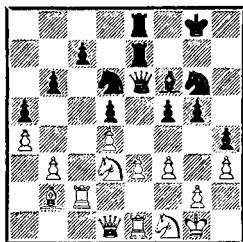
Бронштейн выдержал это испытание огнем и железом, не отдал ни одного целого очка.

Весь мир увидел чемпиона, который играет на пределе своих сил, создает свои «фирменные» ботвинниковские позиции и наталкивается на сопротивление, которого он никогда еще не встречал и не в силах преодолеть.

В 17-й партии роли переменялись, когда Бронштейн развил адское давление по линии «е» и заставил Ботвинника перейти в глухую защиту. Справедливости ради надо признать, что объявленный Ботвинником шах

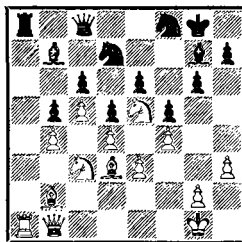
не принадлежит к числу его лучших достижений. После того как ферзь забрал этого дерзкого коня, Ботвиннику ничего не оставалось, как сдаться, что он и сделал. Но кризис в партии, в сущности, назревал еще раньше, когда Бронштейн вдруг сыграл

29. . . f4!! Если теперь белые берут пешку, то 30. . . Ф: e1 31. К: e1 Л: e1 32. Фd2 К: f4, и у черных две крайне неприятные угрозы: Ле2 и перевод коня с d6 через f5 на g3.

Что же касается финального положения, то и без этого несчастного шаха конем оно оценивалось комментаторами как значительно худшее для белых, быть может, форсированно проигранное.

Теперь главная задача Бронштейна была не проиграть сразу же после победы очередную партию. Эту задачу он хотя и выполнил, но нельзя сказать, чтобы на «отлично». В 18-й партии он в закрытой позиции и при полной доске фигур неожиданно пожертвовал слона за две пешки и в течение 30 ходов развивал сильнейшее давление на позицию черных.

Трижды казалось, что Ботвинник стоит на краю пропасти, но ему всякий раз удавалось удержать равновесие. Бронштейн при ферзях предложил жертву еще одной, на сей раз своей последней, фигуры, и если бы она была взята, то у него получились четыре связанные проходные

пешки, которые уже все перешли границу между лагерями, а одна из них добралась до шестой горизонтали. Однако Ботвинник не взял вторую фигуру и нашел тропинку к вечному шаху.

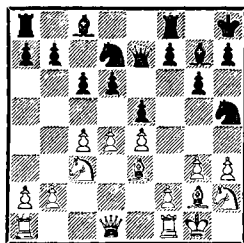
В 19-й партии Ботвинник до определенного момента следовал варианту Алехина в его партии с Микенасом из турнира в Кемери 1937 года, а затем улучшил этот вариант, но натолкнулся на активный маневр черного коня, чем полностью была опровергнута дебютная идея белых. Партия была отложена в любопытной позиции — на доске оставались всего лишь по три легкие фигуры и по три пешки. Бронштейн допустил сначала неточность и потерял свое небольшое преимущество, а затем — элементарную ошибку и проиграл.

На майские праздники партнеры ушли на четырехдневный отдых (при счете 5 : 4 в пользу чемпиона мира). Нелегко было Бронштейну сначала расслабиться, а затем собраться в этой ситуации на дальнейшую решительную борьбу. Многим исход матча казался предрешенным. Ботвинник нашел себя и, имея преимущество в счете, уж как-нибудь сделает три ничьи из четырех оставшихся партий!

Я не хотел бы рисовать Бронштейна в виде этакого джигита, непроницаемого для отрицательных эмоций, не знающего страха и уныния. Вообще-то после 19-й партии, где ничья достигалась элементарнейшим способом, настроение у всех нас

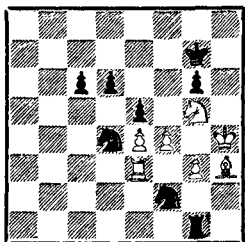
было довольно кислое. Те, кто анализировал отложенную позицию, плохо выполнили свою задачу. Они искали путь к победе и не позаботились указать резервную дорогу к ничьей на случай, если выигрыш не получится. И все же друзья Бронштейна сохраняли надежду на обычный для него творческий подъем в конце соревнования, когда победу уже нельзя отложить на завтра.

И действительно, в 21-й партии Бронштейн двинул в бой свой гвардейский резерв: черными он сыграл — впервые в матче! — староиндийскую защиту. Уже к 12-му ходу он получил не то чтобы перевес, но богатую игру.

Различные возможные продолжения, как подземные ручейки, струятся по всем шестидесяти четырем клеткам. Тысячи возможностей открываются перед обеими сторонами на каждом шагу, тысячи опасностей подстерегают их в безобидных на вид вариантах. «Нервы не выдержали у Ботвинника», — заметил впоследствии судья матча Штальберг. Он предпринял многоходовый маневр, чтобы разменять

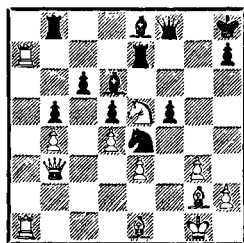
чернопольных слонов. За это время Бронштейн организовал решающий прорыв на ферзевом фланге и не только выиграл пешку, но оттеснил оставшуюся армию белых во главе с королем на узкий клочок территории на самом краю доски.

Как потерпевшие крушение полярники на тающей льдине, ждали чуда белые фигуры, но Бронштейн, сыграв 52... Лh1, как бы поставил точку, ибо угроза Кe6 становится стратегически неотвратимой, не говоря уже о движении проходной пешки.

Двадцать вторая партия, лучшая в матче, по своему драматизму и накалу эмоций, по высочайшему мастерству ее авторов сравнима с симфонией. Ни один ход обоих партнеров не заслуживает вопросительного знака. Ошибок здесь не было. Конечно, Ботвинник не раз мог сыграть по-иному, тогда и партия была бы иной, но он запрограммировал себя на победу, и в голландской защите, которая в течение всего матча так верно ему послужила, он уже на 11-м ходу отважно пошел g7—g5. После напряженной борьбы, о

которой мы расскажем особо, сложилась следующая ситуация.

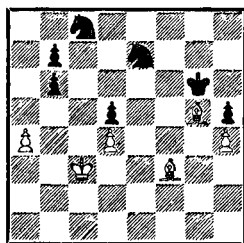
Позиция белых выглядит лучше. Они владеют важнейшей коммуникацией — линией «а» и контролируют седьмую горизонталь. Не исключено, что для победы достаточны логические приемы преобразования преимуществ, но уверенности нет, ибо чернопольный слон ограничен в своих возможностях. Во всяком случае, я знаю многих шахматистов — и Ботвинник среди них, — которые здесь сыграли бы, не задумываясь, 32. Лa6. Бронштейну, по его словам, этот ход даже в голову не приходил. В сильном цейтноте он рассматривал варианты, связанные с привлечением слона в коллектив участников шахматной игры. Станным образом ладья на b8 вызвала аппетит у этого слона, несмотря на разделявшее их множество препятствий. Здесь импровизационная вспышка озарила позицию — белые сыграли 32. g4!, а что было дальше — читатель узнает из описания, приведенного в шестой главе этой книги.

День для доигрывания оказался свободным и был посвя-

щен обсуждению тактики в предстоящей предпоследней партии. Привлекательным казалось избрать какой-нибудь «тупой», демонстративно ничейный вариант и таким образом свести к минимуму шансы Ботвинника на ничью в матче, поскольку в последней партии у него были черные. Бронштейн хотел испробовать еще раз староиндийскую, которая неоднократно приносила ему успех в острых спортивных ситуациях и создавала фон для содержательных шахматных произведений. Такого же мнения придерживался его секундант. Другие же «советники» Бронштейна считали, что Ботвинник, играя в этом матче последний раз белыми, должен будет сам именно в данной партии обострить борьбу, чтобы сравнять счет.

Бронштейн изменил своему кредо и избрал откровенно ничейный вариант, а затем допустил размен ферзей, причем у него образовались сдвоенные изолированные пешки, тогда как у Ботвинника были высоко им ценные два слона. В этой обстановке Ботвинник как психолог оказался на высоте. Он не делал ни малейших попыток форсировать игру, подчеркивая, что может хоть двести ходов маневрировать, передвигая своих слонов и ожидая, когда проявится свойственная Бронштейну некоторая экстравагантность. Так оно и получилось. Незадолго до перерыва Бронштейн сделал в темпе блиц неточный ход и отложил

партию в критическом положении. Если белые записали лучший ход, то надежд на ничью практически не оставалось. Ночь прошла за анализом. Вероятно, и Ботвиннику было не до сна, поскольку он записал не лучший ход. Однако это не отразилось на окончательном результате, так как этот ход в анализе Бронштейна почти не рассматривался и был в известной мере неожиданным. По-видимому, он мог добиться ничьей, но не использовал свои шансы и, сделав несколько вялых ходов, сдался в положении, где у него была лишняя пешка.

Многие зрители думали, что, пожав друг другу руки, Ботвинник и Бронштейн согласились на ничью...

— Сдался? — с некоторым удивлением спросил В. Алаторцев. — А жаль. Можно было еще поиграть, Ботвинник выглядит усталым, а надо еще сделать немало точных ходов.

Так-то оно так, но и Бронштейн выглядел усталым...

И в последней встрече этого матча он был неузнаваем. Не раз ему случалось решать судьбу соревнования победой в пос-

леднем туре, но сейчас он был огорчен 23-й партией. И не тем, что он ее проиграл — к этому он был психологически подготовлен ночным анализом, а тем, что не использовал неточный, по его мнению, записанный ход. И его не оставляла мысль: зачем он играл этот тупой ничейный вариант? Уж свою-то староиндийскую он бы наверняка не проиграл...

На фоне этого стресса гамбитная игра Бронштейна в последней партии выглядела несколько искусственной, в ней не чувствовались присущие ему тонкость и остроумие. Правда, он пожертвовал две пешки, но вторую Ботвинник благоразумно не взял. Несколько микронных неточностей, и стало ясно, что атака не получилась. Маленькая комбинация Ботвинника — «жертва» качества сроком на один ход, — и положение черных становится, пожалуй, предпочтительным. В этот момент Ботвинник предлагает ничью, и этапное для шахматной истории и для развития шахматного искусства событие завершается к чести и славе обоих партнеров.

Такой исход матча как спортивного соревнования был всеми признан вполне закономерным. Крылатая фраза «В этом матче нет ни победителя, ни побежденного» звучала логичным эпилогом. Вместе с тем первый регламентированный матч на первенство мира имел далеко идущие последствия как для шахматного искусства, так и для системы

шахматных спортивных мероприятий.

Говорят, что неудача в матче на первенство мира накладывает отпечаток на всю жизнь шахматиста. Так ли это?

Да, это так для человека, который видит в шахматах спорт и для которого цель соревнования — выигрывать.

Нет, это не так для того, кто видит в шахматах искусство и вступает в соревнование, как на арену творчества.

На Ботвинника результат матча — а он его расценивал как неудачу — мог в известной мере повлиять. Он в качестве чемпиона мира играл еще четыре матча и ни одного не выиграл. В трех матчах он потерпел поражения и лишь в одном сделал ничью. Выиграл же он два матч-реванша, в которых выступал не как чемпион, а как претендент. Впоследствии Ботвинник скажет в одной из публичных лекций: «В матче со Смысловым я проиграл три совершенно ничейных окончания, то есть я позволил себе ту роскошь, которую допустил Бронштейн... в матче со мной!»

Бронштейн лишь после матча отчетливо понял, что он мог рассчитывать на большее, чем ничья, но спортивный результат не повлиял на его шахматное мировоззрение, ибо его творческие результаты были превосходны, и это видел весь мир. Сам Ботвинник говорил по этому поводу: «... в матче с Д. Бронштейном я нередко приходил в сму-

щение — не сразу можно было понять, что хочет предпринять мой партнер!».

Вопрос о том, на чьей стороне было творческое преимущество, был слишком ясен и тогда — после матча, и тем более теперь — спустя четверть века.

Популярность Бронштейна и его авторитет были очень высоки. Сам он как человек вызывал симпатию, а его оптимистическое творчество радовало любителей.

Шахматисты ценят не столько гром побед, сколько глубину идей. Сколько было гроссмейсте-

ров, занимавших высокие места в турнирах, а помнит ли кто-нибудь, какой красивой комбинацией они прославили шахматное искусство? А вот Морфи и Чигорина, Рети и Тартаковера и многих современных гроссмейстеров будут вспоминать с благодарностью и ценить, пока останется на земле хоть два шахматиста.

Хочется думать, что такое признание завоевал и Бронштейн своим искусством, нашедшим столь яркое проявление в матче и до матча, а особенно после него.

Глава четвертая

ГОРОДА И ГОДЫ, ТУРНИРЫ И ЛЮДИ

От матча на первенство мира до наших дней прошло 25 лет. За эти годы Давид Ионович Бронштейн из юноши превратился в зрелого человека, ареной его творчества были не менее 50 городов в нашей стране и во многих зарубежных странах.

В современной терминологии — матрица «25 (лет) х 50 (городов)» — такова формула странства и времени в его жизненной деятельности, а сама жизнь — это общение с людьми через шахматы, через прессу и лично.

После матча с Ботвинником Бронштейн участвовал еще не раз в отборочных соревнованиях — зональных, межзональных и финальных турнирах претендентов. Я не думаю, чтобы им всецело руководило стремление вторично бороться с чемпионом

или занять определенное регламентированное положение в классификации ФИДЕ. Участие в крупных турнирах позволяло встречаться с лучшими представителями шахматного искусства именно в тот период, когда они находятся в зените своих творческих сил.

Ближайший турнир претендентов состоялся в Цюрихе в 1953 году. Он был многочисленней и заметно сильнее по составу, чем турнир в Будапеште. Здесь Бронштейну впервые предстояло встретиться с экс-чемпионом мира Максом Эйве и с сильнейшим шахматистом Запада Самуилом Решевским. Из наших гроссмейстеров играли «будапештцы» — В. Смыслов, П. Керес, И. Болеславский, А. Котов и дебютанты состязаний претендентов на первен-

ство мира, призеры межзонального турнира 1952 года Ю. Авербах, Е. Геллер, Т. Петросян и М. Тайманов.

Одним из наиболее вероятных победителей турнира считался Решевский, шахматист редкого таланта и необычной судьбы. Он обладал силою мастера, вероятно, уже в возрасте 8 лет. Выступая как вундеркинд, он с успехом давал сеансы одновременной игры, а когда проигрывал, то не мог сдержать слез. Будучи затем взят на воспитание в богатую и религиозную семью, маленький Сэмми прекратил шахматные выступления до завершения образования. Этот шаг его воспитателей многие оценивали как благоразумный — мужчина должен иметь профессию.

Да, во времена Морфи, 130 лет назад, считали, что профессиональный шахматист — это вроде бродячего музыканта или игрока в карты. Пол (Пауль) Морфи, выигрывая матчи, делал своим противникам подарки, примерно равные стоимости полученного им приза, но все же американское общество считало его репутацию небезупречной, потому что он был чем-то вроде шахматного профессионала. Невеста Морфи отказалась от данного ему слова; он умер, так и не женившись.

Любопытно сравнить это с нынешним положением Роберта Фишера, который дошел даже до такой крайности, что и среднюю школу не окончил, считая ее «помехой» шахматам.

Я помню, как Эстер Давыдовна — мать Давида — сокрушалась по поводу того, что война, а затем шахматы не позволили ее сыну получить высшее образование. Один мудрый человек ответил ей:

— Вы хотите, чтобы Давид стал студентом? Разве вы не видите, что он уже профессор?

Среди наших гроссмейстеров есть немало обладателей дипломов инженера, философа, филолога — для гроссмейстера такие дипломы неплохое хобби...

Думается, что на вопрос о профессии гроссмейстер с гордостью может ответить:

«Моя пожизненная профессия — шахматное искусство. И почему такого вопроса никто не задает пианисту, скрипачу, актеру? Тем более что у нас уже есть высшее учебное заведение со специализацией «шахматы».

Возвращаясь, однако, к Решевскому, заметим, что он, подобно своим знаменитым американским предшественникам, в юном возрасте появился в Европе и сразу же достиг сенсационного успеха, взяв первый приз на турнире в Маргэте, где опередил Капабланку и победил его в личной встрече.

В послевоенные годы Решевский играл с крупными шахматистами Запада, неизменно их побеждая, и надеялся в матч-турнире 1948 года занять вакантное место чемпиона. Как известно, ему это не удалось, и он решил сделать повторную попытку в будапештском турни-

ре претендентов 1950 года, но американские власти не дали ему визы на въезд в Венгерскую Народную Республику. И вот теперь он поехал в Цюрих, не скрывая намерения открыть себе дорогу к первенству мира.

В спортивном отношении он провел трудное соревнование неплохо: наравне с Бронштейном и Кересом стал сразу за победителем турнира Смысловым, правда, с разрывом в 2 очка. Бронштейн выиграл у него обе партии, и после этого они долго не встречались в турнирах до межзонального турнира в Бразилии, где в 1974 году Бронштейн выиграл у него в третий раз.

Макс Эйве, нынешний президент ФИДЕ, в последний раз участвовал в отборочном соревновании. Будучи чемпионом мира при жизни Алехина, Капабланки и Ласкера, он как бы передавал новым претендентам эстафету от ушедшего поколения. Единственный в то время экс-чемпион мира (ныне экс-чемпионов стало семеро), он по справедливости считался старостой цеха дебютных теоретиков. Под его руководством в Голландии уже тогда издавался бюллетень с экспресс-информацией и анализом важнейших дебютных новинок. Издал он также объемистое дебютное руководство.

Сейчас информационных изданий такого типа появилось несколько. Вопрос на дебютные новинки возрастает по мере увеличения сумм призов в турни-

рах. На наш взгляд, это «теоретическое» направление малоперспективно, поскольку оно обрушивает на потребителя лавину неупорядоченной информации, которая не обобщается, а классифицируется лишь по внешним признакам. Практически такую информацию можно использовать лишь путем заучивания, ценность ее недолговечна. Но как бы то ни было, в этом жанре д-р Эйве тогда был первым.

Участие экс-чемпиона в крупном турнире ожидалось с большим интересом. Он как бы экзаменовал своих партнеров по знанию модных в то время вариантов. Четыре гроссмейстера получили «неуд», сделав с Эйве всего по одной ничьей из двух партий (хотя и не всегда это объяснялось дебютными промахами), а Смыслов, Авербах и Решевский оказались «отличниками», выиграв у экс-чемпиона обе партии. Д-р Эйве создал вместе с партнерами несколько превосходных произведений, хотя и не всегда выступал в совместном творчестве в качестве победителя.

Из советских гроссмейстеров во главе второго эшелона был самый молодой из них, Т. Петросян, занявший пятое место и показавший зрелую, вдумчивую игру.

Что же касается Бронштейна, то он выступил еще раз как превосходный художник. По причинам нешахматного порядка он недобрал несколько половинок, почему и не занял место, на которое в ином случае мог бы рас-

считывать. Лишь за два дня до начала турнира претендентов выяснилось, что ему придется ехать в Цюрих без секунданта, с которым он готовился два года. И вот, единственный из всех участников, он должен был в одиночку раздумывать о тактике предстоящих встреч, выборе дебюта, анализе отложенных партий, раскладке сил на все 28 туров этого грандиозного соревнования.

А на турнире так нужен друг... Разделишь с ним радость — она становится вдвое больше, поделишь горе — от него останется половина. Вместе с тем на турнире множество дел: надо следить за партиями других участников, знать, что говорят и пишут о его партиях, хочется, наконец, просто отвлечься, поговорить, забыв на время о длинной серии предстоящих сражений.

Все это, конечно, ни в малейшей мере не снижает оценку выдающегося успеха В. Смылова, который провел весь турнир как лидер и завершил его с отрывом в 2 очка, проиграв единственную партию (А. Котову), тогда как у Бронштейна было два поражения, а у других участников минимально по 3—4. По результатам первых пяти победителей между собой впереди были Бронштейн и Смылов — по 5 1/2 очков из восьми партий.

Но, несмотря на неполноту спортивного успеха, для Бронштейна турнир в Цюрихе стал исходным рубежом нового перио-

да жизни: с него началась литературная деятельность Бронштейна. Причем он сразу же выступил на таком уровне, который выдвинул его в первые ряды шахматных литераторов.

Жанры шахматной литературы многочисленны и разнообразны, от «Шахматной новеллы» Стефана Цвейга до справочников по дебютным вариантам. Между этими двумя полюсами лежат биографии, исторические исследования, учебники, книги по стратегии и тактике, рассказы, отчеты, фельетоны, но самый распространенный жанр — комментарии к партиям. Законы его очень устойчивы и за последние 60—80 лет мало изменились. Требуется сначала дать справку по дебюту — где, кто и когда применил этот вариант, затем надо по ходу партии указывать все ошибки, сопровождая их по вкусу комментаторов более или менее подробными вариантами. И, наконец, следует указать переломный момент — решающую комбинацию или отдельный ход. Желательно найти упущенную возможность более быстрого выигрыша или более упорного сопротивления, даже если это не отразилось бы на результате. Эмоции комментатора измеряются числом восклицательных и вопросительных знаков. В практике комментирования выработалось немало штампов, и это однообразие снижает остроту восприятия — партии становятся похожими одна на другую и быстро забываются.

Конечно, у Тартаковера, Рети и у современных нам авторов можно найти отдельные превосходно прокомментированные партии, где раскрываются идеи и планы, но для жанра это не правило, а скорее исключение.

Бронштейн впервые испробовал свои силы как комментатор, когда ему еще не было и 20 лет — в ежемесячнике «Шахматы в СССР», который издавался во время войны на двух языках — русском и английском — Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС). Это был тогда единственный канал, по которому шахматная информация поступала в США, Англию и некоторые страны Латинской Америки. Любители редких шахматных книг и обладатели многотомных библиотек многое отдали бы, чтобы пополнить свои собрания этим уникальным изданием, предпринятым по инициативе председателя ВОКС проф. В. С. Кеменова и Всесоюзной шахматной секции.

Там можно найти наряду с комментариями наших известных мастеров первые работы Бронштейна. С того времени и до Цюриха он прошел всю школу традиционного комментирования и достиг в ее рамках высокого совершенства, прежде чем нашел новую манеру в этом жанре шахматной литературы. Его лучшие произведения — это не сопроводительные примечания, раскрывающие лишь логику ходов, а новеллы по поводу партии, где речь идет о психологии

партнеров, об эстетике комбинации, о логике событий и, конечно, о шахматном механизме реализации идеи.

Что же касается турнирных сборников, то они также издаются с давних пор. И если посмотреть среди них лучшие, то при всем различии конкретного шахматного содержания стиль их и структура в общем одинаковы. Это комплект партий с традиционными сопроводительными примечаниями.

Между тем книга Бронштейна «Международный турнир гроссмейстеров» — не набор партий, а пронизанное сквозным действием литературное произведение, построенное на фактуре турнира претендентов в Цюрихе. По структуре это все еще расположенные по турам партии с комментариями, но по существу Бронштейн здесь во многом предвосхитил стиль Артура Хейли, ему остается только один шаг до профессионального романа. Подчеркивая обобщающий характер книги, Бронштейн в ее названии даже не ссылается на турнир в Цюрихе. Правда, при описании турниров возможности автора несколько ограничены, ибо он обязан писать на определенном, не им созданном шахматном материале. Однако Бронштейн и в этих рамках по-своему трактует сыгранные партии, обобщает планы, раскрывает идеи, реализованные партнерами, а также и те, которые проходили за кулисами или

витами над доской, не прикасаясь к ее клеткам.

Если участники турнира действительно сильнейшие шахматисты мира — а в Цюрихе это так и было, — то и партии имеют определенную взаимосвязь; они насыщены идеями, которые по ходу турнира кристаллизуются, а все соревнование в целом отражает определенный этап в развитии шахматного творчества. Да и в трактовке каждой партии мы видим в произведениях Бронштейна совершенно иной подход: он из плоскости логики переходит в пространство импровизации в шахматном искусстве.

Его интересуют не столько отдельные ходы, сколько общая концепция борьбы идей. Он рассказывает, почему этот мастер победил, а не почему тот проиграл. Он подчеркивает и раскрывает эмоциональное воздействие, не забывая, конечно, и чисто шахматный механизм борьбы. «Да, партнер ошибся, — говорит Бронштейн, — но почему? Что заставило его ошибиться? Ошибки не происходят случайно, это заметил еще Зигмунд Фрейд. Ошибки на шахматной доске, как и беды в нашей жизни, не ходят в одиночку».

При анализе вариантов он исходит из стратегических замыслов. В единичном он ищет и раскрывает проявление общего. И поэтому в его комментариях читатель находит познавательную и эстетическую ценность. Примечания хорошего мастера, выполненные в тра-

диционной манере, порой информативны, но, как правило, не очень содержательны. Это не игра слов, а истина. Много информации — это не всегда много содержания, если информация подается в форме, которую не легко усвоить, или же, будучи усвоена, оказывается в дальнейшем бесполезна.

Работая над книгой, Бронштейн, по его словам, исходил из того, что каждая полноценная шахматная партия — художественное произведение, создаваемое в борьбе двух равных по классу мастеров. Ядро шахматной партии — борьба замыслов, борьба идей, достигающая высшей остроты в середине игры.

Бронштейн старался не перегружать свою книгу вариантами. В этом отношении «Турнир гроссмейстеров» принципиально отличается от сборника партий турнира в Нью-Йорке 1924 года. Этот сборник считается классическим произведением в своем жанре, но пределы самого жанра небезграничны. Между тем кредо Бронштейна — «Варианты интересны, если раскрывают красоту шахмат; они бесполезны, если переходят за грань того, что практически может рассчитать человек; варианты вредны, если ими хотят подменить описание и объяснение таких позиций, где исход борьбы решается импровизацией, талантом» — всегда будет по душе любителю шахмат.

И не случайно «Международ-

ный турнир гроссмейстеров», изданный большим тиражом, разошелся буквально за две недели. Книготорг заказал для второго издания еще больший тираж, который столь же быстро был распродан.

Было получено множество писем с теплыми словами в адрес молодого автора — ему едва исполнилось 30 лет. Запомнилось ему письмо одного инженера, который купил книгу. Придя домой, он сразу же вместе с женой начал ее читать, и они долго не могли оторваться, хотя жена не умела играть в шахматы.

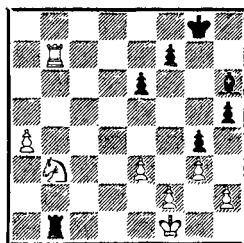
Что же привлекает в книге? Психология гроссмейстеров. Аналогии между шахматными и жизненными ситуациями. Богатство образов, тонкая ирония, добрый юмор.

Есть, например, размышления об ошибках за доской:

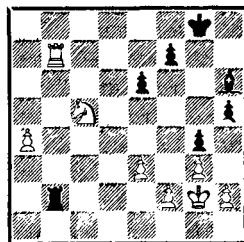
«Читатель... не станет слишком сурово осуждать мастеров (за ошибки. — Б. В.), если представит себе особенности шахматной борьбы. За доской сидит живой человек со своими сегодняшними мыслями и переживаниями, иной раз далекими от шахмат. Выбирая план игры или даже очередной ход, он невольно соотносится со своим положением в турнире, вспоминает результат вчерашней партии, смотрит на доски других участников. Партия — не анализ: все нужно рассчитать в уме, фигуры двигать нельзя, в справочник не посмотреть, посоветоваться не с кем... Гроссмейстер задумался;

бросил последний взгляд на часы — пора решаться, рискну! Он переставил коня на е5. Легко, конечно, год спустя, познакомившись со всеми анализами, просидев не один день над позицией, авторитетно сообщить читателю: «Ошибка. Следовало предпочесть осторожное Ke1...»

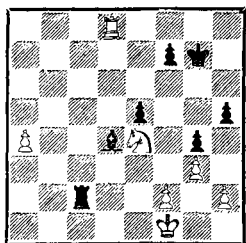
А вот еще одно интересное место из книги. Бронштейн подметил любопытный и очень типичный для жизни эпизод. Действие первое: Котов отказывается от безмолвно предложенной ему ничьей. Его противник Керес, имея в окончании пешкой меньше, повторяет ходы, хотя позиция его, пожалуй, предпочтительнее.

Действие второе: Котов уклоняется от повторения ходов и тут же теряет пешку, позиция его внушает крайнюю тревогу.

Действие третье: Котов призывает на помощь всю свою изобретательность и проводит замечательную идею... Итак, спустя 20 ходов после того, как Котов отказался от простой ничьей, он с большим трудом делает этюдную ничью.

43. Лd6!! Если 43...f5, то 44. Лd7+ Кpf8 45. Кf6 Л: f2+ 46. Кре1. Результат 1 : 0 в пользу шахматного искусства. Только оно и осталось в выигрыше, а партнеры получили по половинке.

Бронштейн все объяснил с высоких позиций, а под конец, переходя от метафор шахматной поэзии к прозе игры в цейтноте, добавляет в манере Санчо-Пансы: «Впрочем, он (Котов), вероятно, в сильном цейтноте просто не видел, что черные могут взять пешку...»

Разумеется, оно так и было, но все-таки игра Котова на редкость элегантна! Так и в жизни благородные поступки и красивые результаты порой бывают следствием прозаических причин. «Боевой дух торжествует над разумом», — иронизирует Бронштейн, намекая на известный афоризм С. Тар-

такова: «Дух торжествует над материей».

Шахматные критики не во всем были согласны с автором (например, в его оценке «шахматного романтизма»), но единодушно отметили издание этой книги как значительное событие.

Петр Арсеньевич Романовский, учитель целого поколения советских шахматистов, строгий ценитель и глубокий знаток стратегии шахмат, писал о книге Бронштейна: «В комментариях, где Бронштейн встает на позиции объективности, где он задается целью помочь читателю разобраться в той или иной позиционной обстановке, где он учит оценивать планы, он становится настоящим педагогом, и его беседы исключительно полезны и содержательны. Это, кстати, и составляет главное содержание книги».

К этому надо добавить удивительное качество Бронштейна как автора — его психологическую совместимость с читателем. Он никогда не стремится занять доминирующее положение по отношению к читателю, он размышляет вместе с ним, становится как бы на его место.

«Читая в книгах о слабости черных полей или об атаке по черным полям, я долго подозревал, что речь идет о чем-то непонятном не только мне, но и самим авторам. Действительно, говорил я себе, черные поля у противника слабы, когда его пешки стоят на белых полях и у него нет чернопольного слона. Но

тогда он, конечно, уберет все фигуры с черных полей, и что же мне атаковать?

Так я рассуждал, пока не понял однажды, что слабость черных полей есть в то же время и слабость белых полей. Атака по черным полям в том и заключается, что, ставя свои пешки и фигуры на черное, я нападаю на фигуры и пешки противника, расположенные на белом».

Далее Бронштейн показывает, как эта слабость полей могла быть реализована в конкретной партии.

Или другая беседа: Глигорич в дебюте пошел два раза кряду одной и той же фигурой...

Бронштейн пишет: «Нарушение одного из классических дебютных принципов — не ходить два раза одной и той же фигурой. Белые готовы пойти не только два, но даже три раза, чтобы перевести коня на с4. Значит ли это, что сам принцип неверен? Конечно, нет!

Дело в том, что черные раньше уже дважды отступали от классических правил — они обменяли свою центральную пешку на фланговую, добровольно создали себе отсталую пешку... и последним ходом создали еще и слабость на черных полях. Другой вопрос, что черные получили взамен, но если один партнер будет вести конкретную игру, а другой думать лишь о соблюдении правил, то победителя партии угадать нетрудно...»

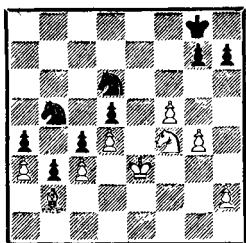
Возьмем для наглядности крайний случай: 1. f3 e6 2. g4.

Что делать черным? Ходить ферзем в самом начале партии не рекомендуется, но в данном случае, учитывая допущенные белыми отклонения от «принципов», ход 2... Фh4× не так уж плох.

А вот еще одна замечательная по своей глубине стратегическая идея. «Даже в разгаре миттельшпильного боя мастер всегда должен думать о контурах предстоящего эндшпиля. Исход многих партий, в том числе и таких, где король едва спасался от прямых угроз и разгром казался неизбежным, решался лишь в глубоком эндшпилье». Рассказывая далее о партии Эйве — Авербах, Бронштейн продолжает: «Авербах уже в начальной стадии выбрал план, связанный с созданием проходной пешки на ферзевом фланге. Зная, что по мере уменьшения числа фигур значение проходной пешки обычно возрастает, Авербах примирился с временными неудобствами лобовой атаки Эйве. Партия завершилась изящной жертвой коня именно на том участке, где ждала своего часа проходная пешка b3». Здесь для понимания мировоззрения Бронштейна крайне важно зафиксировать, что партия была решена не автоматизированным продвижением пешки в ферзи, а превосходной комбинацией.

«Обе стороны завершили подготовку — белый конь готов перейти на e6, а черные...»

36... К : a3! «Авербах жертвует коня, чтобы срочно проложить дорогу пешкам. Комбина-

ция очень изящна». 37. С : а3 Kb5 38. Сс1 К : с3 39. Ке2.

Как будто все в порядке, но последовало 39... Kb1!, и белые сдались. А все дело в том, что в случае 39... К : е2 40. Кр : е2 с3 черные не выигрывают, хотя и забирают обратно пожертвованную фигуру, сохраняя лишнюю пешку в пешечном эндшпиле.

Итак, главным результатом цюрихского турнира для Бронштейна — а быть может, и не только для него — было начало его литературной деятельности и создание нового, своеобразного жанра. Его манеру описания партий критики порой рассматривали как эксцентричную, вряд ли уместную даже для большого мастера. Как это можно наделять характерами шахматные фигуры! «Пешка вызывает досаду у слона»? Нельзя писать о перспективах проходной пешки: «если бы не было волков, наша коза добралась бы до Мекки». Но при помощи этой кажущейся наивности Бронштейн подчеркивает аналогии между шахматными и жизненными ситуациями. Ведь и Ласкер применял этот стилистический прием. И в результате получилось, что

книга читается как роман, а ее шахматный материал профессионально безупречен. Редчайший случай: на 400 страницах была найдена всего одна ошибка, и то несущественная.

И вот необычная книга живет, пользуется любовью читателей и более того — оказывает влияние на других авторов. Игнорировать новую манеру комментирования стало невозможно, она постепенно проникает на страницы книг и журналов у нас и на Западе. В этом смысле допустимо сравнение шахматиста Бронштейна с новатором форм стихосложения поэтом Велемиром Хлебниковым.

В 1970 году вышла в свет еще одна книга Бронштейна — «200 открытых партий». Она не похожа на «Международный турнир гроссмейстеров». Каждой партии посвящается одна или две страницы; текст партии сопровождается диаграммой и краткое описание хода борьбы, а иногда размышления по поводу партии.

Бронштейн систематически выступает как шахматный обозреватель, журналист и публицист. Он автор многих итоговых статей и обзоров крупнейших шахматных событий, в том числе матчей на первенство мира. В каждом таком обзоре обычно затрагивается какой-нибудь крупный вопрос шахматного движения. Ведь это он первый предложил матчевую систему отбора претендентов на первенство мира, он впервые организовал запись времени, истраченного на

обдумывание каждого хода; по его предложению было организовано традиционное теперь соревнование на «Кубок СССР по шахматам» (победителем которого он и стал).

Вспоминая его публицистические выступления, мы хотели бы привести фрагменты статьи «Последний реванш», посвященной второму матчу М. Ботвинника с чемпионом мира М. Талем.

«В последний раз,— писал Бронштейн,— экс-чемпиону мира предоставлена возможность в матч-реванше вернуть утерянное звание.

Возьмет ли Михаил Ботвинник свой последний реванш? Этот вопрос, как никогда, волнует любителей шахмат. Но по странной традиции гроссмейстеры обычно уклоняются от прямого ответа. Не знаю, почему считается не тактичным высказывать мнение о результатах матча до его окончания. Эксперты считают, что во всех отношениях удобнее делать это, когда матч кончится.

Эту традицию нарушил В. Панов и в присущей ему остроумной манере выступил с «пророчеством» о победе Михаила Таля. Уже на старте матча он сделал вывод, что «противники остались верны самим себе, своим органическим достоинствам и недостаткам, а несколько аналогий должны убедить читателя, что в матче наступил перелом в пользу Таля».

Однако,— пишет далее Бронштейн,— профессия пророков издревле была нелегка, а участь

порой незавидна. Вспомним хотя бы Кассандру. Она предсказывала только мрачные события, никто ей не верил, и в конечном счете она погибла. А другой провидец — Лаокоон советовал троянцам не брать пожертвованного коня. Те не послушались — взяли коня и проиграли Троя. Но Лаокоон погиб, так и не узнав, что его пророчество сбылось».

В. Панов был не одинок в своем мнении. Многие авторитеты считали попытку Ботвинника взять реванш безнадежной.

«Во-первых,— говорят они,— разница в возрасте — 25 лет... В каком виде спорта возможно соревнование в таких условиях? Во-вторых, разве преимущество Таля не доказано его победой с крупным счетом в предыдущем матче? И, наконец,— добавляют они,— почти во всех последних состязаниях подтверждается сила не только самого Таля, но и возглавляемого им шахматного стиля, основанного на переоценке классических принципов или даже на полном отказе от них, на стремлении к острому, запутанным ситуациям».

«Я сознательно сгустил краски,— продолжает Бронштейн,— и собрал воедино аргументы, выдвигаемые сторонниками творчества Таля. И все же я с ними не согласен. Мне кажется, что у нашего «старого» Ботвинника достаточно сил, чтобы вернуть звание чемпиона мира.

Разница в возрасте... Действительно, некоторые шахматис-

ты, приближаясь к сорока годам, переживают спортивный кризис. Особенно это относится к тем, кто слишком щедро расходовал свои творческие ресурсы, играя по несколько раз в году в трудных и продолжительных соревнованиях.

Заметный спад шахматной силы происходит с приближением критического возраста у некоторых гроссмейстеров, поскольку с годами они теряют скорость реакции и не могут с привычной для них быстротой просчитывать многоходовые комбинации. Но не все шахматисты таковы. Вспомним Эмануила Ласкера. В Остраве Моравской в зрелом возрасте он наголову разбил всю тогдашнюю гроссмейстерскую молодежь, в Нью-Йорке в 1924 году ему было добрых 55, и он занял первое место впереди Капабланки, Алехина, Маршала, Рети, Боголюбова.

А Григорий Яковлевич Левенфиш, начав свою шахматную карьеру в юном возрасте, примерно к 50 годам достиг крупнейших успехов: занял первое место в чемпионате СССР и завоевал гроссмейстерское звание в матче с Ботвинником, который на 20 с лишним лет моложе. Значит, далеко не для всех шахматистов возраст играет решающую роль».

Если же говорить об аналогиях, то вернее искать их не в спорте, а в искусстве, где вполне возможно соревнование при большой разнице в годах. Ведь Давид Ойстрах до последних

своих дней был как виртуоз, надо думать, не хуже своего сына, а Святослав Рихтер, несмотря на разницу в годах, превосходит многих других пианистов нашего времени. А Юрий Файер, Арам Хачатурян... Они ведь постарше Ботвинника!

«Победа Михаила Таля в прошлогоднем матче на первенство мира несомненно одно из наиболее ярких событий в шахматной истории, проявление великолепных спортивных качеств юного гроссмейстера, его сверкающего многогранного таланта. И все же я не могу избавиться от ощущения, что Ботвинник в том матче не проявил полностью свою силу. Это не только интуитивное впечатление, но и результат анализа партий первого матча. Здесь не место вдаваться в подробности, но прошу читателя поверить мне, что в прошлом году преимущество нового стиля не было вполне доказано. То же можно сказать и о последнем чемпионате СССР, победитель которого Тигран Петросян — несомненный, на мой взгляд, участник ближайшего очередного матча на первенство мира — не принадлежит к новому стилю.

Что же это за новый стиль?»

Далее Бронштейн размышляет об интуитивном стиле и приходит к заключению, что почти все крупные шахматисты нашего времени первоначально выдвинулись на основе именно этой способности к интуитивному выбору (или молниеносному рас-

чету) правильных продолжений. И лишь в дальнейшем они накапливали опыт, знания, понимание законов шахматной стратегии, приобретая свои индивидуальные черты, формирующие творческий облик шахматиста.

Но ни один из них даже в пору высшего своего расцвета не обладал интуицией и талантом быстрого расчета в такой мере, как чемпион мира Михаил Таль.

«Интуитивный шахматист любой ценой стремится затянуть противника в такую ситуацию, где материальное и позиционное равновесие нарушено на нескольких участках, где исчезли руководящие признаки для объективной оценки и невозможно найти рычаги и точки приложения сил шахматной логики...

Поэтому в борьбе шахматистов двух разных стилей один ставит себе целью «завлечь» противника в пучину осложнений, а другой стремится «вытащить» партнера на твердую почву логической стратегии.

... Стиль Таля или Корчного часто называют комбинационным. Есть ли один шахматист, который не ценит больше всего на свете прелесть комбинаций? Но трудно поверить, чтобы шахматные комбинации можно было создавать из ничего, вроде того как иллюзионист хватается прямо из воздуха зажженные папиросы. Комбинация — это цветок, порожденный фантазией шахматиста, но создаваемый не одной фантазией, а еще трудом и заботой.

Подлинная комбинация не получится, если просто перемешивать ложкой в кастрюле изолированные пешки, слабые пункты и централизованные фигуры, подогревая это кушанье на огне цейтнота».

Ход борьбы в матч-реванше показал, что Ботвиннику не раз удавалось погасить искры прежде, чем Таль успевал разжечь костер сверкающих комбинаций. Более того, Ботвинник сам порой вступал на комбинационный путь, подготовленный его блестящей стратегической игрой в дебюте и при переходе к серединной стадии.

Сила и слабость Ботвинника в том, что он не идет на комбинации, если они логически не вытекают из позиции и он не в состоянии их рассчитать до самого конца. Слабость и сила Таля в том, что он бросается в омут осложнений, даже если не может мысленно довести их до ясного результата. Бронштейн завершает свою оценку, говоря:

«Итак, Ботвинник борется не только за звание чемпиона, но и за классический шахматный стиль, наиболее ярким представителем которого он был в течение десятилетий. И поскольку этот стиль по своему содержанию, как мне кажется, выше интуитивного, то Ботвинник должен одержать победу».

Замечаете ли вы, читая фрагменты статьи через полтора десятилетия после того, как она была опубликована, точность характеристик? Прогноз результа-

та, который полностью по твердился в матче, основан не на гаданиях и симпатиях, а на анализе стилей и на шахматном мировоззрении Бронштейна. К тому же он указал и следующего претендента — Т. Петросяна и довольно ясно дал понять, что считает его вероятным победителем. Хорошая публицистика!

Итак, турнир в Цюрихе положил начало новому этапу в жизни гроссмейстера. С тех пор его литературная деятельность не прекращается. А спортивные выступления между тем шли своим чередом.

По условиям турнира в Цюрихе второй призер получал право без отбора играть в следующем турнире претендентов. Поскольку на этом месте расположились три гроссмейстера — Д. Бронштейн, П. Керес, С. Решевский, то полагалось бы играть матч-турнир. Однако гроссмейстеры, следуя принципу «в тесноте, да не в обиде», не захотели спорить между собой. Советские джентльмены посторонились и пропустили американского коллегу прямо в турнир претендентов. Сами же они дали согласие сыграть в межзональном, который проходил в Гётеборге с 15 августа по 25 сентября 1955 года. Они считали, что турнирная тренировка будет им полезна, да и формула выхода в следующий этап отбора была не слишком сложна — девять из двадцати одного.

Турнир в Гётеборге был, правда, очень сильным. Кроме

известных нам участников цюрихского турнира — Геллера, Найдорфа, Петросяна, Сабо, Штальберга появились новые имена, и среди них наши Спасский и Илвицкий, Панно и Пильник (Аргентина), Бисгайер и Доннер (США), Филип (Чехословакия), Фудерер и Рабар (Югославия) и другие.

Бронштейн приехал в Гётеборг в хорошем настроении. Ему хотелось играть, он чувствовал себя отлично. Его сопровождал в качестве секунданта Семен Фурман — рассудительный, неторопливый, хладнокровный человек, глубокий знаток дебютных вариантов. Инженеру Фурману принадлежала роль как бы регулятора энергии Бронштейна, который зачастую работал на критических параметрах.

«Белыми выигрывать, черными делать ничьи» — таково кредо С. Фурмана. Многие с ним готовы полностью согласиться, но не всегда удается это сделать...

Белыми или черными, но Бронштейн, соблюдая график, 10 партий выиграл (правда, из них две черными), 10 сыграл вничью и занял первое место с отрывом в полтора очка, хотя в заключительной стадии турнира играл далеко не на пределе своей силы.

Украшением турнира была получившая первый приз за красоту фантастическая партия Бронштейн — Керес.

Сразу же после окончания партии в седьмом туре старейший чехословацкий мастер Ка-

рел Опоченский выдал Бронштейну, как он сказал, «аванс в счет первого приза за красоту» — вазу чешского хрусталя. Официальный приз был вручен Бронштейну позднее — на закрытии турнира.

Гётеборгский калейдоскоп. В турнире участвовали 6 советских шахматистов. При жеребьевке им заранее были даны шесть первых номеров кряду с таким расчетом, чтобы все партии между собой они сыграли в первых турах. Такой же способ жеребьевки был применен и по отношению к четверым представителям Аргентины, получившим средние номера.

Сложилась такая ситуация, что другим участникам пришлось играть по пять-шесть партий подряд с советскими шахматистами. На этом своеобразном «частоколе» Унцикер набрал всего полтора очка, Фудерер — столько же, Гимар — целых два очка. Только Найдорфу, который победил Спасского и Ивлицкого, удалось превзойти уровень 50 процентов.

В результате такой жеребьевки в одном из туров все четыре аргентинца играли — все четверо черными! — с советскими мастерами. Трое из них — Найдорф, Панно и Пильник — избрали один и тот же форсированный вариант сицилианской защиты — вплоть до 13-го хода. И все трое проиграли!

Этот исключительный случай известен в истории турниров как «Аргентинская трагедия», но можно было бы его назвать «Сицилийская вечерня».

Турнир в Гётеборге первоначально был запланирован на 24 участника, но Решевский, Эванс и Яновский (Канада) не приехали. С просьбой допустить их к участию на свободные места обратились А. Котов, Х. Болбочан и В. Пирц (Югославия). Безусловно, Котов имел моральное право играть в очередном межзональном турнире. Он на предыдущем межзональном занял первое место с отрывом в 3 очка.

Как бы то ни было, вопрос поставили на голосование по поводу сразу

всех троих. Подробности этого голосования рассказаны А. Котовым в его книжке «Мастерство». Можно пожалеть, что он не был допущен в турнир и после уже никогда не доходил до межзональных турниров.

Тигран Петросян, который в Цюрихе с первой попытки занял пятое место, непосредственно за фаворитами, и в Гётеборге напомнил о себе. На этот раз он был четвертым — за Кересом и Панно. Как и Бронштейн, он прошел весь турнир без поражений и с крупным счетом $+5=15$.

После блестящей победы в Гётеборге Бронштейн на турнире претендентов в Амстердаме считался одним из первых «фаворитов». Однако игра у него не пошла. Во втором туре Петросян подставил ему на гладком месте ферзя. Вернее, не подставил, а оставил под ударом напавшего на него коня. Позиция же его была превосходна, и он, не случись этого несчастья, вероятно, выиграл бы партию. Потом Бронштейн рассказывал мне, что Петросян в сильнейшем цейтноте противника решил сделать молниеносную серию ходов (у него запас времени был солидный). Тактика эта принесла свои плоды: Бронштейн прежде, чем взять ферзя, затратил 3 секунды из оставшихся десяти на поиски «логичного» хода. Петросян сдался сразу, а сделай он любой ход, флажок на часах черных упал бы неминуемо. Когда же Бронштейн бил злосчастного ферзя, его мучила одна мысль: «Боже, какой позор просрочить время с лишним ферзем! И ничью предложить — то-

же...» Он не успел додумать, как часы были остановлены.

Эта нелепая история изрядно испортила Бронштейну настроение. Сознание неполноценности победы может мешать шахматисту больше, чем помогает такое незаслуженное очко. Разумеется, невозможно не взять ферзя, но потом призрак его являлся Бронштейну много раз.

Событие это было названо «зевок столетия». Действительно, после того как Чигорин в прошлом веке зевнул Стейницу мат в матче на первенство мира, ничего подобного в крупных турнирах не случалось, особенно с Петросяном.

Дальше Бронштейн делал ничью за ничьей, но к концу первого круга выиграл еще одну партию, а всего набрал 5 ½ очков из 9 партий, то есть даже больше, чем в первом круге будапештского турнира. Впереди был только Геллер, а Смыслов, проигравший Спасскому, отстал на пол-очка.

Начался второй круг, и Бронштейн сразу же проиграл — Кересу белыми в испанской партии. Керес взял реванш за последний тур в Будапеште. Но финиш был еще впереди, и Бронштейн не терял надежды. Неудача подстерегала его в партии с Б. Спасским. Бронштейн подготовил черными форсированный вариант староиндийской защиты с жертвой ферзя за две легкие фигуры. Жертва вообще-то очень интересна, но я думаю, что выбор варианта был ошибочен:

Бронштейн пытался насильственным путем переломить позицию, которая еще объективно не созрела для перевода ее в хаотическое состояние. Такой подход если и уместен, то лишь против логического шахматиста, который не очень хорошо считает варианты или не обладает психологической прочностью, устойчивостью. Где-то Бронштейн упустил свой шанс, но надо отдать должное совсем еще юному Спасскому. Сначала он превосходно провел счетную фазу партии, играя «ход на ход», а затем реализовал материальное преимущество.

Но для Бронштейна еще не все было потеряно. Победив сначала Пильника, а затем своего конкурента Геллера, он после 15-го тура вошел вместе со Смысловым и Кересом в число лидеров. И лишь в 16-м туре, допустив в тяжелой защите ошибку в партии против Смылова, он поздравил своего партнера с победой и фактически с первым местом в турнире.

Турнир в Амстердаме был интересен во многих отношениях. Во-первых, Смыслов, вторично завоевав право играть матч на первенство мира, заявил о себе как о главном сопернике М. Ботвинника. Во-вторых, хороший результат Петросяна, который в компании с Бронштейном, Геллером, Сабо и Спасским разделил 3—7-места, мог быть гораздо лучше, если бы не серия невероятных промахов, которые прежде были ему не свойственны.

Петросян со второй попытки (после Цюриха) очень четко дал понять, с какой стороны чемпион мира может ожидать опасности в недалеком будущем.

Что же касается Бронштейна, то на его игре лежал отпечаток какой-то вялости. Он сделал много ничьих, ему не удалось победить основных соперников — Смыслова и Кереса, да и в творческом отношении он провел турнир ниже своего обычного уровня. Я думаю, что сказались усталость и перенапряжение после серии крупных соревнований. Возможно, он несколько снизил в этот период уровень физической подготовки — в этом отношении Смыслов, Керес, Геллер и Спасский явно превосходили его, все четверо.

Как бы то ни было, следующий цикл отборочных соревнований ему пришлось начать с зонального турнира. Это был чемпионат СССР 1958 года, происходивший в Риге — родном городе М. Талья. Надо сказать, что Таль занял первое место и в предыдущем чемпионате. Тогда на финише сложилась любопытная ситуация: у Бронштейна, Талья и Толуша было по 13 очков, а у Кереса — 12 $\frac{1}{2}$. В последнем туре Таль играл с Толушем, Бронштейн — с Холмовым. И если бы обе партии окончились вничью, то трое разделили бы первое место, да к ним мог бы присоединиться Керес. Трое из числа участников этих двух решающих партий как

будто не возражали против такого исхода, но Толуш сказал мне:

«Буду я третьим или пятым — мне в конце концов безразлично. Но шанс стать чемпионом у меня впервые и, боюсь, не повторится. Пусть Дэвик выигрывает, если сможет, а я буду бороться до конца».

Александр Казимирович Толуш был смелый шахматист и любил риск. Он во все игры играл хорошо — не только в шахматы — и всюду рисковал: и в покере, и в преферансе, и на бегах. В шахматах он был автором многих красивых комбинаций, хотя играл неровно. Толуш единственный из шахматистов мира дал натуральный мат не более и не менее как М. Ботвиннику. Я был свидетелем этого удивительного события. В XIII чемпионате СССР М. Ботвинник в безнадежной позиции не успел сдаться, сделал ход, а Толуш улыбнулся и, наклонившись к партнеру, доверительно произнес:

— Михаил Моисеевич, здесь же мат, — и указал пальцем на поле e7. Ботвинник тоже улыбнулся и остановил часы, но Толуш все же записал на бланке свой матующий ход.

Что же касается партии с Талем, то Толуш ее быстро проиграл.

Бронштейн не стал обострять игру с Холмовым. Противники сделали по 40 ходов, и он предложил ничью в позиции, где еще можно было играть. Он

всегда симпатизировал Талю и, мне кажется, подсознательно хотел, чтобы Таль стал чемпионом СССР.

Вернемся, однако, к чемпионату СССР 1958 года, который был одновременно зональным турниром на первенство мира. Поэтому при очень сильном его составе: Петросян, Спасский, Таль, Авербах, Геллер, Толуш, Корчной — борьба до самого конца складывалась своеобразно. Некоторые участники заранее ограничили свою цель пятым местом, дающим право на выход в межзональный турнир. Но, конечно, стремления Талья были направлены на максимум.

Не то что стены родного города, даже мостовые и тротуары, шпили и обелиски городских зданий взывали к небу, требуя, чтобы любимец Латвии, этот шахматный Паганини вновь получил золотую медаль и приблизился к исполнению заветной мечты каждого шахматиста.

Несомненно, Михаил Нехемьевич Таль — один из крупнейших шахматных талантов всех времен.

Победы его столь ярки и впечатляющи, что уже не первый раз в истории шахмат возникла версия о гипнотическом воздействии на партнеров.

Шахматный механизм его успехов был тогда далеко не всем понятен, но сегодня мы можем сказать, что в его основе лежит, во-первых, природный талант к далекому расчету сложных вариантов — в этом он превосхо-

дил всех своих современников (Бронштейн писал об этом еще в 1957 году), а во-вторых, умение переводить стандартные логические позиции в категорию хаотических, интуитивных.

В этом отношении он близок по направлению к творчеству Бронштейна и, как сам не раз говорил, считает себя его последователем. Таль сказал об этом, едва вступив на арену больших шахмат, он подтверждает это и сейчас. Лишь недавно, отвечая на вопрос о своих любимых шахматистах, он сказал:

— Да, Бронштейн — шахматист, идеями которого я всегда восторгаюсь.

Вообще Таль о своих коллегах всегда отзывался очень уважительно. Он в этом отношении — полная противоположность тем шахматистам, которые свое самовыражение ищут в унижении других.

Что же касается внушения как одного из элементов шахматной борьбы, то такую возможность, не относя ее персонально к Талю, не следует все же отбрасывать от порога. Еще о Ласкере говорили: уж не гипнотизирует ли он противников? Но это звучало скорей как насмешка над неудачливыми партнерами, которые, не зная, чем объяснить свои поражения, притаскивают за уши «гипноз». Ведь в то время гипноз и гипнотическое внушение трактовали порой как полушарлатанское занятие или эстрадно-цирковое мероприятие с факирами, пассами, усып-

лением и т. п. Поэтому никто всерьез версию о гипнозе не принимал.

Однако матч Ласкер — Шлехтер, вероятно, навсегда останется загадкой в шахматной истории, поскольку ни его участников, ни современников нет в живых, а события, которые тогда произошли, не поддаются рациональному объяснению.

Как известно, матч из 10 партий начался четырьмя ничьими, после чего Ласкер проиграл пятую партию. В следующих четырех партиях все попытки Ласкера перевести борьбу в русло хаотических позиций наталкивались на несокрушимую логику и высокую технику Шлехтера. Все партии закончились вничью, причем Шлехтер избегал даже выгодных для себя осложнений, не пытался играть на выигрыш. В 10-й партии Ласкер пошел на ничем не оправданные жертвы, ослабил позицию короля, как бы приглашая Шлехтера голыми руками взять очко вместо привычной половинки. Шлехтер в этой партии никак не напоминал гроссмейстера, он едва держался на уровне участника сеанса одновременной игры и проиграл.

Правда, на Ласкера «потерпевшие», насколько мне известно, прямо никогда не жаловались, а о гипнозе говорили лишь предположительно, почти что в шутку. Но у Таля сложилась иная ситуация, когда Бенко прямо заявил, что Таль его застав-

ляет проигрывать, применяя внушения. Под иронические комментарии шахматной прессы всего мира Бенко стал приходить на игру с Талем в черных очках, но, несмотря на принятые «меры», проиграл три партии из четырех в матч-турнире претендентов.

Этим, казалось бы, и решен вопрос: «Вот видите, и очки надел, а все же проиграл: значит, не было никакого гипноза». Но этот силлогизм слабоват: быть может, внушение было и осталось, а просто черные очки — плохое лекарство против гипноза.

От Бенко больше жалоб не поступало, хотя он с Талем за доской встречался в Карюсао (1962), но вопрос о том, возможно ли внушение в шахматной борьбе и применялось ли оно когда-нибудь, черными очками нисколько не снимается.

Разумеется, нам понятно психологическое состояние сильного шахматиста после неожиданного поражения. Он ищет объяснение: плохо спал, голова болела, долго ждал официанта за обедом, партнер его нарочно раздражал, было шумно в зале... противник внушил ему плохой ход... Стоп! Здесь что-то есть!

Ведь внушение это — не чертовщина какая-нибудь, не мистика и не шарлатанство, а вполне материальный процесс, хорошо изученный современной медицинской и психологией и применяемый, когда нужно, для лечебных целей. В наше время вполне

возможно внушение без усыпления и без факиров...

Мало кому известно, что Вольф Григорьевич Мессинг, один из интереснейших людей среди наших современников, обладает колоссальной силой внушения. Он выступал на эстраде, угадывая мысли (поскольку наша медицина не одобряла публичную демонстрацию гипноза и других видов внушения). Но я был свидетелем сеанса внушения. Поскольку это произошло более 30 лет назад, я не нарушу этики, если расскажу об этом случае.

Во время матча Москва — Прага (1946 г.) Мессинг завтракал в том же ресторане, что и участники матча. В беседе с товарищами во время завтрака И. Бондаревский высказал недоверие к опытам Мессинга и сказал, что его, Бондаревского, мысли Мессинг никогда не угадает. А. Лилиенталь, будучи знаком с Мессингом, передал ему этот разговор, на что Мессинг, человек исключительно мягкий и тактичный, с улыбкой ответил, что, если Бондаревский захочет, он мог бы ему свои способности доказать.

Договорились провести сеанс Мессинга в узком кругу участников и зрителей и при любых предложенных Бондаревским формах контроля. Был выбран заключительный день матча, уже после его окончания, когда для доигрывания осталась лишь одна партия Бондаревского.

С. Флор по просьбе товарищей взял на себя функции организатора. В числе зрителей были участники матча, их жены и друзья. Посторонних не было. Председателем жюри был единодушно избран А. Котов. И надо же случиться, чтобы к началу сеанса, назначенному на 15 часов, единственная отложенная партия не была закончена, хотя доигрывалась в третий раз. Партнеры играли не на сцене, а в комнате для артистов за сценой. Я зашел туда за 15 минут до трех часов — зрителей не было, а позиция мало изменилась по сравнению с тем, что было на предыдущем доигрывании, которое продолжалось четыре часа или около того.

В комнату вошел Мессинг, а Бондаревский поднялся ему навстречу и негромким голосом, чтобы не потревожить думавшего над ходом партнера, сказал:

— Как жаль, я не смогу участвовать в вашем сеансе: партия наша не закончена.

— Жаль, конечно, — ответил Мессинг, — но, как знать, быть может, вы и успеете.

Мессинг не подошел к доске, а лишь издали посмотрел на шахматистов и удалился. Я отправился в зрительный зал.

В три часа ассистентка Мессинга объявила о начале сеанса. В ту же минуту на сцену вышел Бондаревский и сообщил, что его партнер сдался.

— Вот видите, — с улыбкой сказал Мессинг, — я же говорил, что вы успеете.

Сеанс Мессинга прошел с большим успехом, он выполнил все сложные задания участников. Бондаревский в запас прочности дал ему мысленно дополнительное задание, которое не было указано в записке, переданной Котову. Это вызвало некоторое замешательство в жюри.

— Вы делаете не то, что написано в задании.

Мессинг вместо ответа посмотрел на Бондаревского.

— Нет,— сказал Бондаревский,— он делает как раз то, что записано на отдельной бумажке, которую я не отдал в жюри, а для верности спрятал в свой карман. Вот она...

Если допустить на минуту как рабочую гипотезу, что Таль действительно, подобно Мессингу, обладает способностью внушения, то можно сказать, что никогда у него не было столь подходящего случая использовать эту свою способность, как в чемпионате страны 1958 года. И можно привести по крайней мере два эпизода из этого чемпионата, которые подтверждают эту рабочую гипотезу, тогда как объяснить их никаким другим способом невозможно. Разумеется, из этого пока не вытекает, что гипотеза верна.

Первый эпизод описан талантливым литератором и журналистом Вик. Васильевым в следующих выражениях.

«А можно ли считать «везением» для Таля, что Геллер поставил ему ладью? Уж тут-то,

казалось бы, фортуна бесспорно улыбнулась Талю. Так-то оно так, да не совсем. Да, Геллер действительно совершил грубый промах, тут спорить не приходится. Но прежде чем потерпеть кораблекрушение на отчетливо видимых рифах, Геллер искусно избежал множества подводных камней.

Вот он разгадал одну ловушку Таля, другую, вот он разглядел один коварный замысел, нашел и обезвредил еще одну ловушку. А напряжение не ослабевает, Таль не дает передышки. Утомленный Геллер с ужасом видит, что отброшенные враги снова ползут, ползут. И, наконец, совершенно измученный, шатаясь под непосильной ношей, он спотыкается на ровном месте. И тут же в кулуарах кто-то спешит сообщить: «Счастливчику опять повезло!»

Второй эпизод — партия Таля со Спасским. После того как завершились все партии кроме этой, впереди был Петросян. На пол-очка отстали от него Таль и Бронштейн, далее шел Авербах, а за ним Спасский. При ничьей Таль догонял Петросяна, а Спасский становился вровень с Авербахом и попадал на межзональный турнир в югославском курорте Портороже. Если выигрывал Спасский, то он делил с Бронштейном и Талем 2—4-е места, а чемпионом СССР становился Петросян. Если же выигрывал Таль, что считалось маловероятным, то он становился чемпионом СССР, а

Спасский не попадал в Порто-рож.

Таль при откладывании предложил ничью, а Спасский отказался. И тот и другой поступили разумно, но когда началось доигрывание, законы разума отошли на второй план.

Король Спасского предпринял безумный марш в лагерь противника — при ферзях! — и нашел единственную клетку, где он был беззащитен от мата.

Вик. Васильев описывает другие факты грубых промахов сильнейших шахматистов мира в их борьбе с Талем. Речь идет не о неточных ходах, которые может сделать кто угодно, а о том, что чемпион мира «зевнул» Талю мат в два хода в выигранной позиции, экс-чемпион мира, дважды имея против Таля лишнюю фигуру, один раз сделал ничью, а другой раз даже проиграл...

Вик. Васильев полемизирует с теми, кто приписывает удачи будто бы «везению» Таля. В этом он полностью прав. «Везение» здесь ни при чем: столько раз кряду одному человеку «везти» не может. Как мудро сказал известный ученый-математик В. И. Романовский, «маловероятные события не происходят».

Если событие, которое считалось маловероятным, все же произошло, значит, вероятность его была значительно больше, чем предполагали. Такие события не случайны, они имеют причину.

Если происходит целая се-

рия маловероятных событий в одной и той же области с участием одного и того же человека, то наличие причины не вызывает сомнений.

Каков психологический тип гипнотически одаренного человека?

Артистичность, выразительность, смелость, способность отдаваться переживанию и чувствовать переживания другого человека, богатство подсознания — таковы черты гипнотизера, таковы черты портрета Михаила Таля!

При всем том наша рабочая гипотеза о возможности внушения в шахматной борьбе никоим образом не относится персонально к Талю. О его образе действий мы ничего не знаем и знать не можем. И если тот или иной шахматист использует в меру своих сил и в меру внушаемости своих партнеров способ внушения, то здесь нельзя найти ничего предосудительного.

Пришел же Тайманов — претендент на первенство мира — доигрывать партию, в которой он накануне отклонил предложенную Фишером ничью, сделал совершенно невероятный ход и сдался. Была какая-нибудь причина? Если не внушение, то что же?

Нам возражали: ведь в шахматной карьере Талья была серия неудач! Почему же он в этот период не использовал свою способность внушать противникам слабые ходы? Да просто потому, что его противники уже

знали такую возможность и заранее ей противодействовали. По свидетельству Зигмунда Фрейда, один сильный гипнотизер, будучи не в силах погрузить в гипнотический сон своего пациента, воскликнул: «Вы сопротивляетесь внушению!» Это значит, что предупрежденному и противодействующему человеку вообще ничего нельзя внушить, а тем более без погружения в гипнотический сон, и к тому же шахматисту, обладающему сильной волей.

После всего этого следует сказать, что Таль, бесспорно, обладает объективным творческим потенциалом уровня чемпиона мира. В тот период, о котором идет речь, он еще не достиг полной силы в логических позициях и компенсировал это своим непревзойденным талантом перевода таких позиций в хаотические. Вместе с тем не исключено, что в критические моменты он иногда использовал свою природную способность к внушению. Несовершенство техники Таля и его неуверенность в логических позициях были доказаны Ботвинником в матч-реванше. Он резко запрограммировал себя на противодействие хаосу и внушению и выиграл матч с огромным перевесом в счете.

Зрелость Таля наступила позднее — в начале семидесятых годов. Он сохранил фантазию и бездонную силу в расчете вариантов. Он приобрел мастерство при борьбе в логической

обстановке. Он избавился от стремления к азарту в шахматах, к азарту, который, возможно, был связан с подсознательной надеждой применить внушение в критический момент. Но прежнего уровня спортивных успехов не достиг...

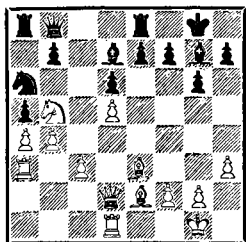
Остается все же вопрос: насколько по правилам игры допустимо использовать внушение как прием борьбы в шахматах и насколько это отвечает этическим нормам?

Первый вопрос предельно ясен — шахматный кодекс не запрещает телепатически передавать кому угодно и что угодно. Запрещать было бы бессмысленно, поскольку не существует методов контроля.

Этический вопрос сложнее. Может ли автор быть здесь судьей? Как известно, современники Петрония называли его «арбитром элегантного». Я ни в малейшей мере не претендую на подобную роль в вопросах этики, тем более что и Петронию его титул дорого обошелся, как это видно на известной картине Брюлова. Могу лишь со всей определенностью сказать: если бы я лично обладал способностью внушения, то стремился бы ее использовать один к одному, где только представится малейшая возможность.

Теперь нам остается немного добавить о Бронштейне в XXV чемпионате СССР. Он был так захвачен происходившими вокруг него событиями, что едва не забыл о себе. Старт его

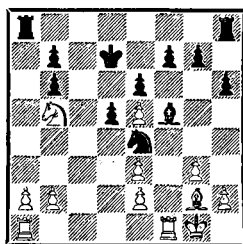
был крайне неудачен. Затем после одного нешахматного события произошел полнейший психологический переворот. Как сказал Толуш, в турнире появился старый Бронштейн, а точнее, молодой Дэвик. Впрочем, ему в то время было всего 33 года. Как бы то ни было, он развил такую энергию в борьбе за свой выход в межзональный турнир, что с разбегу едва не занял первое место. Поистине он был недалек от этого, когда предложил Петросяну ничью в следующей позиции.

Конечно, голыми руками Петросяна не возьмешь, но поиграть в шахматы здесь было бы приятно. Однако в согласии с секундантом он решил ничьей обеспечить себе как минимум четвертое место, а занял даже третье.

В его партиях можно отметить непринужденную и логически безупречную игру с Толушем и лишенный всякой логики прием борьбы с Полугаевским. Бронштейну показалось мало сдвоенных пешек по линии «е», и он сыграл $Ss1—e3$, предлагая размен слонов, после чего получалась, можно ска-

зать, сюрреалистическая картина—натюрморт со строенными изолированными пешками.

После рижского чемпионата СССР Бронштейн поехал на межзональный турнир в Порторож (Югославия) и снова в последний момент оказался без секунданта. Он поставил себе только одну цель — выход в турнир претендентов, но судьба рассчиталась с ним за его постоянные в прошлом успехи на финише других соревнований: он проиграл в последнем туре филиппинцу Кардосо и недобрал полочка, необходимые для выхода в финал.

В интервалах между этими соревнованиями и после них — множество событий, новых городов, встреч с интересными людьми. Всемирные олимпиады, международные командные матчи и турниры, чемпионаты СССР...

И всюду широко раскрытые глаза, радость искреннего общения с людьми, щедрость в духовном обмене, скромность и бескорыстие.

Через отношения Бронштейна к людям, через круг его

друзей полнее освещается и его шахматное творчество и его мировоззрение. Круг любителей шахмат гораздо шире, чем это кажется с первого взгляда. Мы не говорим о тех, кто интересуется преимущественно результатами турниров и матчей, хотя и не видим в этом ничего предосудительного

Альберт Эйнштейн, который познакомился с Эм. Ласкером (1868—1941 гг.) в последние годы его жизни, сказал о нем (в предисловии к его биографии):

«Мне кажется, Ласкера влекла к себе красота, присущая творениям логики, красота, из волшебного круга которой не может выскользнуть тот, кому она однажды открылась».

Я слишком мало знал Ласкера, чтобы категорически о нем высказываться, но убежден — а Яков Герасимович Рохлин, который был с ним знаком ближе, вероятно, подтвердит, — что Ласкер в таких категориях вряд ли мог говорить о шахматах. А приведенные слова Эйнштейна отражают, на мой взгляд, оценку шахмат не Ласкером, а самим Эйнштейном. Не случайно он начал приведенную выше фразу словами «Мне кажется».

Этот мудрец сказал также: «Не будучи шахматистом, я не в состоянии судить о могуществе ума Ласкера, которое проявилось в величайших интеллектуальных достижениях в области шахмат. Я должен даже признаться, что применение силы и дух конкуренции, выражен-

ный в форме этой замечательной игры, всегда был чужд для меня».

Но ведь это суждение очень близко взглядам Бронштейна на шахматы как на совместное творчество! Вспомним его слова:

«Настраивать себя заранее на ненависть к партнеру, жертвовать душевным богатством, ради того чтобы записать очко в таблицу? Это шахматы наших».

Как жаль, однако, что подобное «программирование» пропагандируют порой на страницах популярных журналов, а иногда представляют как метод подготовки к состязаниям высшего уровня, заимствуя у Фишера худшее из всего, чем он обладает. К чему же можно *в конечном счете* подготовиться, воспитывая в себе ненависть к партнерам, — вот в чем вопрос...

Эйнштейн поражается остроумию аналитическому уму Ласкера, который мгновенно схватил, что центральный вопрос специальной теории относительности это постоянство скорости света (в вакууме). Более того, Эйнштейн приводит критические замечания Ласкера по поводу постоянства скорости света и относительности времени. Значит, он находит, что эти замечания заслуживают внимания. Какова же была сила научной интуиции Ласкера, если он в состоянии был высказывать дельные соображения по теории относительности, в которой, по существу, он вряд ли обладал по-

знаниями большим, чем Эйнштейн в шахматах!

Впрочем, Ласкер далеко не был одноцветным человеком. Перечитывая турнирный сборник «С.-Петербург, 1909 г.», поражаешься контрасту между Ласкером — бескомпромиссным, ничего не прощающим игроком и Ласкером — доброжелательным джентльменом в своих комментариях.

Искренние похвалы победившему его в личной встрече Рубинштейну, одобрение хорошего хода или маневра даже относительно слабых участников турнира, хороший литературный язык, глубокая логическая культура, ни одного упрека в адрес шахматистов, допустивших промахи, полное отсутствие вопросительных знаков — таков Эм. Ласкер как комментатор.

Среди сильных шахматистов широко представлены люди различных профессий. Мне лично приходилось часто встречаться с математиками как представителями логических шахмат и с музыкантами, которых привлекала в шахматах эмоциональная сторона. Очень много сильных шахматистов среди научных работников экономического профиля. К их числу можно отнести чемпиона мира А. Карпова. Быть может, они видят в шахматах, хотя и не вполне осознают это, модель конфликтных ситуаций...

Известнейший советский экономист академик С. Г. Струми-

лин — очень сильный шахматист. Во время войны проходил шахматный турнир, в котором участвовали председатель Все-союзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) профессор В. С. Кеменов, писатель К. Осипов (автор книги о Богдане Хмельницком), С. Г. Струмилин, мастер А. М. Константинопольский, И. Л. Майзелис, Д. И. Бронштейн, автор этой книги и другие. Уровень был в среднем — хороший первый разряд, и Струмилин уверенно держался на этом уровне. Он умер в 1973 году, немного не дожив до своего столетия, до последних дней сохранив ясность ума. Он играл в шахматы, имея 95 лет от роду. Какой обнадёживающий образец могущества человеческого разума, его неисчерпаемых резервов!

Говоря об интересных людях, с которыми встречался Бронштейн, нельзя не сказать о Георгии Колтановском. Это разносторонний журналист и своеобразный шахматист.

После турнира претендентов в Амстердаме Колтановский опубликовал в печатном органе Шахматной федерации США статью под названием «В чем ошибка Давида». Между прочим, он пишет: «Многие шахматисты, изучавшие партии его матча с Михаилом Ботвинником, считают, что Ботвинник должен был проиграть этот матч. И после этого Давид имел большие успехи. Его стиль необы-

чен, он не придерживается никаких правил в дебютах. Его идеи можно назвать фантастическими. Д. Бронштейн рожден шахматистом. В Цюрихе он сказал мне, что готов не есть и не пить ради шахмат, готов играть сколько угодно ради сомнительного выигрыша вместо верной ничьей. Именно таким путем он упустил первое место в Амстердаме, но зато превзошел самого себя в шахматах.

В 12-м туре одного из величайших турниров он прямо в дебюте задумал жертву ферзя за две легкие фигуры и две пешки*. Неслыханное событие в истории шахмат! Но таким путем нельзя стать чемпионом мира».

Раз мы заговорили о Колтановском, то стоит сказать несколько слов и об игре не глядя на доску. Уже сама по себе способность передвигать фигуры не видя их многим кажется невероятной. Если же одновременно ведется игра вслепую на трех, пяти, десяти досках, то это уже фантастика. Как известно, Алехин и Рети играли одновременно около 30 партий. Колтановский их превзошел: он сыграл не глядя на доску одновременно 35 партий. Венгерский мастер Флеш сыграл вслепую 52 партии.

У нас одно время игра не глядя на доску была запрещена. Во всяком случае, о сеансах

одновременной игры вслепую и сейчас не слышно. А почему? Мотивы приводились, казалось бы, убедительные. Полагали, что такая игра требует чрезмерного напряжения и вредна для здоровья. Но Бронштейн с этим не согласен.

— Насчет умственного напряжения,— говорит он,— так это еще не известно, когда оно больше: при игре не глядя на доску или когда дирижируют Седьмую симфонию Бетховена без партитуры (Отто Клемперер, Натан Рахлин и др.).

Дирижер Лео Гинзбург однажды сказал, немного кокетничая:

— Ах, столько дел в оркестре, где уж тут смотреть в партитуру!

Я видел и слышал, как дирижер на репетиции симфонического произведения прервала игру и с досадой произнесла: «За седьмым пультом — бекар. Не слышите вы, что ли? Бекар!»

Оказывается, в ключе стоял бемоль, но в одном такте требовалось чистое «ля», а скрипач не заметил бекара (отказ) и взял «ля бемоль». Сквозь ансамбль всех струнных инструментов дирижер (между прочим, без партитуры) услышала за седьмым пультом первых скрипок разницу в полтона. Тоже ведь требуется умственное напряжение!

Я очень близко знал одного шахматиста, который запомнил прочитанные ему вслух один раз сто слов (имен существитель-

* Речь идет о партии Спасский — Бронштейн.

ных) на различных языках. Он отвечал по номеру слово. Он запоминал слова по заранее подобранным ассоциациям на каждый номер от единицы до ста. Есть десятки людей, которые непринужденно запоминают по такой системе 40 слов с одного раза, хотя, конечно, и это требует умственного напряжения.

Такого рода рекорды полезны и даже необходимы, чтобы все глубже раскрывать бездонный потенциал человеческого интеллекта и вызывать у людей надежду, что сегодняшний рекорд завтра станет нормой *. Ведь сегодня ни один автомат не может играть 30 партий в шахматы одновременно, а человек может! Правда, автомат, коль скоро имеется алгоритм и программа, в принципе безразлично, сколько партий играть одновременно — одну или двадцать. Но его оперативная память не позволяет ему играть много партий. А человеку — позволяет!

Вот, к примеру, Алексеев толкает штангу в 15 пудов. Ведь есть экскаваторы, подъемные краны. Стоит ли Алексею так перенапрягаться? Зачем? А затем, чтобы познать уровень физиологического потенциала человека, чтобы показать тысячам и миллионам людей путь к наиболее полному самовыражению.

* Каких-нибудь 50 лет назад Лев Бранд установил рекорд страны в беге на 1000 метров — 2 мин. 29 сек. Ныне эта норма 2-го разряда.

Это относится к умственным и к физическим рекордам.

И мне кажется, что имеет смысл устраивать турниры и сеансы не глядя на доску и регистрировать рекорды одновременной игры. Следует лишь при этом установить стандарт силы участников сеанса (скажем, второй разряд) и не засчитывать в рекорд партии, проигранные сеансером ранее, скажем, 30-го хода. Но это частность. А игра вслепую лишний раз доказывает, что вещественные атрибуты шахмат — доска и фигуры — вообще никакой роли не играют в соревновании умов и в создании произведений шахматного искусства. Этим Колтановский и Флеш существенно отличаются от Алексеева. Ведь атлет не может ставить рекорды не прикасаясь к штанге!

Отдадим же должное Колтановскому, даже если он, быть может, и ставил рекорды ради рекламы. Но ведь так легко найти низменные причины и побуждения полезных и благородных поступков!

...Один из крупных турниров был начат Бронштейном с длинной серии ничьих, и его за это критиковали, как, впрочем, и многих других шахматистов при аналогичных обстоятельствах.

Вопрос о том, каковы причины ничьих, насколько они закономерны, как с ними бороться и следует ли с ними бороться, возникал в истории шахмат не раз.

Поскольку шахматная партия моделирует конфликтную ситуацию, а в жизни не все конфликты протекают в очень острой форме и уж, конечно, не все завершаются полной победой одной из сторон, то ничейный исход шахматной партии никак не противоречит логике и теории игр, как не противоречит он и жизненной практике.

Если же доля ничьих в крупных турнирах становится чрезмерной, то это может означать:

кризис шахмат как игры, иначе говоря, кризис шахматных правил, которые при относительно безошибочных ходах обязательно приводят к ничейному результату;

кризис стимулов борьбы для шахматистов.

Первая из этих концепций доходила до прогнозов ничейной смерти, которая будто бы подстерегает одряхлевшую, насквозь изученную игру.

Не разделяя эту экстремистскую теорию, мы все же должны сказать, что в принципе для той или иной игры такая концепция не исключается. Известна, например, популярная некогда игра в «15», изобретенная, кстати говоря, Сэмюэлем Лойдом, которая «умерла», как только было доказано, что в зависимости от начального расположения занумерованных передвигаемых квадратиков исход ее однозначно предопределен.

Что же касается шахмат, то для доказательства «ничейной смерти» требовалось бы указать

стратегию, которая при любых ходах белых давала бы черным ничью.

Действительно, в начальной позиции преимущество белых не столь велико, чтобы путем логических преобразований можно было добиться победы. Вместе с тем оно и не столь мало, чтобы черные могли рассчитывать на логическую ничью во всех вариантах.

Если играть в шахматы строго в рамках формальной логики, без риска и без импровизации, то есть основания прогнозировать если не смерть, то затяжную ничейную болезнь. Признаки ее наблюдались в начале нынешнего века, когда логическая школа заняла почти все командные высоты в шахматах, а рецидивы были и позднее.

Однако импровизационным шахматам такая опасность не угрожает. Дело в том, что нет реальной возможности найти ничейную шахматную стратегию в том содержании, как это понятие определяется в теории игр.

Шахматы бесконечны. Тот факт, что можно при помощи условных знаков (цифр и операций) изобразить «число» всех шахматных позиций, ровно ничего не меняет в оценке их бесконечности. Пусть формально совокупность всех шахматных партий (или всех позиций) не отвечает математическому определению понятия «бесконечное множество», но реально эта совокупность столь же бесконечна, как число атомов на земле

или число возможных сочетаний генетической информации.

И действительно, когда идейный формально-логический застой в шахматах был нарушен такими мыслителями, как Рети, Алехин, Нимцович, Ботвинник, Бронштейн, Таль, и многими другими их последователями, то логические ничьи стали скорее исключением, чем правилом.

Это, конечно, не значит, что ничьи вообще исчезли из практики. Они сохранились, во-первых, как закономерный результат насыщенной художественной борьбы: во-вторых, как способ борьбы практически очень сильных, но идейно не очень богатых мастеров и, в-третьих, множество бессодержательных ничьих возникает в результате направленности большинства крупных турниров на отбор к состязанию более высокого ранга или на получение квалификационной оценки.

Речь идет не только о зональных, межзональных и других соревнованиях на первенство мира. Нет. Ведь отбор и квалификация начинаются уже чуть ли не со школьных турниров и, во всяком случае, с городских. И если норма на выход 3—5 человек или норма на гроссмейстерский балл 9 очков и для этого достаточно сделать три ничьи в последних трех турах, то можно не сомневаться, что здесь уже борьбы не будет.

Если вышестоящая система ставит перед участниками тур-

нира цель попасть в следующий этап отбора, то без толку призывать их к проявлениям боевого духа, подбадривая возгласами, которые были бы уместны разве лишь на ипподроме.

Вот один из типичных примеров «отборочной» ничьей.

Корчной черными играет со Смейкалом в межзональном турнире (Ленинград, 1973). В турнир претендентов выходят трое. Корчной пока на первом месте, но за спиной слышно дыхание Карпова и Бирна, которые отстают всего на пол-очка. Смейкал выиграл семь партий кряду и имеет шансы на третье место, если не проиграет Корчному. Выиграть черными у Смейкала, который чувствует себя на гребне волны, совсем не легко, проиграть и оказаться за пределами тройки — более чем просто. Смейкалу выиграть у Корчного — надо сильно рисковать: пройти Корчного без поражения — громадные шансы попасть в тройку или разделить 3—4-е места. Партия завершается на 20-м ходу. Чего еще можно было ждать?

Другой пример. В крупном отборочном турнире пять ведущих гроссмейстеров делают между собой десять ничьих, и все пятеро выходят в следующий тур отбора. Какова априорная вероятность такого результата? Если считать, что вероятность ничьей в отдельной партии равна примерно 0,6 — а вряд ли она выше при обычной турнирной игре, — то вероятность ни-

чейного результата всех 10 партий равна $0,6^{10}=0,006$.

Вряд ли такое совпадение произошло случайно.

Есть и еще одна причина быстрых ничьих в больших турнирах — это стремление распределить силы на всю дистанцию, имея в виду главную цель: победить не в отдельной партии, а в турнире.

Тактика — важнейший элемент всякого длительного соревнования. И кто же не назовет безумцем человека, который пойдет спринтом начало марафонского бега, чтобы затем отстать на полкилометра? Так можно ли упрекать шахматиста, который берет тайм-аут в соревновании из 20, а то и из 28 туров?

Вместе с тем нельзя отрицать, что некоторые шахматисты порой перегибают палку, используя свое право на ничью.

Известен случай, когда Трифунович — один из чемпионов в этом жанре — в одном турнире все партии свел вничью. У Флора в Авро-турнире (Голландия, 1939) было 10 ничьих и ни одной единицы, а в Будапеште (1956 г.) — одна победа и 12 ничьих.

С ничейной болезнью пытались бороться при помощи административных мер, например запрещением соглашаться на ничью раньше 30-го хода или присуждением приза при равенстве очков по наибольшему числу побед.

Нужно ли говорить, насколько неэффективны такие меры!

Присуждение первого места в турнире по наибольшему числу побед должно стимулировать боевой дух участников. Однако несложное умозаключение говорит нам, что при равенстве очков тот из шахматистов, кто больше партий выиграл, больше и проиграл. Таким образом, победитель определяется по максимальному числу поражений. Не слишком ли оригинален такой способ борьбы с ничьими?

Самые строгие антиничейные меры были установлены на турнире в Монте-Карло (1902 г.). За ничью каждому партнеру записывали по $\frac{1}{4}$ очка, а затем заставляли играть вторично, и кто выигрывал, получал еще половинку, а всего у него набегало, стало быть, $\frac{3}{4}$ очка. Если же и вторая партия завершалась вничью, тут уж обоим добавляли по четвертинке. Победителем турнира в Монте-Карло вышел Геза Мароци, опередивший фаворита Гарри Нельсона Пильсбери на $\frac{1}{4}$ очка. В то время многие считали этот результат несправедливым, приписывая его несуразному правилу переигрывания ничьих. В этом смысле высказался сам М. И. Чигорин.

Действительно, если бы ничьи не переигрывались, то Пильсбери был бы впереди, поскольку Мароци удалось выжать одну-две лишние четвертинки. Однако подлинная причина неудач Пильсбери была иная, и она прошла незамеченной.

В 11-м туре Пильсбери неожиданно проиграл чемпиону Одессы Айзенбергу, который был случайно допущен на турнир в Монте-Карло и занял третье от конца место, выиграв кроме этой еще только одну партию.

Партия Айзенберг — Пильсбери была отмечена в числе лучших и удостоена приза в 100 франков.

Таким образом, представитель шахматной Одессы еще долго до Верлинского и Геллера вышел на международную арену и оставил по себе память своеобразным выступлением.

Кто же и почему так отрицательно относится к ничьим? Здесь можно найти некую за-

кономерность. В начале карьеры шахматист ведет борьбу до полного истощения сил, не соглашается на ничью даже в абсолютно равных позициях. Затем он действует более логично и целесообразно, число ничьих становится нормальным, а порой, как мы видим, и чрезмерным. После этого наступает третья фаза — обитатель стеклянного дома начинает бросать камни в своих коллег, переходя к резкой критике, и чем больше он сам в прошлом сделал ничьих, тем острее его критика!

Бронштейн на этом этапе своей шахматной карьеры сделал немало ничьих, и его за это критиковали.

Справедливо ли?

Глава пятая

ДУША ШАХМАТ

Филидору принадлежит афоризм: пешка — душа партии *. Если это и не совсем справедливо, то, во всяком случае, хорошо сказано, и вообще пешка заслуживает доброго слова. Каждая пешка обладает индивидуальностью, а в связи с шахматными передачами по радио получила даже христианское имя — Борис, Цецилия, Елена, Харитон. По поводу темпераментного Георгия и его стремления рвануться с g2 на g4 была даже монографическая статья. Относительно

Федора тонко заметил один комментатор: «Здесь белые сыграли Федор два — Федор четыре. Это преждевременно. Впрочем, f2—f4 всегда преждевременно». В этом примечании сконденсирован огромный опыт неудавшихся пешечных атак, начиная от королевского гамбита, а быть может, и от дебюта Берда.

Пешка постоянно находится под воздействием противоположных психологических настроений. С одной стороны, она опасается уйти далеко от места своей прописки, лишиться поддержки коллектива и попасть в зону фланговых и особенно тыловых атак. Однако какой-то

* Этот перевод афоризма на русский общепринят, но в оригинале у Филидора — «пешка — душа шахмат».

врожденный подсознательный импульс постоянно подталкивает ее вперед. То ли комплекс неполноценности, то ли надежда на метампсихозу (переселение душ) на восьмой горизонталь? Стремление к расширенному воспроизводству или просто поиск шанса на головокружительную карьеру?

Более всего хочет пешка своими раскосыми глазами посмотреть вплотную на вражеского короля.

Вместе с тем пешки формируют долговременную структуру позиции, что позволяет солидным шахматистам строить далекие логические планы, вдумчиво передвигая фигуры и, как сказал профессор Брудно, переходя от одной выигрышной позиции к другой. Присущая пешкам способность ходить прямо и бить наискосок позволяет пю-долгу поддерживать конфронтацию с вражеской пешечной цепью, не исключая сосуществования, но как бы прочертив границу лагерей. Если бы пешки, подобно всем другим участникам шахматных сражений, били бы так же, как они ходят, то пешечные цепи все время стояли бы под взаимной угрозой, а каждая пешка не защищала при этом другую. Длительное прекращение огня при этом было бы невозможно, столкновение сразу же завершалось бы рукопашной схваткой и взаимным уничтожением. Более того, пешки не могли бы переходить с одной вертикали на другую, не было бы

сдвоенных, изолированных пешек, а значит, не было бы и Бронштейна. Но мудрость шахматных правил этого не допустила.

Завершим слово в похвалу пешкам, сказав, что они коллективные и послушные существа, что позволяет приносить их в жертву в первую очередь. Их необычный характер, в котором сочетается скромность и честолюбие, их высокий игровой потенциал — бдительность и готовность к броску на прорыв — придают своеобразный аромат партии *.

И лишь отдав должное пешке, мы скажем, что душа шахмат все же не пешка, а комбинация.

Правда, не все с этим согласны. Шахматисты рационалистического позиционного склада и даже величайшие авторитеты среди них в глубине души недолюбливают комбинацию. Они видят в ней возмутителя спокойствия, пикирующего из четвертого измерения на правильные порядки их логических

* Если критик упрекнет меня в том, что я «анимизирую» пешку, приписываю символу черты, присущие только людям, то я отвечу, во-первых, что это — один из любимых приемов Бронштейна («эта пешка вызывает досаду у слона»!), а во-вторых, что не я, а Филидор «анимизировал» пешку, сказав, что она «душа» (apîma) партии. Таким образом, автор не действовал самостоятельно, а лишь прикнуд к Филидору и Бронштейну. В таком обществе не зазорно принять участие и в «анимизации» и даже в реанимации.

построений. Известно, например, определение М. Ботвинника: «Комбинация — это форсированный вариант с жертвой». Таким образом, комбинация отнесена к классу вариантов, она рассматривается лишь как одна из его разновидностей.

Есть и другое определение, более широкое. Оно охватывает понятие «комбинация» не только в шахматной «игре», но и в футболе, в других играх. «Комбинация — ряд объединенных общим замыслом игровых приемов, вызывающих вынужденные ответные действия и приводящих к победе».

Оба эти определения рисуют лишь внешний облик шахматной комбинации, но эстетическую ее сущность даже не затрагивают. Этим еще раз подтверждается, что по отношению к категориям искусства формальные дефиниции трудны, а в шахматном искусстве они вряд ли возможны. Комбинацию можно моделировать чертежом (графом), но и такая, наиболее совершенная логическая модель все же упускает из виду наиболее яркие эстетические черты, из которых складывается ее подлинный образ, как он представляется любителям шахматного искусства.

Итак, отказавшись от формального определения, мы можем все же описать некоторые существенные признаки комбинации. В ней воплощаются основные элементы красоты шахмат. Ее эстетическое воздейст-

вие базируется на целесообразности и гармонии, на необычности и неожиданности, на сложности и разнообразии тактических приемов. Комбинация приносит радость, ибо она справедливо разрешает сложившуюся в партии конфликтную ситуацию.

Если форсированный дебютный вариант ценен тем, что он заранее подготовлен и расшлюфован во всех разветвлениях, то комбинация за доской рождается как плод импровизационного творчества. Подготовленная дома комбинация неполноценна, как картина, срисованная с фотографии на заранее разграфленном на квадраты холсте.

Комбинация хороша, если она не упала с неба, подобно загадке тунгусского метеорита, но гармонично возникла в течение борьбы. Комбинация выигрывает в красоте, если угрожающие ходы чередуются с тихими, оставляющими партнеру большой выбор защит и контратак*. Высоко ценятся многоходовые комбинации, требующие далекого точного расчета. Здесь слово «расчет» вполне уместно, оно не снижает ценности творчества, но характеризует быстроту реакции и глубокое овладение техникой своего искусства.

* На турнире в Амстердаме 1916 г. приз за красоту (75 гульденов) был разделен между выигравшим партию Маршандом (45 гульденов) и проигравшим ван Тростенбургом (30 гульденов). Неплохо придумано!

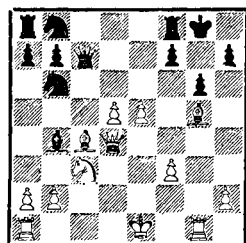
ва. Ведь сказал один из современников об импровизациях Пушкина, что он поражался его далекому расчету. Это значит, что, начиная изложение поэтической мысли, Пушкин уже предвидел, как завершить ее в строгих рамках правил стихосложения.

Комбинация реализует накопленный капитал идей, но не путем взимания сложных процентов — по копейке на рубль, — а взрывным способом, подобно тому, как некогда вспышка молнии зародила жизнь в хаосе мирового океана, подобно тому, как соскок лётом с оборотом с разновысоких брусьев * за одну микросекунду создает образ, в котором сочетаются физическая красота человека, безмерная воля, смелость и кропотливый упорный труд.

Жертва — обязательный элемент подлинно красивой комбинации. Наиболее привлекательна неожиданность, которая порой маскируется под наивность, когда угрожаемая фигура не уходит, а просто остается на своем месте. Глядя на диаграмму «вечнозеленой» партии Андерсен — Дюфрень (Берлин, 1852 г.), я как будто своими ушами слышу восклицания зрителей: «Андерсен зевнул коня!»

Аналогичная ситуация, но не воображаемая, а совершенно реальная, возникла в 1973 году

на межзональном турнире в Петрополисе (Бразилия), когда в следующем положении

Бронштейн сыграл 16. Сб3.

— Везет же Любоевичу, — сказал один из зрителей, — Бронштейн зевнул ладью!

Когда партия закончилась, все присутствующие, включая и этого зрителя, единодушно присудили Бронштейну первый приз за красоту, хотя до конца турнира оставалось еще 10 туров.

...Передо мной лежит книга Ф. ле Лионне «Призы за красоту в шахматах», изданная в Париже в 1951 году. В ней собраны все партии (числом 239), получившие призы за красоту с 1876 по 1949 год. Книга ждет своего продолжения, и тогда имя Бронштейна встретится в ней не раз.

В книге ле Лионне кроме партий, получивших призы за красоту, приводятся из уважения к шахматным предкам десятка три комбинационных красивых партий, сыгранных до того, как стали присуждать призы. Среди них, конечно, «бесмертная» (Андерсен — Кизерицкий) и «неувядаемая» (Андер-

* Гимнастическая комбинация «ультра-си» Ольги Корбут и Ренальда Кныша.

сен — Дюфрень). Обе комбинации удивительно красивы, но предшествующая игра по нынешним критериям не на высоте. К тому же по крайней мере одна комбинация в анализе опровергается. Впрочем, по мнению Бронштейна, все слишком красивые комбинации можно опровергнуть последующим анализом...

Итак, наличие в шахматах категории «комбинация», воспринимаемой как эмоциональный взрыв и как логическое озарение, как скачок, завершающий эволюцию и переводящий систему в иное качественное состояние, все это черты шахмат как искусства. Однако когда происходила дискуссия о сущности шахмат, указывалось, что эмоциональное воздействие — признак необходимый, но не достаточный для того, чтобы признать шахматы искусством. Ведь искусство — это творческое отражение действительности в художественных образах. «Воспроизведение жизни, — говорил Чернышевский, — общий, характеристический признак искусства, составляющий сущность его». Разумеется, и этот признак сам по себе еще недостаточен для признания того или иного рода деятельности искусством, но нет спора — он необходим.

Сторонники «спортивной» точки зрения резонно говорили нам: если бы в шахматах отражалась действительность, отражалась жизнь, то еще допусти-

мо было бы толковать об искусстве; поскольку же этого нет, ясно, что это лишь игра ума.

На это многое можно было бы возразить. Хотя бы сравнить шахматы с музыкой. Как жизнь отражается в симфониях, в фортепианных и скрипичных произведениях Шопена, Хачатуряна, Скрябина, Шостаковича, Бартока? Какие события, люди, факты там изображены или отражены? В музыкальных произведениях прямая имитация «реальности» через шумы, свисты, звуковые картины сражений и т. п. по справедливости считается вульгаризацией. Конечно, есть и комплексные формы искусства — опера, песня, балет, — но в таких произведениях как раз музыка в прямом изображении жизни почти или совсем не участвует. Эту функцию выполняют слово, танец, пантомима.

Но если так, то и шахматная комбинация или логическая партия, этюд или задача вызывают эмоции, которые в известной мере обобщают жизненные переживания, вызывают и поддерживают оптимизм, приносят радость познания.

Аналогия с музыкой идет и дальше. В музыке воздействие на слушателя реализуется через определенный материальный механизм, использующий средства физики: гармоническое сочетание тонов, тембров, ритмов, силы звука, полифонии различных инструментов. И в шахматах можно различить элемен-

ты механизма, который в процессе импровизационного творчества воздействует на человека логическими и психологическими средствами, формируя гармоническое сочетание — не звуков, как в музыке, не красок, как в живописи, не слов, как в литературе, не движений, как в танце, но гармоническое сочетание идей.

И в этих элементах логической эстетики находят отражение жизненные отношения, возникающие в конфликтных ситуациях, помогая через абстракцию понять то, что непросто понять в каждом отдельном случае.

Взять, например, такую категорию, как «ограничение», которая непосредственно или в неявной форме выступает как одно из универсальных понятий во всех экономико-математических моделях и во всех вообще отношениях по производству между людьми и между коллективами (а если заглянуть поглубже, то и в личных отношениях). Таковы ограничения по мощностям, по времени, условия сбалансированности (в закрытой модели транспортной задачи линейного программирования). Таковы правовые и этические нормы общественной жизни, правила внутреннего распорядка на предприятиях и в учреждениях, правила уличного движения...

В шахматах ограничения очень резко выражены. В исходной позиции это ресурсы материальных сил, пространство дос-

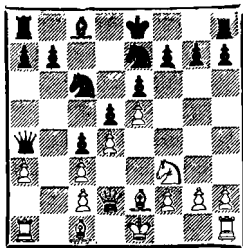
ки и правила движения. В процессе борьбы стороны стремятся создать ограничения подвижности вражеских фигур в форме блокады, контроля над полями, частичного или полного связывания, а также — самым экономичным способом — стеснением фигур противника его же собственными фигурами или пешками. Реальная оценка сил, подвергнутых ограничениям, становится заметно ниже их номинальной (средней) оценки и намного ниже оценки мобильных, гармонично взаимодействующих фигур, располагающих коммуникациями.

Свобода передвижения требует наличия коммуникаций. Превосходство в решающем пункте получит тот, кто достиг свободы маневра для своих сил и обладает путями для переброски их с исходных баз к полю боя. Эта идея в афористической форме высказана Наполеоном: «Война — это коммуникации».

Коммуникации элементарно необходимы в своем лагере для обороны, подготовки атаки или контратаки. Еще важнее владеть коммуникациями, ведущими в лагерь противника, к его уязвимым или стратегически важным пунктам. Совсем хорошо, если удастся высадить десант на путях сообщения в тылу противника.

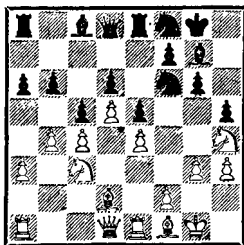
Посмотрите на позицию.

Здесь у белых единственный транзитный пункт для связи между ферзевым и королевским флангом, и эта «узловая станция»

лежит в довольно захолустном районе, на c1, куда из других мест и не сразу доберешься. Этим в значительной мере определяется вся стратегия белых: они могут эффективно действовать только по принципу «все или ничего» на одном фланге или же уйти в глухую оборону.

А вот позиция, в которой черные располагают превосходной, как говорят военные, «рокадой», то есть дорогой, идущей параллельно фронту в ближнем тылу, — горизонталью a7—e7. Пользуясь такой магистралью, можно предпринимать демонстрации в центре или на любом крыле, а выждав подходящий момент, нанести решающий удар на ослабленном участке противника.

Содержательна и близка к многим жизненным ситуациям

идея избыточной защиты. Укрепить с избытком главный пункт или решающий участок — значит обеспечить надежность всей системы, ее способность противостоять или даже противодействовать внезапным возмущениям. Я защищаю пешку конем с c3, слоном с g2 и ладьей с d1, хотя она пока атакована лишь один раз. Логика и эстетика шахмат проявляются в том, что избыточная защита вместе с тем и гибкая защита. Это значит, что любая из фигур, оберегающих мою центральную пешку, может пока что заняться и другим делом. Более того, избыточная защита легко переходит в контратаку. Если, допустим, пешка d5 шагнет вперед, то на большой белой диагонали поведет холодком, а черный ферзь на d8 почувствует себя неудобно...

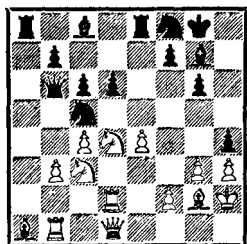
Избыточная защита хорошо прослеживается в мероприятиях общества по санитарной гигиене; она лежит в основе правил техники безопасности на производстве и всякой вообще профилактики в различных областях общественной жизни. В потоках городского движения безопасность человека обеспечивается дорожными знаками, хорошим состоянием улиц и тротуаров, внимательностью водителей, дисциплинированностью пешеходов, регулируемыми сигналами и в довершение всего неумолимостью работника ОРУДа. Если все же произошла серьезная авария, то практиче-

ски это значит, что были нарушены по крайней мере три правила уличного движения.

Мы, разумеется, не ищем полной аналогии шахмат с автомобилями, разве что в шашечках, нарисованных на бортах такси, но хотели бы подчеркнуть, что избыточная защита — универсальная идея, в которой воплощена повышенная забота о надежности и устойчивости по отношению главному, наиболее ценному и дорогому.

Правило пата — пружина многих комбинаций и несомненное доказательство того, что шахматы — не изобретение гения-одиночки, а результат коллективного народного творчества. Пат, подобно ночному огоньку в чаще зимнего леса, поддерживает надежду на спасение даже в самых отчаянных ситуациях. Это правило попало в шахматы не иначе как из народной сказки. Дышит сказкой и превращение зеленой лягушки в Василису Премудрую на восьмой горизонтали.

Идея засады — внезапное появление на поле боя свежих сил в решительный момент — взята прямо из гущи сражений.

В известной комбинации Бронштейна (1946) черная ладья, казалось, равнодушно стоит на исходной позиции, не проявляя интереса к далеким от нее событиям на противоположной стороне доски. И вот она сделала свой первый и последний ход, дымок разрыва взметнулся на a1 и привел в действие сложный механизм одной из лучших шахматных комбинаций. А вскоре и черный слон, который всю дорогу не покидал места своего рождения на c8, вдруг ударил на h3. Один ход за всю жизнь! А сколько было слонов в шахматных партиях, которые в ложных хлопотах мельтешились по всей доске да так ничего путного и не достигли!

Здесь нет надобности перечислять все идейные, тактические и технические элементы комбинации (например, двойной удар, вскрытый шах, завлечение, перекрытие, ловля). Сказать, что каждый такой элемент отражает определенную жизненную ситуацию, было бы столь же вульгарно, как искать прямой эквивалент реальности в отдельных тактах Фантастической симфонии Берлиоза. Симфония в целом — а не отдельные ее такты — приносит ни с чем не сравнимое ощущение радости, открывает в жизни новые неведомые краски.

И в этом смысле шахматная партия эстетически сравнима с симфонией. А шахматная комбинация, воплощенная в наиболее совершенном логическом

механизме и взрывным путем импровизированно разрешающая остроконфликтную ситуацию, по справедливости может быть названа душой партии. Комбинация приносит радость, ибо благодаря ей торжествует не формальная логика бюрократа, а логика справедливости.

Связи шахматного искусства с жизнью этим, однако, не исчерпываются. Шахматная партия, отражая конфликтные ситуации, выступает как одна из моделей во многих науках, особенно в тех, которые развиваются в последние годы под влиянием запросов экономики и социологии. Таковы теория математических игр, теория графов, математическое программирование, теория конфликтующих структур и другие. Шахматы, как элемент культурной жизни общества и духовной жизни человека, связаны и с другой группой наук: социальной психологией, педагогикой, социологией.

И поскольку наука в наше время становится непосредственной производительной силой, а связи шахмат с действительностью реализуются в значительной мере через науку, то и шахматы таким образом связаны с жизнью у самых истоков ее прогресса. Они не только воспроизводят черты действительности, но и могут в известной степени через механизм обратных связей влиять на нее.

Шахматные позиции, партии, турниры, способы достижения

победы могут служить моделями формирования стратегий и выбора оптимальных решений в процессе управления, в основе которого сочетаются точные и эвристические (интуитивные) методы. Этот последний вопрос — один из наиболее сложных в теории управления. Стремление перевести на язык математики и логики все задачи хозяйственного управления и находить объективно лучшие варианты при помощи электронно-вычислительных машин сталкивается с тем, что многие и очень многие процессы в управляемых системах протекают в условиях неопределенности. Такие категории, как противоположность целей, ограничения, резервы, причины и следствия, в реальных процессах переплетаются в сложных взаимодействиях и поэтому не всегда ясно различимы, не всегда укладываются в строгие алгоритмические модели. Между тем в шахматах эти же категории зачастую выступают в чистом виде, что позволяет обнаружить закономерности на моделях, а затем использовать полученные результаты для дальнейшего продвижения науки и совершенствования практики. Ведь шахматную партию можно рассматривать не только по форме — как антагонистическое столкновение интересов, но и по существу — как соревнование на лучшее управление ресурсами.

Всякую шахматную комбинацию принципиально можно

трактовать как стратегию, то есть последовательность действий в конфликтной ситуации, направленных на достижение поставленной цели и однозначно отвечающих на различные возможные противодействия противника. Комбинацию (стратегию) можно изобразить в виде графа.

Как бы интересно было устраивать ежегодно фестивали шахматных комбинаций, вдохновляя мастеров не только завоевывать «рейтинг» профессора Эло, но и раскрывать в своих произведениях красоту шахматного искусства!

Можно было бы установить премии и медали имени Морфи, Рубинштейна (за окончание), Ботвинника (за дебютную систему), Капабланки (за логику)...

После этого слова о душе шахмат мы предлагаем читателю новеллы о шахматных импровизациях Бронштейна...

В шахматной литературе известны комбинации, более или менее разветвленные, в которых выигрыш становится ясен лишь после 10—12 ходов. Если комбинация не очень разветвленная, то есть на каждый атакующий ход допустимы лишь 1—2 ответа, то рассчитать возможно гораздо дальше. Если вариантов очень много, но комбинация все же форсированная, то, конечно, считать становится труднее, хотя в этом случае практике известны весьма длинные комбинации. Но могут быть и совсем нефорсированные комбинации, ког-

да расчетом позицию исчерпать вообще нельзя.

Я знаю такую длинную комбинацию Бронштейна, что ее можно назвать рекордной.

САМАЯ ДЛИННАЯ КОМБИНАЦИЯ

№ 1. Защита двух коней

Бронштейн

Роян

XII Олимпиада
Москва, 1955

1.	e2—e4	e7—e5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6
3.	Cf1—c4	Kg8—f6
4.	Kf3—g5	d7—d5
5.	e4 : d5	Kc6—a5
6.	d2—d3	...

Честь открытия этого хода обычно приписывают Морфи. Это справедливо в том смысле, что среди записанных сохранившихся партий этот ход действительно впервые встречается в его партиях против Бодена и Монгредьена. Но дебют с импульсивной атакой пешки f7 настолько привлекателен, что, несомненно, применялся и в XVIII веке, а хороший развивающий ход 6. d3, вероятно, был не раз «открыт» и до Морфи.

6.	...	h7—h6
7.	Kg5—f3	e5—e4

Одна из интереснейших дебютных позиций, которая за 100 лет не утратила свою актуальность. Обычно белые продолжают 8. Fe2 K : c4 9. dc, а после 9. . . .Sc5 или 9. . . .Se7 не знают, как с лишней пешкой удержать равновесие.

Самое интересное, что Морфи охотно играл этот вариант и за черных. Можно вспомнить его блестящую партию против Арну де Ривьера.

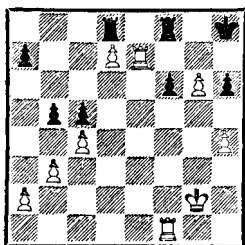
Возникает вопрос: как же в XX веке играть в стиле Морфи за белых после 7. . . e4? Ведь не для того же был «открыт» ход 6. d3, чтобы страдать за пешку!

И вот, размышляя обо всем этом и считая себя последователем Морфи, в некотором роде ответственным за его нераскрытые до конца идеи, Бронштейн играет

8. d3 : e4 . . .

Когда партия закончилась, Э. Роян сказал, что он был поражен хладнокровием и невозмутимостью Бронштейна, который на восьмом ходу зевнул слона, но продолжал борьбу и на ходил неплохие шансы.

— Я тоже был удивлен своим хладнокровием, — ответил Бронштейн, хотя я ничего не зевнул, а провел позиционную комбинацию, которая завершилась на 40-м ходу в следующей позиции.

Нельзя, конечно, утверждать, что после естественных ходов

8. . . .	Ka5 : c4
9. Фd1—d4	Kc4—b6
10. c2—c4	. . .

у белых решающее преимущество. Достаточно и того, что они могут вести оживленную активную игру, опираясь на хорошо укрепленный пешечный центр и пользуясь развитой сетью коммуникаций. Право же, они уплатили за это не слишком высокую цену!

Конечно, черные, в свою очередь, могли бы подготовить встречную жертву фигуры за две пешки, но ведь Роян полагал, что Бронштейн зевнул слона, и надеялся выиграть техническим путем без больших хлопот. Однако уже его следующий ход был не из лучших. Возможно 10. . . c6 11. c5 Kb : d5 12. ed Ф : d5 с хорошей игрой.

10. . . .	c7—c5
11. Фd4—d3	Cc8—g4
12. Kb1—d2	Cf8—e7

В какой-то момент — теперь или на следующем ходу — черным следовало разменяться на f3. В дальнейшем слон становится объектом атаки, что позволяет белым выиграть несколько темпов, столь необходимых им для движения пешек.

13. 0—0	0—0
14. Kf3—e5	Cg4—h5
15. b2—b3	Kb6—d7
16. Cc1—b2	Kd7 : e5
17. Cb2 : e5	Kf6—d7
18. Ce5—c3	Ce7—f6
19. Ла1—e1	Cf6 : c3
20. Фd3 : c3	Фd8—f6

Остроумный маневр, основанный на том, что 21. Фh3 с нападением на две фигуры ничего не приносит белым. Черные отвечают 21. . . Фb2!, и белый ферзь не может одним ходом взять обе черные фигуры. Если же 22. Kb1, то 22. . . Се2, и черные остаются с качеством за пешку, но характер борьбы в корне меняется. Поэтому Бронштейн не отклоняется от сквозной линии своей пьесы.

21.	e4—e5!	Фf6—f5
22.	f2—f4	Ch5—g6
23.	Kd2—e4	...

Здесь черные, вероятно, начали прикидывать варианты типа 23. . . Ф : e4. Однако после 24. Л : e4 С : e4 25. f5! их позиция безнадежна.

23.	...	Ла8—b8
24.	Фс3—f3	Cg6—h7

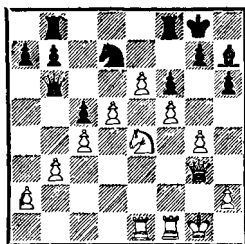
Была еще возможность 24. . . К : e5 25. fe Ф : e5 26. К : c5 — у белых лишняя проходная пешка. Или в этом варианте 25. . . Ф : f3 26. Л : f3 С : e4 27. Л : e4 — четырехладый эндшпиль с лишней пешкой белые выигрывают.

Если же 24. . . Ch5, то 25. Kg3 С : f3 26. К : f5 Cg4 27. Ke7+ Kph8 28. f5, и в связи с угрозой продвижения центральных пешек, а также h3 и g4 положение черных безвыходно.

Теперь же, после отступления слона в глубокое захолустье, Бронштейн, по его словам, был избавлен от необходимости долго размышлять и рассчиты-

вать варианты. Белые пешки и сами знают, как выиграть партию.

25.	g2—g4	Фf5—g6
26.	f4—f5	Фg6—b6
27.	Фf3—g3	f7—f6
28.	e5—e6	...

28.	...	Kd7—e5
29.	h2—h4	Kpg8—h8
30.	g4—g5	Lb8—c8
31.	Kpg1—h1	Фb6—d8
32.	g5—g6	Ch7 : g6

Так завершилась карьера этого незадачливого слона...

33.	f5 : g6	b7—b5
34.	d5—d6	Фd8—b6
35.	d6—d7	Ke5 : d7
36.	e6 : d7	Lc8—d8
37.	Ke4 : f6	Фb6—c6+
38.	Фg3—g2	Фс6 : g2+
39.	Kph1 : g2	g7 : f6
40.	Lel—e7.	

Последние два хода не были сделаны в партии, мы их приводим для полноты художественного изображения. Черные сдались на 38-м ходу.

Итак, если Морфи «открыл» ход 6. d3, то Бронштейну принадлежит открытие 8. de. Так ли это? Ни в одном из учебников и справочников не найти

указания о такой возможности продолжения атаки Морфи. Но все же в книге Г. Мароци, посвященной творчеству Морфи, можно разглядеть намек на эту жертву, хотя и в несколько иной позиции (после 8. Фе2 К : с4) партии Морфи — Арну де Ривьер (Париж, 1863): «...здесь заслуживает внимания 9. de. У белых очень сильные пешки».

Вот именно, сильные пешки! Ведь белые, закончив к 20-му ходу перегруппировку фигур и сохранив все 8 пешек, в дальнейшем сделали 12 ходов пешками, съев по пути две черные фигуры. Почему же мы считаем, что Бронштейну принадлежит самая длинная комбинация? Да потому, что она, будучи начата Морфи в середине прошлого века, была завершена лишь в 1956 году и, таким образом, продолжалась более 100 лет.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Эта партия своей выразительностью и лаконичностью сходна с резьбой по дереву. В ее форме видна не пластичная лепка, а проходы острого ножа.

Конфликт начался с первого хода. Найдорф — убежденный сторонник и глубокий знаток защиты Нимцовича. В третьем туре черными, избрав этот дебют, он быстро и уверенно сделал ничью с Флором и показывал варианты, из которых вытекало, что вроде бы белые должны были прямо из дебюта един-

ственными ходами добиваться ничьей.

Бронштейн привез на турнир атаку 4. а2—а3 и открыто предупреждал, что будет применять ее каждый раз против кого угодно.

И уже в первом туре Бронштейн выиграл у Сабо, доведя черных до полного цугцванга при многих фигурах.

Найдорф, обсуждая вместе с другими гроссмейстерами эту партию, предлагал на восьмом ходу усиление, доказывая перевес черных. И все же Бронштейн в пятом туре против Найдорфа повторяет этот вариант и выигрывает психологический поединок уже на пятом ходу, когда Найдорф после долгого раздумья не рокировал (как Сабо), а пошел с7—с5. Затем игра шла по обычной схеме. Правда, на восьмом ходу Найдорф, пожалуй, мог сэкономить один темп: не было особой надобности двигать пешку с d7 на d6.

№ 2. Защита Нимцовича Бронштейн Найдорф

Турнир претендентов
Будапешт, 1950

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	Cf8—b4
4.	a2—a3	Cb4 : c3+
5.	b2 : c3	c7—c5
6.	e2—e3	Kb8—c6
7.	Cf1—d3	0—0
8.	Kg1—e2	d7—d6
9.	e3—e4	Kf6—e8
10.	0—0	b7—b6
11.	f2—f4	Cc8—a6

План черных логичен и ясен. После Сa6 и Кa5 пешку с4 практически нечем защищать, разве только надолго приставить к ней в качестве караульных и слона d3 и ферзя e2. Но и тогда потенциальная угроза d6—d5 заставит оберегать еще и слона d3. Белые фигуры будут скованы, а черные того и гляди откроют линию «с». Иными словами, Найдорф следует правилу «черные атакуют на ферзевом фланге, а белые — на королевском». Такой план, будучи проведен рукой мастера, не раз завершался развалом позиции белых, например в партии Ботвинник — Решевский из матч-турнира на первенство мира (1948 г.).

Стандартной формуле Найдорфа Бронштейн противопоставляет импровизационную атаку — не на королевский фланг, но лично на короля...

12. f4—f5! . . .

Блестящая игра! Найдорф продумал около часа. Затормозить движение пешки «f» можно было только путем Kf6, но тогда возникала связка Cg5, от которой черные только что профилактически избавились, сыграв Ke8.

12. . . . e6—e5

Черные рассчитывают отразить атаку, связанную с f5—f6, и, быть может, получить некоторую контригру по линии «g», например 13. f6 Kph8 14. fg+ K : g7 15. Kg3 f6 и 16. . . Ke7.

13. f5—f6! . . .

Блокада (пешки f7), разрыв коммуникаций между королевским и ферзевым флангом, изоляция (пешки h7) — таковы три идеи, воплощенные в этом остро отточенном ходе. Если, например, 13. . . gf, то 14. d5 Ke7 15. Ch6 Kg7 16. Kg3 Cc8 17. Kh5 K : h5 18. Ф : h5 Ле8 19. Л : f6 Kg6 20. Л : f7 Kp : f7 21. Cg5 Фd7 22. Ф : h7+.

13. . . . Kpg8—h8

14. d4—d5 Kc6—a5

Коня принудительно отправили атаковать пешку с4.

15. Ke2—g3 g7 : f6

16. Kg3—f5 Ca6—c8

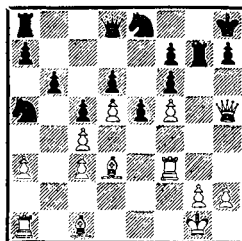
Крушение всей стратегии черных. Впрочем, уже нет способа спасти короля.

17. Фd1—h5 Cc8 : f5

18. e4 : f5 Лf8—g8

19. Лf1—f3 Лg8—g7

Тематический вариант, венчавший эту партию, был таков: 19. . . Kg7 20. Ф : h7+ Kp : h7 21. Лh3+ Kh5 22. Л : h5+ Kpg7 23. Ch6+ Kph7 24. Cf8×

20. Cc1—h6 Лg7—g8

21. Лf3—h3. Черные сда-

лись.

ЗОЛОТОЙ ФОНД ШАХМАТНОГО ИСКУССТВА

На турнире в Гётеборге Бронштейн и Керес играли в прекрасном творческом настроении, и мы имели все основания ожидать, что их встреча подарит шахматному искусству нечто радостное и новое.

Уже в дебюте едва заметное отклонение от традиционной расстановки фигур (6. Ke2 вместо обычного 6. Kf3) в дальнейшем позволило Бронштейну перекрыть главную белополюсную диагональ и стеснить черные фигуры на ферзевом фланге.

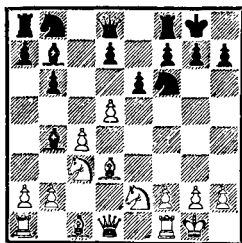
№ 3. Защита Нимцовича

Бронштейн

Керес

Межзональный турнир
Гётеборг, 1955

1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	Cf8—b4
4. e2—e3	c7—c5
5. Cf1—d3	b7—b6
6. Kgl—e2	Cc8—b7
7. 0—0	c5 : d4
8. e3 : d4	0—0
9. d4—d5!	...

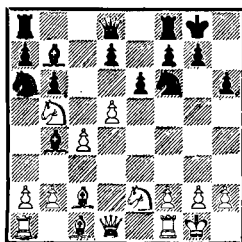
Плохо для черных было бы 9...ed ввиду 10. cd K : d5 11.

K : d5 C : d5 12. C : h7+ Kp : h7 13. Ф : d5, и возникают перманентные трудности с отставшей пешкой d7, которые могут довольно быстро закончиться ее гибелью. Если же 9...Ka6, то неприятно 10.Cg5. После долгого, я сказал бы — очень долгого, обдумывания Керес делает профилактический ход.

9. ... h7—h6

Теперь угроза взять пешку d5 становится реальной, а атаки на короля Керес не опасается, считая свою позицию достаточно прочной.

10. Cd3—c2	Kb8—a6
11. Kc3—b5!	...

К этому ходу все комментаторы ставят восклицательный знак, даже и те, которые доказывают несостоятельность последующей атаки белых. Действительно, этот маневр имеет тройную глубину. Внешне он направлен против слона b4 — сейчас грозит 12. a3 Ce7 13. d6. Угроза эта сама по себе легко отражается, но черные — хотят, не хотят — должны взять пешку d5. Тогда раскрывается второй план — обнажилось поле f5,

и белый конь обращает туда свой взор. А третий план становится ясным лишь в вариантах после жертвы двух пешек и слона.

11. . . . e6 : d5
12. a2—a3! . . .

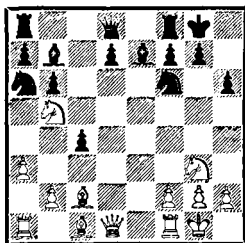
Точный порядок ходов. Если сразу пойти 12. Kg3, то последует Ле8, и на a2—a3 черный слон отойдет на f8.

12. . . . Сb4—e7
13. Ке2—g3 d5 : c4

Конечно, вторую пешку можно было бы и не брать, но белые развивали сильнейшую атаку, заплатив за нее всего лишь одной пешкой, например 13. . . Ле8 14. Фf3 Кс5 14. Кf5 Cf8 16. Фg3.

Главное же в том, что Керес не видел оснований, почему бы ему не взять пешку. Угрозу жертвы слона он всерьез не воспринимал — слишком много ресурсов для защиты таит в себе позиция черных.

Однако Бронштейн с ним не согласен...

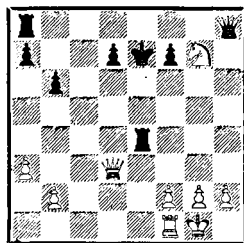
14. Cc1 : h6!! . . .

Медлить нельзя. Традиционные методы атаки путем усиления нажима были в данном слу-

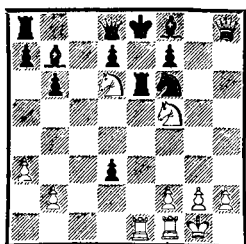
чае непригодны. Черные где-нибудь по дороге вернули бы одну пешку и нашли достаточную защиту, например 14. Кf5 Ле8 15. Кbd6 С : d6 16. К : d6 Ле6 17. К : b7 Фс7.

14. . . . g7 : h6
15. Фd1—d2 Кf6—h7

Эту позицию анализировали многие гроссмейстеры и мастера. Все они, не исключая и авторов этой партии, единодушны в своем суждении — сильнее был ход 15. . . Кс5. Сильнее ли? Один из вариантов, можно сказать — главный вариант, найденный аналитиками по горячим следам, таков: 16. Лае1 Кd3 17. С : d3 cd 18. Кf5 Се4 19. Кbd4 Ле8 20. К : h6+ Кpf8 21. Фg5 Сg6 22. Л : e7 Л : e7 23. Ф : f6 Ле4! 24. Фh8+ Кpe7 25. Khf5+ С : f5 26. К : f5+ Кpe6 27. Фh3 Фh8 28. Kg7++ Кpe7 29. Ф : d3. Вероятно, где-то по пути белые могли сыграть и сильнее.

Ответвления от этого «главного» варианта не в пользу черных, например 18. . . Ле8 (вместо 18. . . Се4) 19. К : h6+ Кpf8 20. Фg5 Сс5 21. Кf5 Ле6 22. Фg7+ Кpe8 23. Фh8+ Cf8 24. Кbd6×

Почему же Керес не пошел на продолжение 15... Кс5, что заметно осложняло задачу белых? Бронштейн первоначально полагал, что черные опасались варианта 16. Лае1 Кd3 17. Ф : h6 Ле8 18. Ле5! К : е5 19. Kh5 К : h5 20. Фh7+ Кpf8 21. Фh8×, но впоследствии увидел, что, продолжая 18... Кg4!, Керес заставил бы его сложить оружие.

Тогда Бронштейн раскрыл свои подлинные замыслы, сообщив мне, что собирался брать пешку h6 вовсе не конем, а ферзем, имея в виду примерно следующие идеи (15... Кс5 16. Лае1 Кd3 17. С : d3 cd18. Ф : h6!): 18... Kh7 19. Kf5 Cf6 20. Ле3 Ле8 21. Лg3+ Kph8 22. Лg7. Или 18... Ле8 19. Kf5 Cf8 20. Фg5+ Kph7 21. Kbd6 Ле6 22. Ле3 Kg8 23. Фh5+ Kh6 24. К : h6 С : h6 25. Ф : f7+ Kph8 26. Л : е6 de 27. Ф : b7.

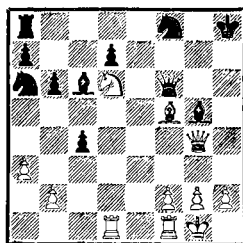
Радости для черных, как видим, мало, а расчет вариантов очень сложен. Не исключено, что игру белых можно усилить, а игру черных вряд ли. Керес решил элементарным путем отбить первую волну атаки, сохраняя материальное соотношение в свою пользу — две фигуры за ладью с пешкой.

Была у него, возможно, и такая мысль: «До ладей еще когда дойдет, а пока у черных ферзь с двумя слонами и конем; ими иной раз можно так распорядиться, что белому королю будет несладко».

16. Фd2 : h6 f7—f5
17. Kg3 : f5 Лf8 : f5

Отдать качество необходимо, ибо на 17... Лf7 белые отвечают 18. Фg6+ Кpf8 19. Kbd6 С : d6 20. Ф : d6+ Kpg8 21. Kh6+.

18. Сс2 : f5 Kh7—f8
19. Ла1—d1 Ce7—g5
20. Фh6—h5 Фd8—f6
21. Kb5—d6 Cb7—c6
22. Фh5—g4 Kpg8—h8

Примерно на эту ситуацию и рассчитывал Керес, когда отказался от хода 15... Кс5 и сыграл 15... Kh7. В общем его соображения справедливы — мата нет, материального ущерба нет, фигурная игра позволяет создать некоторые угрозы белым, но...

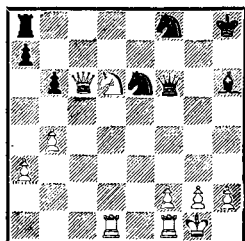
Но черный король лишился своей личной охраны, и теперь каждая фигура может на него напасть. Открытая доска — открытые перспективы для геомет-

рических комбинационных мотивов. Здесь Бронштейн в своей стихии. Последний ход короля отражает две угрозы: 23. $\Phi : c4+$ и 23. $h4$. Но уже следующим ходом белые создают три другие угрозы, а их все сразу отразить невозможно.

23. $Cf5-e4!$. . .

Одна из них 24. $\Phi : g5$ и 25. $Kf7+$, вторая 24. $C : c6$ и 25. $Ke4$, а третья реализована в партии.

23. . . . $Cg5-h6$
24. $Ce4 : c6$ $d7 : c6$
25. $\Phi g4 : c4$ $Ka6-c5$
26. $b2-b4$ $Kc5-e6$
27. $\Phi c4 : c6$. . .

Теперь и материальный перевес на стороне белых, а возможности дальнейшей атаки еще далеко не исчерпаны.

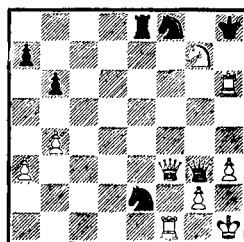
27. . . . $La8-b8$
28. $Kd6-e4$ $\Phi f6-g6$
29. $Ld1-d6$ $Ch6-g7$
30. $f2-f4$ $\Phi g6-g4$
31. $h2-h3$ $\Phi g4-e2$
32. $Ke4-g3$ $\Phi e2-e3+$
33. $Kpg1-h2$. . .

Надо отдать должное Кересу — он борется очень изобретательно, и будь у него не столь

бдительный партнер, он имел шанс, чего доброго, спасти партию.

Сейчас, например, хотелось бы сыграть 33. . . $K : f4$, но тогда 34. $Lh6+$ $Kh7$ 35. $\Phi d6!$ $C : h6$ 36. $Kf5!$ $\Phi e8$ 37. $\Phi d4+$ $Kpg8$ 38. $K : h6+$. Если же 34. . . $Kpg8$, то 35. $\Phi c4+$ $K4e6$ 36. $L : f8+$.

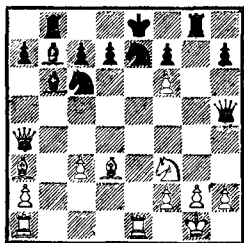
33. . . . $Ke6-d4$
34. $\Phi c6-d5$ $Lb8-e8$
35. $Kg3-h5$ $Kd4-e2$
36. $Kh5 : g7$ $\Phi e3-g3+$
37. $Kph2-h1$ $Ke2 : f4$
38. $\Phi d5-f3$ $Kf4-e2$
39. $Ld6-h6+$.

Эта партия признана лучшей среди всех сыгранных в гётеборгском турнире. Судьи вынесли свое решение (сначала в неофициальной форме) еще до окончания турнира, сразу же после того, как партия была завершена. Думается, что среди других лучших произведений шахматного искусства творение гроссмейстеров-художников Бронштейна и Кереса найдет свое достойное место.

В книге Франсуа ле Лионне «Призы за красоту в шахматах», о которой уже упоминалось, на первом месте стоит «неувядаемая», «вечнозеленая» пар-

тия Андерсен — Дюфрень, игранная в 1852 г. в Берлине.

В этом положении Андерсен сделал ход 19. Lad1 , что было воспринято окружающими как грубый зевок. Черные взяли коня: 19. . . $\Phi : f3$. Последовало 20. $\text{Le1} : e7+!$ $\text{Kc6} : e7$ 21. $\Phi : d7+!!$ $\text{Kp} : d7$ 22. $\text{Cf5}++$, и мат в два хода.

Жертвы красоты, движения фигур импонируют, но чего-то не хватает. Чего же?

Ответ на это можно найти в неопубликованной статье Бронштейна «Психология риска». Подлинно красивой комбинацией мы считаем такую, в которой есть элемент риска. Это риск не найти среди множества путей ту единственную узкую дорожку, которая приводит к победе. Это риск, что партнер обнаружит интуитивно, или расчетом, или случайно тайную тропу к защите...

Ничего этого нет в «неувядаемой». Игра Андерсена фантастична по замыслу и холодна по исполнению. Вся комбинация — в одном варианте, в одном зеленом, но правда вечно-зеленом цвете.

Риском полны комбинации Бронштейна. До сих пор, по совести говоря, неизвестно в точности, была ли защита у Кереса после $\text{C} : h6$. Позиционный перевес белых после Kb5! бесспорен, но достаточен ли он для форсирования игры? Достаточен ли он для победы? Проверять анализом нет охоты, а кто хочет проверить — может попробовать...

Но если у Кереса был лишь шанс на защиту, то в партии Бронштейн — Любоевич опровержение было найдено на другой же день, а красота партии все равно не померкла. Эта партия получила первое место на традиционном конкурсе экспертов, проводимом журналом «Шахматный информатор» (орган ФИДЕ), чем и удостоверено право гроссмейстера на риск. Партия приведена под № 28.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ (в семи сериях)

Комментатор шахматной партии обычно выбирает — сознательно или интуитивно — тот или иной эталон литературной формы для своих примечаний: повесть или рассказ, хроникерскую заметку или роман, зачастую — элементарный протокол, иногда — фельетон, а быть может, сагу?..

В данном случае не удалось уложить партию в положенные ей по стандарту три фазы — дебют, середина и эндшпиль. Пос-

ле встречи Решевского с Бронштейном в первом круге турнира гроссмейстеров в Цюрихе казалось, что мы смотрели многосерийный фильм примерно следующего содержания.

Пролог.

Крупный план. Давид Бронштейн задумчиво рассматривает лежащую перед ним записку:

Вася * +8 —3
Решевский +7½ —3 ½
Найторф +7 —4
Я +6½ —5 ½

Голос Бронштейна за кадром:

— Если я выиграю у Решевского, то сравняюсь с ним по числу набранных очков, но у него сыграно на одну партию меньше, и он сразу меня обгонит в следующем, 14-м туре, когда я буду свободен от игры. Если же я проиграю, то присоединюсь к Болеславскому, Петросяну и Эйве и все мы расположимся где-то в интервале от четвертого до седьмого места. Об этом лучше не думать...

При ничьей я буду на четвертом месте, пока в одиночестве, но Болеславский и Петросян догонят меня в 14-м туре...

* Глубоко мною уважаемый Василий Васильевич не посетует за то, что я воспроизвожу эту записку, как она была сделана. Ведь он и сам всегда называл Д. И. Бронштейна просто «Дэвик» и лишь недавно перешел на более солидное «Давид».

Итак, выбора нет. Я встречаюсь с Решевским впервые, значит, староиндийская. Уступить центр, отдать пешку d6 и двигать пешку «а»... У него будет сильная атака на королевском фланге, придется играть ход на ход... Ну что же, я готов!

Крупный план. Сэмюэль Решевский рассматривает свою записку:

Smysloff +8 —3
Ich +7 ½ —3 ½
Mendel +7 —4
David +6 ½ —5 ½

Решевский размышляет вслух:

— Если я выиграю у Давида, то буду почти рядом со Смысловым... Если проиграю, меня догоняет Найторф. При ничьей я буду на втором месте, далеко впереди Бронштейна.

Мы с Бронштейном встречаемся впервые. Вообще-то он партнер опасный, но все-таки у меня белые. Желательно выиграть, но можно делать ничью. До конца первого круга останется еще два тура, сохраняется возможность выиграть у Глигорича, у Тайманова... Быть может, у обоих?

Значит, староиндийская. Он, конечно, будет двигать пешку «а», вспоминая о своих классических победах, но теперь не те времена. Я буду вести игру в центре и при случае атаковать короля...

№ 4. Староиндийская защита

Решевский

Бронштейн

Турнир претендентов
Швейцария, 1953

Серия первая: «Табия-53»

1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	g7—g6
3. g2—g3	Cf8—g7
4. Cf1—g2	0—0
5. Kb1—c3	d7—d6
6. Kg1—f3	Kb8—d7
7. 0—0	e7—e5
8. e2—e4	Lf8—e8
9. h2—h3	e5 : d4
10. Kf3 : d4	Kd7—c5
11. Lf1—e1	a7—a5
12. Фd1—c2	c7—c6
13. Cc1—e3	Kf6—d7
14. La1—d1	a5—a4
15. Kd4—e2	Фd8—a5

Белые атаковали пешку d6, но после ответа черных убедились, что пешка с выгодой отыгрывается ходом 16. . . Ke5, причем 17. b3 лишь ухудшает дело ввиду неожиданного удара 17. . . C : h3, и если взять слона, то следует шах на f3 и т. д. Впрочем, все это пока по теории дебюта.

16. Cg2—f1	Kd7—e5
17. Ke2—d4	a4—a3
18. f2—f4	...

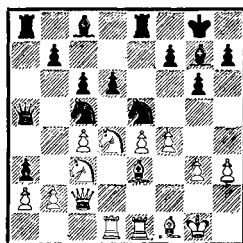
Сделав этот активный ход, Решевский предложил ничью.

По этому поводу хочется вспомнить, что программа шахматного автомата «Каисса» включает возможность троекратного повторения ходов и запрещает предлагать ничью партне-

ру, особенно автомату. Вероятно, эту черту авторы программы доктор физико-математических наук Брудно и кандидат Арлазаров заимствовали у юного Решевского — он играл когда-то до полного исчерпания сил!

Но в нашем фильме Решевский запрограммирован по-иному. Он предлагает ничью в двух ситуациях: когда хочет вызвать партнера на какой-либо опрометчивый шаг, делая вид, что у него плохая позиция, или же когда позиция действительно плохая и он опасается проиграть.

В данном случае он действовал по модели № 1.

Бронштейн отклонил ничью. Эту остроконфликтную обстановку ни по законам эстетики, ни по правилам логики недопустимо решать при помощи мирного договора.

Серия вторая: «Конвергенция».

Эта стадия носит маневренный характер.

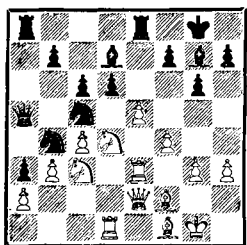
18. . . .	Ke5—d7
19. b2—b3	Kc5—a6
20. Ce3—f2	Kd7—c5
21. Le1—e3	Ka6—b4
22. Фc2—e2	Cc8—d7

Своим необычным хладнокровием и этими загадочными маневрами коней Бронштейн напоминает индейца в засаде. Белые тем временем сосредоточили крупные силы в центре.

Решевский принимает решение...

23. e4—e5! . . .

Начинается игра в другие шахматы.

Серия третья: «Конфронтация».

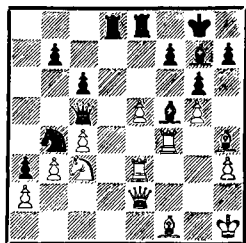
23.	. . .	d6 : e5
24.	f4 : e5	Ла8—d8
25.	g3—g4	Кс5—e6
26.	Сf2—h4	Ке6 : d4
27.	Лd1 : d4	Фа5—c5!

Узловой ход, на котором держится вся стратегия черных в этой фазе. Никким образом нельзя пропустить белого коня на f6. Нельзя было брать пешку e5 слоном, так как белые отвечали 28. Л : e5 и лишь затем брали ладью d8; теперь же приходится всерьез подумать о защите пешки e5.

28.	Лd4—e4!	Сg7—h6!
29.	Кpg1—h1!	Cd7—e6!
30.	g4—g5!	. . .

Завязка комбинации. Решевский обеспечивает поле f4 ладье, которая уступает свое место коню.

30.	. . .	Ch6—g7
31.	Ле4—f4	Се6—f5

Серия четвертая: «Дьявольская комбинация».

32. Кс3—e4! . . .

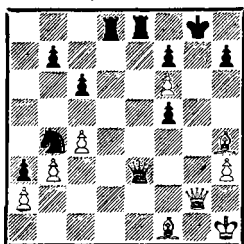
Жертва пешки. Бронштейн, конечно, видит, что на 32. . . Ф : e5 последует 33. Кf6+, но ведь тогда можно пожертвовать ферзя за ладью, коня и пешку и развить сильную атаку на полуголого короля.

Видит ли это Решевский?

В этих случаях Бронштейн старается понять ход мыслей партнера, в известной мере переплотиться. Ныне это называется «интроекция». Он даже размышляет в этот момент по-английски.

И вот он замечает дьявольскую ловушку. Если черные берут пешку, то белые отвечают не 33. Кf6+ С : f6! 34. Л : e5 С : e5, а 33. Л : f5! с двумя вариантами: 33. . . Ф : f5 34. Кf6+ С : f6 35. Л : e8+ Л : e8 36. Ф : e8+ Кpg7 37. fг+ — с шахом! — и ферзь возвращается на

е1, защищая обоих слонов. Но особенно красив второй вариант: 33. . . gf 34. Kf6+ C : f6 35. gf Ф : е3 36. Фg2+.

Серия пятая: «Красота».

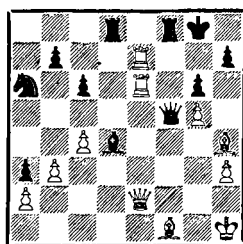
Разгадав замыслы Решевского, Бронштейн переходит на русский язык: «Возьму-ка я сначала коня...»

32. . . . Cf5 : e4+!
33. Лf4 : e4 Kb4—a6
34. e5—e6 f7 : e6

Здесь Решевский вторично предложил ничью, на этот раз по модели № 2. Позиция черных заметно лучше благодаря сильной пешке а3, открытому положению белого короля и превосходству черного коня над плохим белым слоном. Поэтому и сейчас ничья не состоялась. Ближайшие 10 полуходов — в обоюдном цейтноте.

35. Ле4 : е6 Ле8—f8
36. Ле6—e7 Cg7—d4
37. Ле3—e6 Фc5—f5
(см. диагр.)
38. Ле7—e8 Ка6—c5
39. Ле8 : d8 Kc5 : e6
40. Лd8 : f8+ Kpg8 : f8
41. Ch4—g3 . . .

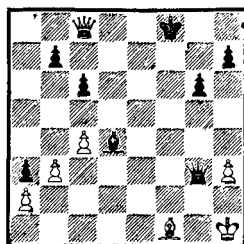
Серия шестая: «Анализ».
Перед откладыванием Решев-

ский долго думал и решил сразу отдать обреченную пешку в расчете, что взятие ферзем приведет к эндшпилю с разноцветными слонами, а взятие конем — к вечному шаху: 41. . . K : g5 42. Cd6+ Kpg7 43. Фе7+; между тем если бы ему успеть защитить пешку g5 ходом h3—h4, он значительно улучшил бы свои шансы. Бронштейн тщательно проанализировал позицию и ведет партию твердой рукой.

41. . . . Фf5 : g5
42. Фе2 : e6 Фg5 : g3
43. Фе6—c8+ . . .

Решевский уже не мог в третий раз предложить ничью, но он явно ожидал мирной инициативы.

43. . . . Kpf8—e7
44. Фc8—g4 . . .

Белые очень хотели бы взять пешку b7, но неожиданно это

приводит к немедленному поражению, так как — редкий случай — король отгесняет ферзя: 44. Ф : b7+? Крd8 45. Фа8+ Крс7 46. Фа5+ Сb6, под боем ферзь и грозит мат на g1.

Все же на предыдущем ходу шах был полезен для белых. Он вызвал короля на e7, и теперь черный ферзь не может стать на f2 ввиду 45. Фе2+ с разменом ферзей и явной ничьей.

44. . . .	Фg3—c3
45. Kph1—g2	Фc3—b2+
46. Фg4—e2+	Кре7—d6
47. Kpg2—f3	Cd4—c5
48. Kpf3—e4	Фb2—d4+
49. Кре4—f3	Фd4—f6+
50. Kpf3—g2	Крд6—c7
51. Фе2—f3	Фf6—b2+
52. Фf3—e2	Фb2—d4
53. Kpg2—f3	. . .

Ни один из противников не может проявить инициативу в размене ферзей. Если белые берут на b2, то черным для победы достаточно создать себе еще одну проходную на королевском фланге. Если черные берут на e2, то максимум, чего они могут достичь в дальнейшем, — завоевание пешки a2, что тоже не даст им победы, так как белый король в этот момент становится на c2 и не пропускает своего коллегу к полю боя.

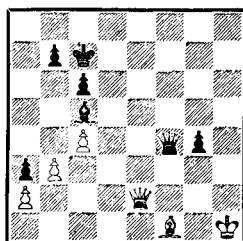
53. . . . h7—h5

В бой вступают последние резервы.

54. Kpf3—g2	g6—g5
55. Kpg2—g3	Фd4—f4+

56. Kpg3—g2	g5—g4
57. h3 : g4	h5 : g4
58. Kpg2—h1	. . .

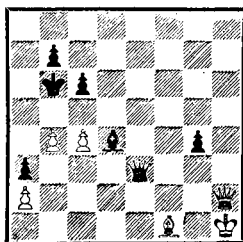
В этот момент читателям, быть может, кажется, что черным не под силу сломить изобретательное и стойкое сопротивление противника.

Если, например, сейчас двинуть пешку на g3, то 59. Ch3, и не видно, как черные могут усилить свою позицию. Однако это лишь острый сюжетный ход сценария. Наступает...

Серия седьмая: «Этюд».

58. . . .	Крс7—b6
59. Kph1—g2	Крb6—c7
60. Kpg2—h1	Cc5—d6
61. Kph1—g1	Крс7—b6
62. Фе2—g2	Cd6—c5+
63. Kpg1—h1	Фf4—h6+
64. Фg2—h2	Фh6—e3
65. b3—b4	Cc5—d4

Э п и л о г. Белые сдались.

Эта содержательная партия и в спортивном отношении была очень важна. Бронштейн в последнем туре первого круга выиграл еще у Глигорича и занимал превосходное положение в таблице — наравне с Решевским, всего на очко позади Смылова и на пол-очка впереди Найдорфа.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ШАХМАТНОГО ХУДОЖНИКА

Каждый гроссмейстер во многом сходен со всеми другими гроссмейстерами, но вместе с тем должен чем-то существенным от них отличаться. Это особенное, удивляющее и есть та грань, которая отделяет художника от спортсмена.

Не так-то просто найти и невозможно в двух словах определить характерные черты ведущих шахматистов мира. Наивные ярлыки типа «атакующий шахматист», «гений солнечных комбинаций», «мастер активной защиты» в наше время вызывают лишь улыбку.

Коэффициенты профессора Эло, которые, подобно балансам крупных банков, оценивают каждого по нажитому капиталу, могли появиться лишь в результате упорных попыток приспособить шахматное искусство к требованиям отборочных соревнований. Конечно, стрелковый взвод бывает полезно построить

и подать команду «На первый-второй рассчитайсь!», но переносить этот прием строевой подготовки на лидеров любимого народом искусства вряд ли целесообразно. Быть может, заодно уже и композиторов, пианистов, певцов также разделить на первую и вторую лигу?

Чтобы оценить шахматного художника, надо его творчество понять изнутри, надо самому перевоплотиться в гроссмейстера и отнестись к нему с симпатией. Бронштейн вызывает симпатию, но есть категория людей, считающих его чудачком.

— Почему вы не играете, как все? Отбросьте ваши странности, ваши извилистые приемы, и вы добьетесь крупнейших успехов.

Нельзя не вспомнить по этому поводу эпизод с «изгнанием беса» в одной пьесе А. Н. Толстого. Монахам удалось изгнать беса из молодого человека, но его покровительница от него тотчас отказалась: зачем ты мне нужен без беса?

Конечно, мировоззрение начинается с того, чем обладают все гроссмейстеры: культура, ум, любовь к шахматам, техника, знания, талант... Но при всем том для художника требуется нечто большее — гармоничный синтез этих элементов.

И вот Бронштейн пишет острый памфлет под названием «Учусь играть, как все...» Поводом к этому послужила его партия с В. Корчным, сыгранная в матче Москва — Ленин-

град на 100 досках (по телефону)*.

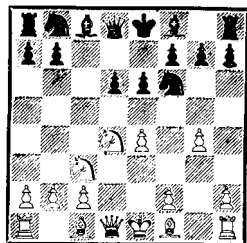
«Итак, я учусь играть, как все. В переводе на шахматный язык это означает, что я играю белыми испанскую, а черными модернизированную сицилианскую; если случится пойти ферзевой пешкой и мне отвечают ортодоксальной, я тотчас бью на d5; если кто против меня рискнет на староиндийскую, — без раздумий бросаю на штурм все пешки с левого края доски. Это только часть тех знаний, которые я усвоил с той поры, когда решил поддаться на уговоры критиков и «играть, как все». Это очень практично и очень удобно. Во-первых, меньше цейтнотов. Во-вторых, не думаешь над первыми ходами. В-третьих, никто не ищет ошибок в твоих партиях. Ведь они как две капли воды похожи на любую другую партию».

После такого введения Бронштейн в партии с В. Корчным целых пять ходов играл «как все».

№ 5. Сицилианская защита Бронштейн Корчной

Матч Москва — Ленинград
по телефону, 1964

1. e2—e4	c7—c5
2. Kgl—f3	e7—e6
3. d2—d4	c5 : d4
4. Kf3 : d4	Kg8—f6
5. Kb1—c3	d7—d6
И здесь он вдруг сорвался.	
6. g2—g4	...

Дело, видите ли, в том, что эта партия игралась накануне дня рождения Кереса, а он перед отъездом в Голландию обещал зайти попрощаться. И, разумеется, Бронштейну захотелось преподнести коллеге сюрприз. Но что же может подарить гроссмейстер гроссмейстеру? Будь он композитор, написал бы кантату. Поэт — сочинил бы стихи. «Был бы я портной, — размышляет Бронштейн, — сшил бы Кересу костюм. (Заметим, что Керес всегда был одет безукоризненно. Вероятно, среди его друзей числился портной гроссмейстерского класса, тут уж Бронштейну не было работы.) Но я всего лишь шахматист».

— Только и было в моих силах, — сокрушается Бронштейн, — скроить ход «по Кересу».

6. ...	a7—a6
7. g4—g5	Kf6—d7
8. Cf1—c4	...

Между прочим, становится при случае возможным Cc4 : e6, и Корчной немедленно принимает меры.

8. ...	Kd7—e5
9. Cc4—e2	b7—b5

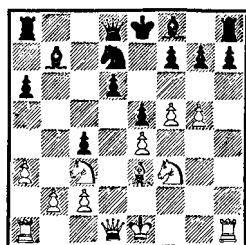
* Цитируется с некоторыми сокращениями.

10. a2—a3 Cc8—b7
11. f2—f4 . . .

15. . . . g7—g6!
16. f5 : g6 h7 : g6

Итак, против виртуоза защитных позиций, который нередко вызывает «огонь на себя», чтобы применить ему одному известные колдовские способы неожиданного перехода в контратаку, Бронштейн, не рокируя, бросает вперед пешки «g», «f», а потом и «h». С улыбкой смотрит на него пришедший Керес, опасаясь, что подарок ко дню рождения примет округлую форму...

11. . . . Ke5—c4
12. f4—f5 e6—e5
13. Kd4—f3 Kb8—d7
14. Ce2 : c4! b5 : c4
15. Cc1—e3 . . .

Белые не пожалели «одного из лучших» своих слонов, чтобы закрыть линию «с» черной пешкой и, преградив второму коню выход на с5, лишит черных инициативы на ферзевом фланге.

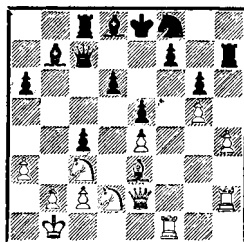
Корчной, верный своему стилю, решает оставить короля на своем месте и резко обострить позицию на королевском фланге.

Никто из гроссмейстеров на последний размен не решился бы, кроме Бронштейна. Черные получают поле e6, диагональ c8—h3 и еще линию «h» в придачу. Что же это за гроссмейстерская техника со стороны Бронштейна? Это уже не техника — это искусство, подкрепленное расчетом. Смотрите, что будет дальше.

17. Фd1—e2 Фd8—c7
18. 0—0—0 Cf8—e7
19. h2—h4! . . .

Белые ограничивают зону влияния черной ладьи и создают перманентную угрозу h4—h5.

19. . . . Kd7—f8
20. Kf3—d2 Ла8—c8
21. Лd1—f1 Ce7—d8
22. Лh1—h2 Лh8—h7
23. Kpc1—b1 . . .

Вот эта филигранная гроссмейстерская техника. Предвидя возможность операции Kd5 С : d5, ed, c3, белые уведут короля с горячей точки, чтобы пешка не грозила вторгнуться на вторую линию с шахом. Вместе с тем

Бронштейн психологически давит на жаждущего активности партнера, демонстрируя, что у белых есть время для неторопливых маневров со страшным нажимом по линии «f».

23.	...	Lh7—h5
24.	Lh2—f2	Lh5—h7
25.	Lf2—f3	Kf8—e6
26.	Фe2—f2	Фс7—e7

Линия «h» для черных оказалась бесполезной, поскольку король перекрыл коммуникацию. На ферзевом фланге у черных инициативы нет. Стратегия белых торжествует, но где точка прорыва? Требуется форсированный вариант с комбинационной идеей.

27.	Kc3—d5	Cb7 : d5
28.	e4 : d5	Ke6—c7
29.	Kd2 : c4	...

Вариант 29. . K : d5 30. Л : f7 Л : f7. 31. K : d6+ Ф : d6 32. Ф : f7× в партии не состоялся.

29.	...	Kc7—b5
-----	-----	--------

Этот ход угрожает создать сильную контригру на ферзевом фланге и полностью ликвидировать атаку белых на пешку d6. Допустить, а верней, форсировать это продолжение можно было только при условии, что белые рассчитали вариант вплоть до выигрыша ферзя и до финальной позиции.

30.	Kc4—b6	Cd8 : b6
31.	Ce3 : b6	Lc8—c4
32.	h4—h5	g6 : h5

33.	Lf3—f6	Lh7—g7
34.	Фf2—f5!	

Далее возможно: 1) 34. . . Фd7 35. Ле6+ Kpf8 36. g6; 2) 34. . . Фb7 35. Lh6 Ф : b6 36. Lh8+ Kpe7 37. Фf6+ Kpd7 38. Ф : f7+; 3) 34. . . Kd4 35. C : d4 Л : d4 36. Фс8 +Фd8 37. Ле6+ fe 38. Lf8+ Kp : f8 39. Ф : d8 Kpf7 40. de+ Kpg6 41. Фf6+ Kph7 42. e7.

В партии черные просрочили время еще на 34-м ходу.

РЫЦАРИ КОРОЛЕВСКОГО ГАМБИТА

Королевский гамбит! При этих словах в памяти всплывают имена Муцио, Альгайера, Сальвио, Зильбершмидта, Кизерицкого, Кеннингема... Они не очень то задумывались насчет коэффициентов профессора Эло и не всегда заботились о защите «слабых» пунктов, но зато хорошо знали, где пожертвовать фигуру, чтобы создать атаку, пусть иногда и призрачную, но на самого Короля.

А в наше время кто станет ввязываться в эти дон-кихотские поединки? Но вот юный Бронштейн заявляет (это было почти 30 лет назад): «Теория считает этот дебют некорректным. С этим нельзя согласиться. Из пяти турнирных партий, сыгранных мной королевским гамбитом, я выиграл все пять».

Вот одна из них, против В. Панова, человека высокой культуры и многогранного шахматиста, чей стиль, по отзыву

Эм. Ласкера, был близок к чигоринскому. Панов был не только автором монографий, учебников, сборников, не только публицистом, но и драматургом. Его драма во время войны шла на сценах многих театров. Были у него и другие пьесы, одна из них даже в стихах, и, право же, это были неплохие стихи. Он разгадал одну из загадок Г. Н. Пильсбери и нашел мнемонический прием обхода всей доски ходом коня с завершением рейса на заданной клетке. Конечно, такие трассы коня и раньше были известны, но алгоритм Панова был в стихах. Итак...

№ 6. Королевский гамбит

Бронштейн **Панов**

Чемпионат Москвы, 1947

1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4	...

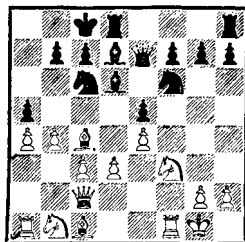
Панов не принял гамбит.

2.	...	Cf8—c5
3.	Kg1—f3	d7—d6
4.	c2—c3	Cc8—g4
5.	f4 : e5	d6 : e5
6.	Фd1—a4+	Cg4—d7
7.	Фа4—c2	Kb8—c6
8.	b2—b4!	Cc5—d6
9.	Cf1—c4	Kg8—f6
10.	d2—d3	Фd8—e7
11.	0—0	0—0—0
12.	a2—a4	...

Кажется, что борьба пойдет в фарватере стандартной схемы «взаимная пешечная атака

при рокировках в разные стороны», как вдруг...

12. ... a7—a5!

Оказывается, открытая линия «b» после возможного 13. ba K : a5 ровно ничего не дает белым, поскольку пункт b7 и подступы к нему надежно защищены.

13. b4—b5! Kc6—b8

14. Kb1—d2 Cd7—g4

Снова очень тонкий ход. Бронштейн настроился на 15. d4, но, проверив варианты, увидел, что он сталкивается с сильнейшей контратакой: 15. . . C : f3 16. Л : f3 ed 17. cd C : h2+ 18. Кр : h2 Kg4+. Если теперь 19. Kpg1, то 19. . . Фd6!, и угрозы черных Ф : d4+ и Фh2+ крайне неприятны. Если же 19. Kpg3, то просто h7—h5.

Значит, прорыв d3—d4 еще не созрел и надо пока вести фигурную игру, усиливая давление на ферзевый фланг.

15. Kd2—b3 b7—b6

16. Cc1—e3 Kb8—d7

17. Ла1—e1 Cg4—e6

Этот маневр черных в связи с последующим Kg4 выиграл бы в силе, будучи проведен на ход

раньше. Тогда белым в ответ на примерное 16. . . Сe6 17. С : е6 Ф : е6 18. Лаe1 Кg4 пришлось бы вернуть слона на с1, поскольку допустить его размен значило бы лишиться ударной силы в атаке на пешки, расположенные на черных полях.

Панов мог бы пойти на обострения такого типа: 16. . . С : f3 17. Л : f3 Кg4.

Эти возможности у черных появились в связи с тактической неточностью Бронштейна, который вывел слона на е3 до того, как король отошел на h1.

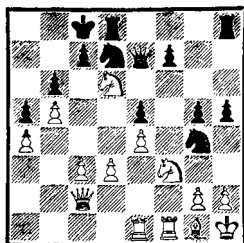
18. Сс4 : е6	Фе7 : е6
19. Кpg1—h1	Фе6—e7
20. Кb3—d2	Кf6—g4
21. Се3—g1	h7—h5
22. Кd2—c4	g7—g5

Здесь можно было ожидать 22. . . h4 с намерением 23. . . h3. Белым пришлось бы пойти 23. h3, после чего зажатая слоном и пешкой позиция белого короля на открытой диагонали могла дать множество возможностей для атаки.

Панов сразу берет быка за рога и решается на традиционное «атакующее» продвижение наиболее воинственной пешки. Оказывается, однако, что взятие быка за рога — обоюдоострая операция. У белых накоплен достаточный стратегический ресурс, и они наносят один за другим три тактических контрудара.

23. Кс4 : d6+ . . .

Первый удар. Ослабляется пешка b6 и приоткрывается ли-

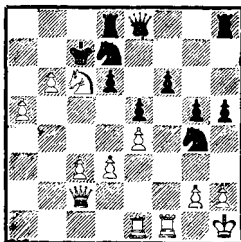
ния «с», на которой противостоят черный король и белый ферзь. Брать на d6 ферзем черные, очевидно, не могут, поскольку их пешка g5 осталась бы незащищенной.

23. . . . c7 : d6
24. Кf3—d2! . . .

Второй удар, который содержит угрозу 25. Кс4 Кpb7 26. Л : f7!, и благодаря этому белые выигрывают темп для перевода коня на с4, усиливая атаку на пешку b6.

24. . . . f7—f6
25. Кd2—c4 Крс8—b7
26. Сg1 : b6! . . .

Третий, заключительный, удар, после которого пешки, поддержанные конем и тяжелыми фигурами, могут в несколько ходов выиграть партию самостоятельно.

26. . . . Kd7 : b6
 27. Kc4 : a5+ Kpb7—c7
 28. Ka5—c6 Фе7—e8
 29. a4—a5 Kb6—d7
 30. b5—b6+! . . .

(см. диагр. на стр. 115).

В заключение «жертва» коня.
 Тематический вариант: 30. . .
 Кр : с6 31. Фа4+ Крb7 32. а6+
 Крb8 33. Фс6, и мат неизбежен.

30. . . . Kpc7—b7
 31. a5—a6+ Kpb7 : b6
 32. Le1—b1+ Kpb6—c7
 33. Lb7+Kpc8
 34. Ka7 мат.

Последние два хода не были сделаны. Черные просрочили время после 32. Lb1+.

А как же королевский гамбит? Кто, когда и с кем играл его впоследствии? Об этом читатель узнает кое-что из следующей новеллы.

Что касается чисто шахматного, так сказать, вариантного содержания партии, то надо отметить, что 25-й ход черных (Крb7) был неточен. При положении короля на с7 белые, жертвуя фигуру на b6, брали бы затем вторую пешку конем без шаха, что давало черным важный темп для обороны. Быть может, и жертва в этой ситуации не проходила.

Белые, однако, имели ясный план победы на позиционной основе: d3—d4, сдвоение ладей по линии «d», прорыв и вторжение на d6.

МАШИНА ВРЕМЕНИ (100 лет назад)

100 лет назад считалось неудобным черными в королевском гамбите не взять пожертвованную пешку, вроде как уклониться от дуэли на шпагах. Окружающие с укоризной глядели на такого шахматиста, как бы говоря ему: «Что же вы, маэстро, атаки испугались?»

Но не таков мастер Дубинин — мужчина богатырского сложения, сказочной силы и любитель комбинационных шахмат. Он отличался фантазией, превосходно считал варианты и на королевский гамбит шел как на праздник.

И хотя партия его с Бронштейном происходила в 1947 году, но по ее содержанию иной раз кажется, что в обозначении этого года уместно было бы вторую цифру уменьшить на единицу.

№ 7. Королевский гамбит Бронштейн Дубинин

XV чемпионат СССР, 1947

1. e2—e4 e7—e5
 2. f2—f4 e5 : f4!
 3. Kg1—f3 g7—g5

Этот ход 100 лет назад считался обязательным. И не для того, конечно, чтобы защищать пешку, а для того, чтобы потревожить белого коня, открыть возможность шаха ферзем с h4 и вообще...

4. h2—h4 . . .

Принципиальный ответ (по понятиям 1847 года). Белые не дают времени закрепить пешечную структуру путем h5 и Cg7.

4. . . . g5—g4
5. Kf3—e5 h7—h5

Определился гамбит Кизе-рицкого.

6. Cf1—c4 Lh8—h7

100 лет назад более модным было продолжение 6. . . . Kh6 7. d4 d6 8. Kd3 f3 9. gf Ce7 10. Ce3 C : h4+ 11. Kpd2 с многообещающей игрой у белых. Но П. Дубинин применяет защиту с колоритным названием «длинный кнут», и в ней он подготовил, так сказать, «новинку».

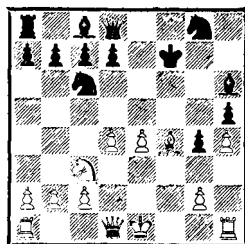
7. d2—d4 Cf8—h6

В старину играли 7. . . . d6 8. K : f7 Л : f7 9. C : f7+ Kp : f7 10. C : f4 Ch6 11. 0—0 Kpg7, полагая, что игра черных лучше. Оценка эта сомнительна, во всяком случае, ни Дубинин, ни Бронштейн с ней не согласны.

8. Kb1—c3 Kb8—c6

Последние два хода — это и есть «новинка» Дубинина. Он начал развивать легкие фигуры, которые до этого момента все не покидали свои места. Но Бронштейн хочет показать, что черные несколько запоздали с этим похвальным намерением.

9. Ke5 : f7 Lh7 : f7
10. Cc4 : f7+ Kpe8 : f7
11. Cc1 : f4 . . .

Конечно, «жертва», или, вернее, размены на f7, входила в план черных, но жертва на f4 — плод импровизации Бронштейна — подлинная неожиданность, которая озаряет позицию и обнажает ее безнадежность для черных. Сильный пешечный центр и открытая линия «f» создают предпосылки решающей атаки. Но предпосылки-присказки иной раз превращаются в несколько шахов. Между тем истинное решение требует серии единственных, логически обоснованных ходов и заключительной эмоционально насыщенной развязки*.

Таковы импровизационные шахматы ныне, 100 лет назад и, будем надеяться, через 100 лет.

11. . . . Ch6 : f4
12. 0—0 Фd8 : h4
13. Лf1 : f4+ Kpf7—g7
14. Фd1—d2! . . .

Центральный ход комбинации. Белые вызывают к полю битвы резерв в лице ладьи a1

* «Отдавая должное красочному описанию импровизационных шахмат, вынужден все же отметить, что до 11-го хода, включая C : f4!, партия шла по анализу Яниша» (А. Константинопольский).

(это их последний резерв!) и в то же время препятствуют обходному маневру $\Phi h4-g5$, на что теперь последует $\text{Л}f7+$.

14. . . . $d7-d6$
15. $\text{Л}a1-f1$ $\text{К}c6-d8$

Черные намерены продолжать $\text{К}e6$, чтобы после $\text{Л}f7+$ $\text{К}ph8$ иметь возможность сыграть $g3$! Как иначе защитить пункт $f7$? Ответ 15. . . $\text{С}e6$ сразу проигрывает ввиду 16. $d4-d5$.

16. $\text{К}c3-d5$. . .

Снова препятствуя ходу 16. . . $\text{С}e6$ ввиду 17. $\text{К} : c7$ и 18. $\text{К}e8+$ с разгромом. Кроме того, конь подбирается поближе к черному королю. Плохо теперь и заманчивое 16. . . $\text{К}e6$ из-за 17. $\text{Л}f7+$ $\text{К}ph8$ 18. $\text{К}f6!$ $\text{К}g5$ 19. $\Phi : g5!$ $\Phi : g5$ 20. $\text{Л}h7 \times$.

16. . . . $\text{С}c8-d7$

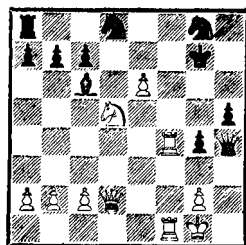
Приглашая белых заняться ловлей ферзя: 17. $\Phi e3$ $c6$ 18. $g3$ $\Phi g5!$ 19. $\text{Л}f7+$ $\text{К} : f7$ 20. $\text{Л} : f7+$ $\text{К}р : f7$ 21. $\Phi : g5$ cd , и черные за ферзя имеют ладью, слона и коня.

17. $e4-e5!$. . .

Белые грозят 18. $\text{К} : c7$ и 19. ed с разгромом или 18. $\text{К}f6!$

17. . . . $d6 : e5$
18. $d4 : e5$ $\text{С}d7-c6$
19. $e5-e6!$. . .

Вступление к изящной финальной комбинации. Угрожает кинжальный шах ферзем по диагонали $a1-h8$.

19. . . . $\text{С}c6 : d5$
20. $\text{Л}f4-f7+$ $\text{К}d8 : f7$
21. $\text{Л}f1 : f7+$ $\text{К}pg7-h8$

Если 21. . . $\text{К}pg6$, то 22. $\Phi d3+$.

22. $\Phi d2-c3+$ $\text{К}g8-f6$
23. $\text{Л}f7 : f6$ $\Phi h4 : f6$

Защиты нет. Если 23. . . $\Phi g5$, то 24. $\text{Л}h6++$ $\text{К}pg8$ 25. $\text{Л}(\Phi) h8 \times$.

24. $\Phi c3 : f6+$ $\text{К}ph8-h7$
25. $\Phi f6-f5+$ $\text{К}ph7-h6$
26. $\Phi f5 : d5$ $\text{К}ph6-g6$

27. $\Phi d5-d7$. Черные сдались.

100 лет назад средняя продолжительность жизни еще не достигла 73 лет. Шахматисты не имели времени доигрывать партии по два дня, они их завершали до 30 ходов.

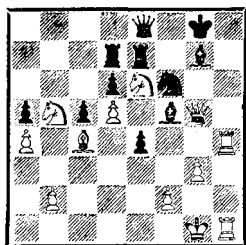
ПАРАДОКС

Эта странная партия была не сразу понята экспертами, нет уверенности, что она понята и сейчас. Черные не делали ошибок, и комментаторам не было ясно, на каком же ходе выиграть клеймо «?». Вероятно, поэтому она никогда не публиковалась.

валась с комментариями, за одним лишь исключением. Я имею в виду публикацию в журнале «Шахматы в СССР» с примечаниями таинственной личности Ферзьбери.

С другой стороны, и Бронштейн не проявил особого рвения в атаке, ничего не жертвовал, не предпринимал многоходовых комбинаций, обходил стороной форсированные варианты.

И несмотря на разумную игру черных, позиция их в какой-то момент не то чтобы развалилась, а как бы растаяла, подобно ледяному дому под лучами весеннего солнца. Лутиков долго думал перед своим 37-м ходом, пожалуй, слишком долго, но не о том, какой ход сделать. Здесь не было вопроса — ходить было некуда и нечем, — он просто недоумевал: почему все это произошло?

«И вот я отправился *, чтобы взять интервью у Бронштейна по поводу этой партии. О дебюте я ничего не спрашивал».

* Дальнейшее изложение ведется от имени гроссмейстера Ферзьбери.

№ 8. Староиндийская защита

Бронштейн

Лутиков

Спартакиада народов СССР, 1959 г.

1. d2—d4	Kf8—f6
2. c2—c4	g7—g6
3. Kb1—c3	Cf8—g7
4. e2—e4	d7—d6
5. Kg1—f3	0—0
6. Cf1—e2	e7—e5
7. d4—d5	Kf6—h5

Ведь это та самая позиция, в которой Сабо против Боле-славского в Будапеште сыграл 8. Kg1 и после 8...Kd7! 9. C : h5 gh 10. Ф : h5 даже выиграл пешку. Вариант попал в дебютные руководства, но последователей у Сабо не нашлось. Здесь белые обычно рокируют или играют как в партии.

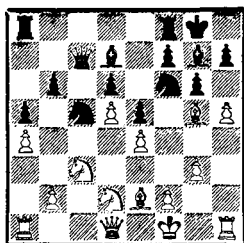
8. g2—g3	Kb8—a6

Это некоторое отклонение от главного варианта (8...Kd7), но не очень существенное, поскольку конь все равно попадает на c5.

9. Kf3—d2	c7—c6
10. Kd2—b3	Kh5—f6
11. h2—h4	c6 : d5
12. c4 : d5	b7—b6
13. Cc1—g5	Ka6—c5
14. Kb3—d2	a7—a5
15. h4—h5	Фd8—c7
16. a2—a4	Cc8—d7
17. Kpe1—f1	...

Лишь здесь я задал первый вопрос:

— Скажите, Давид Ионович, что заставило вас сделать этот ход королем?

— Не мог разгадать, какой план задумал мой партнер. Куда бы ни рокировал мой король — направо или налево, — его ждут серьезные невзгоды. Если же ладья h1 останется на своем месте, а король укроется на g2, то атака на королевском фланге будет опасна уже для черных...

— И вы полагаете, что белые здесь достигли преимущества?

— О нет! Преимущество появится лишь в тот момент, когда черные изберут план атаки.

— А если черные не будут атаковать?

— Лутиков — сильный шахматист. Он отлично знает, что нельзя играть без плана. Он, несомненно, придумает план, и я получу преимущество!

— Это — парадокс.

— Возможно. А кстати, что такое парадокс? Это хорошо или плохо?

— Парадокс — это необычное, нестандартное суждение, за которым нередко кроется истина. Впрочем, что же это? Я вас интервьюирую, а вы мне задаете вопросы...

— Так это вы перестали задавать вопросы и вдруг стали

рассуждать о парадоксах. Посмотрим лучше, что было дальше.

17.	...	Cd7—c8
18.	Kpf1—g2	Kf6—e8
19.	Ce2—b5	f7—f6!
20.	Cg5—e3	f6—f5!

— Заметьте, — сказал Бронштейн, — черные начали атаковать, но белый король за своими пешками в полной безопасности, до него никак не доберешься.

21.	h5 : g6	h7 : g6
22.	e4 : f5	Ke8—f6
23.	f5 : g6	Cc8—f5
24.	Kd2—f3	Cf5 : g6
25.	Kf3—g5	Cg6—f5

Очень интересный замысел! Черные отдали две пешки, затем отобрали одну и расположили свою армию, нацеливаясь на центр. Однако пешек около короля у них нет, и фигуры вынуждены прикрывать его своими телами, а такое использование фигур неэффективно. Они должны реализовать свою способность к дальнему действию, а не толпиться «при дворе».

— И вот, — сказал Бронштейн, — белые начинают атаку ключевого поля, открывающего доступ в королевский дворец, — поля e6. Теперь в этой партии такие категории, как «королевский фланг», «ферзевый фланг», «центр», утрачивают всякое содержание. Тема основного конфликта — пункт e6. Это как Шенграбенские высоты под Аустерлицем: кто ими владеет, тот и победит в сражении. Поэтому

Лутиков держит избыточную защиту пункта е6. Сейчас он контролирует это поле слоном и конем, а затем расположит еще и ферзя на b7, чтобы связать пешку.

26. Лh1—h4	Ла8—с8
27. Фd1—e2	Фс7—b7
28. Ла1—h1	Лс8—с7
29. Кpg2—g1	...

Король уходит из-под связки.

29. ...	Фb7—с8
30. Се3 : с5	...

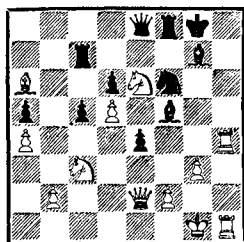
Белые устраняют «избыточного» коня. Теперь пункт е6 охраняется слоном и ферзем.

30. ...	b6 : с5
31. Сb5—d3	...

Угрожая ликвидировать последнего боеспособного защитника поля е6, белые вынуждают партнера пойти на форсированный вариант.

31. ...	е5—е4
32. Cd3—a6	Фс8—е8
33. Kg5—e5!	...

Безнадежно для черных было бы 33. . . С : е6 34. de, поскольку пешка d6 незащитима.

33. ...	Лс7—е7
34. Са6—с4	...

Конечно, белые далеки от мысли жертвовать коня е6 за ладью...

34. ...	Лf8—f7
35. Кс3—b5	Ле7—d7
36. Фе2—d2	Лf7—е7
37. Фd2—g5	...

— Вот мы пришли к завершающей позиции. Каково здесь было бы нормальное продолжение со стороны черных? — спросил я.

— Эту картинку мы можем раскрашивать в любые цвета, — ответил Бронштейн. — Например: 37. . . Фg6 38. Ф : g6 С : g6 39. Кс3. У черных пешкой меньше, да и вторую непросто защищать. Но если говорить о нормальном продолжении, то оно как раз было избрано моим партнером — он просрочил время.

— Благодарю вас, Давид Иванович, за интересную беседу, — произнес я стандартную фразу, — но как же насчет шахматного механизма, который сработал на поражение мастера Лутикова? И к которому его ходу ставить вопросительный знак?

— Вы все свое, неугомонный мистер Ферзьбери! Если он хотел держать партию, то не надо было переходить в атаку. Контролировать пункт е6 самим богом предназначено пешке f7. Поэтому вопросительный знак, если он вам очень нужен, поставьте к тому ходу, где я поставил знак восклицательный — к маневру f7—f6—f5.

— Но ведь это парадокс! — воскликнул я.

— Несомненно, — ответил Бронштейн. — Но что такое парадокс? Это хорошо или плохо?

ФЕРЗЬ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Выиграть ферзя, сняв его с доски, обменяв на одну или две фигуры, — это, конечно, большой успех, он обычно приводит к победе, но слишком, как бы это сказать, прямолинейно, натуралистично. Интересна другая идея: при живом ферзе создать такую обстановку, чтобы шахматная жизнь шла мимо него. Когда Алиса удалась в Зазеркалье, она ведь не перестала существовать, но жила где-то в четвертом измерении, на Земле ее не было. Так и черный ферзь: значился по регистру на h4, но там была лишь тень ферзя. И пусть это продолжалось всего три хода, но они были как три года. Как сказал поэт, «миг один прошел для Зазеркалья, пронеслись года среди людей. Не алмазные ли брызги засверкали в комбинации причудливых идей».

№ 9. Славянская защита

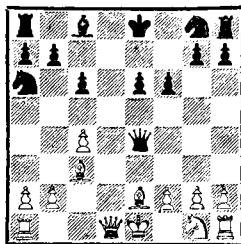
Бронштейн

Сили

Матч Москва — Будапешт, 1949

1. d2—d4	d7—d5
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	c7—c6
4. e2—e4	d5 : e4
5. Kc3 : e4	Cf8—b4+
6. Cc1—d2	Фd8 : d4

7. Cd2 : b4	Фd4 : e4+
8. Cf1—e2	Kb8—a6
9. Cb4—c3	f7—f6

По поводу этой позиции, которую считают исходной для дальнейшей борьбы в славянском гамбите, Бронштейн писал, что она еще долго будет служить предметом спора между теоретиками и практиками. «Я полагаю, что шансы сторон примерно равны. За пожертвованную пешку у белых более свободная игра и возможность быстрого развития с хорошими видами на атаку».

Прогнозы Бронштейна о предстоящих спорах не оправдались, а его нарочито наивная оценка («шансы примерно равны») явно рассчитана на то, что кто-нибудь из его потенциальных противников клюнет на эту приманку и получит мат в «примерно равной» позиции.

Год спустя на турнире претендентов в Будапеште была сыграна партия, быть может последняя в истории этого варианта. Ее комментатор, пришедший из XIX века, гроссмейстер Геза Мароци, не оставил черным никаких надежд.

Что касается партии Бронштейн — Сили, то и она не вызва-

ла споров между теоретиками и практиками, ибо в шахматах практики творят теорию, а так называемые теоретики — не кто иные, как разочарованные практики *.

10. Фd1—d6! Сс8—d7!

Блестящая реплика. Венгерский мастер трезво рассудил, что сначала — король, конь потом. Дебютные руководства того времени отдавали предпочтение маневру 10...Kh6 с последующим переводом коня на f7. Рассказывают, будто А. Котов высказал сожаление, что он не взял в чемпионате СССР у Бронштейна гамбитную пешку. Но он, вероятно, не знал, что после 11. С : f6! gf 12. 0—0—0 Kf7 13. Ch5 чемпион ему вряд ли бы удалось стать...

11. 0—0—0 0—0—0
12. Фd6—g3 Фе4—g6
13. Фg3—e3 ...

Если бы ферзь мог ходить как конь, возможно, он сразу пошел бы с d1 на e3. Но и сделанные им три хода, кинематически сходные с действием рычага на шарнирах, и динамически оказались очень эффективны — черный король отброшен на унылую позицию со сквозняками, а ферзя подтолкнули на другой фланг.

13. ... b7—b6

Если 13...Kpb8, то 14. Ca5 b6 15. С : b6! Однако при 13...c5 черные хотя и не без труда, но поддерживают равновесие.

14. Kgl—h3 ...

Игра Бронштейна напоминает движения кисти художника, когда каждый безошибочный штрих раскрывает новую сторону картины. Угрозой Kf4 или f2—f4 и Kh3—f2—e4 белые стремятся вызвать e6—e5 и раскрыть центр для атаки на короля.

Сыграв 14...e5, черным будет нелегко обороняться: 15. f4 Ф : g2 16. Kf2! ef 17. Ф : f4 Фg6 18. Ke4! Размен ферзей не облегчил бы позиции черных: 18...Фh6 19. Kd6+ Kpb8 20. Cd2!

14. ... Фg6—h6

В этой борьбе на заминированных полях первая же ошибка становится последней. Ход e6—e5 был все же необходим.

15. f2—f4 Kg8—e7

Теперь в ответ на 15...e5 взорвется мина на d7: 16. Л : d7!! Кр : d7 17. Лd1+ Крc7 18. Л : d8 Кр : d8 19. Фd2+! Крc7 20. Cg4 Kb8 21. Kg5.

16. g2—g4 e6—e5
17. Cc3—d2 ...

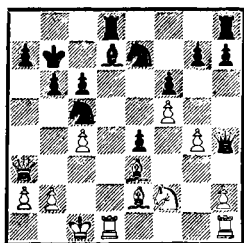
Пикантный ход. Белые угрожают путем Фа3 атаковать сразу обоих столь удаленных друг от друга коней.

17. ... Ка6—c5
18. Фе3—a3 e5—e4

* Все, кроме, конечно, автора этой книги.

Западня. Если 19. f5, то 19...e3! 20. С : e3 Ф : h3 21. С : c5 Ф : a3 22. С : a3 c5!, и все худшее для черных миновало.

19. Kh3—f2! Kpc8—b7
20. f4—f5 Фh6—h4
21. Cd2—e3 . . .

Ферзь в Зазеркалье. Он есть, и его нет. Его все видят, но никто не опасается, поскольку это лишь тень ферзя.

21. . . . Kc5—d3+
22. Kf2 : d3 e4 : d3
23. Лd1 : d3 Ke7 : f5
24. Лh1—d1! Черные сдались.

Их ждал вариант 24...К : e3 25. Л : d7+ Л : d7 26. Л : d7+ Kpc8 27. Ф : a7 Фe1+ 28. Cd1.

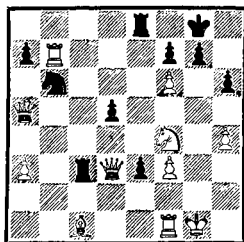
МАТ В ТРИ ХОДА

Возможен ли мат в турнирной партии гроссмейстеров? Вероятно, да, ибо в учебниках сказано, что цель шахматной игры — дать мат неприятельскому королю. Вероятно, нет, ибо за десятка лет не насчиталось и десятка случаев, когда

партия крупного турнира завершилась матом.

Конечно, слово «сдаюсь» на всех языках формально означает признание того, что мат неизбежен, хотя, быть может, еще и далек. Ведь и рождение человека равносильно признанию того, что смерть его неизбежна, а между рождением и смертью лежит целая жизнь... Эстетика шахмат — это эстетика острого логического конфликта, разрешаемого взрывным путем. И поэтому натуральный мат в серьезной партии — это всегда сенсация, это — открытие красоты. Но сенсация, если это не фейерверк, но открытие, если оно не блеф, все это результат упорного и самоотверженного труда.

И подобно тому, как самые ответственные и сложные сооружения гидростанции в момент ее пуска исчезают под водой, так и труд гроссмейстера остается невидимым в короткой партии, которая завершена неожиданным и вроде бы случайным матом... А ведь в ней — труд, быть может, всей его жизни.

В этом положении Бронштейн в первом туре чемпионата

СССР 1961 года объявил гротескмейстеру Геллеру мат в три хода. Он сыграл — а это был лишь 20-й ход в партии — $\Phi d3-g6$, и Геллер сдался.

В одном ходе конфликт «сошелся здесь не клином, а бритвы острым лезвием», как сказал поэт.

— Когда у вас родилась идея заключительной позиции? — спросили Бронштейна после партии.

— Когда я пошел 4. $a2-a3$.

Мы понимаем этот ответ не буквально, но здесь что-то есть... Мы постараемся показать, как зародилась идея мата, как Бронштейн, накопив сначала позиционный капитал, постепенно тратил его — уступка за уступкой — ради того, чтобы выполнить одну за другой все работы на критическом пути своего сетевого графика...

№ 10. Защита Нимцовича

Бронштейн

Геллер

XXVIII чемпионат СССР, 1961

1. $d2-d4$	$Kg8-f6$
2. $c2-c4$	$e7-e6$
3. $Kb1-c3$	$Cf8-b4$
4. $a2-a3$	$Cb4 : c3+$
5. $b2 : c3$	$0-0$
6. $f2-f3$	...

Ход 4. $a2-a3$ был впервые официально применен в партии Норман — Мишель (Гастингс, 1924), а в дальнейшем на этой основе Ф. Земиш разработал грозную систему зажима, которая и сейчас не потеряла своей

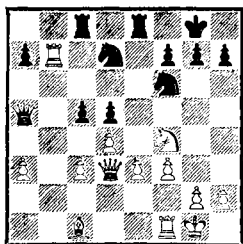
ценности. Затем было замечено, что белые потратили темп на ход $a2-a3$ и придуман план экспресс-атаки пешечного центра белых по такой схеме: 5. . . $c5$ 6. $f3 d5$ 7. $cd K : d5$ и т. д. Но впоследствии оказалось, что белые, опираясь на двух слонов, продолжают 7. dc и получают долговременное стратегическое преимущество.

Немалый вклад в трактовку системы Земиша принадлежит Бронштейну. Он нашел такие переходы от дебюта к середине, которые выводят белых не только на зажим, но и на прямую стремительную атаку. Поэтому в его словах о том, что он задумал мат на четвертом ходу, что-то есть.

6. . . .	$d7-d5$
7. $c4 : d5$	$e6 : d5$
8. $e2-e3$	$Cc8-f5$
9. $Kg1-e2$	$Kb8-d7$
10. $Ke2-f4$	...

Нестандартный ход и в позиционном отношении, вероятно, не лучший. Более привычно было бы 10. $Kg3$ с тем, чтобы отогнать слона и, быть может, двинуть пешку «h». Но заметим, что именно этот конь именно с этого поля через короткое время объявит мат черному королю.

10. . . .	$c7-c5$
11. $Cf1-d3$	$Cf5 : d3$
12. $\Phi d1 : d3$	$Lf8-e8$
13. $0-0$	$La8-c8$
14. $La1-b1$	$\Phi d8-a5$
15. $Lb1 : b7$	...

Критический момент для черных и для белых.

После 14. . .b6 черные были обречены на затяжную пассивную защиту. Что же делать? Этой участи, играя черным цветом, вообще-то нелегко избежать, но Геллеру хотелось перехватить инициативу. К тому же он не думал, что Бронштейн возьмет пешку b7. Брать такие пешки совсем не в его стиле, да и ладья на b7 надолго застряла. Можно сказать, навсегда... Конечно, и это уступка со стороны белых...

Но заметьте, что этой ладье принадлежит одна из главных ролей в той конструкции мата, которая изображена на первой диаграмме.

15.	. . .	Kd7—b6
16.	g2—g4!	h7—h6
17.	h2—h4	c5 : d4
18.	g4—g5	d4 : e3
19.	g5 : f6	Lc8 : c3

Черные явно захватили инициативу на ферзевом фланге и в центре, хотя они и отдали фигуру, но после 19. . .Lc8 : c3 партия их позиционно выиграна.

А остальное читателю из-

вестно. Остается добавить, что если сейчас белые не смогут дать мат, то они проиграют, несмотря на лишнюю фигуру. Значит, не снобизм привел Бронштейна к изобретению этого тончайшего шахматного механизма, а логика и эстетика, которые оставили только взрывной путь решения острейшего конфликта.

Если вернуться к механизму, то следует признать, что импульсивный ход 16. . .h6, направленный против угрозы 17. g5, был, как видно, не из лучших. Правда, и при 16. . .c4 игра складывалась в пользу белых, а ладья b7 оставалась неуязвимой, например 17. Фf5 Фа6 18. Л : b6 ab 19. g5 или 17. . .Lcd8 18. Ke2 (или даже 18. Kh5) 18. . .Фа6 19. Лc7.

Наиболее перспективно для черных 16. . .g6, не пропуская ферзя на королевский фланг, например 17. g5 c4 18. Фc2 Kfd7 19. h4 Led8 20. h5 Фа6 21. Л : b6 К : b6 22. hg fg 23. К : g6 hg 24. Ф : g6 с вечным шахом; если же 21. . .Ф : b6, то, конечно, 22. К : d5. На попытку улучшить этот вариант ходом 19. . .Le7 у белых есть реплика 20. a4! Фа6 21. Са3 Л : e3 22. Л : d7 К : d7 23. К : d5 Le6 24. Ke7+ Л : e7 25. С : e7.

Парадоксальный ход 16. . .g6, ослабляющий королевский фланг, был предложен Р. Холмовым в анализе, найти его за доской было очень трудно. В этом и заключался риск, более или менее присущий каждой комбинации.

ДУЭЛЬ ИЛИ ДУЭТ?

Первый финальный матч претендентов на первенство мира по отборочной системе ФИДЕ был начат модным в то время дебютом.

№ 11. Защита Грюнфельда

Бронштейн **Болеславский**

Матч, 1950, Москва

1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	g7—g6
3. Kb1—c3	d7—d5
4. c4 : d5	Kf6 : d5
5. e2—e4	Kd5 : c3
6. b2 : c3	c7—c5

Эта необычная дебютная система возникла под влиянием идей гипермодернизма как своего рода «защита Алехина», но не против королевской, а против ферзевой пешки.

Белые приобретают неоценимое богатство — мощный и подвижный пешечный центр, подержанный пока что пешкой c3. Но вместе с богатством приходят и заботы о его сохранении: черные будут атаковать этот центр в ближнем бою своими пешками, а с дальних позиций — фигурами. Завязывается содержательная комбинационная борьба, требующая стратегически обоснованного выбора планов и точного расчета «ход на ход».

Дебют был открыт гроссмейстером Эрнстом Грюнфельдом в 1922 году, вскоре после того, как А. Алехин впервые ввел

в международную практику защиту 1. e4 Kf6. Рассказывали (в шутку?), что Грюнфельд в матче с Беккером имел в виду играть староиндийскую (3...d7—d6), но по рассеянности двинул на третьем ходу пешку на одну клетку дальше. Он будто бы хотел вернуть ее обратно, но, отняв руку от пешки, лишился этой возможности.

Идея Грюнфельда пришлась по душе многим гроссмейстерам — любителям защит с контршансами: Ботвиннику, Смыслову, Котову, Симагину, Толушу и, конечно, Болеславскому.

Разумеется, белые, как и в защите Алехина, вовсе не обязаны выигрывать темпы для продвижения пешек, брать пешку d5, а взяв ее, не обязаны играть e2—e4. Однако Бронштейн играет этот дебют белыми в наиболее принципиальной его редакции. Он считает, что лучше самому иметь сильный центр, нежели атаковать сильный центр противника, но тем не менее, насколько я помню, и он защиту Грюнфельда играл иногда черными.

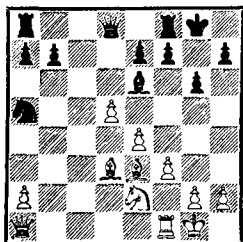
На будапештском турнире претендентов эти же партнеры разыграли тот же дебютный вариант. Болеславский точными оборонительными ходами нейтрализовал натиск Бронштейна. Улучшение игры за белых тогда не было найдено ни в комментариях, ни в совместном анализе. Поэтому Бронштейн принял на себя высокую творческую ответственность, начав еще

раз этим дебютом матч почти что на первенство мира.

7.	Cf1—c4	Cf8—g7
8.	Kg1—e2	0—0
9.	0—0	c5 : d4
10.	c3 : d4	Kb8—c6
11.	Cc1—e3	Cc8—g4
12.	f2—f3	Kc6—a5
13.	Cc4—d3	Cg4—e6

Критическая позиция. Черные могли кое-где играть поиному, но все сделанные ими ходы считались по теории сильнейшими.

14.	d4—d5!	Cg7 : a1
15.	Фd1 : a1	...

Острота сложившейся ситуации подчеркивается тем, что идея этой атаки с жертвой качества принадлежит мастеру А. Сокольскому—секунданту Болеславского. Таким путем он выиграл разгромную партию у А. Толуша в 1943 году, но там черные не пошли 11...Cg4 и не вызвали ослабления f2—f3. В данном же случае он выступает как сценарист и режиссер постановки на тему защиты против им же предложенной атаки.

15.	...	f7—f6
16.	Ce3—h6	Фd8—b6+

17. Kpg1—h1

...

В партии с Болеславским из будапештского турнира Бронштейн играл 17. Kd4, заставляя сразу возвратить качество ходом 17...Cd7.

По поводу хода 17. Kph1 говорили, что он и есть усиление, специально подготовленное Бронштейном к матчу с Болеславским. Этот ход, однако, был и раньше известен обоим партнерам и обоим секундантам. Официальный «приоритет» принадлежит Сокольскому, который в бюллетене «Матч-турнир в Будапеште» писал: «Из-за этого шаха (16...Фb6+) жертва качества считалась невыгодной для белых. Действительно, в случае 17. Kph1 Lfd8 черные сохраняют материальный перевес и могут успешно защищаться».

Оценка Сокольского верна лишь отчасти, а ход 17.Kph1 имеет свои стратегические преимущества — белые сохраняют гибкость позиции, поскольку конь может пойти не только на d4, но при случае и на f4, что в некоторых вариантах играет решающую роль. Уйти же королем в угол все равно придется рано или поздно, так уж лучше это сделать сразу. Кроме того, конь на d4 закрывает белому ферзю главную диагональ и отчасти притормаживает прорыв e4—e5. Наконец, предоставляя черной ладье возможность сохранить свое существование, удрав на d8, белые, в свою очередь,

сохраняют чернопольного слона, что в высшей степени важно, пока дело не дошло до эндшпиля.

17. Лf8—d8

Болеславский никогда не отступает с полдороги. Другой на его месте, вероятно, сыграл бы 17. . . Сf7.

Волнение зрителей, заполнивших зал Дома культуры железнодорожников, в этот момент достигло предела. На что рассчитывает Бронштейн? Неужели он просто повторяет партию из будапештского турнира, которая закончилась вничью?

18. Лf1—b1! . . .

Нет, не повторяет! Это и есть начало форсированного маневра, в котором белые опираются на свои центральные пешки, острым клином разделившие доску на две части. Используется и такой стратегический мотив, как разрыв коммуникаций в лагере черных, и стесненное положение ферзя, который к тому же расположился на одной диагонали с отсеченным на a5 конем и ладьей d8.

Действительно, 18. . . Фf2 19. Фc3 Ch3 не проходит ввиду Kf4! Если же 18. . . Фd6, то 19. Фc3 b6 20. Cf4 Фc5 21. Ф : c5 bc 22. Сс7! Такая же неприятность ждет черных и после 18. . . Фc7 19. Cf4 Фc5.

Болеславский делает лучший ход — отходит ферзем на c5, пока белый ферзь не контрролирует это поле.

18. Фb6—c5

Таким образом, перед нами разворачивается картина не столько спортивной борьбы — на нее отведено два-три хода, — сколько совместного соревновательного творчества двух международных гроссмейстеров. Конфликтная ситуация при этом все время сохраняется как лейтмотив художественного произведения, и мы сейчас подходим к ее апогею.

19. Ch6—d2!! . . .

Ход, заслуживающий двух восклицательных знаков, независимо от того, был ли он подготовлен дома или найден за доской (И. Болеславский).

Ход был найден за доской после длительного обдумывания.

Конечно, черные не могут отдать пешку e7, а такая угроза есть — после Сb4, — поэтому они должны укрепить позицию коня, которому некуда уйти.

19. b7—b6

Если пойти на осложнения 19. . . Cd7 20. Сb4 Фе3, пытаюсь использовать висячее положение легких фигур, то им на помощь быстро приходят тяжелые — 21. Лd1 Ca4 22. С : a5 С : d1 23. Ф : d1. Белые с тремя фигурами за две ладьи имеют все шансы на победу.

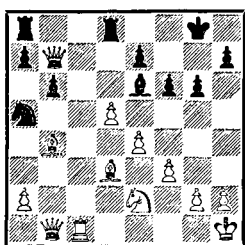
20. Cd2—b4 Фc5—c7

21. Лb1—c1 Фc7—b7

Если 21. . . Фd7, то 22. Kd4 Cf7 23. Сb5 Фb7, и теперь у бе-

лых приятный выбор: 24. С : а5
ба 25. Сс6 или сразу 24. Кс6.

22. Фa1—b1! . . .

Завершение форсированного маневра, начатого ходом 19. Cd2. От двойной угрозы — 23. С : а5 или 23. de удовлетвори- тельной защиты нет. Если 22. . . Сс8, то 23. Кf4 с неотразимой угрозой прорыва 24. е5 (23. . . Фb8 24. С : е7 и т. д.).

Следующий ход черных, ве- роятно, сделан по недосмотру, но судьба партии решена.

22. . . .	Ла8—b8(?)
23. d5 : e6	Ка5—с6
24. Сb4—с3	Кс6—е5
25. Cd3—b5	Лb8—с8
26. Сс3 : е5	Лс8 : c1+
27. Фb1 : c1	f6 : e5
28. Сb5—d7	Фb7—a6
29. Ke2—g3	Фа6 : a2
30. h2—h4	Лd8—f8
31. Фc1—g5	Лf8—f6
32. Фg5 : f6!	Черные сда- лись.

Эта партия наряду с эстети- ческой ценностью — сочетание комбинации с форсированным маневром — имела еще и теоре- тическое значение: она в извест- ном смысле подорвала глубин- ные основы защиты Грюнфель-

да. Контршансы даже в руках такого мастера активной за- щиты, как Болеславский, и та- кого знатока дебютов, как Со- кольский, оказались недоста- точны для равновесия.

САГА О ВИКИНГЕ

Это будет новелла по поводу партии Бронштейна с Бентом Ларсеном из межзонального тур- нира в Амстердаме 1964 года. Возможно, симпатичный дат- ский гроссмейстер останется не- доволен этим названием рас- сказа. Бесстрашие Ларсена дало повод прозвать его викингом *, однако Ларсену это прозвище пришлось не по душе: «Со сред- ней школы помнят о датчанах только одно — что они были викингами. И пошло. Раз дат- чанин — значит, викинг».

И все же мы рассчитываем на снисходительное отношение Лар- сена. Во-первых, в школьных сведениях о датчанах мы не ограничились одними только викингами, к ним добавились саги. Это уже прогресс. Во-вто- рых, в роли викинга в данном случае выступает не Ларсен, а Бронштейн, о котором можно сказать словами поэта: «Ему присуща трагедийность, он в каждой партии вступает в еди- ноборство со стихией». В-треть- их, быть может, в дальнейшем изложении мы сообщим что-

* См. В. Мурахвери. Послесловие к книге Б. Ларсена «50 избранных партий», стр. 218.

нибудь еще о датчанах, сверх курса средней школы.

Партию подробнейшим образом комментировали много раз и во всех странах. Ларсен написал о ней на восьми страницах. Бронштейн посвятил ей две большие статьи. Л. Полугаевский, И. Зайцев, И. Доннер, А. Константинопольский анализировали варианты, находили атаки и защиты... Поэтому на нашу долю остался не шахматный анализ, а скорее психологический синтез.

Начать с того, что партнеры ссылаются на турнирную ситуацию, чтобы объяснить свое стремление к диким осложнениям. Какова же в действительности была обстановка? Партия игралась в 19-м туре, после которого туров оставалось еще только четыре. В этот момент впереди были Ларсен и Спасский — по 14 очков, Бронштейн, Таль и Смыслов — по 13½, далее Штейн — на целое очко сзади, Ивков — 12 очков и за ним Дарга, Портиш и Решевский с интервалом еще на очко. В турнир претендентов выходили восемь человек, из них не более четырех представителей Советского Союза. Это значит, что Ларсен с учетом «правила четырех» был практически вне конкуренции.

Что касается Бронштейна, то его единственным соперником был Штейн, которому предстояло еще играть с Ларсеном, как, впрочем, и Спасскому, Талю и Смыслову. В этих условиях с позиции здравого смысла эле-

ментарная и быстрая ничья казалась наиболее вероятным исходом.

Чем же объяснить происхождение этой фантастической партии, украсившей 1964 шахматный год, а быть может, и целое десятилетие?

Позднее Ларсен на вопрос «кого из шахматистов вы ставите выше всех?» ответил: «Когда мне кажется, что шахматы прежде всего искусство, то я ставлю выше всех Бронштейна».

Видимо, в этот день оба викинга (все-таки их было двое) не думали о турнирном положении, а считали шахматы искусством.

Первые 14 ходов представляют интерес лишь как психологическая увертюра.

№ 12. Староиндийская защита

Бронштейн

Ларсен

Межзональный турнир
Амстердам, 1964

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	g7—g6
3.	Kb1—c3	Cf8—g7
4.	e2—e4	d7—d6
5.	Cf1—e2	0—0
6.	Cc1—g5	c7—c5
7.	d4—d5	e7—e6
8.	Kg1—f3	h7—h6
9.	Cg5—f4	e6 : d5
10.	e4 : d5	Lf8—e8
11.	Kf3—d2	Kf6—h5
12.	Cf4—g3	Cc8—g4
13.	0—0	Kh5 : g3
14.	h2 : g3	Cg4 : e2
15.	Kc3 : e2	...

Ларсен играет черными староиндийскую защиту, которую Бронштейн, Болеславский, Константинопольский и Геллер сделали из захолустного в прошлом дебюта современной грандиозной системой с контршансами.

Ларсену все это прекрасно известно, и он знает, что Бронштейну не хочется опровергать свою староиндийскую. Для него это все равно как причинить боль своему ребенку.

И вот Бронштейн начинает экспериментировать, не переходя, впрочем, пока границ безопасности, но открывая партнеру одну возможность за другой.

В свою очередь, Ларсен, который, говоря официальным языком, полностью уравнил партию, вместо нормального 15... Kd7 идет на дерзкую авантюру.

15. ... Cg7 : b2

16. La1—b1 ...

После этого естественного хода Бронштейн спрашивает партнера, играет ли он на выигрыш, что равносильно предложению ничьей. Конечно, у Бронштейна не было в этот момент никаких иллюзий по поводу намерений Ларсена и своих собственных. Гроссмейстер, если играет на ничью, не должен брать пешку b2.

16. ... Cb2—g7

17. Лb1 : b7 Kb8—d7

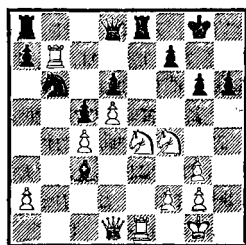
Черные угрожают путем Kb6 запереть, а затем — Фс8 — выиграть ладью. Однако Бронш-

тейн помнит, как одна такая ладья на b7 была заперта Геллером на 15-м ходу, а через шесть ходов она дала по седьмой горизонтали мат. Нельзя ли и здесь сконструировать сходный механизм? Размышление отняло 24 минуты, и последовала серия ходов, напоминающих аккорды пианиста в Первом концерте Чайковского.

18. Ke2—f4! Kd7—b6

19. Лf1—e1! Cg7—c3!

20. Kd2—e4! ...

Бронштейн полагает, что здесь логическим завершением партии было бы 20... Cg7 21. Kd2! Cc3 22. Ke4 с повторением ходов. Однако Ларсен считает, что ничью он сможет сделать и позднее, а пока...

20 ... Cc3 : e1

21. Kf4—e6! ...

Итак, белые, отдав ладью, жертвуют еще и коня, стремясь подобрать ключи к седьмой горизонтали. Комбинация распадается на три разветвления:

21... Фс8 22. Kf6+ Kph8 23. Л : f7.

21... fe 22. Фg4 Ле7 23. Ф : g6+ Kpf8 24. Kf6.

21... Л : e6 22. de f5 23. e7.

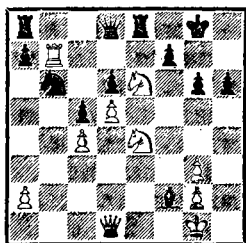
Во всех случаях ладья (вспомним первоначальное значение этого слова!), подобно легендарному кораблю викингов, создает нешуточные угрозы королю в его лагере, вместо того чтобы погибнуть в узких шхерах седьмой горизонтами. По-видимому, в этот момент обе стороны сохраняли возможность свести партию вничью.

Отказавшись после продолжительного раздумья от этих трех разветвлений, Ларсен находит четвертое.

21. . . . Ce1 : f2+!

Как говорил Б. М. Верлинский, «после этого хода обоим противникам стало плохо». Наступила пора поиска нестандартных идей и очень точных и далеко не очевидных ходов.

Теперь у белого короля есть четыре хода.

22. Kph1 C : g3! 23. K : d8 Л : e4, и у белых нет защиты от угрозы Le1+.

22. Kph2 Cd4! 23. K : d8 Ла : d8 24. Kd2 Kd7! 25. Лb3 Ке5 26. g4 Kpg7, и партия черных лучше.

22. Kpf1 Cd4! — черные стоят превосходно. Поэтому белые про-

сто взяли слона, и Ларсен дает тематический шах ладьей по открявшейся линии, ради чего он и жертвовал слона.

Но не проще ли было 22. К : f2? Ларсен считает, что этот ход не заслуживает рассмотрения: «после 22. К : f2 fe атака белых слаба». Но многие с ним не согласны, и мы в том числе. Например, 23. Фg4 Фg5 24. Ке4! Ф : g4 25. Kf6+, и белые дают вечный шах.

Значит, ничья была, но для викингов это слишком просто.

22. Kpg1 : f2	f7 : e6
23. Фd1—g4	Le8—f8+
24. Kpf2—g1	Lf8—f6

В этот момент Бронштейн, на свою беду, увидел фата-моргану: намеченное им продолжение 25. de h5 26. e7 Ф : e7 27. Л : e7 hg 28. К : f6+ Kpf8 29. Лb7 будто бы не проходит. Черные вовсе не обязаны играть 25. . . h5, они ответят 25. . . Фf8 26. e7 Лf1+ 27. Kph2 Фf5!

И вот, преодолев натиск неутрахающей бури, джигит поскользнулся на гладком месте.

«Так трусами нас делает раздумье» — как сказал датский принц из Эльсинора.

25. Фg4—h3 Фd8—f8

Дальнейшую часть партии Ларсен проводит с точностью лопмана в проливе Большой Бент.

26. Ке4—g5 . . .

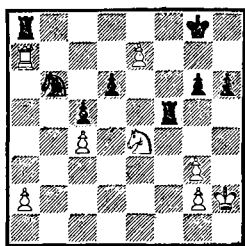
В ответ на 26. К : f6+ Ф : f6 27. Ф : h6 с надеждой на вечный шах черные проводят лю-

бопытный маневр 27. . . $\Phi d4+$
28. $Kph2 \Phi h8!$ Если же 26. de , то
26. . . $Lf1+$ 27. $Kph2 Le8$.

26. . . .	$Lf6-f1+$
27. $Kpg1-h2$	$Lf1-f5$
28. $Kg5:e6$	$Lf5-h5$
29. $\Phi h3:h5$	$g6:h5$
30. $Ke6:f8$	$La8:f8$

Белые сдались, поскольку у них не хватает коня.

Неужели же вся комбинация была ошибочна? В этот вечер Бронштейн, конечно, не мог уснуть. После длительной прогулки, вернувшись домой в полночь, он был озарен внезапной идеей. Он буквально притащил за руку своего мудрого секунданта и учителя Константинопольского и, не снимая плаща и шляпы, показал ему замечательное по красоте продолжение. Надо было пойти на эндшпиль без ладьи: 25. $de \Phi f8$ 26. $e7 Lf1+$ 27. $Kph2 \Phi f5$ 28. $\Phi:f5 L:f5$ и теперь 29. $L:a7!!$

Теперь 29. . . $Le5$ ведет к преимуществу белых ввиду 30. $Kf6+$, и белые ставят ферзя со вскрытым шахом (30. . . $Kpg7$ 31. $e8\Phi+ L:a7$ 32. $\Phi b8$). Если же 29. . . $Lb8$, то 30. $Lb7$; дру-

гие отступления ладьи $a8$ также нехороши. Поэтому получалась ничья повторением ходов.

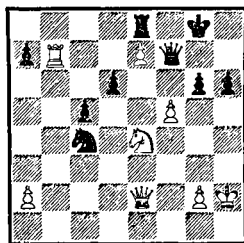
После этого Бронштейн спокойно уснул, а на следующий день показал этот вариант в пресс-бюро. Гроссмейстер Доннер, который накануне передал партию с примечаниями в свою газету, вынужден был заменить вопросительный знак, поставленный им к ходу 22. $Kp:f2$, восклицательным знаком.

Однако наша сага хотя и не настолько затянулась, как у Голсуорси, все же еще не дошла до последней главы. Оказывается, на 25. de у Ларсена был в запасе ответ 25. . . $K:c4$. К этому ходу Ларсен ставит два восклицательных знака и приводит интересные варианты.

26. $e7 Lf1+27. Kp:f1 Ke3+$
28. $Kpe2 K:g4$ 29. $ed\Phi+ L:d8$.

Здесь надо отметить потрясающе эффективный 29-й ход белых — пешка берет ферзя, сама превращаясь в ферзя, к тому же с шахом. Несмотря на это, Ларсен считает, что черные должны выиграть эндшпиль.

Другой замечательный вариант получается, если белый король после 26. $e7 Lf1+$ не берет ладью, а уходит: 27. $Kph2$

Фе8 28. Фе2! Лf5! 29. g4 Фf7!
30. gf Ле8 (см. диагр. на стр.
134).

Ларсен пишет, что черные
стоят великолепно! «После 31.
fg Фе6 белый король внезапно
оказывается открыт, как и чер-
ный; конь черных попадает во
многих вариантах на g4. . . По-
ложение, конечно, остается
очень сложным, но мои анализы
показывают — шансы на победу
у черных».

Нельзя не согласиться с тем,
что положение остается слож-
ным, но оно заметно упрощается
после 31. Ф : c4!! Ф : c4 32.
Kf6+ Kph8 33. g7+ Kp : g7
34. К : e8+, и черные с ужа-
сом убеждаются, что нельзя иг-
рать 34. . . Kpf7, поэтому 34. . .
Kpg6(h8) 35. Kd6, и лишь те-
перь выясняется, что черные
действительно стоят великолеп-
но, поскольку кое-как успе-
вают дать вечный шах. Этот
вариант, начиная от хода 31.
Ф : c4!!, указал один москов-
ский кандидат в мастера, ко-
торый пожелал остаться неиз-
вестным. Еще раньше он про-
славился тем, что начисто оп-
роверг дебютный вариант, ко-
торый в течение 100 лет переходил
из одного учебника в дру-
гой, не исключая и самых авто-
ритетных. Что же касается хода
25. . . К : c4, то еще два ничей-
ных продолжения — ясных, кра-
сивых и форсированных — по-
казал И. Зайцев:

1) 26. Фh4 g5 27. Фh5 Фf8
28. e7 Лf1+ 29. Kph2 Фf7 30.
e8Ф+ Л : e8 31. Л : f7 Л : f7

32. Kf6+ Л : f6 33. Ф : e8+
Kpg7 34. Фе7+ Лf7 35. Фе6.

2) 28. К : f6+ Ф : f6 29. e7
Фе6 30. Л : a7!

МОДНЫЙ ВАРИАНТ

В 1947 году Бронштейн был
приглашен на чемпионат Ли-
товской ССР, и там у него по-
лучилась острая и содержатель-
ная миниатюра с Витаутасом
Баршаускасом. Юный литов-
ский шахматист хорошо под-
готовился к партии с «маститым»
гастролером, которому, впро-
чем, в ту пору самому-то было
24 года. Модный вариант фран-
цузской защиты Баршаускас
разыграл черными за две мину-
ты и притом точно по послед-
нему слову теории.

№ 13. Французская защита Бронштейн Баршаускас

Чемпионат Литовской ССР,
1947

1. e2—e4	e7—e6
2. d2—d4	d7—d5
3. Kb1—d2	Kb8—c6

Поскольку на обычный ход
3. . . c5 белые, как известно, мо-
гут изолировать пешку «d», чер-
ные пока выводят коня, а под-
рыв центра планируют несколь-
ко позднее — со стороны коро-
левского фланга при помощи
пешки «f».

4. Kg1—f3	Kg8—f6
5. e4—e5	Kf6—d7
6. Kd2—b3	f7—f6

Теперь оба коня участвуют в давлении на пешку е5, и белым целесообразно устранить одного из них.

7.	Cf1—b5	a7—a6
8.	Cb5 : c6	b7 : c6
9.	0—0	c6—c5

Итак, черные, отказавшись от подрыва c7—c5 на третьем ходу, уже к девятому ходу вновь добились этой возможности. Пикантно, что в случае 10. c3 они разменяют пешки и пойдут еще раз c7—c5! Казалось бы, достижения черных бесспорны и немаловажны. Однако Бронштейн отмечает про себя, что в таком разрешении дебютного конфликта нет логики. Действительно, ведь белые не делали плохих, второсортных ходов, а черные сделали по крайней мере один сомнительный — 3. . . Kc6. Белопольный слон прочно закрыт на своей исходной позиции и примет участие в игре не раньше, чем пойдет вперед пешка е6. На королевском фланге у черных тоже имеется слабость, которая особенно чувствительна, пока король не рокировал: шах с h5 при случае может оказаться не то что опасным, но даже смертельным.

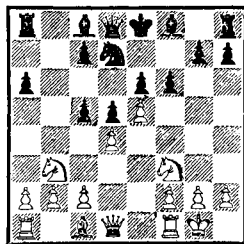
Поэтому у белых должно быть какое-то сильное продолжение, которое коренным образом изменит характер борьбы. Надо использовать открытые линии, перевес в развитии и пешечный центр, который пока еще не подорван. Это — стратегическое направление, ко-

торое нужно реализовать, найдя соответствующий шахматный механизм.

Бронштейн вспоминает, во-первых, что этот вариант до седьмого хода белых включительно встретился в партии Ботвинник — Болеславский из XIII первенства СССР. Болеславский играл 7. . . Se7 и проиграл. Кроме того, в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона страны Болеславский проиграл Ботвиннику еще две французские черными, правда, в другом варианте. И поскольку интеллигентный, сознательный шахматист из поражения извлекает огромное количество информации, то Болеславского следует считать выдающимся знатоком французской защиты.

Бронштейн продолжает размышлять, вспоминать и соображать... Показания времени у него на часах раз в десять больше, чем у партнера... Зрители пожимают плечами: о чем это Бронштейн задумался? Неужели он на 10-м ходу забыл, как надо играть?

Бронштейн припоминает, что позиция, которая стоит на доске,

в точности повторяет партию Аронин — Бондаревский из

XV первенства страны. Вот чем объясняется молниеносная игра Баршаускаса. Как тут играли белые — Бронштейн вспомнить не может, да это, пожалуй, и лишнее, ибо Аронин эту партию тоже проиграл, но вот что всплывает в его памяти: когда шла эта партия, Болеславский тут же, на сцене, где проходил турнир, сказал, что здесь есть интересный ход — 10. с4.

«Ну, — думает Бронштейн, — если Исаак сказал, что это интересный ход, значит, это стоящее дело. Но все же надо посчитать...» Время идет. Бронштейн смотрит после 10. с4 четыре продолжения за черных: взятие одной из трех пешек, которые вступили в контакт, и ход 10. . .с6.

Со своей стороны, белые на каждый из тех ходов имеют 3—5 ответов (например, на 10. . .с6 можно играть еf, d5 и Ка5). Далее число вариантов в расчете растет по геометрической прогрессии со знаменателем не менее чем 3 на каждый полуход.

Реальна ли будет попытка точного расчета на «п» ходов, если число возникающих при этом позиций равно 3^p , что для $p=5$ будет близко к 60 000?

На этот вопрос мы вместе с Бронштейном и с известным математиком-программистом А. Брудно без колебаний отвечаем:

— Да, вполне реальна.

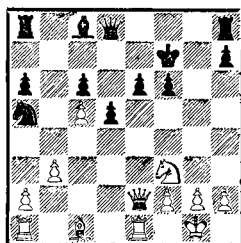
Это подтверждается всей практикой творчества гроссмейстеров, применяющих — созна-

тельно или подсознательно — метод «ветвей» и использующих в полной мере свой природный дар — интуицию. В данном случае главная проблема — получит ли слон с8 выход к горячим точкам позиции.

10. c2—c4! c7—c6
11. e5 : f6 g7 : f6

В случае 11. . .Ф : f6 Бронштейн имел в виду играть 12. cd cd 13. dc К : с5 14. К : с5 С : с5 15. Фс2! Фе7 16. b4.

12. Фd1—e2 Кpe8—f7
13. Лf1—e1 Кd7—b6
14. Kb3 : c5 Cf8 : c5
15. d4 : c5 Kb6 : c4
16. b2—b3 Kc4—a5

Позиция черных разрушена. Здесь для получения очка в таблице достаточно, например, 17. Kd4 Le8 18. Ch6. Но для художественного произведения требуется более острое и эстетически насыщенное разрешение конфликта.

17. Kf3—e5+!! . . .

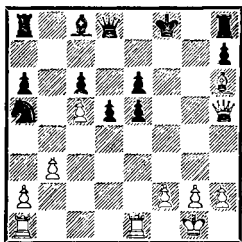
Это, между прочим, отнюдь не жертва — коня нельзя брать из-за Фh5+ и Ch6, — а просто блокада пешки e6, чтобы задер-

жать слона с8 на своем месте и в финальной схватке сохранить преимущество в силах, пространстве и свободу коммуникаций.

17. . . . Kpf7—e7
18. Cc1—d2! . . .

Теперь грозит С : а5 и К : с6+.

18. . . . Kpe7—f8
19. Фе2—h5 f6 : e5
20. Cd2—h6+!

Черные сдались.

Ход 10. . .с6 был, как видно, не самый лучший. На 10. . . fe Бронштейн приводит следующий вариант: 11. cd ed 12. de. Пикантно, что в этой записи 11. . .ed может означать 11. . . eб : d5 или 11. . . e5 : d4. И в том, и в другом случае белые отвечают 12. de, что означает соответственно 12. d4 : e5 или 12. d5 : eб. Перевес белых более чем очевиден. Если же 10. . .dc, то 11. Ка5! (грозит Кс6 — мат ферзю) 11. . .Кb6 12. ef Ф : f6 13. Се3.

Все это не помешало Сабо год спустя на межзональном турнире в Стокгольме повторить этот вариант в партии против Бронштейна, оказавшейся

решающей в борьбе между ними за первое место. Сабо играл 10. . .dc, но после 11. Ка5 Kb6 12. ef Ф : f6 13. dc! Фf5 14. Cg5 Ф : c5 15. Фd8+ Kpf7 16. Лад1! Сb7 17. К : b7 белые выиграли.

А какова судьба модного варианта 3. . .Кс6? В «Шахматном словаре» появился абзац с изложением варианта вплоть до хода 10. с4! со ссылкой на Бронштейна и таким резюме: «В этой острой позиции преимущество на стороне белых».

Последнее справедливо, но ссылку надо было бы сделать и на Болеславского...

Вариант 3. . .Кс6 теперь применяются очень редко. Мода прошла.

ОПЫТ ШАХМАТНОГО СЮРРЕАЛИЗМА

Что sdвоенные изолированные пешки слабы, каждый знает.

А что можно сказать о строенных изолированных пешках? Вероятно, они непоправимо губят позицию своего хозяина? Хотелось бы вывести правило, но для этого слишком мало информации: строенные пешки в практике крупных турниров встречаются крайне редко.

Но в шахматах, как и в физике, биологии, астрономии (и, добавим, как и в жизни), наиболее интересны не правила, а исключения. И вот Бронштейн — не для эксперимента, а по логике борьбы — добровольно пошел на создание в сво-

ем лагере такого монстра — пешки е2—е3—е5. Да не в каком-нибудь небольшом соревновании, а в чемпионате СССР, который к тому же был и зональным турниром, да не против слабого шахматиста, а в партии с восходящей в то время звездой — Львом Полугаевским. И это была действительно логика, а не чудачество, ибо Полугаевский не пошел на этот вариант...

№ 14. Славянская защита

Бронштейн Полугаевский

XXV чемпионат СССР, 1958

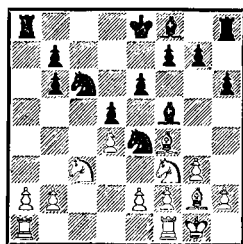
В этой партии нет внешних эффектов; размен ферзей произошёл на восьмом ходу, к 11-му ходу преимущество, хотя и небольшое, было скорее на стороне черных, финальная борьба завязалась при малых силах — по две ладьи и слону. Более того, черные долгое время не только удерживали равновесие, но и сами создавали сильное давление. Лишь ошибка черных на 33-м ходу позволила провести решающую комбинацию. Но при всем том эта скромная на вид партия, быть может, более характерна для современной шахматной борьбы, нежели иные поединки с жертвами пешек и фигур.

Она интересна еще и тем, что, играя с мастером Полугаевским, обладающим наряду с прочими качествами способностью далекого и быстрого рас-

чета, Бронштейн решил хоть в этот раз устранить недостаток, за который его критикуют, и не думал долго в дебюте. Не без оснований он предполагал, что время ему понадобится позднее — между 25-м и 40-м ходами.

Итак, первые 11 ходов сделаны очень быстро, да и о чем здесь, казалось бы, размышлять? Вывел двух коней, двух слонов, рокировал, разменял ферзей, сдвоил противнику пешки — должен получить хорошую позицию.

1.	d2—d4	d7—d5
2.	Kg1—f3	Kg8—f6
3.	g2—g3	Cc8—f5
4.	Cf1—g2	h7—h6
5.	c2—c4	c7—c6
6.	c4 : d5	c6 : d5
7.	Фd1—b3	Фd8—b6
8.	Фb3 : b6	a7 : b6
9.	Kb1—c3	e7—e6
10.	0—0	Kb8—c6
11.	Cc1—f4	Kf6—e4

Здесь Бронштейн призадумался и убедился, что еще 10 таких же «естественных» ходов, и придется предложить партнеру ничью, причем еще далеко не ясно, как он отнесется

к этой мирной инициативе.

Черные разыграли дебют нешаблонно и в наступающей борьбе имеют ряд позиционных плюсов. Если, например, сейчас разменяться на е4, то один белый слон будет нейтрализован своим оппонентом, который станет на е4, а другой слон атакует пустую диагональ.

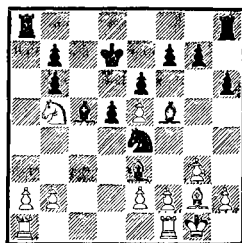
Черные ценой сдвоения пешек получили открытую линию «а», их ладья а8 оказалась прекрасно развитой, не потратив на это ни одного темпа. Черные могут сдвоить ладьи по линии «а» — сдвоенные ладьи куда сильнее сдвоенных пешек! После неизбежного а2—а3 черные двинут вперед пешку b6, и положение белых может стать критическим. Такова в общих чертах оценка сложившейся позиции. И у Бронштейна мелькнула мысль: «Эх, и для чего я так спешил в дебюте? Не лучше ли было поразмыслить как следует над первыми ходами!»

Пришлось задуматься теперь, как изменить течение партии. Бронштейн решился на прорыв в центре по белым полям, имея в виду оживить белопольного слона путем f2—f3 и e2—e4. Если же Полугаевский будет препятствовать этому плану, то Бронштейн готов создать в своем лагере нечто сюрреалистическое.

12. Kc3—b5 Kpe8—d7
13. Kf3—e5+ Kc6 : e5
14. d4 : e5 . . .

Белые берут на е5 пешкой, во-первых, чтобы открыть линию «d» и в дальнейшем прорыв в центре сочетать с атакой на короля, и, во-вторых, чтобы освободить поле d4 для коня.

14. . . . Cf8—c5
15. Cf4—e3 . . .

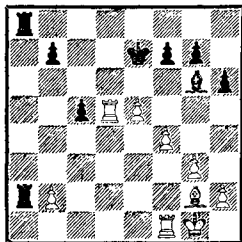

Поскольку у черных есть сдвоенные изолированные пешки, Бронштейн считает, что у него должны быть по меньшей мере строенные. Однако после размена слонов к строенным белым пешкам не так-то легко подобраться, между тем они контролируют немаловажные центральные поля. К тому же белые получали возможность оперировать по открытым линиям «d» и «f». И все же партия белых после бесцветных первых ходов столь глубоко завязла в ничейном русле, что даже эти ухищрения не дают им преимущества. Продолжая примерно 15. . . C : e3 16. fe Ла5 17. Kd4 Cg6 18. а3 Лс8, черные могли получить равную, хотя и скучноватую позицию, но Полугаевский ищет возможности продолжать содержательную борьбу, справедливо полагая, что его шансы не хуже.

15. . . . Ла8—а5
 16. Кb5—d4 Лh8—a8
 17. Ла1—d1 Ла5 : а2
 18. f2—f3 Сс5 : d4
 19. Се3 : d4 Ке4—с5
 20. е2—е4 . . .

Белым удалось осуществить прорыв в центре и потревожить черного короля. Цена, уплаченная ими за атаку,— пешка а2— не особенно велика.

20. . . . Cf5—g6
 21. е4 : d5 е6 : d5
 22. Cd4 : c5 b6 : c5
 23. Лd1 : d5+ Kpd7—e7
 24. f3—f4 . . .

24. . . . Ла2 : b2

Еще 20-й ход черных несколько удивил Бронштейна. Неужели черные допустят f3—f4—f5—f6 с сильной, уже нешуточной атакой? Теперь же, увидев, что противник как будто сам предлагает этот вариант, он проверил расчеты и обнаружил очень красивую маленькую комбинацию, задуманную Полугаевским. Оказывается, на 25. f5 черные просто берут пешку: 25. . . С : f5! 26. Л : f5 Л : g2+! 27. Кр : g2 Кре6!! Классический пример двойного удара, который можно найти в учеб-

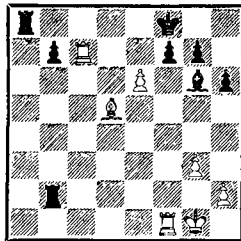
никах и значительно реже в партиях мастеров.

25. Лd5 : c5 Cg6—f5
 26. Лс5—с7+ Кре7—f8
 27. Сg2—f3 . . .

Ладья на b2 все время выглядывает из-за кулис, ожидая лишь сигнала, чтобы выйти на авансцену. Такой момент мог наступить в случае неосторожного 27. Л : b7 Л : g2+ 28. Кр : g2 Се4+.

Ходом в партии белые готовят жертву пешки, чтобы открыть линию «f» и сосредоточить для нападения на пункт f7 все свои силы.

27. . . . Cf5—e6
 28. f4—f5 Ce6 : f5
 29. Cf3—d5 Cf5—g6
 30. е5—е6 . . .

Итак, пункт f7 атакован четыре раза. Это максимум того, что могли сделать белые. Нелзя 30. . . f6 ввиду 31. е7+ Кре8 32. С : b7. В свою очередь, белым невыгодно брать на f7, так как оторвавшаяся от своего лагеря пешка быстро погибает после Лb2—e2—e7.

30. . . . Лb2—e2
 31. Лс7 : b7 Ла8—d8

Полугаевский в сильном цейтноте не находит хода 31. . . Ле8, который, по-видимому, сразу форсировал ничью. Действительно, черные грозят просто взять ладьей пешку на е6; оставшись с пешкой за качество, они уже ничем не рисковали.

32. Cd5—c4 Ле2—e5
33. Cc4—b3 Ле5—e3?

Черные на одно мгновение потеряли бдительность. Им необходимо держать ладью на линии «е», чтобы не допустить продвижения е6—e7 и в то же время препятствовать фланговому шаху в варианте 34. Лf1 : f7+ Кре8. На предыдущем ходу, когда ладья стояла на е5, контролируя поле b5, этого шаха не было, теперь он появился.

По-прежнему здесь нехорошо было для черных 33. . . f6 ввиду 34. Лc1, и ладья попадает на седьмую горизонталь. Не годилось и 3. . . Ле4, так как белые отнимали у ладьи четвертую горизонталь посредством 34. Лf4 Л : f4 35. e7+. Спасение было в ходе 33. . . Ле8 в связи с 34. Лf1 : f7+ С : f7 35. Л : f7+ Кpg8 36. e7 Kph7 или 34. ef Лd8 — белые могут удержать пешку f7, но этого недостаточно для выигрыша.

34. Лf1 : f7+ Сg6 : f7
35. Лb7 : f7+ Kpf8—g8
36. e6—e7 Лd8—d1+
37. Kpg1—f2 Ле3 : b3
38. e7—e8Ф.

Через несколько ходов черные сдались.

ДО ПЕРВОЙ ОШИБКИ

Соревнования «до первой ошибки» бывают в конном спорте — всадник преодолевает барьеры один за другим, а если чисто прошел весь круг, скачет снова, пока не сшибет препятствие. Это — модель многих спортивных и жизненных ситуаций. И поскольку в конном спорте, как и в шахматах, участвуют кони, офицеры и даже королевы, то понятно, что и в шахматах применен статус «до первой ошибки». В матче Болеславский — Бронштейн, когда основные 10 партий закончились со счетом +2—2=6 и дополнительные две тоже не дали результата, вступило в силу правило: выигравший одну партию провозглашается победителем и будет бороться с М. Ботвинником за первенство мира.

Трудно сейчас представить, какого накала достигла творческая борьба и как на нее реагировали современники. Но даже и тогда Болеславский и Бронштейн не настраивали себя на злобу и неприязнь друг к другу, они дружелюбно здоровались, улыбались и, беседуя «на ты», обсуждали каждую сыгранную партию.

Вот заключительная партия матча.

№ 15. Французская защита Болеславский Бронштейн

Матч, 1950

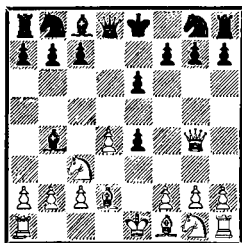
1. e2—e4	e7—e6
2. d2—d4	d7—d5
3. Кb1—c3	Cf8—b4

Защита, введенная в практику гроссмейстером А. Нимцовичем — одним из сильнейших мировых шахматистов в двадцатые и тридцатые годы. Он же обогатил шахматы и защитой Нимцовича против d2—d4, а также многими стратегическими идеями, которые изложены в его замечательной книге «Моя система».

Этот дебют детально разработан советскими мастерами. Главным вариантом считается 4. e5 c5 5. a3 C : c3+ 6. bc. Именно этим вариантом Ботвинник черными выиграл решающую партию у Смыслова в XIII чемпионате СССР (1944 год), этим же вариантом он проиграл крайне важную партию Файну на матч-турнире в Голландии в 1938 году.

Поскольку все тонкости главного варианта прекрасно известны обоим партнерам, Болеславский избирает малоисследованное гамбитное продолжение, примененное им в 12-й партии того же матча.

4. Cc1—d2 d5 : e4
5. Фd1—g4 ...

В 12-й партии Бронштейн не решился принять жертву

двух пешек и продолжал 4. . . c5 5. a3 C : c3 6. C : c3 Kf6!? 7. dc K : e4 8. C : g7 Lg8 9. Cd4 Kc6 10. Kf3 f6. В результате он сам остался без пешки, сильно теснил противника, но выигрыша не было. На этот раз Бронштейн тщательно подготовился при помощи своего секунданта Константинопольского и принял вызов.

5. . . . Фd8 : d4

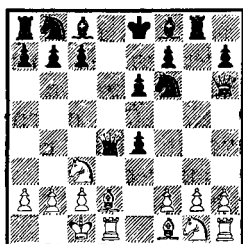
Логика: ликвидируя вторую центральную пешку, черные открывают коммуникации своим фигурам, что позволит им отражать фланговые угрозы белых и создавать возможности контратаки. До этой партии применялось обычно 5. . . Kf6 6. Ф : g7 Lg8 7. Фh6 Kc6 с острой игрой.

Что же касается хода 5. . . Ф : d4, то его считали слишком рискованным. Тем более он выглядел рискованным против такого знатока варианта, как Болеславский. Вдвойне странной казалась такая манера со стороны Бронштейна, который должен был бы не забирать чужие пешки, а сам жертвовать.

6. 0—0—0 ...

Объективно здесь, вероятно, сильнее 6. Kf3, чтобы на 6. . . Kh6 отыграть одну пожертвованную пешку: 7. Ф : e6+ C : e6 8. K : d4, а вскоре и вторую, но Болеславский хочет выиграть эту партию и идет на более острый путь.

6. . . . Kg8—f6
 7. Фg4 : g7 Лh8—g8
 8. Фg7—h6 Cb4—f8!!

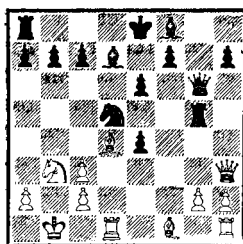
Ход, специально подготовленный к этой партии. Черные забирают вторую пешку, и хотя их ферзь и ладья будут расположены не особенно удачно, но это временное обстоятельство не компенсирует недостатка материала.

9. Фh6—h4 Лg8—g4!
 10. Фh4—h3 Фd4 : f2!
 11. Kc3—b5 Kb8—a6
 12. Kpc1—b1 . . .

В своих предварительных расчетах Болеславский, возможно, рассматривал 11. Се3 Фh4 12. Ф : h4 Л : h4 13. Cg5, выигрывая целую фигуру. Однако на это следует 13. . . Ch6! Впрочем, возможно и 11. . . Фf5.

12. . . . Cc8—d7
 13. Cd2—e3 Фf2—f5
 14. Kb5—d4 Фf5—g6
 15. Kd4—b3 Ka6—b4
 16. Kg1—e2 Kf6—d5
 17. Ke2—c3 Kd5 : c3+
 18. b2 : c3 Kb4—d5
 19. Ce3—d4 Лg4—g5

Белым становится все труднее удерживать партию. Сей-

час грозит как Лh5, так и e6—e5.

20. g2—g4 e6—e5
 21. Cd4—f2 Cd7 : g4
 22. Лd1 : d5 Cg4 : h3
 23. Cf1 : h3 . . .

Белые получили всего две фигуры за ферзя, а две лишние пешки у черных так и остались.

23. . . . Ла8—d8
 24. Лd5 : d8+ Kpe8 : d8
 25. Лh1—d1+ Cf8—d6
 26. Cf2—e3 f7—f5
 27. Kb3—c5 f5—f4
 28. Kc5—e6+ Kpd8—e7

Зрители недоумевали: зачем Исаак Ефремович делает все эти ходы, нападает на ладью, не берет? А дело в том, что ему нужно было несколько минут, чтобы справиться со своим волнением.

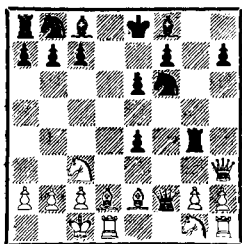
29. Се3 : a7 Лg5—h5

Болеславский остановил часы.

— Желаю успеха в матче, — сказал он, пожимая руку своему другу.

В наш суровый отборочный век не каждый завершает такими словами проигранное соревнование...

Интересная возможность за белых была отмечена М. Ботвинником. Вместо 11. Kb5 он предложил 11. Ce2.

Теперь происходят удивительные события — черные ловят белого ферзя: 11. . .Лh4 12. Ф : h4 Ф : h4; а белые тут же ловят черного: 13.g3. После 13. . .Фh6 14. С : h6 С : h6+ 15. Кrb1 у черных две пешки за качество, они сохраняют хорошую фигурную игру, опираясь на пешку e4, но развитие ферзевого фланга потребует времени.

Возвращаясь к дебюту, заметим; что 4. Cd2 не лучший ход, а последующая жертва двух пешек хотя и заманчива, но не оправданна.

ЭСТЕТИКА БОРЬБЫ

Партии Бронштейна с Талем всегда очень интересны, но, к сожалению, далеко не всю глубину их содержания комментаторы раскрывают перед читателем. Нередко их встречи трактуют как обмен серией искусных уколов или ударов, тогда как в действительности здесь проявляются различные эстетические подходы к борьбе. Да,

в шахматной борьбе есть своя эстетика, ее присутствие обнаруживается, когда мы испытываем радостные эмоции, не получая никакой материальной выгоды.

Велика ли, казалось бы, разница, как выиграть: грубо взяв ферзем пешку на g2 под прикрытием ладьи с g8 или обойти с тылу черного короля, застрывшего на f6, дав ему шах ферзем с h8. Но разве можно сравнить эмоции автора этой идеи, зрителей, читателей и даже самого побежденного в том, и другом случае!

Много общего можно найти в понимании шахмат и в манере борьбы у Бронштейна и Талья, хотя между этими крупнейшими представителями комбинационного направления в шахматах лежит целое поколение. Но есть между ними и существенное различие, которое в самом обобщенном, — а значит, и не в очень точном — виде можно было бы сформулировать так: Бронштейн ведет комбинационную борьбу на основе сквозной стратегической идеи; считая варианты, он выбирает из них те, которые отвечают главному замыслу. Таль стремится перевести позицию в хаотическое состояние, при котором никакой иной способ борьбы, кроме далекого расчета, вообще невозможен. Его природный дар таков, что позволяет ему видеть в сумраке бури и даже во мраке хаоса. Поэтому он бросает фигуры и пешки, чтобы разбить прожектор

логики, необходимый его противнику.

В чемпионате СССР, который проходил в его родном Киеве, Бронштейну хотелось создать достойное произведение искусства. Судьба пошла ему навстречу, сведя его в первом же туре с М. Талем.

№ 16. Французская защита

Таль **Бронштейн**

XXXII чемпионат СССР, 1964

1. e2—e4	e7—e6
2. d2—d4	d7—d5
3. Kb1—c3	Cf8—b4
4. e4—e5	Kg8—e7
5. a2—a3	Cb4 : c3+
6. b2 : c3	c7—c5

Один из наиболее сложных дебютных вариантов. Здесь белые могут атаковать 7. a4, или 7. Kf3, или 7. Cd3, но они идут на самое острое продолжение, которое теория оценивает в пользу белых. Разменяв чернопольного слона, черные обрекли себя на неустранимые трудности в течение всей партии.

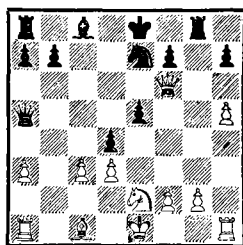
7. Фd1—g4	c5 : d4
8. Cf1—d3	Фd8—a5

Новая идея. Обычно или брали пешку на c3, или торопились атаковать пешку e5. Между тем, если у белых есть слабая точка, то она на поле c3. Эту ахиллесову пятую и хочет нащупать черный ферзь.

9. Kg1—e2	Ke7—g6
10. h2—h4	Kb8—c6
11. h4—h5	Kc6 : e5

Бронштейн балансирует над пропастью. Его задача — уничтожить центр белых — выполнена. Теперь обязательно надо выпустить на волю уцелевшего слона.

12. Фg4 : d4	Ke5 : d3
13. c2 : d3	e6—e5
14. Фd4—e3	d5—d4
15. Фе3—g3	Kg6—e7
16. Фg3 : g7	Lh8—g8
17. Фg7—f6	...

Таль не опускается до такой элементарной западни, как 17. Ф : h7 Се6 18. h6 Лс8 19. Ф : g8+! К : g8 20. h7, хотя, согласитесь, позиция довольно картинная. Разумеется, ловушку можно было отразить различными способами.

17. ...	d4 : c3

Ключевой ход. Положение черных надо признать опасным, особенно если учесть, кто играет белыми. Рокировать черным в этой партии, очевидно, не доведется. На черных полях белые фигуры будут хозяйничать как в своей вотчине, а это как никак полдоски. Надо обдумать план защиты. Если просто отражать угрозы, то проигрыш лишь вопрос времени.

Бронштейн предвидит, что основные события развернутся по четвертой горизонтали и по линиям «g» и «с». Он принимает решение держать контроль над этими коммуникациями. Этими соображениями и объясняется «жадный» ход белых. Тот факт, что пешка с3 пока лишняя, никакого значения не имеет (в этой партии вообще «висты» в счет не идут), но она играет тактическую роль — не выпускает слона ни на b2, ни на d2.

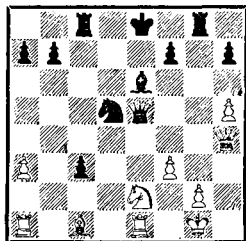
18. 0—0 Фa5—c7
19. d3—d4! ...

Блестяще сыграно. После размена последних центральных пешек черный король будет раздет догола, и жизнь его теперь котируется невысоко.

19. ... Сс8—g4
20. f2—f3 Ке7—d5
21. Фf6—h4 ...

Размен ферзей Таль, конечно, и не рассматривал.

21. ... Сg4—e6
22. d4 : e5 Фс7 : e5
23. Лf1—e1 Ла8—с8!

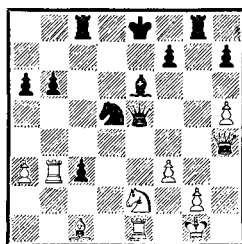

Бронштейн с железным хладнокровием ведет свою стратегическую линию на захват вер-

тикали «с» и четвертой горизонтали. Он, разумеется, рассчитал, что у белого коня нет выгодного отскока. Например, на 24. Kd4 черные отвечают Фg3!, форсируя размен ферзей, а тогда и пешка «с» заговорит по-другому. Если же 24. Kf4, то можно сначала дать шах, а затем сыграть Лс6.

24. Ла1—b1 b7—b6
25. Лb1—b5 a7—a6
26. Лb5—b3 ...

Бронштейн предполагал, что Таль отдаст ладью за коня на d5, но похоже, что жертва качества не проходила.

В этот момент — единственный раз за всю партию — дрогнули нервы — то ли у черного ферзя, то ли у Бронштейна. Неуютно показалось столько времени стоять под угрозой «вскрытого гардэ». Пригрезилось, что белые сейчас, при ладье на b3, могут конем безнаказанно взять пешку с3.

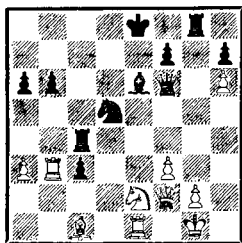
Да ничего они не могут, пока черные железно держат свою стратегию по линиям «с» и «g», а теперь как раз пришло время вторгнуться и на четвертую горизонталь. Сыграв 26...b5!!,

черные завершали геометрическую симфонию, неизбежно захватывая поле с4.

Варианты можно заранее не считать, они должны сойтись в пользу черных, например 27. Кd4 Фg7 28. Ле2 Лс4 29. К : е6 fe 30. Л : е6+ Кpd7 31. Фh3 Ф : g2+ 32. Ф : g2 Л : g2+ 33. Кр : g2 Кр : е6.

Сделанный в партии ход, по существу, потеря темпа, ферзю нечего делать на g7.

26. Фe5—g7
27. Фh4—f2 Лс8—c4
28. h5—h6 Фg7—f6

В чем разница по сравнению с позицией, которая могла бы получиться при 26. . . b5 27. h6 Лс4 28. Фf2 Фf6? Да в том, что у черных сделан задаром лишний ход b6—b5. И этот штрих меняет всю картину. Черные могли играть проще простого — 28. . . Фg6, тогда и ход 26. . . Фg7 был бы оправдан, но Бронштейн торопился выиграть и сам придумал для Талья комбинацию с ходом К : с3. Через два хода он уже жалел о выпущенном из бутылки джине.

Теперь же Таль принимает вызов, жертвует фигуру и поворачивает борьбу в иное русло.

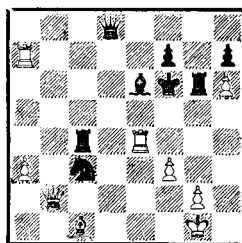
29. Ке2 : с3! Кd5 : с3
30. Лb3 : b6 . . .

Таль уничтожил пешку с3 и вскрыл максимальное число вертикалей и горизонталей, что еще можно было бы перенести, но он вскрыл также и чернопольные диагонали, и черный король должен позаботиться о своей жизни.

30. Фf6—d8
31. Лb6 : a6 Лg8—g6
32. Фf2—b2 . . .

Бронштейн принимает героическое решение — перевести короля на f6, поближе к своим фигурам, чтобы они находились в прямом контакте с ним, позволяя и королю реализовать свое право на самооборону.

32. Кpe8—e7
33. Ла6—a7+ Кpe7—f6
34. Ле1—e4 . . .

Таль не оценил стратегическую идею Бронштейна — контр-роль за четвертой горизонталью и линиями «с» и «g». Он играет на чужих козырях, пытаясь найти ключи в победе на четвертой горизонтали; эти ключи лежат на черных полях, если только они есть вообще. Его за-

конный ход был 34. Се3. Теперь же следует «прострельный» шах.

34. . . . $\Phi d8-d1+$
35. $Kpg1-h2$. . .

Ладья, владеющая четвертой горизонталью, уничтожает дерзкую пришелицу.

35. . . . $Lc4:e4$
36. $\Phi b2:c3+$. . .

И успевает на миг прикрыть короля.

36. . . . $Le4-e5$

Конечно, на связанную ладью можно напасть.

37. $Cc1-f4$. . .

Но, защищая ее, ферзь создает угрозу мата по линии «g», что форсирует размен ферзей.

37. . . . $\Phi d1-e2$
38. $Cf4:e5+$ $\Phi e2:e5+$

Заставляя белых искать прозрачные шансы на спасение в эндшпиле с двумя пешками за слона.

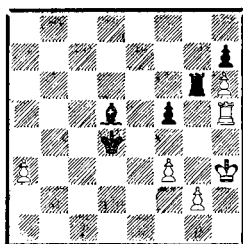
39. $\Phi c3:e5+$ $Kpf6:e5$
40. $La7-a5+$ $Kre5-d4$

Если бы не 40-й ход, Бронштейн, вероятно, прикрыл короля слоном...

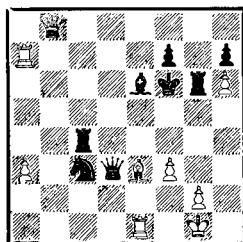
41. $La5-h5$ $Ce6-d5$
42. $Kph2-h3$ $f7-f5$

Белые сдались ввиду 43. $Kph2 Kre3!$ 44. $L:f5 Kpf2$.

А что, если бы Таль вместо 34. $Le4$ сыграл 34. $Ce3$? Бронштейн имел в виду ответить

34. . . . $\Phi d3$, но после 35. $\Phi b2-b8!$ ему пришлось бы в цейтноте решать некоторые проблемы. Белые грозят страшными шахами по черным полям $\Phi h8!$ — тематический ход, как в хорошей задаче, — и в случае 35. . . . $Lc8$ — грубым $\Phi f4$. Что делать?

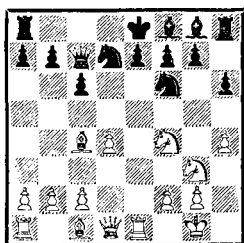
Если, например, 35. . . . $Ke2+$, то возможно 36. $L:e2$, и шансы белых не хуже. Однако в ответ на оригинальный бросок ферзя 35. $\Phi b8$ у черных есть прыжок коня 35. . . . $Kd5$ и не страшно 36. $\Phi h8+$ ввиду 36. . . . $Kpf5$ с назревающими контругрозами.

Возможность хода 34. $Ce3$ была указана Бронштейном тотчас после партии.

СЛОН-ОТШЕЛЬНИК

Было бы поистине странно и несвойственно Бронштейну, если бы он, загнав в партии против

Рояна пешечными ударами черного слона на h7, не попробовал в другой партии и своего слона добровольно эвакуировать куда-нибудь еще дальше, например на g8.

№ 17. *Защита Каро-Канн* **Поррека** **Бронштейн**

Белград, 1954

1. e2—e4	c7—c6
2. d2—d4	d7—d5
3. Kb1—c3	d5 : e4
4. Kc3 : e4	Cc8—f5
5. Ke4—g3	Cf5—g6
6. h2—h4	h7—h6
7. Kg1—h3	Cg6—h7
8. Cf1—c4	Kg8—f6
9. Kh3—f4	Kb8—d7
10. 0—0	Фd8—c7
11. Лf1—e1	Ch7—g8!

Бронштейн оценивает этот ход восклицательным знаком и раскрывает мотивы необычного поведения черного слона, который, никем не гонимый, сначала удалился на h7, а затем на g8. Здесь он не только сам оказался вроде бы не у дел, но еще и надолго заблокировал свою соседку ладью.

Оказывается, однако, что это отнюдь не чудачество, а своеобразная стратегия.

Дело в том, говорит Бронштейн, что при обычном в этом варианте ходе e7—e6 над позицией черных все время висит угроза жертвы фигуры на e6. Если же они проводят освобождающее продвижение e7—e5, то центр вскрывается к выгоде белых, силы которых лучше мобилизованы. Между тем черные, явно отстав в развитии, должны позаботиться о надежном укрытии для короля.

Отсюда и возникает тематическая трудность в этом варианте Каро-Канна: чтобы рокировать в короткую сторону, нужно сначала пойти e7—e6, а для длинной рокировки требуется защитить пешку f7. Обе эти задачи и пытается разрешить черный слон, который, выходит, удалился вовсе не в пустыню, а в засаду. Пока он защищает пешку f7, впоследствии поддержит пешку e6, а в заключение через h7 возвратится к главному театру военных действий...

Нельзя отказать в логике ни Бронштейну, ни черному слону, но возникает все же вопрос и даже два: ради чего черные обrekli себя на такие в общем-то долговременные мучения? И не приведет ли столь медлительная игра к катастрофе?

На первый вопрос ответить сравнительно легко. Своей медлительностью черные подчеркивают торопливость белых, которые, стремясь поскорей организовать атаку, сыграли h2—h4, а затем рокировали в короткую сторону. Значит, и позиция бе-

лого короля не вполне надежна: пешка уже не в силах контролировать поле g4, а в дальнейшем у черных возникнет возможность активного хода g7—g5.

Следовательно, стратегия черных складывается из трех этапов: стиснув зубы, отразить дебютную атаку противника, затем постепенно завершить мобилизацию своих фигур и, наконец, по возможности перейти в контратаку, используя белую пешку «h» как «защелку».

Что же касается второго вопроса — не произойдет ли катастрофы, — то надо ответить, что это, увы, очень вероятно и черные, быть может, не доживут до исполнения третьей части своего превосходного плана.

В этом и заключается коллизия, которая подлежит решению в творческой борьбе.

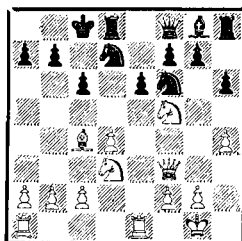
12. Kf4—d3 e7—e6
13. Cc1—f4 . . .

В случае 13. Kf5 идейное возражение 13: . . g5 удачно сочтало бы задачу защиты и контратаки.

13. . . . Cf8—d6
14. Cf4 : d6 Фc7 : d6
15. Kg3—f5 Фd6—f8
16. Фd1—f3 0—0—0

Итак, черные сыграли e7—e6, разменяли чернополевых слонов и рокировали. И после всех этих достижений партия их висит на волоске.

Черный король расстался со своими главными силами, которые, подобно армии Напо-

леона III под Седаном, сосредоточились на том участке фронта, где они никому не угрожают и никого не обороняют.

Трудно избавиться от мысли, что сейчас произойдут события вроде тех, что описаны у Золя в романе «Разгром» . . . Сигналом к этому мог бы быть штыковой удар — 17. Са6!? Если теперь черные берут одну из фигур, то следует 18. Ф : с6+. При ответе 17. . . Krb8 роковую роль сыграет слабость чернополевой диагонали: 18. Фg3+ Кра8 19. Фc7 Лb8 20. Kd6 или 17. . . Kpc7 18. Фg3+ Krb6 19. Kd6 ба 20. Kc5.

Однако прочность позиции черных и способность партнеров к импровизации проверялись бы в варианте 17. . . Kb8 18. С : b7+ Кр : b7 19. Kc5+ Кра8 20. Фb3 Лd7.

В другом разветвлении — 17. . . Kd5 18. с4 ба 19. cd у черных четыре продолжения: cd, ed, ef, Ch7, но во всех случаях игра складывается в пользу белых. Возможно также (после 17. . . Kd5 18. с4) 18. . . Kb4 19. К : b4 Ф : b4 20. Ф : с6+ Krb8 — у белых две фигуры под ударом, не считая ферзя. Как играть? Быть может, 21. Фb5 Ф : b5

22. С : b5 ef 23. С : d7 Л : d7
 24. Ле8+ Крс7 25. Лae1 Л : d4
 26. Л1е7+ Лd7 27. Л : d7+
 Кр : d7 28. Лb8 Крс7 29. Лf8,
 пытаюсь использовать неловкое
 положение черных фигур?

Считал ли все эти варианты
 Л. Поррека? Думаю, что нет.
 Он проверил их вчерне и ре-
 шил, что позиция не вынуждает
 его к риску, а уведя коня из-под
 удара, он все равно сохраняет
 сильнейшую атаку.

Считал ли варианты Брон-
 штейн? Вероятно, считал, по-
 скольку он долго думал перед
 длинной рокировкой и, как вид-
 но, пришел к выводу, что у него
 практически нет выбора, а по-
 зиция черных может еще спру-
 жинить.

17. Кf5—g3 Сg8—h7!!

Если ход 11... Ch7—g8
 Бронштейн сопроводил воск-
 личесательным знаком, то 17...
 Сg8—h7, как более активный,
 заслуживает, на мой взгляд,
 не менее двух.

18. a2—a4 Ch7 : d3

Итак, слон, оказывается, был
 не в отставке, а в засаде, а те-
 перь он уничтожил наиболее
 опасную для короля белую фи-
 гуру, устранив таким образом
 угрозу захвата черных полей.
 Выходит, что ход 18. a4 был
 хотя и логичен, но неточен.
 Следовало переключиться на ата-
 ку центра путем 18. Ке5!, и
 после 18... К : е5 19. de Кd7
 20. Cd3 вновь возникала угроза
 Kg3—e4—d6.

19. Сс4 : d3 Фf8—d6

20. a4—a5 a7—a6

21. Ла1—a3 g7—g5

Третья фаза партии все же
 началась. Черные переходят
 в контратаку.

22. h4—h5 Фd6—f4

23. Фf3—e2 Крс8—c7

Гроссмейстерский ход! Слу-
 чалось ведь, что в пылу сраже-
 ния забывали о жертве С : а6
 и Ф : с6+.

24. c2—c3 Лh8—e8

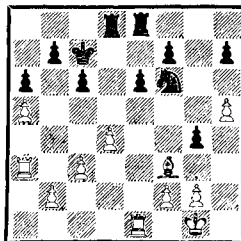
Угрожающая централизация
 черных фигур в связи с подго-
 товленным прорывом е6—е5 за-
 ставляет белых предпринять ряд
 разменов. Однако в окончании
 фланговым белым пешкам, отор-
 ванным от своих баз, не суж-
 дено долголетие.

25. Kg3—e4 Кf6 : e4

26. Фе2 : e4 Фf4 : e4

27. Cd3 : e4 Кd7—f6

28. Се4—f3 g5—g4

Перемена темы. Черные пе-
 ререзали коммуникацию, по ко-
 торой слон поддерживал пешку,
 и включают ладьи для атаки
 всех пешек, расположенных на
 пятой линии.

29. Cf3—d1	Le8—g8
30. Le1—e5	Ld8—d5
31. La3—a4	Lg8—g5
32. Cd1—b3	Ld5 : e5
33. d4 : e5	Kf6—d7!

Потеряв одну только пешку h5, белые сохраняли бы возможность сопротивления. Теперь же гибнут все три пешки, которые пересекли границу и находятся на пятой горизонтали.

34. Cb3—d1	Kd7:e5
35. La4—e4	Lg5 : h5
36. Cd1 : g4	Ke5 : g4

Так закончилась карьера слона, который в молодости не пошел на штурм, а теперь, тяжелый и подслеповатый, бесцельно бродит на доске (Ce4—f3—d1—b3—d1), будучи не в силах помочь своим пешкам.

37. Le4 : g4	Lh5 : a5
38. Lg4—g7	Lf7—f5
39. g2—g4	Lf5—f6
40. Kpg1—g2	Kpc7—d6
41. Kpg2—g3	e6—e5
42. Lg7—g8	Kpd6—d5

Белые сдались.

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Событие как совокупность фактов не адекватно его восприятию участниками или наблюдателями. В судебной практике известны случаи, когда добросовестные свидетели поразному описывали одно и то же событие. Как прозвучал бы рассказ об укрощении строптивой из уст Петруччио и Катарины?

И насколько эти рассказы были бы сходны с изображенной Шекспиром картиной?

Шахматная партия многогранна, и каждый, кто пристально смотрит, может увидеть в ней разное. Но комментирует почему-то почти всегда победитель. Для своих ошибок он легко находит оправдания или по крайней мере причины, а порой их просто не замечает. Что же касается партнера, то он, конечно, мог бы играть по-иному, но дела его все равно были бы плохи. Бронштейн в этом отношении объективнее других, но он сам признался, что ему трудно комментировать свои партии. Чужие партии он понимает лучше. Вот почему он в этой части книги выступает в амплуа не комментатора, но лишь консультанта.

Иное дело Ботвинник. Можно не сомневаться, что он внимательно и с присущей ему глубиной изучал партии своих реальных и потенциальных соперников, но предпочитал не публиковать свои впечатления об этих партиях. Зато он более подробно освещал свое собственное творчество.

Из этого правила есть исключения, и, как всякие исключения, они интереснее правил. Однажды, еще в 1947 году *, была опубликована партия Бронштейн — Симагин с примечаниями М. М. Ботвинника. Несколько позднее, в 1970 году, Бронштейн вернулся к этой теме и

* «Шахматы в СССР» № 1.

посвятил ей литературное произведение *. Он пояснял ход своих мыслей и кое в чем уточнял анализы Ботвинника. Конечно, за 25 лет у него была возможность кое-что уточнить.

Таким образом, мы обладаем стереоскопическим изображением партии, полученным из двух разных временных и психологических пунктов. Здесь можно разглядеть не только содержание этой ультракомбинационной партии, но и увидеть различия в мировоззрении многолетнего лидера советских и мировых шахмат и одного из крупнейших деятелей советского и мирового шахматного искусства.

Сначала приведем слово в слово все, что пишет Ботвинник.

№ 18. Славянская защита

Бронштейн

Симагин

Полуфинал XV чемпионата СССР
Ленинград, 1947

1. d2—d4	d7—d5
2. c2—c4	c7—c6
3. Kgl—f3	Kg8—f6
4. Kb1—c3	g7—g6

Известно, что здесь этот ход редко применяется ввиду ответа 5. Cf4. Бронштейн предпочитает свести игру к варианту Шлехтера.

5. e2—e3	Cf8—g7
6. Cf1—d3	0—0
7. 0—0	c6—c5

Этот ход применил Керес в партии с Лисицыным (Москва, 1940 г.).

8. d4 : c5	d5 : c4
9. Cd3 : c4	Kb8—d7

По-видимому, нововведение Симагина. Алаторцев против Вересова (Москва, 1944 г.) пытался продолжать 9. . . Фа5, но после 10. Kb5 попал в тяжелое положение. Необходимо отметить, что система с ходом 7. . . c5 была забракована Боголюбовым еще в 1928 году («Современное начало 1. d2—d4») и им же был указан ход 10. Kb5. Нововведение Симагина также ведет к трудной игре для черных, ибо белые получают перевес в центре.

(В партии Константинопольский — Симагин, Москва, 1944 г., было: 9. . . Фа5 10. Kb5 Ke4 11. Лb1 Kc6 12. a3 Cg4 13. b4 Фd8 14. h3 Cf5 15. Фb3 с острой игрой. Симагин уклоняется от этого продолжения, видимо опасаясь подводных камней.— Прим. автора).

10. e3—e4	Kd7 : c5
11. e4—e5	...

В случае 11. . . Ф : d1 12. Л : d1 Kg4 13. Cf4 Ce6 14. Kd5 Kph8 15. h3 Kh6 у белых лучшие шансы. Хорошо было и 11. Фе2.

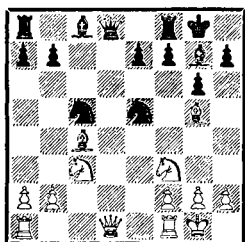
11. . . .	Kf6—g4
12. Cc1—g5	...

Одно из возможных решений. Пешка c5 очень стесняет черных (слош g7 и конь g4). Соблазнительно было 12. Фе2 с последую-

* «Шахматы в СССР» № 10, 1970 г.

шим h3, после чего белые отгрохали черного коня на h6, получая явный перевес. Теперь черные хотя и завоевывают неприятную пешку, но также попадают в затруднительное положение из-за слабости пешки e7 и плохого положения ферзя.

12. . . . Kg4 : e5

13. Kf3 : e5 . . .

Не приводило к ясному перевесу 13. Ф : d8 Л : d8 14. С : e7 К : f3+ 15. gf Лd4, но логичным ходом было 13. Kd5! Если бы черные ответили 13. . . Сg4 (так собирался продолжать Симагин), то не 14. К : e7+ Kph8 15. К : g6+ fg 16. С : d8 Ла : d8 17. Фc2 С : f3 18. gf К : f3+ с сильной атакой у черных, а 14. С : e7 С : f3 15. gf Фc8 16. С : f8 Ф : f8 (16. . . Фh3 17. Ce2 К : f3+ 18. С : f3 Ce5 19. Kf6+ и 20. Kg4) 17. Фе2, и сомнительно, чтобы у черных была достаточная компенсация за качество.

Итак, черные получают возможность перевести слона на d6 для защиты пункта e7, хотя их положение остается трудным.

13. . . . Cg7 : e5

14. Kc3—d5 Ce5—d6

15. Лf1—e1 Кc5—e6

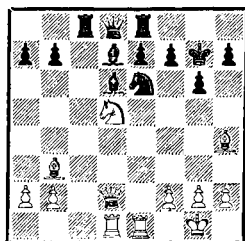
Симагин защищается очень внимательно: естественное 15. . . Се6 приводило к катастрофе после 16 Ch6 Ле8 17. Фd4 f6 18. Л : e6 К : e6 19. Kf4.

16. Cg5—h4 Cc8—d7

17. Фd1—d2 Ла8—c8

18. Cc4—b3 Kpg8—g7

19. Лa1—d1 Лf8—e8

20. Kd5—e3 . . .

За пешку у белых получилось сильное давление, особенно стесняет игру черных конь d5. Если бы белые продолжали 20. f4, они сохраняли все выгоды своего положения. Вместо этого Бронштейн уводит коня с центральной позиции; черные получают передышку и освобождают свою игру.

20. . . . Ke6—c5

21. Cb3—c4 b7—b5

22. Cc4—d5 Фd8—c7

Смело сыграно. Проще и, вероятно, лучше было 22. . . f6, после чего у черных получалась крепкая позиция при лишней пешке. После хода 22. . . Фc7 белые ценой жертвы слона получают возможность обрушиться

всеми фигурами на неприятельского короля.

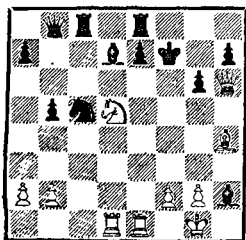
23. Cd5 : f7! . . .

Безусловно, лучший шанс.

23. . . . Kpg7 : f7

24. Ke3—d5 Фс7—b8

25. Фd2—h6 Cd6 : h2+!

Положение черных кажется критическим, но Симагин находит замечательный контршанс,— если он, конечно, не дал этот шах с отчаяния...

Другой защиты, по-видимому, нет. Например: 25. . . Ke6 26. Л : e6 Кр : e6 (26. . . С : e6 27. Ф : h7+ Кpf8 28. Сg5) 27. Ф : h7 Сс6 28. К : e7 или 25. . . Лh8 26. С : e7 Се5 27. Л : e5 Ф : e5 28. Cf6 Ф : f6 29. К : f6 Кр : f6 30. Фf4+.

26. Kpg1—f1 . . .

Бронштейну, вероятно, не понравился вариант 26. Kph1 Се5 27. Ф : h7+ Сg7 28. К : e7 Лh8 29. Ф : g6+ Kpf8, и напрасно. Продолжая в этом случае 30. g3, белые получали ввиду угрозы Лd1—d5—f5+ вряд ли отразимую атаку. Тем не менее и в этом варианте после 28. . . Лс6! черные сохраняли полную правную игру. Теперь же бе-

лые попадают из огня да в полымя!

26. . . . Ch2—e5

27. Kd5 : e7 . . .

Тщетная предосторожность! Партнер все равно вынуждает белых взять пешку h7.

27. . . . Се5—g7

28. Фh6 : h7 Фb8—b6

Симагину явно не повезло. Сделать в плохом положении много трудных ходов и добиться лучшей позиции лишь для того, чтобы проиграть одним ходом...

Черные не пожелали расставаться с пешкой g6, но время было перейти к контратаке. Любопытно, что и 28. . . Лс6 давало после 29. Сg3 лучшие шансы белым.

Но после 28. . . Фh2 у белых возникали вряд ли преодолимые трудности, во всяком случае, опасность проигрыша черным уже не угрожала. Например: 29. Ф : g6+ Kpf8 30. Cf6 Фh1+ 31. Кpe2 Фh6, или 29. Л : d7 Фh1+ 30. Кpe2 Ф : g2, либо 29. f3 Фh1+ 30. Kpf2 Kd3+ 31. Kpg3 К : e1, либо, наконец, 29. Ле3 (29. Ле5 Фh1+ 30. Кpe2 Ф : g2) 29. . . Фh1+ 30. Кpe2 Сg4+ 31. Лf3+ С : f3+ 32. gf Фg2.

29. Ke7 : c8. Черные сдались.

Вполне своевременно, так как безнадежно 29. . . С : c8 30. Л : e8 либо 29. . . Л : c8 30. Ле7+.

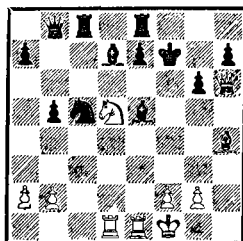
Итак, общая оценка партии по Ботвиннику такова: в связи с дебютной неточностью черных белые могли получить явный перевес путем 11. Фе2 или 12. Фе2; белые вместо этого отдали пешку, но упустили возможность реализовать свое преимущество, не сыграли 13. Кd5, а затем 20. f4; благодаря предоставленной им передышке черные могли посредством 22... f6 получить крепкую позицию при лишней пешке. Вместо этого Симагин смело играет 22... Фс7 и позволяет белым ценой жертвы слона обрушиться всеми фигурами на короля. Положение черных кажется критическим, но Симагин находит замечательный контршанс (25. С : h2+!), который даже при лучшей игре Бронштейна (26. Крh1) сохранял за черными полноправную игру. Вследствие ошибки Бронштейна, которому, вероятно, не понравилась расстановка его короля (h1) и ферзя (h7) на одной вертикали с неприятельской ладьей (h8), белые попали в трудное положение, и после 28... Фh2 черным опасность проигрыша во всяком случае не угрожала...

Но Симагину не повезло: в лучшей позиции он проиграл одним ходом.

Комментарии Ботвинника безупречны по своей точности и беспощадны по отношению к партнерам. Можно не сомневаться, что он прямо из дебюта зажал бы Симагина путем Фе2, Лd1, h3, f4 и уже не выпустил бы.

На то он — Ботвинник. Однако конфликт допускал и другие решения, не по Ботвиннику, а по Симагину — Бронштейну, не столь логичные, но более красочные и теплокровные... Можно ведь выразить свое отношение к жизни и к женщине, написав Джоконду, а можно заказать хорошую фотографию своей супруги. Популярность Моны Лизы еще раз подтвердилась в мировом масштабе во время ее кругосветного путешествия, но я знаю людей, все же предпочитающих ей «Жанну» Ренуара, не говоря уже о супруге.

А главный вариант в комбинации Бронштейна был таков:

27. Ф : h7+ Сg7 28. Л : e7+ Л : e7 29. К : e7 и далее:

29... Лh8 30. Ф : g6+ Кpf8 31. Cf6 Ke6 32. С : g7+ К : g7 33. Фf6+ Кpe8 34. Kg6 Lh1+ 35. Кpe2;

29... Фh2 30. Ф : g6+ Кpf8 31. Cg3 Фh1+ 32. Кpe2 Фh6 33. Ф : h6 С : h6 34. К : c8 С : c8 35. Лd8+;

29... Cf5 30. К : f5 gf 31. Ф : f5+ Кpg8 32. Ce7! (с элементарной угрозой забрать коня) 32... Фc7 33. С : c5 Ф : c5 34. Лd8+! Cf8 35. Ф : c8.

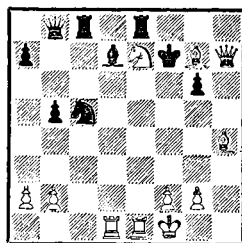
Этим и объясняется не одобряемый Ботвинником отход короля на f1 вместо h1. Ладно бы еще черные получили «полноправную игру», но дело в том, что в главном варианте — 27. Ф : h7+ Сg7 28. Л : e7+! Л : e7 29. К : e7 Лh8 30. Ф : g6 Крf8 белые при короле на f1 форсированно выигрывают, а при короле на h1 у них нет завершающего комбинацию хода 31. Cf6 — слон связан!

Комментарии М. М. Ботвинника безупречны, они и написаны в непринужденной манере, правда немного свысока, но в те времена это было в большой моде. Он применяет даже навеянный балетными ассоциациями образ — «тщетная предосторожность», правда, эта характеристика не очень подходит к невероятному ходу К : e7 — какая же это предосторожность?

И в конце концов, в комментариях Ботвинника обнаружились лишь две небольшие трещины. Во-первых, он не разглядел красивый форсированный выигрыш в главном варианте — 27. Ф : h7+ Сg7 28. Л : e7+ Л : e7 29. К : e7 и т. д. И, во-вторых, неточна его оценка: «Любопытно, что и 28. . . Лс6 давало после 29. Сg3 лучшие шансы белым».

В этой позиции черные берут слона g3, и шансы белых лучшими никак не назовешь. Но ведь ошибки раскрыты через 25 лет!

Возникает все же резонный вопрос: почему Бронштейн, ко-

торый все так замечательно задумал и рассчитал, почему он в решительный момент дрогнул и взял на e7 конем, а не ладьей??

Оказывается, он, находясь в импровизационной эйфории и подстегиваемый цейтнотным азартом, разглядел в смерче вариантов сказочной красоты комбинацию.

27. К : e7! Сg7! (единственный ход) 28. Ф : h7! Фh2! 29. Ф : g6+ Крf8 30. Л : d7 К : d7 31. Фе6, и черным не защититься от двух угроз — Фg8× и Kg6×. Особенно хорош финал: 31. . . Фh1+ 32. Кре2 Ф : h4 33. Kg6×.

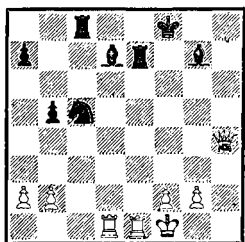
Ферзь под связкой, король едва жив, слона съели, а конь матует да еще между делом выстрелом из гнутаго ружья смертельно ранит ферзя.

К сожалению, Симагин не пошел на это продолжение, не сыграл Фh2, а просто зевнул ладью на c8.

В дальнейшем сказочная комбинация оказалась, как и все сказки, иллюзорной. Разбирая свою партию, Бронштейн с Симагиным обнаружили, что на 30. Л : d7 черные дают шах на h1, а затем берут слона h4 и матовать нечем — конь связан.

Поэтому объективно лучшим

продолжением в сложившейся обстановке было все же 27. Ф : h7 и 28. Л : e7. После же того как пешка на e7 была взята конем и в случае ответа 28. . . Фh2! лучшие ходы для белых и черных таковы: 29. Ф : g6+ Крf8 30. Фh7 Фh1+ 31. Кре2 Ф : h4 32. Ф : h4 Л : e7+ 33. Крf1.

Как точно разыграть эту позицию — трудно сказать.

В своих воспоминаниях об этой партии Бронштейн приоткрыл некоторые применяемые им способы психологической борьбы. Становится ясным, что в маневренной стадии, особенно при переходе из дебюта к основному бою, он не только соображается с обстановкой на доске, но имеет в виду воздействие на партнера. Этим и объясняются, в частности, нелогичные движения, предшествующие жертве слона: 18. Сс4—b3, 21. Сb3—c4, 22. Сс4—d5, 23. Cd5 : f7. Зачем слон протоптал, как пешка, по всем клеткам диагонали? Почему сразу не взял на f7? А до того, как хорошо стоял конь на d5, зачем ушел на e3?

Оказывается, Бронштейн пришел к выводу, что оборону черных спокойными маневрами

ему не взломать. Как видно, муза Кансса требует жертвоприношений. Конечно, жертва связана с риском, а чтобы риск был и для партнера, надо подтолкнуть его на активные движения, ослабляющие устойчивость позиции. Например, было бы хорошо, чтобы черный ферзь вышел куда-нибудь — на b6 или c7. Тогда после жертвы слона конь с темпом вернется на d5.

Итак, 21. Сс4 b5. Черные выиграли темп? А зачем им пешка на b5? Скорей бы уж ей следовало стоять на b6 — тогда конь на c5 был бы обеспечен и в последующей комбинации белых (с 27. Л : e7) возникали какие-то барьеры.

22. Cd5 Фс7 — черные выиграли еще один темп?

Напротив того, проиграли. Ибо лишь теперь 23. Cd5 : f7 Крг7 : f7 и 24. Ке3—d5! с нападением на ферзя.

Бронштейн утверждает, что только ход Фb8 ведет к форсированному проигрышу и только при положении пешки на b5. Нелепое с виду отступление Фс7—d8 гарантирует черным как минимум ничью, причем белым пришлось бы ее добиваться. В доказательство он приводит 24 варианта, предлагая самым терпеливым и самым любознательным читателям удостовериться в справедливости его анализа. Такова творческая лаборатория гроссмейстера!

Если же Бронштейн не побуждал бы Симагина сделать из слона назойливую муху, гоняя

его с одной клетки на другую, то жертва слона на f7 не проходила. Ботвинник сказал бы: «Бронштейн мутит воду». Да, уж этому Бронштейна нечего учить! Гроссмейстер. Несколько наивно звучит в этом контексте замечание о том, что конь с d5 напрасно ушел на e3. Как же иначе жертвовать слона? Через коня, что ли?

Конечно, «черные» после 20. Ke3 Kc5 21. Sc4 b5 22. Cd5 могли не вылезать ферзем, а сыграть 22. . . f6, получая крепкую позицию с лишней пешкой, что было, по объективной оценке Ботвинника, «проще и, вероятно, лучше». Но ведь партнер Бронштейна не абстрактные «черные», а Владимир Павлович Симагин с присущим ему самобытным почерком! Симагина не очень-то прельщали эти крепкие позиции с лишней пешкой, где того и гляди крыша рухнет на голову, например в связи с жертвой слона на f6. Бронштейн твердо знал, что Симагин не пойдет на вариант с f7—f6; он знал это не из учебника шахматной стратегии, а из своего опыта психологической борьбы, подсознательно обобщенного в форме интуиции...

Сколько информации можно извлечь из многостороннего освещения одного и того же события!

КАЖДЫЙ ИГРАЕТ В СВОЮ ИГРУ

Игорь Бондаревский был чемпионом СССР вместе с А. Лиленталем и впереди М. Ботвин-

ника в 1940 году, когда Бронштейн только еще пробивался на передовые позиции в киевских турнирах. В шестидесятых годах он стал тренером Бориса Спасского и вместе с ним прошел этапы большого пути, на котором тревоги сменялись радостями (но преобладали тревоги): отбор кандидатов и матч на первенство мира с Тиграном Петросяном, второй отбор и победный матч и, наконец, третий цикл — проигрыш А. Карпову на второй ступеньке отбора.

Все это относится не только к Спасскому, но и к Бондаревскому. Неизвестно еще, кто из них больше переживал. Особенно тяжело им обоим было, надо думать, во времена Рейкьявика, когда Бондаревский не был секундантом Спасского.

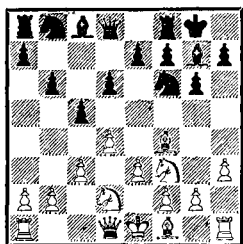
Тренер чемпиона мира — это человек мудрый и бескомпромиссный, о каждом гроссмейстере он знает, кто есть кто. Только с этих позиций и можно понять невероятно напряженную партию Бондаревский — Бронштейн, в которой более 20 ходов каждый играл в свою игру, ни один пешотинец не переходил границы, и думалось со стороны, что к 25-му ходу будет ничья...

№ 19. Староиндийская защита **Бондаревский Бронштейн**

XXXI чемпионат СССР, 1963

1. d2—d4	Kg8—f6
2. Kg1—f3	g7—g6
3. Cc1—f4	Cf8—g7
4. e2—e3	0—0

5. Kf1—d2	b7—b6
6. c2—c3	c7—c5
7. h2—h3	d7—d6

Какой дебют играют белые? Какую черные избрали защиту? На эти вопросы не каждый ответит и не вдруг. Дело в том, что Бронштейн черными играет дебют Рети как бы во второй руке, то есть с отставанием на один ход, а Бондаревский белыми избрал защиту Ласкера из его сенсационной партии против Рети в нью-йоркском турнире 1924 года.

А дело было так. В Нью-Йорк на двухкруговой турнир приехали 9 гроссмейстеров, и среди них новый чемпион мира Х.-Р. Капабланка, экс-чемпион Эм. Ласкер, первый претендент А. Алехин, Р. Рети и С. Тартаков, Е. Боголюбов, Ф. Маршалл, Г. Мароци, Д. Яновский, мастера Эд. Ласкер и Ф. Эйтс.

В этом турнире произошло много любопытного: Эм. Ласкер сделал в эндшпиле ничью против своего однофамильца, имея коня против ладьи и пешки, Тартаков трижды играл королевский гамбит, он же сыграл дебют 1. b2—b4... Но центральными событиями были, во-первых, дра-

матическая борьба за первое место между чемпионом мира и экс-чемпионом, которая завершилась победой Ласкера, и, во-вторых, появление принципиально новой стратегической системы, названной впоследствии дебютом Рети, по имени ее автора и первооткрывателя. Рихард Рети, лидер школы гипермодернистов, глыба самородного таланта, привез на турнир тщательно отработанное научно-фантастическое произведение: Kf3! c4! g3, Cg2, b3, Cb2, Kbd2, d3, Лc1, Лc2 Фa1!! Он пропагандировал свои замечательные идеи не пламенными речами, а победами над Алехиным, Боголюбовым (приз за красоту) и над «беспронгрым автоматом» — Хозе-Раулем Капабланкой... И когда Рети, дождавшись белого цвета против Эм. Ласкера, пошел 1. Kf1—f3 d7—d5 2. c2—c4, то как будто электрический ток ударил в сознание зрителей и наблюдателей во всем шахматном мире. Прошло столетия, а я до сих пор не могу без волнения вспомнить об этой партии, в которой накопленная Ласкером мудрость (ему было в то время 56 лет) столкнулась с молодостью гения.

Эм. Ласкер выиграл у Рети и благодаря этой победе опередил Капабланку, хотя и проиграл ему во втором круге эндшпиль с фигурой против трех пешек.

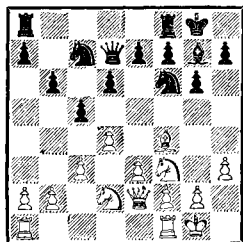
И вот Бронштейн играет черными вовсе не староиндийскую, а дебют Рети во второй руке, а

Бондаревский подготовил защиту Ласкера с лишним темпом. Что он извлечет из этого темпа?

8. Cf1—e2 Cc8—a6
9. Ce2 : a6 Kb8 : a6

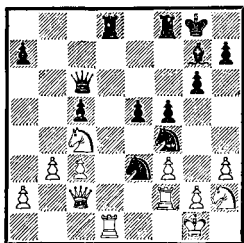
Бронштейн полагает, что белым не стоило брать слона. Конечно, он и сам мог в этом случае разменять слонов на e2, но тогда черный конь не попадал через a6 на c7—e6—f4. Пришлось бы ему искать другой маршрут. Нюанс? Возможно, но ведь у гроссмейстеров, как сказал Огюст Ренуар, все мастерство на кончиках ногтей.

10. 0—0 Фd8—d7
11. Фd1—e2 Ка6—c7

Положение можно считать «почти» равным. Почти, если бы не конь на h2. Нюанс? Да, но именно отсутствие этого коня в центре позволяет черным начать массированное наступление там, где они располагают — не забывайте! — пешечным переносом.

23. . . . Ke6—f4
24. Lf1—f2 Kd5 : e3

25. Kc4 : e3 Ld8 : d1+
26. Фc2 : d1 e5—e4!
27. Фd1—c2 Cg7—h6

А вот и слон появился.

28. Kh2—f1 Kf4—d3
29. Lf2—d2 . . .

После 29. Ле2 ef 30. gf Ке5 королевский фланг белых был бы разгромлен.

29. . . . c5—c4

Ферзь хотя и перемещается как ладья, но любит и диагонали тоже.

30. Ке3 : c4 Фc6—c5+
31. Kpg1—h2 Ch6—f4+
32. g2—g3 Kd3—e1

Глубокий рейд по тылам.

Белые сдались. Партия отмечена как лучшая в XXXI первенстве Советского Союза.

В заключение два замечания. Первое — о шахматном механизме; оборону за белых можно было улучшить: 24. Lf1 (вместо Lf2). Но все же примерное 24. . . К : e3 25. Л : e3 Л : d1+ 26. Ф : d1 e4 27. fe fe 28. Фd6 Ф : d6 29. К : d6 С : c3 30. Л : e4 Cd4+ 31. Kph1 Kd3! сохраняет за черными перевес.

Второе — о шахматном мировоззрении. Если поставленная цель связана с борьбой, то нельзя долго играть «в свою игру», изолируя себя от среды и от партнеров по принципу «ты меня не тронь, я тебя не трону». Даже крупнейшие мастера не могут себе этого позволить.

КТО ПЕРВЫЙ ПОЖЕРТВУЕТ КОНЯ!

Международный мастер Богдан Слива, неоднократный чемпион Польши, играя в мемориале Алехина черными против Бронштейна, задумал своеобразный план: в испанской партии он расположил слона на f6, а коня перевел через e7 на g6. Таким путем он укрепил пешку e5, создал давление на пешку d4 и взял под контроль поле f4.

№ 20. Испанская партия

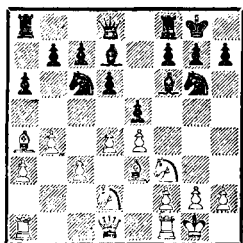
Бронштейн

Слива

Турнир памяти Алехина
Москва, 1956

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 Kb8—c6
3. Cf1—b5 a7—a6
4. Cb5—a4 d7—d6
5. c2—c3 Cc8—d7

6. d2—d4 Cf8—e7
 7. 0—0 Ce7—f6
 8. Cc1—e3 Kg8—e7
 9. Kbl—d2 0—0
 10. a2—a3 Ke7—g6
 11. b2—b4 . . .

В свою очередь, Бронштейн вместо традиционного маневра Le1, Kd2—f1—g3 немедленно начинаст активные действия на ферзевом фланге, выдвигая сначала пешку на b4, а затем имея в виду d4—d5, c3—c4—c5.

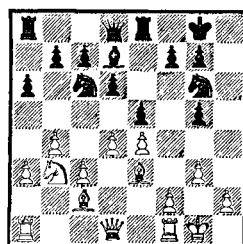
Эта идея в данной партии была воплощена лишь в форме проектного варианта. В жизнь она не воплотилась, как и многие другие проекты, но подействовала на черных психологически, заставив их поторопиться с диверсией на королевском фланге. Однако сейчас это один из основных методов игры в испанской партии.

11. . . . Lf8—e8
 12. Ca4—c2 h7—h6

Если бы черные приняли бой на ферзевом фланге, то партия могла бы приобрести следующие очертания: 12. . . a5 13. d5 Kb8 14. c4 Ka6 15. Lb1 ab 16. ab b6. Черные держат позицию на ферзевом фланге, а инициати-

ва на королевском не исключается.

13. Kd2—b3 Cf6—g5
 14. Kf3 : g5 h6 : g5
 15. g2—g3 . . .

Белые вынуждены сделать этот профилактический ход, чтобы не пропустить черного коня на f4. Все дальнейшие планы Бронштейна связаны с переброской ферзя на h5 в связи с Kd2—f3—g5 и Cc2—b3.

Поэтому черным следовало сыграть слоном на h3, чтобы в случае 16. Fh5 взять качество, а на 16. Le1 ответить 16. . . g4. Но наиболее принципиальным продолжением, вероятно, был интуитивный ход 15. . . Kf4. То ли Слива не имел времени посчитать варианты вроде 15. . . Kf4 16. gf gf 17. Fh5 Le6 18. d5 Lg6+ 19. Kph1 Cg4, то ли он посчитал и ему что-то не понравилось, но он неожиданно сыграл

15. . . . f7—f6

Как горнолыжник, который подготовился к скоростному спуску, сфотографировался анфас и в профиль и спустился вниз на лифте.

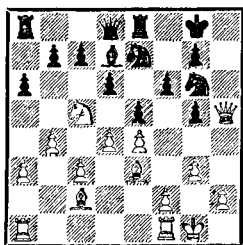
16. Фd1—h5! . . .

Этот ход Бронштейн сделал молниеносно, опасаясь, как бы партнер не передумал...

16. . . . Kc6—e7

Если черный слон проскочит на f7 через e6, то черные сохранят обороноспособность. Но Бронштейн не упускает свой шанс и немедленно жертвует коня.

17. Kb3—c5! . . .

Чисто позиционный ход, препятствующий черному слону стать на e6. Если черные возьмут коня, то их ждут неприятности крупного масштаба: 17. . .dc 18. Cb3+ Kpf8 19. de K : e5 (или 19. . .fe 20. C : c5; 19. . .b6 20. ef gf 21. Фh6×) 20. Фh8+ Kg8 21. C : c5+.

Мастер Слива находит относительно лучшую защиту.

17. . . . Cd7—c6
18. Cc2—b3+ d6—d5
19. Ла1—d1 b7—b6
20. Kc5—d3 e5 : d4
21. Ce3 : d4 Kpg8—f7

Черные героически обороняются и даже оттесняют ферзя, но Бронштейн организует новую, решающую волну атаки.

22. f2—f4! Ле8—h8

23. Фh5—e2 g5 : f4
24. Kd3 : f4 Kg6 : f4
25. Лf1 : f4 . . .

Заключительная позиция без участия ладьи «f» была бы, как говорят шахматные проблемисты, неэкономична. Теперь же в двух горячих точках d5 и f6 пожар должен вспыхнуть с минуты на минуту.

25. . . . Фd8—c8
26. e4 : d5 Cc6 : d5
27. Cd4 : f6! . . .

Как ни странно, единственный ход, форсированно венчающий стратегический план и комбинацию (17.Kc5!).

27. . . . g7 : f6
28. Лd1 : d5 Ke7 : d5
29. Cb3 : d5+.

Черные сдались ввиду мата в несколько ходов или потери ферзя.

БРОНШТЕЙН В РОЛИ БОТВИННИКА

Система Ботвинника в ферзевом гамбите принадлежит ему и только ему. Конечно, порывшись в шахматных архивах, найдешь где-нибудь эту идею или даже этот порядок ходов (в партии со Слепуховым эти ходы были сделаны в несколько ином порядке).

Можно и не рыться в архивах, а просто спросить у заслуженного тренера А. М. Константинопольского: он знает все и, без сомнения, ответит, что maestro NN играл в 19?? году

такую защиту, но успеха не достиг. А вот М. М. Ботвинник играл много раз и достигал успеха, и, более того, отпугивал малодушных от хорошего хода 5. Сg5. Дело, следовательно, не в приоритете, который в шахматах всегда сомнителен, а в реализованных на практике идеях. И тут уж ясно, кто автор системы.

И вот Бронштейн в полуфинале первенства Москвы решил не на чужой, а на своей шкуре попробовать, какова же она, эта система Ботвинника? Неужели он уже тогда пристреливался к возможному матчу на первенство мира? Я этого не исключаю.

Его партнер, московский кандидат в мастера, чувствовал себя как рысь в лесной чаще и в дебюте начисто переиграл Бронштейна, выступавшего в несвойственной ему роли.

№ 21. Славянская защита Слепухов Бронштейн

Полуфинал чемпионата
Москвы, 1945

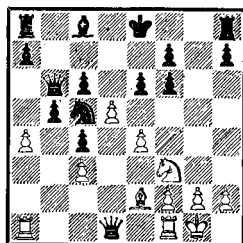
1.	d2—d4	d7—d5
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	Kg8—f6
4.	Kg1—f3	c7—c6
5.	Cc1—g5	d5 : c4
6.	e2—e4	b7—b5
7.	a2—a4	...

Главный вариант начинается ходами 7. e5 h6 8. Ch4 g5.

7.	...	Фd8—b6
8.	Cg5 : f6!	g7 : f6
9.	Cf1—e2!	...

Разыграно превосходно. Белые сейчас рокируют и будут готовы атаковать черного короля на любом фланге или в центре. Бронштейну чутье подсказывает, что еще один-два хода в таком жанре — и ему не унести ноги из этой переделки. Поэтому он кончает играть «систему Ботвинника» и начинает плести сети ловушки.

9.	...	Kb8—d7
10.	0—0	Cf8—b4
11.	d4—d5!	Cb4 : c3
12.	b2 : c3	Kd7—c5

Приглашая белого ферзя на d4, где он создает угрозу a4—a5 с выигрышем коня c5, Слепухов, разумеется, видит ответ черных e6—e5, но рассчитывает пожертвовать коня на e5.

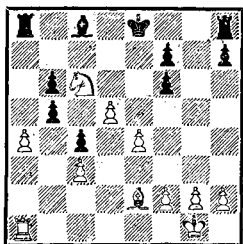
Невесело было бы черным после 13. dc!, например 13... K : a4 14. Л : a4! ba 15. Фd6 Ca6! 16. Фd7+ Kpf8 17. Ke5! fe 18. Ch5.

Однако Слепухов не в силах удержаться от привлекательного выпада.

13.	Фd1—d4	e6—e5
14.	Kf3 : e5	Kc5—b3!

Приходится менять ферзей.

- $$\begin{array}{ll} 15. & \Phi d4 : b6 \qquad a7 : b6 \\ 16. & Ke5 : c6 \qquad Kb3 : a1 \\ 17. & Jlf1 : a1 \qquad \dots \end{array}$$

Итак, ловушка удалась на славу — черные выиграли качество за пешку... Приглядевшись к позиции, Бронштейн подумал: «Еще одна столь же удачная ловушка, и можно будет сдать». Впрочем, и у него есть свои шансы. Конечно, разбитые пешки королевского фланга не украшают позицию черных, однако у белых слаба первая горизонталь. Это — мотив для комбинаций в эндшпиле. Итак, за дело!

17.	...	Cc8—d7
18.	Kc6—d4	Ла8 : а4
19.	Ла1—b1	Ла4—a3

Объективно сильнее было 19. b4 20. cb b5, ценой пешки создавая себе проходную и приковывая белую ладью к защите пешки b4. Однако Бронштейн задумал на этот раз не ловушку, а красивую комбинацию.

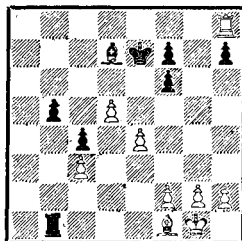
20. Kd4 : b5 Лa3—b3
21. Лb1—a1! . . .

Если теперь 21...0—0, то
возможно 22. С : с4 Л : b5 23.
С : b5 С : b5 24. Лb1 Cd3 25.

Л : b6 с большими шансами на ничью. Черные избирают лучшее продолжение.

21. . . . Лb3 : b5!
22. Лa1—a8+ Кpe8—e7
23. Лa8 : h8 Лb4—b1+
24. Се2—f1 b6—b5!

Положение белых снова стало опасным.

25. f2—f4? . . .

Возможна была и другая попытка:

I. 25. f3 b4 26. Лb8 Кpd6
27. Л : b4 Л : b4 28. cb c3 29.
Cd3 Ca4 30. Kpf2 c2 31. C : c2
C : c2 32. Кре3, и белые имеют
3 пешки за слона. Однако чер-
ные на 25. f3 играют Лс1! с по-
следующим Л : c3 и должны
выиграть, надвигая проходные
пешки.

II. 25. Лб8 Кpd6 26. Лб6+ Крс5? 27. Лб7! Се8 28. Лб8 Cd7 29. Лб7 Кpd6 30. Лб6+ Крс7! 31. Л : f6 b4! 32. cb Ca4!! 33. Л : f7+ Кpd8 34. Лf3 Се2! и Cd3, выигрывая. Возможно и в этом варианте 25. . .Лс1.

25. . . . b5—b4!
26. Ph8—b8 . . .

Не проходит тематический вариант: 26. Kpf2 bc 27. C : c4 c2

28. e5 c1Ф? 29. d6×! ввиду
28. . . Cf5! Если 26. cb, то 26. . .
c3 27. Kpf2 Л : f1+ 28. Кр : f1
c2.

26. . . . Кре7—d6!
27. Kpg1—f2? . . .

Относительно лучше было 27.
h3, но после 27. . . f5! черные
все же выигрывали.

27. . . . Лb1—b2+!
28. Kpf2—e3 b4 : c3
29. Лb8—a8 Лb2—b1!
30. Ла8—a2 Лb1 : f1

Белые вскоре сдались.

ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ

Давиду Бронштейну едва исполнилось 17 лет, когда он был допущен в полуфинал первенства СССР. Там он встретился с Сергеем Белавенцем, одним из наиболее одаренных шахматистов довоенного периода, крупнейшим аналитиком и знатоком дебютов.

С чувством большой ответственности подошел юный Бронштейн к этой партии. Здесь испытывался не дебютный вариант, не ловушка или сюрприз, а принципиально новая киевская (староиндийская) система, которая впоследствии стала гейзером идей и комбинаций.

В этой партии, как в хромосоме, заложена вся генетическая информация, положившая начало целому семейству подсистем и вариантов, появившихся в конце сороковых и начале пятидесятых годов.

№ 22. Староиндийская защита

Белавенец

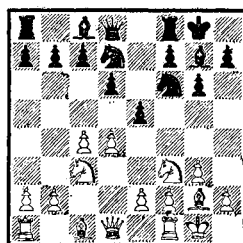
Бронштейн

Полуфинал XIII чемпионата СССР
Ростов-на-Дону, 1941

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 d7—d6
3. Kb1—c3 e7—e5

Черные бросают перчатку, предлагая партнеру продолжать
4. de de 5. Ф : d8+ Кр : d8
6. Cg5 c6 7. 0—0—0+. В то время считалось, что этот эндшпиль для черных безопасен, но теперь чаще применяют другой порядок ходов, включая Kbd7, что, впрочем, не отражается на системе в целом.

4. Kg1—f3 Kb8—d7
5. g2—g3 g7—g6
6. Cf1—g2 Cf8—g7
7. 0—0 0—0

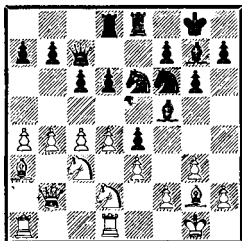

Эта позиция оценивалась в пользу белых. Пешечная атака на ферзевом фланге, подкрепленная хорошо развитыми фигурами при неискоренимой слабости пешки d6 — все это открывает перед белыми оптимистичные перспективы. Возможная инициатива черных на королевском фланге рассматривалась как сомнительная.

8. b2—b3 Лf8—e8
 9. e2—e3 c7—c6
 10. Фd1—c2 Фd8—a5

В командировочном удостоверении черного ферзя значится официальное задание — не пропустить белого слона на а3. Однако ферзь по пятой горизонтали присматривается к пунктам f5 и h5, чтобы оттуда воздействовать на белые поля, ослабленные ходами g2—g3 и e2—e3.

11. a2—a4 Kd7—f8
 12. Cc1—a3 Cc8—f5
 13. Фc2—b2 Ла8—d8
 14. Лf1—d1 e5—e4
 15. Kf3—d2 Kf8—e6
 16. b3—b4 Фа5—c7

Общий рисунок плацдарма таков, что исход партии как будто сомнений не вызывает. Пешечная четверка должна смести с лица земли все, что расположено слева от линии «е».

Однако присмотримся к позиции. Заметим прежде всего, что ни сейчас, ни ходом раньше белые не могли уничтожить форпост на e4 ввиду 17. Kc3 : e4 K : e4 18. K : e4 C : e4 19. C : e4 K : d4! — черные отыгрывают пешку и получают лучшую позицию.

Заметим далее, что белые фигуры сгруппировались по черным полям, тогда как вторжение коня или слона на f3 может привести к катастрофе. Итак:

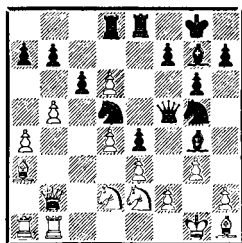
17. Лd1—b1! Фc7—d7!

Черному ферзю не удалось попасть на королевский фланг по горизонтали, поэтому он подыскивает себе диагональ.

18. c4—c5 Ke6—g5
 19. c5 : d6 Cf5—h3
 20. Cg2—h1 . . .

На 20. C : h3 последовало бы 20. . . Ф : h3 с угрозами Kg4 и Kf3.

20. . . . Фd7—f5
 21. Kc3—e2 Kf6—d5
 22. b4—b5 Ch3—g4

23. Kpg1—f1 . . .

Прямо под шах.

23. . . . Kd5 : e3+
 24. Kpf1—e1 Kg5—f3+

Белые сдались.

Берут ли они коня f3 конем или слоном, черные отвечают 25. . . ef, и партия белых проиграна.

Напрашивающийся ход 23. Kf4 тоже не помогал: 23. . .

К : f4 24. e1 Kh3+ (24. g1 Ch3!) 25. Kpg2 (или 25. Kp11 e3) 25. . . Cf3+ 26. К : f3 ef+ 27. Kp11 Фd3+.

САМАЯ ГОЛОВОЛОМНАЯ

По поводу партии Бронштейн — Фурман (1948 г.) справедливо заметил Болеславский, что она была наиболее сложной и головоломной в XVI первенстве СССР. Если бы существовали объективные критерии «головоломности», она, вероятно, завоевала бы приз не только в одном XVI первенстве, но во всех шестнадцати.

Партия эта складывается из двух частей: I. Логика и II. Фантазия. Первую часть Бронштейн провел с кристальной чистотой и к 24-му ходу имел элементарный путь к победе. Это должно было отнять у него минут пятнадцать, если двигать фигуры не торопясь. Но ему, как видно, было жаль расставаться с партией, он ощущал какие-то еще не реализованные возможности, ему грезились космические образы из «Туманности Андромеды», а скорей всего он просто забыл разменять ладьи на d6 и сразу сделал следующий ход: Kf4—h3. Но так или иначе, Фурман зажег такой факел комбинаций, что вся доска запылала.

Комментарии к этой партии, принадлежащие И. Болеславскому, — шедевр жанра. Это — шахматный механизм, освещенный изнутри и показанный с уве-

личением 1 : 8, это мысли мудреца по поводу действий двух пылких юношей.

№ 23. Защита Нимцовича

Бронштейн

Фурман

XVI чемпионат СССР, 1948

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	Cf8—b4
4.	e2—e3	d7—d5
5.	a2—a3	Cb4—e7
6.	Kg1—f3	0—0
7.	Cf1—d3	b7—b6
8.	0—0	c7—c5
9.	b2—b3	Cc8—b7
10.	Cc1—b2	Kb8—c6

Партия свелась к одному из вариантов ферзевого гамбита, с той разницей, что белая пешка стоит на a3. Это обстоятельство имеет как положительное, так и отрицательное значение: черному коню недоступно поле b4, но пункт b3 у белых несколько ослаблен, так как на естественный ход 11. Фе2 последовало бы 11. . . Ка5 с нападением на пешку b3. Заслуживал внимания ход 11. Фс2. Избранное белыми продолжение не должно было дать им преимущества.

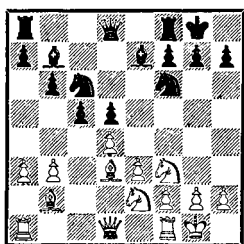
11. c4 : d5 e6 : d5?

Серьезная позиционная ошибка, после которой черные попадают в затруднительное положение.

При висячих пешках «d» и «с» положение черного коня на c6 оказывается весьма неудачным. Здесь конь загораживает

дорогу ладье а8 для защиты пешки с5 и слону b7 для защиты пешки d5; в случае же ухода коня, например, на а5 в руках белых остается важное поле е5. Нормальное положение черного коня при висячих пешках — поле d7, откуда он защищает пешку с5 и пункт е5. Черным следовало, конечно, взять на d5 конем, и после 11. cd K : d5 12. K : d5 Ф : d5 13. Фс2 Фh5 они стояли бы отнюдь не хуже.

12. Kc3—e2! . . .

Этот тонкий ход укрепляет пункт d4 и ставит черных перед угрозой неприятного для них перевода коня на f5: черным очень трудно создать встречную игру. Лучше всего было, по-видимому, 12. . . a5 с последующей жертвой пешки на a4; в этом случае пешка «с» становилась проходной и черные могли рассчитывать на контригру.

После следующего естественного, но неудачного выпада дела черных еще более ухудшаются.

12. . . . Kf6—e4
13. d4 : c5 b6 : c5
14. Фd1—c2 Фd8—b6
15. Ke2—g3 f7—f5
16. Kg3—h5 Лf8—f7
17. Ла1—b1! . . .

Прежде чем организовать решающее давление на пешку d5, белые лишают черных последнего контршанса — атаки на пешку b3. К тому же теперь (при случае) будет угрожать b3—b4.

17. . . . Ла8—d8
18. Лf1—d1 Лd8—d6
19. Kh5—f4 Kpg8—h8

Этот профилактический ход оказывается тактической ошибкой. Заслуживало внимания 19. . . a5, чтобы предупредить хотя бы угрозу b3—b4.

20. Cd3—f1 Фb6—d8

Проигрывает пешку, но положение черных уже безнадежно. На 20. . . Kd8 следовало бы 21. b4 c4 22. Ce5 Лd7 23. Cd4 с дальнейшим 24. Ke5.

21. Kf4 : d5 . . .

Еще проще 21. Л : d5 — в случае двойного взятия на d5 последует, конечно, Cc4.

21. . . . Ce7—h4

Черные реализуют свою единственную угрозу. Сомнительно, чтобы после простого 22. g3 они могли использовать ослабление диагонали a8—h1, но белые предпочитают другое продолжение, форсированно ведущее к упрощениям.

22. Kf3 : h4 Фd8 : h4
23. Kd5—f4 Лf7—d7
24. Kf4—h3 . . .

Безусловно, не сильнейшее продолжение. Теперь черным удается создать большие ослож-

нения. Между тем после 24. Л : d6 Л : d6 25. Kh3 белые выигрывали без особого труда. Например: 25. . .Лd2 26. Фc4 Л : f2 27. Фf7 или 25. . .Лg6 26. Фc4 и на 26. . .Ф : h3 решает 27. Фf7.

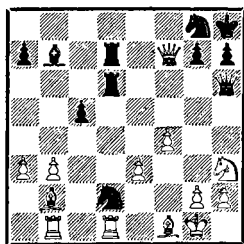
24. . . . Ке4—d2!
25. Фc2 : f5 Кс6—e7
26. Фf5—f7! . . .

Ошибочно 26. Фf8+ Kg8 27. Лbc1, так как после 27. . .Лg6 атака черных неотразима.

26. . . . Фh4—h6
27. f2—f4! . . .

Пользуясь связанностью черных фигур (27. . .К : b1? 28. Л : d6 Л : d6 29. Ф : e7 с легким выигрышем), белые обеспечивают чрезвычайно важное поле g5 для своего коня.

27. . . . Ке7—g8

28. Фf7—f8? . . .

Это прозаическое отступление могло лишить белых победы, которая, как показывают следующие варианты, достигалась комбинационным выпадом 28. Kg5! Например:

1. 28. . .К : b1 29. Л : d6 Л : d6 30. Ф : g7+ Ф : g7 31. Кf7×

II. 28. . .Ф : g5 29. Ф : d7, и белые выигрывают.

III. 28. . .Cd5 29. С : g7+ Ф : g7 30. Ф : g7+ Кр : g7 31. Л : d2.

IV. 28. . .Фg6 29. Ф : g6 hg 30. Ce2 Kh6 31. Ce5! Лd5 32. e4 К : e4 33. К : e4 Л : d1+ 34. Л : d1 Л : d1+ 35. С : d1 С : e4 36. Cd6.

V. 28. . .К : f1 29. Ф : g7+! Ф : g7 30. Л : d6 Кf6 (30. . .Ф : b2 31. Л : b2 Л : d6 32. Кf7+ Кpg7 33. К : d6 Ca6 34. Ке8+ Кpf7 35. Кс7 Cd3 36. Лf2 К : e3 37. Лf3) 31. С : f6 Л : d6 32. С : g7+ Кр : g7 33. Кр : f1 с легким выигрышем.

28. . . . Кd1 : b1

Взятие ладьи оказывается для черных гораздо более опасным, чем это кажется на первый взгляд. Учитывая, что черные в этот момент уже находились в сильном цейтноте, благоразумнее было 28. . .К : f1, что после 29. Л : d6 Л : d6 30. Л : f1 Лd2 31. Лf2 Лd1+ приводило к ничьей повторением ходов.

Дальнейшая игра до контрроля времени проходила в молниеносном темпе.

29. Лd1 : d6 Лd7 : d6

Конечно, не 29. . .Ф : d6 из-за 30. С : g7+.

30. Kh3—g5 Сb7—d5

Нельзя 30. . .Лd7 из-за 31. Кf7+ Л : f7 32. Ф : f7 с двойной угрозой: Ф : b7 и Сс4.

31. e3—e4 Cd5 : b3?

Уже то, что этот естественный ход проигрывает, доказывает, насколько рискованным было взятие ладьи на 28-м ходу.

Возможно, что, имея больше времени, черные нашли бы задачный ход 31. . .Лf6, резко изменяющий течение партии. В этом случае белые могут либо сразу взять ладью, что после 32. С : f6 gf 33. Ф : h6 К : h6 34. ed fg 35. fg Kf7 приводит к эндшпилю с хорошими шансами на ничью у белых, либо ответить 32. Фb8, что выглядит очень опасно для черных, так как слон d5 не имеет хорошего отступления.

Однако вторым задачным ходом (на 32. Фb8) 32. . .Kd2! (33. ed Ф : g5) черные вынуждают противника взять ладью. После 33. С : f6 gf 34. ed fg 35. Фе5+ Фg7 36. d6 Kf6 37. fg Kd7 38. Фе8+ Фf8 получался аналогичный эндшпиль с ничейными возможностями у белых.

32. e4—e5 Лd6—d1

Имей черные минутой больше, они, вероятно, избрали бы продолжение 32. . .Лd7, хотя и после 33. Фf5 Ле7 34. Ф : b1 белые стоят на выигрыш, но игра не носила бы такого форсированного характера.

33. e5—e6! . . .

Интересен пробег пешки с e3 до e6 с непрерывными угрозами.

33. . . . Сb3 : e6

34. Kg5 : e6 Лd1—d4

Отчаяние! На 34. . .Лd7 решает 35. К : g7 Л : g7 36. Сc4.

35. Сb2 : d4 c5 : d4

36. Ке6—g5.

Черные просрочили время. Одна из наиболее сложных и головокружительных партий XVI века.

Послесловие автора книги. По шахматному тексту замечаний нет. Разве что насчет 31-го хода, черных С : b3 — «этот естественный ход проигрывает...» Это не так. Разумеется, найденная Болеславским комбинация 31. . .Лf6 была бы великолепна, особенно в связи с 32. . .Kd2!, хотя, как он пишет, белые в эндшпиле сохраняют шансы на ничью. Но и 31. . .С : b3 не упускает выигрыша, а именно 32. e5 Лd7 33. Фf5 Лd1! 34. e6 С : e6 35. К : e6 Kd2.

И еще один нюанс. Почему бы белым в ответ на 24. . .Kd2! не сыграть 25. Ф : c5? Теперь конь не может взять ни слона, ни ладью, так как ладья d6 будет под двойным ударом. С другой стороны грозит 26. Л : d2. Момент, что и говорить, интересный. Вероятно, все равно нужно играть 25. . .Кe7.

Затем по поводу цейтнота. Это был не просто «блиц», где все-таки есть минута-другая. Нет, Фурман физически не мог успеть сделать 40 ходов. Если бы он даже имел мат в своем распоряжении, то должен был его дать не позднее 35-го хода. Ни о какой ничьей, ни о каком энд-

шпиле вообще не могло быть и речи.

Что же касается Бронштейна, то он в этой ситуации имел неоспоримое преимущество: многократный чемпион Москвы по «блицу», с присущей ему молниеносной реакцией не то что на ход, а на биоток, на мысль противника, он здесь ничем не рисковал. Да и времени у него оставалось чуть побольше. Не он же все-таки просрочил время, а Фурман! Поэтому выигрыш его, очко в таблице, вполне закономерен, да и партия интересная. Но как-то не совсем она хороша. Остается впечатление чего-то не так сделанного, незавершенного.

Так и в жизни бывает: надо действовать быстро и энергично, надо изобретать и идти вперед. И вот в решительный момент что-то очень важное, самое важное, не так сделал. Могло бы плохо кончиться, но в суматохе не заметили, сошло...

Ага, понял: надо было пойти конем на g5 на два хода раньше. Тогда была бы не самая головомная, а самая замечательная, самая красивая в шестнадцати чемпионатах. Такую структуру — король на h8, ферзь на h6, конь на g8, да при своем коне на g5, — такую структуру можно придумать только во сне. Надо было пойти раньше конем... Но и реально сыгранная партия, в которой решался исход чемпионата СССР, была горячо встречена зрителями. Впервые я слышал, как в зале раздавались

возгласы не только «браво!», но и «бис!». Впрочем, «бис» могло означать, что зрители требуют, чтобы демонстраторы повторили заключительные ходы. Во время цейтнота они очень спешили, переставляя фигуры на демонстрационных досках, и что-то перепутали...

Бойцы «стоят свинцово-тяжело, готовые и к смерти и к бессмертной славе...». И этот конь завоевал бы бессмертную славу, если бы попал на g5 на два хода раньше.

И в заключение — о гротескнейшестере С. А. Фурмане. Этот медлительный, вдумчивый шахматист, чей внешний облик так отвечает его характеру, вырос в аналитика и тренера экстра-класса. Он много помог Бронштейну при подготовке к турниру в Будапеште и к матчу на первенство мира, а в Гётеборге был его секундантом. Партии его превосходны, хотя был период, когда он временно отошел от практической игры.

ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

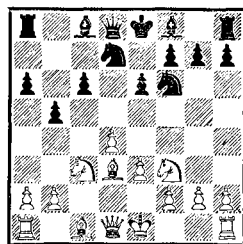
Возможности беспредельны, а события однозначны. Это значит, что множество реальностей по своей мощности намного уступают пространству возможностей. Отсюда проистекает одна из наиболее сложных жизненных коллизий — стремление найти оптимальный вариант в условиях необратимого течения времени, то есть без права взять ход обратно... «Эх, кабы Волга-матуш-

ка вспять побежала. Эх, кабы, братцы, начать жить сначала...»

Шахматные модели жизненных ситуаций тем и хороши, что они столь же строги, как и сама жизнь. Пошел — возврата нет. Именно поэтому любители шахматных фантазий так тщательно исследуют и выбирают дебютные системы. Понимая, что множество возможных продолжений исчерпать все равно нельзя, они стремятся создать арену для импровизаций. Где же, в каком дебюте искать эту арену? Королевский гамбит не всегда получается, ибо на e2—e4 теперь отвечают c7—c5. Играть черными королевский гамбит тоже было бы неплохо, но на 1. e2—e4 e7—e5 никто не ходит 2. f2—f4, и черным приходится терпеть испанские пытки до 20-го хода. Против староиндийской разработали позиционные системы, которые оставляют черным слишком мало реальных контршансов. Защита Нимцовича развивается в духе чисто позиционных построений. Каков же прогноз? На наш взгляд, можно надеяться, что нынешний тяжелый для комбинационных шахмат дебютный период будет сменен возвратом к ферзевому гамбиту.

И тут-то вспомнят меранскую систему, которая внесла столько красоты и столько страстей в шахматное искусство. Эта система — ровесница Д. Бронштейна — родилась в 1924 году в знаменитой партии Э. Грюнфельд — А. Рубинштейн из турнира в Мерано.

Вот исходная позиция.

рическом развитии», хотя на обложке книги написана фамилия не Бронштейна, а другого автора.

№ 24. Славянская защита

Бронштейн **Левенфиш**

Полуфинал XV чемпионата СССР
Ленинград, 1946

1. d2—d4	d7—d5
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	c7—c6
4. Kg1—f3	Kg8—f6
5. e2—e3	Kb8—d7
6. Cf1—d3	d5 : c4
7. Cd3 : c4	b7—b5
8. Cc4—d3	a7—a6
9. e3—e4!	c6—c5!

Ходы белых и черных в равной мере заслуживают восклицательных знаков. В них отражена идея меранской системы, которую высоко оценивал Алехин. Вот что он писал по этому поводу: «...считалось до сих пор доказанным, что белым (после 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 c6 4. Kf3 Kf6) достаточно сыграть 5. e2—e3 с целью через несколько ходов сделать прорыв e3—e4, что даст им обладание большим пространством, и они упрочат свое осязательное преимущество (именно 5. . . Kbd7 6. Cd3 Cd6? 7. e4 и т. д. к выгоде белых). Но Рубинштейн доказал своей меранской партией против Грюнфельда, что черные, вместо того чтобы по-обезьяньи повторять ходы противника (Cf1—d3, Cf8—d6), могут достичь путем диверсии на ферзевом фланге игры

с богатыми шансами: 6. . . d5 : c4 7. Cd3 : c4 b7—b5 8. Cc4—d3 a7—a6, и белые никак не могут воспрепятствовать завершающему систему ходу c6—c5».

Алехин считал преждевременным произносить окончательное суждение о ценности этого способа игры, но отмечал, что черные получают гораздо более полную игру, чем в большей части оборонительных вариантов ферзевого гамбита. Другими словами, меранская система — защита с контршансами.

10. e4—e5 . . .

Пятнадцать лет спустя после открытия меранской системы английский аналитик Рейнолдс предложил другой план: 10. d4—d5.

10. . . . c5 : d4

Здесь возможна контратака 10. . . Kg4 с прекрасной идеей — разбить центр белых ходом c5 : d4 в тот момент, когда пешка e5 будет под ударом обеих коней, и таким путем полностью уничтожить центр противника, не допуская при этом создания слабостей ни на ферзевом, ни на королевском фланге черных. Замысел этот превосходен, но, как и все слишком хорошие замыслы, невыполним. Ресурсы, мобилизованные черными, явно недостаточны для решения столь масштабной задачи, как уничтожение всего белого центра.

11. Kc3—e4! . . .

Атака Фреймана. Белые отказываются от главного варианта 11. К : b5 и жертвуют пешку всерьез и надолго — желательного до мата. Они не остановятся и перед дальнейшими жертвами, когда их к этому приведут логика и эстетика.

Шахматист своеобразного и глубокого таланта, С. Н. Фрейман, участник многих дореволюционных турниров и нескольких первенств страны, одним из первых понял значение форсированных вариантов в современной дебютной борьбе. Он начал применять изобретенное им в меранской системе гамбитное продолжение в ташкентских турнирах, затем выступил с ним на первенстве СССР 1927 года и, наконец, в 1928 году опубликовал в журнале «Шахматы» аналитическую статью под названием «Антимеранский вариант, или ташкентский вариант меранской защиты».

В течение ряда лет Фрейман искал и находил все новые достоинства своего любимого детища и все новые недостатки в других методах атаки белых. И хотя атака Фреймана давно уже вышла из моды, но она сыграла свою роль тем, что раскрыла многообразие и красоту атакующих идей, не раз использованных впоследствии в других партиях и вариантах.

Оценивая поведение Бронштейна в данной партии, следует иметь в виду, что он в 1946 году еще далеко не был «Бронштейном» и не был даже гро-

смейстером. Он шел на громадный риск, играя опровергнутый в то время вариант против признанного знатока меранской системы — Григория Яковлевича Левенфиша. Ему, как он впоследствии объяснил, хотелось сделать приятное одному из своих друзей — большому любителю меранской системы и вместе с тем почтить память незадолго перед тем умершего маэстро С. Н. Фреймана.

11. . . . Kf6—d5

12. 0—0 Cc8—b7

На наш взгляд, едва уловимая неточность, но скорей всего — сознательный отход от главного варианта. Черные задумали выиграть пешку e5, но не слишком ли дорогую цену им придется заплатить? Здесь правильной было бы 12. . . . Ce7, как это, между прочим, отметил и сам Левенфиш за 7 лет до этой партии.

13. Cc1—g5! Фd8—b8

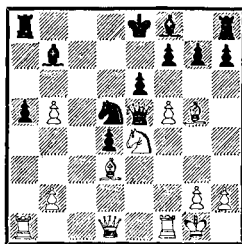
14. a2—a4 Kd7 : e5

15. Kf3 : e5 Фb8 : e5

16. a4 : b5 a6—a5

17. f2—f4 Фе5—b8

18. f4—f5 Фb8—e5

Если бы черным удалось рокировать, то они благодаря силь-

ным центральным пешкам имели бы полноправную игру. Но как для крупного выигрыша в лотерее не сходится лишь одна цифра, так и для рокировки все время не хватает одного темпа.

19. b5—b6! . . .

Грозит не более и не менее чем мат — 20. Фa4. Конечно, эту угрозу можно отразить многими способами, но каждый из них имеет свой недостаток. Если, например, 19. . . К : b6, то 20. fe fe 21. Фb3. Если же 19. . . Се7, то 20. fe или 20. Фa4+.

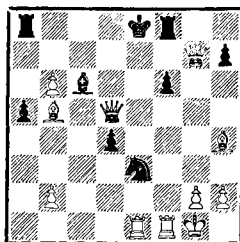
19. . . . Cf8—d6
20. Ke4 : d6+ Фе5 : d6
21. f5 : e6 f7—f6

Если 21. . . fe, то очень неприятно 22. Фf3 Лf8 23. Фh5+, затем Л : f8+ и Ф : h7.

22. Фd1—h5+ Кре8—d8
23. Cg5—h4 . . .

Среди множества возможностей был и такой вариант — 23. Лаe1 fg 24. e7+ К : e7 25. Ф : g5. Мертвая связка при открытом положении черного короля обеспечивает белым победу. Так постепенно в волне комбинационных осложнений позиция черных из опасной превращается в тяжелую, а затем и в безнадежную.

23. . . . Фd6 : e6
24. Ла1—e1 Кd5—e3
25. Фh5—c5 Фе6—d5
26. Фc5—c7+ Кpd8—e8
27. Фc7 : g7 Лh8—f8
28. Cd3—b5+ Cb7—c6

29. Лf5.

Ладья идет под двойной удар. Брать ее, очевидно, нельзя из-за мата. Самое обидное, что и ферзем на g2 тоже брать нельзя, ибо (29. . . Ф : g2+ 30. Ф : g2) у черных связаны как слон с6, так и конь e3.

29. . . Фе4 30. Ле5+!!

Та же ладья, и снова под двойной удар с неизбежным на сей раз матом. Если же 29. . . Фе6, то все равно 30. Ле5!! — без шаха, но с матом. Здесь показана найденная А. Константинопольским красивая возможность. Суровая реальность была иной... Последние 10 ходов были сделаны в сильнейшем цейтноте. Белые несколько раз могли ускорить финал, например 30. Л : f6.

29. Cb5 : c6+ Фd5 : c6
30. Ch4 : f6 Лf8—f7
31. Фg7—g8+ Лf7—f8
32. Фg8—g5 Кре8—d7
33. Лf1—f2 Фc6 : b6
34. Фg5—g7+ Кpd7—c6
35. Cf6 : d4 Лf8 : f2
36. Cd4 : e3 Фb6 : b2
37. Ле1—c1+ Кpc6—b5
38. Фg7—b7+ Кpb5—a4

39. Лс1—с4+ Кра4—а3
 40. Се3—с1. Черные сда-
 лись.

ФЕРЗЬ-ОДИНОЧКА

Все участники турнира в Гётеборге отдавали должное Бронштейну за его красивую игру в партии с Кересом, но раздавались и отдельные голоса, упрекавшие его в легкомыслии — нельзя жертвовать две пешки и фигуру, не рассчитав все последствия. Гроссмейстер Е. Геллер без устали доказывал, что черные могли бы защититься, а Бронштейн отмалчивался, предвидя свою предстоящую встречу с Геллером в седьмом туре.

Полагая, что Геллер психологически себя подготовил к принятию любой жертвы, Бронштейн подыскивал подходящий вариант, чтобы пожертвовать, но не слишком много. Нет сомнения, что Геллер был не прочь повторить черными избранное Кересом начало партии и посмотреть, отдаст ли ему Бронштейн снова слона... Однако у Бронштейна иное на уме.

№ 25. Сицилианская защита

Бронштейн

Геллер

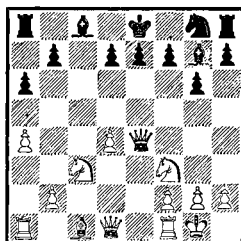
Межзональный турнир
 Гётеборг, 1955

1. e2—e4 c7—c5
 2. Kgl—f3 Kб8—c6
 3. Cf1—b5 ...

В то время не очень популяр-
 ный ход в сицилианской защите,

а ныне — один из распростра-
 ненных. Слон питает явное на-
 мерение разменять черного коня
 и тем в известной мере раскры-
 вает стратегические планы бе-
 лых. В данном случае этот ход
 связан с намеченной Бронштей-
 ном жертвой центральной пеш-
 ки.

3. ... g7—g6
 4. c2—c3 Cf8—g7
 5. d2—d4 Фd8—b6
 6. a2—a4 c5 : d4
 7. 0—0 a7—a6
 8. Cb5 : c6 Фb6 : c6
 9. c3 : d4 Фc6 : e4
 10. Kbl—c3 ...

Итак, Геллер взял пешку, ожидая, быть может, что Бронштейн где-нибудь пожертвует еще одну, а там, глядишь, и слона. Теперь белые быстро развивают свои фигуры, нападая на ферзя, который был бы рад вернуться домой, но у него нет дороги. Если он пойдет, например, на с6, то сильно 11. Cf4.

10. ... Fe4—f5
 11. Лf1—e1 ...

На 11...d6 последовало бы 12. Ke4 с тихой угрозой К : d6+. Поэтому черные отнимают поле e4 у коня, но надолго отдают

поле е5 под контроль белых фигур.

11. . . . d7—d5
12. a4—a5 Cc8—d7

И этот ход почти вынужден, ибо белый конь, которого не пустили на е4, хотел изменить свой маршрут и проскочить через a4 на b6, где его присутствие было бы крайне досадно для черных. Однако теперь ослаблена пешка b7, что белые и фиксируют выпадом ферзя.

13. Фd1—b3 Kg8—f6

Геллер согласен вернуть лишнюю пешку, чтобы по крайней мере рокировать, но время для рокировки еще не наступило.

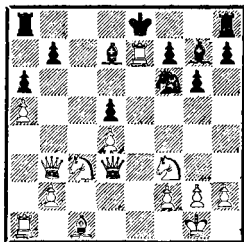
14. Ле1—e5! . . .

Легко видеть, что на g4 ферзь будет пойман путем 15. h3. Поэтому Геллер командирует ферзя на единственное доступное ему поле...

14. . . . Фf5—d3

Бронштейн молниеносно отвечает

15. Ле5 : e7+ . . .

15. . . . Kpe8 : e7
16. Kc3 : d5+ Kf6 : d5

17. Фb3 : d3 . . .

И черный ферзь завершил свой жизненный путь.

- Красив закулисный вариант:
15. . . Kpf8 16. Л : f7+! Kp : f7
17. Ke5+.

17. . . . f7—f6
18. Cc1—d2 Kpe7—f7

На стороне белых ощутимый материальный перевес, но было бы ошибкой считать, что оставшееся — дело элементарной техники. Есть позиции, в которых черным удастся построить крепость, обеспечив взаимную защиту своих фигур. Удалось же Лилиенталю сделать с Флором ничью в Будапеште, имея ладью с пешкой против ферзя с пешкой! Бронштейн разыгрывает это окончание точно.

19. Фd3—b3 Cd7—c6
20. Kf3—e1 Lh8—e8
21. Kel—d3 Le8—e6
22. Ла1—c1 Cg7—f8?

Конечно, Геллер слишком уж упростил задачу белых. Однако грозило и 23. Kb4, и 23. Kc5, и 23. Лс5. Партию удержать становится все труднее.

23. Лс1 : c6. Черные сдались.

Можно ли на основе этой партии сделать вывод, что в дебюте не следует в ущерб развитию принимать в дар пожертвованную пешку? Нет, нельзя.

Известны партии — среди них и партии Р. Фишера, — когда черные в дебюте берут не то что центральную, а самую от-

даленную пешку — b2, обрекая ферзя на серьезный риск застрять в опасном захолустье и не возвратиться в свой лагерь. Вопрос решается расчетом.

Немало есть молодых шахматистов, достигших силы и славы благодаря природному таланту к далекому расчету вариантов, которые к «принципам» относятся как к предрассудкам. Схватить пешку и держать ее зубами, не страшась ни атаки, ни позиционного перевеса противника, — такая манера игры принесла им немало очков в современных турнирах. Дело в том, что игра без пешки у многих шахматистов вызывает — порой подсознательно — депрессивное состояние и приводит к ошибкам. У многих, но не у Бронштейна. Имея пешкой меньше, он испытывает прилив энергии и творческих сил и начинает играть, как говорили в киевском Дворце пионеров, «в бисову силу».

НА ТРЕТЬЕМ ВИТКЕ

Развитие венгерских шахмат заслуживает специального исследования. Еще во времена империи Габсбургов, когда венгерские шахматисты официально были вынуждены выступать как представители Австро-Венгрии, они прославили шахматное искусство произведениями Рудольфа Харузека, Гезы Мароци, Рихарда Рети. В послевоенной Венгрии эту традицию продолжил многолетний лидер венгерских

шахмат Сабо Ласло, а в последнее время — Портиш Лайош.

(Я не случайно пишу имя после фамилии — так полагается по законам мадьярского языка. Не случайно и язык назван не венгерским, а мадьярским. Вся Европа называет Венгрию Венгрией, но жители этой страны знают только Мадьярию — «Модьярорсаг», и сами они «модьярок» — мадьяры, и язык мадьярский). И хотя исторически мадьярский народ подвергался сильнейшим влияниям с Юга, Востока и Запада, свою самобытность он сберег, и это проявляется, в частности, в шахматах. Современным венгерским шахматистам присущи такие черты, как техничность, здравый смысл, упорство, вера в значимость материального преимущества. Венгрия — одна из передовых шахматных держав. Ее команда неизменно занимает высокие места в олимпиадах, а Сабо Ласло и Портиш Лайош много раз боролись в турнирах претендентов за мировое шахматное первенство.

Партии Сабо с Бронштейном всегда были содержательны и бескомпромиссны: в Стокгольме (1948), в Будапеште (1950), в Цюрихе (1953) и в других соревнованиях.

Некоторая присущая Сабо небрежность в дебютах, уверенность его в том, что он в середине или в эндшпиле всегда найдет путь к победе, позволяли, как правило, Бронштейну управлять течением партии, но в даль-

нейшей борьбе Сабо всегда на-
ходил контршансы. Так было и
в Цюрихе.

№ 26. Защита Нимцовича

Бронштейн

Сабо

Турнир претендентов
Швейцария, 1953

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	Cf8—b4
4.	Kg1—f3	c7—c5
5.	e2—e3	0—0
6.	Cf1—e2	...

Чаще играют 6. Cd3, но это
еще большой вопрос, что лучше.
Есть свой смысл в том, чтобы не
загромождать пока линию «d».

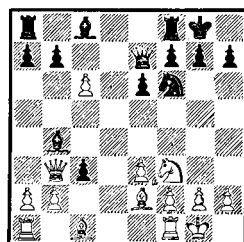
6.	...	d7—d5
7.	0—0	Kb8—c6
8.	c4 : d5!	...

Бронштейн разыгрывает де-
бют с филигранной точностью.
Его идея раскрывается сле-
дующими вариантами: 8. . . K :
d5 9. K : d5 Ф : d5 10. a3 Ca5
11. dc. Если на девятом ходу
черные бьют не ферзем, а пеш-
кой, то все равно 10. a3 и 11. dc.

Поэтому у черных возникает
альтернатива — или согласи-
ться после 8. . . ed на изолирован-
ную пешку, или же вести сим-
метричную игру, что связано
с риском. Сабо выбирает второй
путь.

8.	...	c5 : d4
9.	d5 : c6	d4 : c3
10.	Фd1—b3!	Фd8—e7

Продолжая симметрию —
10. . . Фb6, — черные оставались
без пешки (11. bc Cc5 12. Kd4).
По мнению Бронштейна, это бы-
ло лучше, чем ход в партии, но
Сабо не любит отдавать пешки,
не видя, когда и как можно бу-
дет их отыграть.

11.	Kf3—e5!	Cb4—d6
12.	Ke5—c4	c3 : b2
13.	Cc1 : b2	Cd6—c5

Единственный ход. Грозило
14. K : d6 и 15. Ca3. Черный
ферзь перегружен ответствен-
ными обязанностями защиты пе-
шки b7 и слона d6.

14.	Ce2—f3	Kf6—d5
15.	Kc4—e5	b7 : c6

Партия черных плоха. После
16. K : c6 не проходит 16. . .
Фg5 ввиду 17. h4, и ферзь не
может взять пешку: 17. . . Ф : h4
18. C : d5 ed 19. Фc3. Если же
16. . . Фc7 или 16. . . Фb7, то тоже
17. C : d5 ed 18. Фc3. На 16. . .
Фd6 белые отвечают 17. e4, а
на 16. . . Фd7 после 17. C : d5
Ф : d5 18. Ф : d5 ed 19. Лаc1 вско-
ре выигрывают пешку d5.

Бронштейн вместо 16. K : c6
двинул пешку «e». Он «не заме-
тил» возможности 17. h4 в слу-

чае отхода ферзя на g5. Такие затмения бывают, оказывается, и у гроссмейстеров.

Как бы то ни было, партия двинулась на второй виток — некоторое преимущество у белых осталось, на его основе Бронштейн строит новую стратегию.

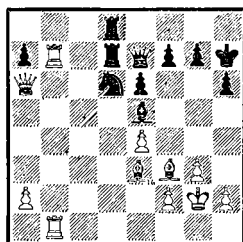
16.	e3—e4	Kd5—f6
17.	Lf1—c1	Cc8—d7
18.	Фb3—c3	Cc5—b4
19.	Ke5 : c6	Cd7 : c6
20.	Фc3 : c6.	...

Итак, белые приобрели так называемое «преимущество двух слонов». В данном случае это преимущество подлинное, без кавычек, ибо на плацдарме полностью очищены от пешек три вертикали, а конь по природе своей не бегун, а прыгун*, он любит не прерии, а барьеры.

И в дальнейшем течении партии, заметьте, этот прыгун так и не покажет носу в горячих точках; он нуждается в опоре, но ее не находит. Вот маршрут этого коня: 25. ... Kf6—e8 29. ... Ke8—d6, 36. ... Kd6—c8, 38. ... Kc8—d6, 45. ... Kd6—e8.

20.	...	La8—d8
21.	Lc1—c4	Ld8—d2
22.	Cb2—c1	Ld2—d7
23.	Cc1—e3	Cb4—d6
24.	Фc6—a6	Lf8—d8
25.	La1—b1	Kf6—e8
26.	g2—g3	Cd6—e5
27.	Kpg1—g2	h7—h6
28.	Lc4—b4	Kpg8—h7
29.	Lb4—b7	Ke8—d6

* Springer — по-немецки.

Итак, определился новый план, который Бронштейн маскировал в течение девяти ходов, перемежая целесообразные маневры сложными движениями. Он атакует пешку a7, заставляя вызвать для ее спасения не имеющего пристанища коня. После того как этот неудачник попадает под двойную связку, положение черных вновь становится критическим.

30.	Lb7 : d7	Ld8 : d7
31.	Ce3—c5	Ld7—c7

Сейчас ходом Фа3 белые могли усилить связку, а угроза Ld1 практически вынуждала черных отдать пешку a7. Однако Бронштейн вторично не нашел лучший ход.

32.	Cc5—a3	Фe7—d7
33.	Lb1—c1	Lc7 : c1
34.	Ca3 : c1	Ce5—d4
35.	e4—e5	Cd4 : e5

Единственный уязвимый пункт позиции черных — это пешка a7, поэтому белые бросают в битву последний ресурс, чтобы отвлечь черного слона от диагонали g1—a7 и особенно не допустить его на b6.

Теперь партия пошла на третий виток. У белых пешкой меньше. Они стремятся продвигать

нуть свою пешку до а6, а затем нажать на пешку а7, используя монопольное владение пунктом b7. Допустив на пройденных двух витках две неточности, Бронштейн вознаграждает теперь шахматы, соединив стратегию, тактику и расчет на этом третьем витке.

36. Cc1—e3 Kd6—c8
37. a2—a4 . . .

Для белых очень важно подтянуть пешку до а5 и отнять у черных фигур поле b6. Чтобы освободить коня с8, черные ставят на b8 слона; оба эти поля в равной мере горьки для черных фигур.

37. . . . Ce5—b8
38. a4—a5 Kc8—d6
39. Ce3—f4 f7—f6
40. Фа6—d3+ Kph7—g8
41. a5—a6 . . .

Приколачивая к месту пешку а7. Теперь альтернатива «выигрыш или ничья» зависит от того, найдут ли белые средства помешать ходу е6—е5.

41. . . . Kpg8—h8
42. Фd3—b3 . . .

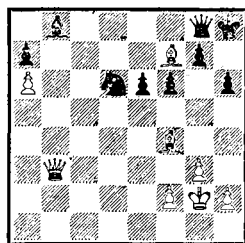
Начиная интересную непрерывную атаку ферзем и белопольным слоном, Бронштейн хотел бы вынудить ход f6—f5. Сабо, напротив, стремится к е6—е5.

42. . . . Фd7—e8
43. Cf3—h5 . . .

Комбинация на тему перегрузки ответственного ферзя. Од-

на из подведомственных ему пешек неизбежно погибает.

43. . . . Фе8—g8
44. Ch5—f7 . . .

44. . . . Фg8 : f7
45. Фb3 : b8+ Kd6—e8
46. Фb8—b7 . . .

Вот когда пригодилась пешка на а6. Забавно, что оба слона белых обошли черные пешки с тыла.

46. . . . Фf7—h5
47. h2—h3 Kph8—h7
48. Фb7 : a7 e6—e5
49. Cf4—e3 e5—e4
50. Фа7—e7 Черные сда-

лись.

ПСИХОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ШАХМАТНОЙ КОМБИНАЦИИ

Это — рассказ о том, как постепенно из отдельных молекул сложилась идея одной из самых замечательных шахматных комбинаций, и о том, сколько психологических и расчетных усилий понадобилось, чтобы заманить партнера, сильнеешего гроссмейстера, на исходную позицию, в которой стал возможен завершающий удар.

Бронштейн выступает в данном случае не только как участник комбинации, но и как автор расказа, ибо он по свежему впечатлению, когда еще сохраняли свою яркость все краски творчества, в обширной заметке (она не публиковалась) * успел описать процесс синтеза идей и несколько раскрыл технологию зарождения шахматной комбинации.

Речь идет о его партии со Светозаром Глигоричем — многолетним лидером югославских шахмат. Еще в 1947 году, совсем молодым человеком, он приехал впервые в Советский Союз, будучи приглашен на первый мемориал М. И. Чигорина. После этого он много раз выходил в международные турниры и в турниры претендентов. Чтобы сохранить ведущее положение в такой шахматной стране, как Югославия, надо быть очень талантливым и техничным гроссмейстером.

Что касается личных качеств С. Глигорича, то это общительный человек и разносторонний деятель культуры. Во время войны он активно участвовал в сопротивлении и получил ласковое прозвище «Глига» и еще — «Титов партизан», которым он по справедливости гордится.

Он очень хорошо знает дебюты, упорен в позиционной игре, изобретателен в защите, искусно управляет большими мас-

сами фигур, координирует их действия, но есть у него любопытная, подмеченная Бронштейном, черта — он не любит штурмовать пешками.

Встречи Глигорича с Бронштейном удивительным образом складывались так, что югославскому гроссмейстеру почти всегда выпадал черный цвет. Они сыграли между собой не менее 10 партий, и Глигорич играл белыми разве только в двухкруговых турнирах. Как будто кто-то в небесах запрограммировал: «А, опять Бронштейн с Глигоричем! Ну, дадим Бронштейну белый цвет». Бывают же такие совпадения! Возможно, этим отчасти и объясняется удачный для Бронштейна исход их встреч между собой *.

Но в партии, о которой идет речь, Глигорич, как видно, решил взять реванш. Играя и на этот раз черными, он полностью расчистил от пешек три важные вертикали, расположил на них свои тяжелые фигуры, а по пятой горизонтали соорудил линию Мажино как базу для решающей контратаки. С этой позиции мы и начнем разбор, но для порядка приведем предшествовавшие ходы. Итак...

№ 27. Испанская партия Бронштейн Глигорич

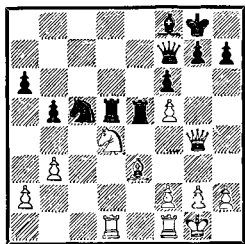
Международный турнир в честь
50-летия Октября
Москва, 1967

1. e2—e4 e7—e5
2. Kgl—f3 Kb8—c6

* Частично она была опубликована в газете «Шахматная Москва» осенью 1967 г. вместе с хронограммой.

* Счет встреч Бронштейн — Глигорич
+4—0=8.

3.	Cf1—b5	a7—a6
4.	Cb5—a4	Kg8—f6
5.	0—0	Cf8—e7
6.	Ca4 : c6	d7 : c6
7.	d2—d3	Kf6—d7
8.	Kb1—d2	0—0
9.	Kd2—c4	f7—f6
10.	Kf3—h4	Kd7—c5
11.	Kh4—f5	Cc8 : f5
12.	e4 : f5	Lf8—e8
13.	b2—b3	Фd8—d5
14.	Cc1—b2	e5—e4
15.	Kc4—e3	Фd5—f7
16.	d3—d4	Kc5—d7
17.	Фd1—g4	c6—c5
18.	Фg4 : e4	c5 : d4
19.	Cb2 : d4	c7—c6
20.	Ла1—d1	Kd7—c5
21.	Фе4—g4	Ce7—f8
22.	Ke3—c4	Ла8—d8
23.	Cd4—e3	b7—b5
24.	Kc4—d2	Ld8—d5
25.	c2—c4	Ld5—d8
26.	c4 : b5	c6 : b5
27.	Kd2—f3	Ld8—d5
28.	Kf3—d4	Le8—e5

У белых, правда, есть пока лишняя пешка, но это преимущество чисто символическое, ибо ей долго не прожить. В этот момент Бронштейн всерьез задумался о своих перспективах и нашел их не очень оптимистичными.

29. Лd1—d2 . . .

Чтобы на 29. . . Фd7 иметь отскок 30. Kf3 и, отдав обреченную пешку f5, разменять хотя бы одну пару ладей.

29. . . . Фf7—d7

После этого ответа Глигорича Бронштейн предложил ничью и считает этот свой ход самым сильным в партии. Этим предложением он дал понять, что находит свое положение неважным, и укрепил намерение Глигорича нажать на позицию белых. В действительности же Бронштейн помышлял совсем о другом.

Он заметил, во-первых, что в тылу у черных осталось совсем немного сил, — в сущности, один слон на f8, который играет роль не защитника, а скорее коменданта. Если предположить, что белые ладьи проникли на седьмую-восьмую горизонталь, то этот слон должен своим оружием защищать пункт g7, а своим телом прикрывать короля. Если бы это был реальный, а не шахматный слон, ему такая нагрузка, возможно, была бы по силам. Но ведь это у нас он слон, а на других языках — «бегун», «епископ», «безумец»! Быть может, данному слону f8 в данной партии более подходит какой-нибудь из этих эпитетов?

Бронштейн заметил, во-вторых, что если выманить ферзя с седьмой горизонтали или, лучше, выгнать его оттуда, а короля вытащить на f7, то белый ферзь

сможет дать шах с h5 и вдвоем с ладьей заматует черного короля прежде, чем главные силы придут к нему на помощь. На космических скоростях он начинает считать варианты и убеждается, что белый король из-за отсутствия у него запасного выхода сам может получить «линейный» мат на один ход раньше своего черного собрата.

Итак, он оставляет на d2 ладью как приманку для коня (Kc5—e4), побуждая его открыть линию «с», и играет

30. Lf1—c1 . . .

Глигорич, отклонив ничью, хочет найти такую конструкцию, которая до предела стеснит партнера.

30. . . . b5—b4

Теперь он грозит Kc5—e4—с3, усиливая зажим. Бронштейн в восторге!

31. h2—h3 . . .

Он лихорадочно просчитывает варианты. «Меня особенно заботила позиция, которая возникла после вступительных ходов 30. . . . Ke4 31. Ldc2 Л : d4 32. Lс7. Слишком много отступлений у черного ферзя! Да и должен ли он отступать? Не могут ли черные создать ответную сильную угрозу? Ходы пешками? 32. . . . h5? Нет, 33. Ф : h5. Все идеи сохранились... Тогда конем, но ходы конем я уже проверял. Все равно — еще раз! Хорошо. Конь в центре доски имеет восемь ходов, поле f6

занято, осталось семь. Семь отскоков. Если на поле g3, то просто 33. fg Ф : с7 34. Ф : d4 и эффектное 34. . . . Ф : c1 +! 35. Се3 : c1 Ле5—e1 +!! — удар по воде. Хитрый белый король прячется на поле h2. Ай да молодец пешка h2, вовремя ушла — потеснилась! Ну ладно, семь было, осталось шесть. Конь g5, ферзь берет ладью d4, конь d2, то же самое, конь d6, ферзь берет d4. Вроде все правильно. Остались ходы на линию «с». Ну да это далеко от короля! Однако проверить надо бы. Если конь с5, то просто Л : d7 Л : g4 и С : с5, отыгравая коня, а в случае Kc3 — похожий вариант: Л : d7 Л : g4 и Л : с3, и тут белые отыграли коня, сохранив пешку.

Как будто все в порядке. Только мне что-то не верилось, очень уж шаткая конструкция Lc1+ Ld2+ Фg4, нет прямых связей между фигурами — все косвенные! Надо бы посчитать еще разок, нет ли какой-нибудь трещины? И мозг опять приступил к черновой счетной работе: ход на ход...»

31. . . . Kc5—e4

Итак, Глигорич после недолгого раздумья передвинул коня на e4, а Бронштейна, как он рассказывает, смущало теперь лишь одно — не слишком ли мало фигур останется у белых для завершения атаки? Шлем запрос белому ферзю. Его ответ: «Что ж, мы на зимние квартиры? Я уж сам не знаю, сколько вре-

мени, как прикованный страж, караулю поле h5, мечтаю с шахом промчаться к полю e8. Я и пешку f5 держу как преграду, чтобы охраняла меня от угроз по пятой горизонтали... Вы мне только покажите короля на f7, а дальше — не ваша забота, у меня есть заготовленная программа — и перфокарта пробита и заложена в оперативную память, — могу в темпе блиц на флажке дать мат не позднее шестого хода... И для этого всего мне только одну ладью нужно».

«Получив обнадеживающее заверение от такого ответственного лица, как ферзь, — говорит Бронштейн, — я спокойно играю...

32. Лd2—c2 . . .

...как будто примирился с потерей двух фигур за ладью».

Теперь у черных альтернатива: брать ли сразу эти две фигуры или завершить маневр коня на c3. В последнем случае надо считаться с 33. Ке6, например 32. . . Кс3 33. Ке6 Ле4 34. Л : с3 Л : g4 35. Лс8 Лd1+ и т. д.

Надо было проникнуть в психологию Глигорича, понять его состояние, знать его характер, чтобы решиться на эту комбинацию, — он, конечно, взял коня.

32. . . . Лd5 : d4

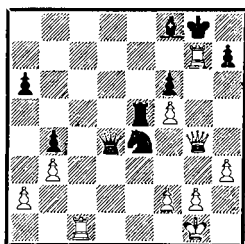
33. Лс2—с7! . . .

Очень важно! Страшной ошибкой было бы импульсивное взятие ладьи.

33. . . . Фd7—d5

34. Се3 : d4 Фd5 : d4

35. Лс7 : g7+!! . . .

35. . . . Cf8 : g7

36. Лс1—с8+ . . .

Десять раз я разыгрывал эту комбинацию, если не двести, и не могу удержаться от радостной улыбки, когда наблюдаю тщетные усилия слона закрыть сразу и линию «g» и восьмую горизонталь. Если бы он мог раздвоиться, подобно главному герою пьесы «Чертова мельница», по принципу «черта с два»!

36. . . . Kpg8—f7

Aга!

37. Фg4—h5+ Kpf7—e7

38. Фh5—e8+ Kpe7—d6

39. Лс8—с6+ . . .

Здесь ладья сбилась с программы; заслуживало внимания Фd8×.

39. . . . Kpd6—d5

40. Фе8—d7+.

Черные сдались ввиду 40. . . Кd6 41. Л : d6+, и мат в следующий ход.

Ну, а если бы не b5—b4 на 30-м ходу, а сразу Кс5—e4? Тогда комбинация Бронштейна не проходила. Глигорич после

партии сказал, что он, разумеется, рассматривал это продолжение, но пришел к выводу, что активные ладьи плюс пешка f5 компенсируют ничтожное материальное преимущество.

Избранный им вариант с конем на с3 показался ему более надежным...

ПРАВО НА РИСК

На межзональном турнире в Бразилии (1973 г.) одним из фаворитов считался пылкий югославский гроссмейстер Любоевич. Действительно, он превосходно пошел со старта и после 10 туров вместе с Мекингом лидировал в турнире. О том, что произошло в 11-м туре, мы можем отчасти судить по впечатлениям очевидца, гроссмейстера Э. Гуфельда: «Успех бразильского гроссмейстера Мекинга (он выиграл у Смыслова), обычно восторженно встречаемый местной публикой, на этот раз остался незамеченным. Его затмила совершенно фантастическая партия Бронштейн — Любоевич... Бронштейн играл с поистине юношеской энергией. На 17-м ходу он пожертвовал даже ладью, а затем, к изумлению зрителей и участников, при полной доске фигур направился своим королем в самое пекло боя. Победа москвича была встречена овацией. В наше время мало кому удастся сыграть такую партию. Можно не сомневаться, что она будет отмечена первым призом за красоту».

И Гуфельд оказался прав. За эту партию действительно Бронштейну был присужден первый приз, как и много лет назад за партию с Кересом, еще до окончания турнира.

Любоевич вел форсированный вариант защиты Алехина по своим аналитическим разработкам по меньшей мере до 15-го хода и надеялся на верную победу. Но дело в том, что и Бронштейн, который по справедливости считается одним из лучших знатоков защиты Алехина, анализировал этот вариант еще 35 лет назад, стало быть, в пятнадцатилетнем возрасте. И не будучи подготовлен к конкретному избранному Любоевичем варианту, он руководствовался вначале идеями, а затем фантазией (в сочетании с расчетом, конечно). Пойдя на крайнюю степень риска, он создал такое художественное произведение, под которым, по словам Э. Гуфельда, охотно поставили бы свою подпись великие мастера прошлого.

№ 28. Защита Алехина

Бронштейн **Любоевич**

Межзональный турнир
Петрополис, 1973

1.	e2—e4	Kg8—f6
2.	e4—e5	Kf6—d5
3.	d2—d4	d7—d6
4.	c2—c4	Kd5—b6
5.	f2—f4	d6 : e5
6.	f4 : e5	...

Бронштейн играет штурмовой вариант защиты Алехина — ата-

ку четырех пешек. Семь ходов кряду он делает одними пешками. В других дебютах к этому времени белые успевают развить три легкие фигуры и рокировать. Здесь же у них две пешки в дальнем рейде, две открытые линии да один конь им в поддержку. Сегодня более модным считается продолжение позиционного типа 4. Kf3 Cg4 5. Ce2, но Бронштейн решил вспомнить молодость.

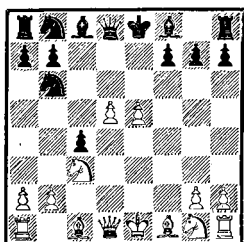
6. . . . c7—c5

Дерзкая мысль, которая промелькнула и исчезла, будучи признана несолидной.

7. d4—d5 e7—e6

8. Kbl—c3 e6 : d5

9. c4 : d5 c5—c4

Это и есть гвоздь всего варианта, и, надо сказать, гвоздь для белых довольно досадный. Черный слон хочет выйти на c5, придерживая в центре белого короля. Если же белые поторопятся занять эту диагональ, сыграв Ce3, то после 10. . . .Cb4 у них начнутся заботы об оторвавшейся от базы пешке d5. В этой обстановке Бронштейн принимает принципиальное решение — он идет на форсированную игру,

опираясь на сильный пешечный центр и открытые линии. Более осторожной натуре соответствовал бы ход 10. d6.

10. Kg1—f3 Cc8—g4

11. Фd1—d4 Cg4 : f3

12. g2 : f3 Cf8—b4

13. Cf1 : c4 . . .

Черные спешат рокировать, чтобы приступить к атаке на открытого белого короля, не останавливаясь перед жертвой пешки. Если белые начнут думать о безопасности короля, то их центр треснет, как каштан на сковородке. Уже сейчас, между прочим, грозило 13. . .Ф : d5, а при случае и Kc6. Фактически белые были уже обязаны взять пешку c4, но тем самым Бронштейн выдал вексель на предстоящую через четыре хода жертву ладьи.

13. . . . 0—0

14. Лh1—g1 g7—g6

15. Cc1—g5 Фd8—c7

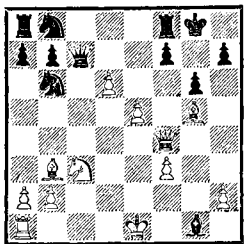
Черные создали две сильные угрозы — взять слона c4 и ходом Cc5 выиграть не качество, а целую ладью. Отразить их можно лишь вычурным ходом Лg4. Не ради этого, конечно, белые подняли ураган на доске. И вот

16. Cc4—b3! Cb4—c5

17. Фd4—f4 Cc5 : g1

18. d5—d6 . . .

Выясняется, что с лишней ладьей партия черных висит на волоске. Если, например, 18. . .Фс6, то возможно 19. e6 fe 20.

С : е6+ и 21. Ch6+. Если же 18. . . Фс5, то Бронштейн имел в виду ответить 19. Ке4! Фе3+ 20. Ф : е3 С : е3 21. С : е3 Кс6 22. f4, и позиция черных безнадежна.

18. Фс7—с8
19. Кре1—е2 . . .

До 19-го хода Любоевич играл очень быстро, в темпе блица, желая создать психологическую обстановку превосходства и при этом заставить партнера тратить много времени исключительно за свой счет для обдумывания сложных вариантов, которые сам Любоевич уже заранее проанализировал.

В азарте поединка он настолько вошел в ритм блица, что с разбегу мгновенно сделал ход...

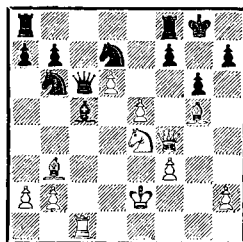
19. Сg1—с5

...как раз в тот момент, когда следовало обстоятельно обдумать сложившуюся ситуацию. Он отказался от 19. . . Фс5, полагая, что ответ 20. Ке4, как было только что показано, приводит к проигрышу черных. Но теперь, когда белый король переместился на е2, появилась возможность шаха Фb5+. Что же касается

наиболее грозного в этом варианте 19. . . Фс5 20. е6, то неожиданным маневром 20. . . К8d7 21. ef+ Кpg7 22. Ch6+ Кph8! король уходит от шахов.

Итак, белые продолжают атаку без лады.

20. Кс3—е4 Кb8—d7
21. Лa1—c1 Фс8—с6

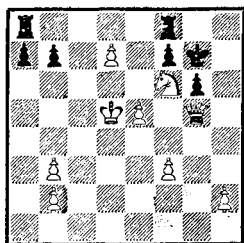
Батальная сцена в стиле Де-Лакруа. Белые фигуры нависли над убежищем короля, и нужно еще одно решительное усилие, чтобы с триумфом ворваться в крепость. Тем более что в стене уже сделан зияющий пролом.

22. Лc1 : c5 Кd7 : c5
23. Ке4—f6+ Кpg8—h8
24. Фf4—h4 Фс6—b5+

Отчаянная вылазка главных сил, приуроченная к цейтноту белых. У Бронштейна оставалось менее чем по одной минуте на ход, тогда как Любоевич всего-то затратил 30 минут на 24 хода.

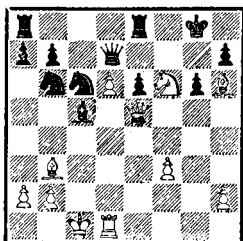
Далее следует финальный бросок белого короля, который, подобно Наполеону в сражении при Эрколе, со знаменем в руках лично пошел в атаку. Забудьте, что у черных уже не только лишняя ладья, но еще и качество.

25. Крe2—e3! h7—h5
 26. Кf6 : h5 Фb5 : b3+
 27. a2 : b3 Кb6—d5+
 28. Крe3—d4! Кc5—e6+
 29. Крd4 : d5! Ке6 : g5
 30. Кh5—f6+ Кph8—g7
 31. Фh4 : g5 Лf8—d8
 32. d6—d7 Лd8—f8

Здесь можно было бы и опустить занавес, но Любоевич по инерции играл до контроля. Достойным окончанием партии было бы 33. Кg4! Лh8 34. Фf6+.

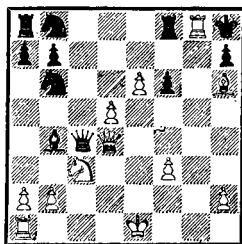
Остается дописать эпилог. Весь замысел Бронштейна со своеобразной жертвой ладьи, которая осталась стоять, так сказать, под стрелами врагов, был правилен, но ход 19. Крe2 неточен. Следовало рокировать в длинную сторону, и тогда после «нормального» 19. . .Сс5 (неизмеримо трудней была бы задача белых при 19. . .Фс5) 20. e6 fe 21. Фе5 Кd5 22. d7 Ф : d7 23.

К : d5 черные проигрывали. Или еще лучше 21. . .Ле8 22. Ch6 Фd7 23. Ке4 Кс6 24. Кf6+ (см. диагр.).

Бронштейну в предварительном расчете показалось, что конь попадает на поле f6 без шаха, и вот он двинул в бой короля. Получилась партия поистине необыкновенная и неповторимая...

Что же касается оценки варианта защиты Алехина с ходом 9. . .с5—с4, то оказалось, что и здесь скрывалась шахматная тайна. Незадолго до межзонального турнира в небольшом югославском городе Чачаке была сыграна партия Любоевич — Хонфи, идентичная данной партии, в которой Любоевич играл черными. Белые выиграли ту партию, поскольку черные на 14-м ходу не прикрыли линию «g» ходом 14. . .g7—g6, а сразу пошли ферзем на c7, на что последовало 15. e6! f6 16. Ch6 Ф : c4 17. Л : g7+ Кph8 18. Лg8+!

18. . .Крp : g8 19. Фg1+, и черные сдались.

А в партии с Бронштейном Любоевич «усилил» вариант за черных ходом g7—g6. Поэтому он и играл так быстро.

По замыслу автора эта книга завершается прокомментированными мной двадцатью четырьмя партиями матча на первенство мира 1951 года. Такая композиция в высшей степени отвечает моему старому желанию прокомментировать весь матч целиком.

Поскольку первое (в рамках ФИДЕ) состязание такого ранга имеет право на определенное место в шахматной истории, и особенно в истории советских шахмат, мне казалось, что цельное его освещение из первых рук будет интересно читателям. Но, кроме того, у меня есть и свой личный интерес.

Возвращаясь к далекому прошлому, я хотел бы еще раз пережить пережитое тогда, снова ощутить радость творчества, которая и сейчас столь же свежа. Вместе с тем мне хочется освободиться от груза досадных неясных воспоминаний, которые то и дело всплывают из подсознания и носят порой — я это чувствую — стрессовый характер.

Я понимаю, что задача моя нелегка. Не так-то просто найти краски для освещения событий, происходивших 25 лет назад. Перечитывая свои комментарии, я убедился, что сохранил объективность в описании шахматного механизма, что далеко не всегда удавалось другим. Что же касается острой психологической

борьбы в нашем матче, то здесь я запрограммировал свою субъективность.

Я никогда не соглашусь с пропагандой недружелюбного и даже враждебного отношения к своему партнеру по мотиву, что это будто бы помогает его победить. Эта линия в шахматах идет, как ни странно, от А. Нимцовича. В своей книге «Как я стал гроссмейстером» он советовал и другим шахматистам найти себе недруга и бороться против него как бы персонально. К сожалению, эта линия нашла продолжателей. Они были 25 лет назад, они есть и сейчас. Дальнейшее развитие такой психологии грозит перевести шахматное искусство на орбиту шахматного бизнеса. И те, кто утверждает, что цель шахматной борьбы — получить очко любой ценой, не должны удивляться, когда эта единица за океаном обрастает нулями и превращается в миллионы долларов.

Разумеется, и я, как всякий шахматист, стремлюсь к победе, она приносит мне радость, если удастся превзойти партнера логикой, фантазией, остроумием, знаниями, далеким расчетом...

Но настраивать себя на ненависть к партнеру, жертвовать богатством души ради очка в таблице — это шахматы нищих.

Что касается моего кредо, то я убежден, что шахматная ком-

бинация — одно из высших проявлений красоты в искусстве. В шахматной комбинации отражается справедливое, окончательное и необратимое разрешение конфликта, возникшего в процессе борьбы идей. В других искусствах, пожалуй, не найти столь ярких выразительных средств для разрешения коллизий. Конечно, это не значит, что следует насильственно решать борьбу комбинацией даже там, где ей нет места. В ясных логических позициях, хоть в них и меньше эмоций, есть своя неповторимая прелесть, и с годами я стал понимать это лучше.

№ 29. Голландская защита

Ботвинник

Бронштейн

1-я партия

1. d2—d4 e7—e6

Я демонстрирую Ботвиннику, что готов по его выбору принять бой во французской или голландской защите — дебютах, в которых он по справедливости считался крупным специалистом.

Для меня этот шаг психологически был важен. В дальнейшем я играл также староиндийскую, новоиндийскую, Нимцовича, Грюнфельда, несколько французских и голландских. Но сейчас я хотел показать своему партнеру и всему шахматному миру, что чувствую себя в дебютах непринужденно, даже в самых любимых дебютах чемпиона мира.

2. c2—c4

f7—f5

1-я партия матча вместе с несколькими другими была прокомментирована Ботвинником в капитальном, трехтомном труде, посвященном его творчеству (составитель В. Батурицкий). Комментарий Ботвинника к этой партии иначе как превосходными не назовешь. Я констатирую это тем более охотно, что он высоко оценил мою игру. «Последовательно и смело!», «правильный ответ», «хороший маневр» — таковы лестные для меня оценки авторитетного комментатора.

Поэтому в некотором отношении было бы проще всего воспроизвести (при согласии М. М. Ботвинника) его примечания, если бы не одно исключение.

В примечании ко второму ходу он пишет: «Итак, голландская защита. И это не случайно. В этом матче мой партнер применял, как правило, те начала, что я обычно избирал ранее. Он, видимо, считал, что заставляет меня бороться против моих «собственных» систем...

Такая «метода» представляет мне несколько наивной, если она не была вынужденной. Вероятно, все это основывалось на том, что у Бронштейна не было подготовлено что-либо существенное, а в таком случае и эта система неплоха. Результаты, однако, хорошими быть не могли — мне приходилось играть начала, которые я знал неплохо; конечно, это облегча-

ло мою задачу, если учесть, что три года я был оторван от шахмат».

Вот это место осталось мной непонятым. Если Ботвинник считает, что результат матча $+5-5=14$ для меня не хорош, то на какой же счет он рассчитывал, если бы я не «злоупотреблял» голландской защитой и другими его любимыми дебютами?

В этой связи я вспоминаю и еще одно высказывание М. М. Ботвинника — о том, что я при доигрывании проиграл ему три совершенно ничейных окончания. Он имеет в виду непостижимые промахи в 6, 19 и 23-й партиях. Здесь Ботвинник совершенно прав, но ведь эти ошибки в глубоким эндшпиле никак нельзя приписать неудачному выбору дебюта...

Итак, выходит, что если бы не просмотры в трех окончаниях, то счет матча был бы $+5-2$. На лучшее лично я, конечно, не рассчитывал. Таким образом, логика подсказывает, что в дебютах я был хорошо подготовлен, и, думаю, читатель в этом убедится при анализе партий.

3.	$g2-g3$	$Kg8-f6$
4.	$Cf1-g2$	$Cf8-e7$
5.	$Kb1-c3$	$0-0$
6.	$e2-e3$	...

Новинка, видимо специально подготовленная к матчу. Ботвинник применяет расстановку фигур, нередко приносившую ему успех белыми в английской партии и черными против за-

крытого варианта сицилианской защиты.

6.	...	$d7-d6$

«Староиндийская» реакция на английскую схему. Разница лишь в том, что слон стоит на $e7$, а не на $g7$.

7.	$Kg1-e2$	$c7-c6$
8.	$0-0$	$e6-e5$

«Черные добились полноправной игры... Дебютное преимущество белыми уже упущено» (М. Ботвинник). Не много же ходов понадобилось для этого! Сравните это с цитированным выше его же примечанием ко второму ходу... Так объективность гроссмейстера берет верх над субъективностью игрока.

9.	$d4-d5$	$\Phi d8-e8$

Ферзь торопится на поле $h5$ — привычное для него в голландской защите.

10.	$e3-e4$	$\Phi e8-h5$
11.	$e4 : f5$	$Cc8 : f5$
12.	$f2-f3$	...

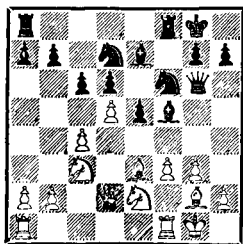
Защита от возможной угрозы $e5-e4$ с дальнейшим $Kbd7-e5-f3+$. Гроссмейстер Л. Сабо, находившийся на матче, предложил сильный ход 12. $c5$ с идеей в случае 12... dc продолжать 13. $\Phi b3$. Что я могу сказать на это?

Во время матча я этот ход подробно не рассматривал, поскольку не боялся жертвовать пешку $b7$, и, вероятно, ответил бы 13... $Kph8$ 14. $\Phi : b7$ $Kbd7$ 15. dc $Lab8$. Сейчас я вижу, что

это не столь уж заманчиво: 16. Фс7 Лfc8 17. Фа5, и никакой атаки у черных нет. Но я в тот год не считал Ботвинника крупным тактиком и был уверен, что за пешкой b7 он не погонится. Если читатель посмотрит в книгу, о которой я упоминал, то увидит, что Ботвинник высоко (слишком высоко?) оценивал мой комбинационный талант: оказывается, чемпион мира не сыграл 12. с5 из-за варианта 12. . . Ch3 13. cd C : d6 14. dc K : c6 15. Ф : d6 Лад8 16. Фс5 Kg4 17. f3 C : g2 18. fg Л : f1+ 19. Кр : g2 Фf7 с разнообразными угрозами белому королю. Bravo!

12. . . . Фh5—g6
13. Cc1—e3 Kb8—d7
14. Фd1—d2 . . .

Белые планомерно усиливают давление в центре. Их главная опора — пункт d5; однако эта опора рушится.

14. . . . c6 : d5

Неожиданное для белых решение. Теперь после 15. K : d5 K : d5 16. Ф : d5+ Се6 возникли бы трудности с защитой пешки c4. Приходится бить на d5 пешкой, которую черные начи-

нают обходить с фланга. Если же белые сыграют 16. cd, то слон переводится на a5 или b6, где он будет расположен весьма удачно.

15. c4 : d5 Ce7—d8

Однако с этим ходом можно было и не торопиться. Очень сильно было 15. . . h5.

16. Лa1—c1 . . .

Вялый ход. Лучше было 16. g4 Cd3 17. Лfd1 Ca6 18. Kg3. Если же 16. Kb5, то 16. . . Ke8 17. f4 Cd3.

16. . . . Cd8—a5

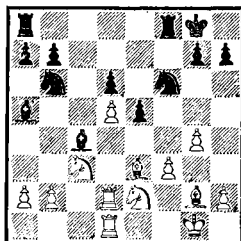
Препятствую 17. Лfd1 ввиду 17. . . Kb6 18. g4 Kc4 19. gf Ф : f5 и 20. . . K : e3.

17. g3—g4! Cf5—d3
18. Лf1—d1 Cd3—c4

Черные ничего не достигали, продолжая 18. . . K : d5 19. Ф : d3 K : e3 20. Ф : g6 hg 21. Л : d6.

19. Фd2—c2 . . .

Давление черных стало настолько сильным, что чемпион мира торопится перейти в эндшпиль.

19. . . . Фg6 : c2
 20. Лc1 : c2 Кd7—b6
 21. Лc2—d2 . . .
 (См. диагр.)
 21. . . . Сс4—a6

Жаль расставаться с хорошей позицией; вероятно, эта черта свойственна каждому художнику. Помнится, Эм. Ласкер сказал о Д. Яновском: «Он может сто раз иметь выигрыш, но ему жаль расстаться с партией».

Можно было, играя не столь «красиво» (слоны a6, a5, конь b6), разменять белых коней: 21. . . С : e2 22. Л : e2 С : c3 23. С : b6 ab 24. bc g5, затем Кf6—d7 с выигрышной позицией.

22. Се3—f2 Кb6—c4?

Из-за недостатка времени черные не находят лучшего продолжения. Сильно было 22. . . e4!, угрожая 23. . . e3 24. С : e3 Кс4. Белым пришлось бы ответить 23. g5, но после 23. . . ef 24. С : f3 Кfd7 преимущество черных не вызывает сомнений. Но еще и здесь не поздно было пойти на вариант, указанный в предыдущем примечании.

23. Лd2—c2 Са5—b6
 24. Cf2 : b6 a7 : b6

Первая пара сдвоенных изолированных пешек в матче. Я часто себя спрашиваю: зачем я сдваиваю и даже страиваю пешки? Вероятно, из любви к открытым линиям. А быть может, это какое-то воспоминание о красиво выигранной партии с изолированными сдвоенными пеш-

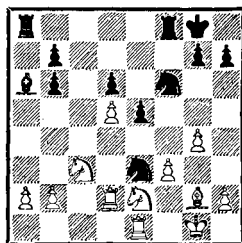
ками? Во всяком случае, это крупный недостаток.

Такая же пара пешек b6, b7 в 23-й партии матча стояла мне звания чемпиона мира в почти выигранном матче. И это в тот момент, когда я сам мог создать противнику сдвоенные пешки на полях b2 и b3.

25. Лd1—e1. . .

Хорошая, быть может, единственная защита.

25. . . . Кс4—e3
 26. Лc2—d2 Ке3—c4
 27. Лd2—c2 Кс4—e3
 28. Лc2—d2.

Черные завершили свой план вторжения, конь на e3 стоит сильно, но не видно ясных путей выигрыша пешки d5. К тому же на сцену незаметно пробрался третий постоянный партнер в матче — цейтнот, поэтому черные вновь сыграли Ке3—c4. Тогда, как свидетельствует газета «Советский спорт», чемпион мира обратился к арбитру и сказал, что после 29. Лd2—c2 позиция повторяется в третий раз. К. Опоченский после короткого раздумья фиксирует ничью и открывает счет в матче.

№ 30. Защита Грюнфельда Бронштейн Ботвинник

2-я партия

Итак, 2-я партия — мой черед играть белыми. Какую же новинку подготовил в защите чемпион мира?

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	g7—g6
3.	Kb1—c3	d7—d5
4.	c4 : d5	Kf6 : d5
5.	e2—e4	Kd5 : c3
6.	b2 : c3	c7—c5

Долгое время этот вариант считался выгодным для черных, но в 1940 году И. Бондаревский нашел, что белые вместо обычного 7. Kf3 могут продолжать 7. Cc4 Cg7 8. Ke2, избегая связи на f3.

7.	Cf1—c4	Cf8—g7
8.	Kg1—e2	0—0
9.	0—0	Kb8—d7

Нет, это еще не новинка. Этот ход, который не раз применял Ботвинник, можно назвать эластичным: черный конь старается занять позицию подальше от белых пешек. Однако этот план мне был хорошо известен. Незадолго до матча мы вместе с Фурманом анализировали позицию, и он предложил ход, который я и сделал, продумав ровно одну минуту.

10.	Cc1—g5	h7—h6

Ботвинник думал 40 минут и принял ответственное решение: пешка h7 из надежного защитника пункта g6 сама превращает-

ся в объект атаки, а при положении белого слона на c4 и черного короля на g8 в пешке g6 чувствуется заметная слабость... Но это решение было в известной мере вынужденным. Если, например, 10. . . b6, то 11. e5. Продолжение 10. . . Kb6 11. Cb3 c4 12. Cc2 f5 13. f3 давало белым многообещающую базу для атаки, чего Ботвинник избегал. А если сразу сыграть 10. . . Фc7, не двигая пешку «h», то 11. C : e7 Ле8 12. d5! ведет к выгоде белых.

Впоследствии, лет через пятнадцать, Ботвинник напишет по поводу хода 10. Cg5: «Очень хорошо сыграно! Обычно играли 10. Ce3, после чего у черных есть некоторая контригра. Понадобилось около 20 лет, чтобы найти правильный план игры за белых!»

А как же насчет того, что «у Бронштейна не было подготовлено ничего существенного»?

11.	Cg5—e3	Фd8—c7
12.	Ла1—c1	a7—a6
13.	Фd1—d2	...

Я сделал «логичный» «позиционный» ход, вместо того чтобы посчитать варианты. После 13. Kf4 черным трудно держать партию, ибо появлялась угроза K : g6, например 13. . . b5 14. Cd5.

13.	...	Kpg8—h7
14.	Cc4—d3	b7—b5
15.	Ke2—f4	...

Хороший ход после времени почти всегда плохой ход. Теперь

сильней было 15. е5! И все же, несмотря на эти нюансы, белые сохраняют превосходство благодаря сильному центру и лучшему развитию фигур.

15. . . . е7—е5

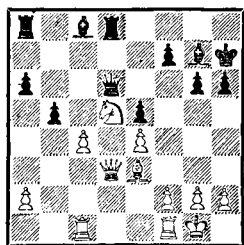
Ботвинник опасался движения белой пешки «е» и решил преградить ей дорогу. Он приводит вариант 15. . . Сb7 16. е5 Кb6 17. Кh5 Лh8, полагая, что у черных достаточная контригра. Уклонился же он от этого варианта, «учитывая, насколько силен Бронштейн в атаке на короля, и желая поставить перед партнером задачу, менее соответствующую его стилю». Нельзя не отметить тонкий психологический подход Ботвинника к шахматной борьбе.

16. Кf4—d5 Фc7—d6

17. d4 : c5 Кd7 : c5

18. c3—c4 Кc5 : d3

19. Фd2 : d3 Лf8—d8

Критический момент. Напрашивается ход 20. Сb6. Ботвинник допустил этот ход (выбор у него был невелик), имея в виду 20. . . Лd7 21. c5 Фc6 22. Фе3 f5 23. f3 Лf7 24. Са5 fe 25. fe Се6, и у черных есть свои шансы благодаря слабости пешки е4 и

неудачному положению белого слона.

Я отказался от этого хода ввиду 20. . . Ф : b6 21. К : b6 Л : d3 22. К : a8 bc 23. Л : c4 Се6 и не заметил, что смогу защитить пешку а2 путем 24. Ла4.

Впоследствии Г. Штальберг, главный судья матча, указал, что белые могли выиграть пешку: 20. Сb6 Лd7 21. cb ab 22. Ф : b5, но я тогда не видел, как ответить на 22. . . Са6. Не вижу я этого и теперь. Полагаю, что лучше всего было 20. Лfd1.

20. c4—c5 Фd6—c6

21. Лf1—d1 Сc8—e6

22. Лd1—d2 Лd8—d7

23. Лc1—d1 a6—a5

24. a2—a3 Ла8—d8

25. Фd3—b3 Лd8—b8

26. f2—f3 Лd7—b7

27. Фb3—b2 b5—b4

Пока Ботвинник ведет активную контригру — он перегруппировал силы и получил нешуточные встречные шансы.

28. Кd5—b6 Сg7—f8!

Жертвуя пешку е5, чтобы после 29. Ф : е5 Сg7 получить свободу для чернопольного слона.

29. a3 : b4 a5 : b4

30. Лd1—c1 . . .

Заманчивое 30. Лd6 С : d6 31. Л : d6 Фb5 32. Ф : е5 опровергается путем 31. . . Л : b6.

30. . . . b4—b3

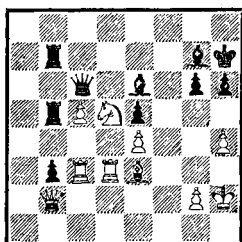
31. Кb6—d5 Cf8—g7

32. Лd2—d3 Лb7—b5

33. h2—h4 . . .

Смелый ход. Но в данном случае лучше было осторожное 33. h3. Почему? Ответ дает продолжение партии.

33. . . . Лb8—b7
34. Kpg1—h2 f7—f5
35. Лc1—c3 f5 : e4
36. f3 : e4 . . .

36. . . . Лb5—b4

В сложной позиции чемпион мира находит любопытный ресурс. Белые и сейчас не могут брать пешку b3. Но как играть? 37. g3 или 37. Cf2, и пешка b3 погибла, в то же время усилятся проходная пешка c5.

Ботвинник, впрочем, считает этот свой ход неточностью. По его мнению, сильнее было 36. . . С : d5! 37. Л : d5 (37. ed? Фf6) 37. . . Лb4 — пешка e4 незащитама, и положение белых становится критическим.

37. Kd5 : b4 . . .

В случае 37. Л : b3 черные продолжали бы не 37. . . Л : e4 38. Kf6+ (А. Котов), а 37. . . Л : b3 38. Л : b3 С : d5 39. ed Фа4 40. Л : b7 Ф : h4+, и сразу ничья.

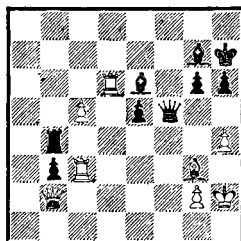
37. . . . Лb7 : b4
38. Лd3—d6 . . .

Точнее было сначала 38. Cf2, защищая пешку h4, после чего у белых сохранялись серьезные шансы на победу (С. Флор).

38. . . . Фc6 : e4
39. Се3—f2 Фе4—f4+

В сильном обоюдном цейтноте игра сместилась в сторону королей.

40. Cf2—g3 Фf4—f5

41. Лc3—f3 . . .

Инерционный ход в запас прочности, после того как цейтнот кончился. Как указал А. Котов, проще было 41. Лb6 или 41. c6 e4 42. c7, получая большие шансы на победу.

41. . . . Фf5—g4

Записанный ход. Как сообщил Ботвинник, после этого хода выигрыша у белых нет.

42. c5—c6 g6—g5

Обходя ловушку: 42. . . e4 43. Лd7.

43. c6—c7 Лb4—c4

Опять было нехорошо 43. . .
e4 из-за 44. Лd7 С : d7 45. Лf7
gh 46. Се5.

44. Лf3 : b3 e5—e4
45. Фb2—f2 g5 : h4
46. Сg3—f4 Лс4 : c7
47. Лd6 : e6 . . .

У черных слишком много
слонов. Одного надо обменять
на ладью.

47. . . . Фg4 : e6
48. Сg3 : c7 Фе6 : b3
49. Фf2—f5+ Кph7—g8

Ничья.

№ 31. Французская защита

Ботвинник

Бронштейн

3-я партия

1. d2—d4 e7—e6

Снова я предлагаю партнеру
выбор дебюта, и на этот раз чем-
пион мира уклоняется от гол-
ландской защиты, которая не
принесла ему успеха в первой
партии.

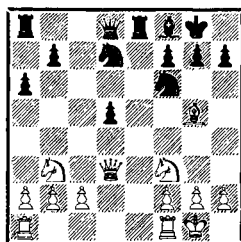
2. e2—e4 d7—d5
3. Кb1—d2 c7—c5
4. e4 : d5 e6 : d5
5. Cf1—b5+ Сс8—d7
6. Фd1—e2+ Cf8—e7

Здесь обычно играют 6. . .
Фе7, но в этот момент я не стре-
мился к упрощениям.

7. d4 : c5 Kg8—f6
8. Kg1—f3 0—0
9. 0—0 Лf8—e8
10. Кd2—b3 Се7 : c5
11. Фе2—d3 a7—a6

На 11. . . Фb6 возможно 12.
a4, и если теперь 12. . . a6, то
13. К : c5 Ф : c5 14. С : d7 Кb : d7
15. Се3.

12. Сb5 : d7 Кb8 : d7
13. Сc1—g5 Сс5—f8

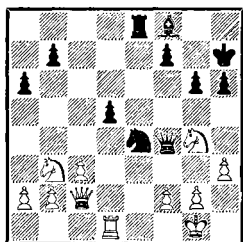
Последний ход — отступление
слона на исходную позицию
— подчеркивает разницу вкусов
противников. Черные даже не
пытаются бороться за поле d4,
зато внимательно наблюдают за
всеми полями вокруг пешки d5.
А пешка? Она сама себя защи-
щает, пока не выходит за пре-
делы ансамбля черных фигур.

14. Ла1—d1 Фd8—c7
15. c2—c3 h7—h6
16. Сg5—h4 Ле8—e4
17. Ch4—g3 Фc7—b6
18. Кf3—d2 Ле4—e8
19. Фd3—c2 Ла8—c8
20. Кd2—f3 g7—g6
21. Лf1—e1 Cf8—g7
22. Ле1 : e8+ Лс8 : e8
23. Сg3—f4 Сg7—f8

Первая волна атаки отхлы-
нула, но натиск белых еще не от-
ражен. Изолированная пешка —
наиболее аппетитный для чем-
пиона мира объект давления. Он
будет ее захватывать в клещи,
блокировать, атаковать в лоб и

с флажков и в заключение, вероятно, выиграет... Однако же при всей логичности и, можно сказать, неотразимости этих операций и я за это время что-нибудь постараюсь измыслить...

24. h2—h3 Kpg8—h7
 25. Kf3—h2 Kd7—e5
 26. Cf4—e3 Фb6—c7
 27. Ce3—d4 Kf6—e4
 28. Cd4 : e5 Фc7 : e5
 29. Kh2—g4 Фе5—f4

Неожиданный для белых «швиндель». Если 30. Л : d5, то после 30. . . Kg3 31. Фd1 Ke2+ 32. Kph1 h5 инициатива на стороне черных Или 31. fg Le1+ 32. Kph2 Фf1, или 31. Лd1 Ke2+ 32. Kpf1 Kg3+ и т. д.

30. Фc2—c1 Фf4—d6
 31. Фc1—c2 . . .

Можно рассматривать как разведку: не согласны ли черные на ничью? Конечно, никто не может поручиться, что Ботвинник в случае 31. . . Фf4 стал бы повторять ходы, но известный резон в этом был, поскольку при 31. c4 h5 32. Л : d5 Фc7 33. Ke3 Ch6 34. Лd3 Фf4 35. Фе1 К : f2 игра складывалась в пользу черных.

31. . . . Ke4—f6
 32. Kg4 : f6+ Фd6 : f6
 33. Фc2—d3 . . .

К проигрышу вело 33. Л : d5 ввиду 33. . . Le1+ 34. Kph2 Фf4+ 35. g3 Фf3.

33. . . . Ле8—d8?

Черные утратили чувство меры. Необходимо было 33. . . Ле5, и тогда после 34. f4 Ф : f4 35. Лf1 Фg5 36. Л : f7+ Kpg8 партия, вероятно, завершилась бы ничьей, а в случае 34. Kd4 Cc5 35. Kf3 Лf5 положение черных, пожалуй, даже предпочтительней.

34. Фd3—e3 Cf8—g7
 35. g2—g3 h6—h5
 36. Kpg1—g2 Лd8—d6
 37. Kb3—d4 Лd6—d7
 38. Kd4—f3 Cg7—h6
 39. Фе3—d4! . . .

Вызывая размен ферзей в выгодной обстановке.

39. . . . Фf6 : d4
 40. Kf3 : d4 Ch6—g7

Последний ход в цейтноте и, к сожалению, не лучший. Следовало подтянуть короля: 40. . . Kpg7 41. c4 Kpf6 42. Kb3 b6 43. cd Кре5, и черные спокойно держат ничью. Теперь же анализ показал, что мне предстоит долгая борьба, а перспективы на ничью не очень ясны. Впрочем, форсированного выигрыша у белых, конечно, нет.

41. Kd4—c2 a6—a5

Препятствуя опасному маневру 42. Kb4 d4 43. c4 с последующим Kd3.

42. a2—a4 . . .

Ботвинник при анализе отложенной позиции убедился, как и я, что после 42. Ke3 d4 43. Kc2 d3 44. Kd4 Ld8 45. Л : d3 b5 46. Kpf3 b4 черные ценой пешки заметно активизировали бы ладью и слона.

42. . . . Ld7—d8
43. Kpg2—f3 Cg7—f6
44. Kc2—d4 Kph7—g7
45. Kd4—b5 Kpg7—f8
46. Kb5—c7 d5—d4
47. c3—c4 Cf8—e7
48. Kc7—d5 Ce7—c5

План-максимум белых примерно таков: блокировать черную изолированную пешку, поскольку она недавно стала проходной, затем овладеть линией «е» и отрезать черного короля или по этой линии разменять ладьи, после чего конь при застопоренных черных пешках, несомненно, должен одолеть слона. Однако действовать слишком решительно и поспешно белые пока не могут, например 49. Kf4 Ld6 50. Kd3 Ca7 51. Le1 Lc6 52. Ke5 Lf6+.

49. Kpf3—e2 Ld8—e8+
50. Kpe2—d3 b7—b6

Ход кажется странным или даже просто плохим. Черные ставят пешку на поле цвета слона и к тому же отнимают у ладьи возможность при слу-

чае переброситься на ферзевый фланг через пункт b6.

Может быть, действительно было лучше 50. . . Le6, но я тут задумал одну позиционную ловушку, которую и удалось завершить на 57-м ходу.

51. g3—g4 Kpf8—g7
52. Ld1—h1 h5—h4

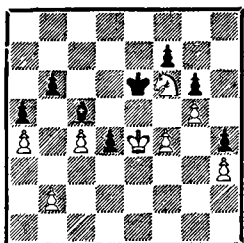
Вот это, безусловно, неважный ход: беззащитная пешка повисает на линии «h». Играя 52. . . hg 53. hg g5, черные и без ловушки и без больших трудов достигли бы ничьей.

53. g4—g5 Le8—e5
54. Lh1—g1 Kpg7—f8
55. f2—f3 Kpf8—g7
56. f3—f4 Le5—e3
57. Kpd3—d2 Le8—e6

Ловушка заключается в том, что при размене ладей белые по намеченной ими программе как будто должны выиграть. И вот я сознательно поставил свою ладью в положение, когда она не может уклониться от размена, а Ботвинник немедленно этим воспользовался. Если бы вместо этого он сыграл 58. Lg4 или 58. Lg2, то положение черных стало бы критическим.

58. Lg1—e1 Le6 : e1
59. Kpd2 : e1 Kpg7—f8
60. Kpe1—e2 Kpf8—e8
61. Kpe2—d3 Kpe8—d7
62. Kpd3—e4 Kpd7—d6
63. Kd5—f6 Kpd6—e6

Ничья по предложению белых. Чемпиону мира, видимо, не по душе пришлось вариант 64.

Kg4 d3 65. Кр : d3 Кpf5. Если же 64. Кpd3 Кpf5 65. Kd5 Кре6 66. Кре4, то 66. . . d3! Мечта белых сбывается — они наконец выиграли пешку, но не могут выиграть партию ввиду 67. Кр : d3 Кpf5.

Правда, у них сохраняется возможность Крс3 и b4: если черные возьмут на b4, то могут проиграть, но брать эту пешку не обязательно.

После этой партии я внутренне почувствовал, что могу выиграть матч. Действительно, я выдержал нагрузки на прочность и упругость, которые можно назвать предельными.

В хорошем, оптимистичном настроении я начал 4-ю партию белыми...

№ 32. Славянская защита

Бронштейн **Ботвинник**

4-я партия

1. d2—d4	d7—d5
2. c2—c4	c7—c6
3. Кb1—c3	Кg8—f6

Ботвинник отказывается от 3. . . e6. Я имел в виду сыграть славянский гамбит.

В последнем туре чемпионата СССР 1948 года у меня была бе-

лыми партия с А. Котовым, у которого было равное с моим количество очков. Я решил рискнуть и сыграл в гамбитном стиле 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кс3 c6 4. e4 de 5. К : e4 Сb4+ 6. Cd2. А. Котов думал 15 минут, но тогда взять пешку d4 не решился. У меня был заготовлен вариант 6. . . Ф : d4 7. С : b4 Ф : e4+ 8. Се2 Ка6 9. Сс3 f6 10. Фd6 Kh6 11. С : f6 gf 12. 0—0—0 Кf7 13. Ch5, и мат черному королю неизбежен. Увы, после 6. . . С : d2+ 7. Ф : d2 Кf6 партию выиграть мне не удалось. Каково же было мое огорчение, когда через два года я увидел партию, сыгранную на Олимпиаде в Дубровнике (Югославия), где белым удалось реализовать этот в общем-то ловушечный вариант. В 1950 году в Будапеште я все же выиграл у Котова тем же гамбитом, о чем читатель, впрочем, уже знает (см. стр. 30).

4. Kgl—f3 g7—g6

С перестановкой ходов получился выгодный для белых вариант защиты Грюнфельда.

5. c4 : d5	c6 : d5
6. Сc1—f4	Cf8—g7
7. e2—e3	0—0
8. Cf1—e2	. . .

Хороший ход. Раньше играли 8. Cd3, но в этом случае черные могут продолжать 8. . . Кс6 и затем Cf5.

8. . .	Кb8—c6
9. h2—h3	Кf6—e4
10. Ла1—c1	Сс8—e6

11. 0—0 Ла8—с8
12. Кf3—d2 ...

Черные своеобразно разместили свои фигуры — наиболее активная роль принадлежит коню е4, поэтому белые предлагают ему высказаться.

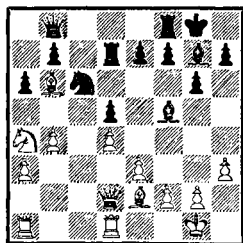
12. ... Ке4 : d2
13. Фd1 : d2 Фd8—a5

Ботвинник тонко противодействует пешечной атаке белых на ферзевом фланге, но ход этот все же не вполне удачен. Вероятно, лучше было готовить контрудар в центре: f7—f6 и е7—е5. Возможно, он опасался 14. е4.

14. a2—a3 a7—a6
15. Лс1—a1! ...

Не попадаясь в ловушку. На 15. b4 Ботвинник имел в виду 15...Ф : a3 16. Лa1 Фb3 17. Лfb1 К : d4!

15. ... Се6—f5
16. Лf1—d1 Лс8—d8
17. b2—b4 Фа5—b6
18. Кс3—a4 Фb6—a7
19. Cf4—c7 Лd8—d7
20. Сс7—b6 Фа7—b8

Положение черных тяжелое и даже более чем тяжелое. Ботвинник на месте белых, несом-

ненно, выиграл бы такую позицию против любого партнера—Сс5, Кb6, и далее, смотря по обстоятельствам, a4, b5 или Cf3 и Фа2... Существенно, что на 21. Сс5 не проходит 21...b5 ввиду 22. Кb6 Лdd8 23. a4!

Вместо этого юный Бронштейн сделал «атакующий» ход...

21. f2—f4 ...

Наглухо закрывая центр и нисколько не смущая этой «атакой» черного короля.

21. ... Кс6—a7!

Обратите внимание на задуманный Ботвинником дальний маршрут коня: с6—a7—с8—d6—e4.

22. g2—g4 Cf5—e6
23. Сb6 : a7 Фb8 : a7
24. Ка4—c5 Лd7—d6
25. Кс5 : e6 Лd6 : e6
26. Лa1—c1 Фа7—b8
27. Кpg1—g2 ...

Преждевременно было бы 27. Лс5 из-за 27...g5! У черных полноправная игра.

27. ... Лf8—с8
28. Се2—f3 Ле6—d6
29. Лс1—с5 e7—e6
30. Лd1—c1 Лс8 : с5
31. Лс1 : с5 ...

Последний момент, когда я мог бы еще бороться за преимущество — 31. bc, но я не нашел в себе силы отказаться от коммуникации «с». Примерно 31. bc Лс6 32. Лb1 Фс8 33. Фb4 Лс7 34. Фb6.

31. . . . Cg7—f8
 32. Фd2—c2 Ld6—d8
 33. Лс5—с3 Cf8—d6

Хороший ход. Теперь ничья неизбежна.

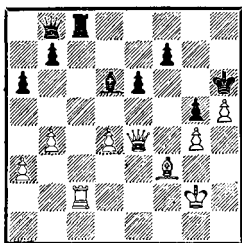
34. h3—h4 Kpg8—g7
 35. Фс2—с1 h7—h6
 36. Лс3—с2 g6—g5

В обоюдном цейтноте Ботвинник хочет перехватить инициативу.

37. f4 : g5 h6 : g5
 38. h4—h5 Kpg7—h6
 39. Фс1—e1 Ld8—f8

Ботвинник мог форсировать ничью путем 39. . . Лс8, но он хочет еще посмотреть партию дома.

40. e3—e4 d5 : e4
 41. Фe1 : e4 Lf8—c8

Здесь партия была отложена.

42. Cf3—d1 Лс8 : c2+
 43. Cd1 : c2 . . .

Игра неожиданно обострилась: грозит мат, но это ненадолго.

43. . . . Фb8—h8
 44. Сс2—d3 Фh8—g7
 45. Kpg2—f3 a6—a5

46. b4 : a5 Cd6:a3
 47. Kpf3—g2 Ca3—d6
 Ничья.

№ 33. Защита Нимцовича

Ботвинник

Бронштейн

5 я партия

Я очень чувствителен к психологическим оттенкам настроения противника и сразу заметил, что в этот день Ботвинник был особенно собран.

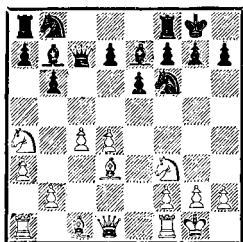
По обыкновению он поздоровался не глядя на меня, чтобы не дать себе расслабиться, немного подумал и движением руки, наполненным какой-то особенной внутренней силой, послал вперед пешку «d», как бы говоря ей: «Сегодня ты должна достичь успеха».

1. d2—d4 . . .

«Что же это такое? — спрашивал я себя. — В первой партии черными еще до 30-го хода достиг выигрышного положения, во второй имел подавляющее преимущество, в третьей 60 ходов держался против неослабевающего натиска чемпиона мира, и он предложил ничью, в четвертой в отличной позиции вдруг свернул куда-то влево (вернее сказать, вправо, на линию «f»). Сегодня, — думалось мне, — должно все это чем-то завершиться, но чем?»

Одно время было похоже, что предстоящее событие будет не в мою пользу, но я не терял оптимизма... Судите сами.

1.	...	Kg8—f6
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	Cf8—b4
4.	e2—e3	0—0
5.	Cf1—d3	c7—c5
6.	Kg1—f3	b7—b6
7.	0—0	Cc8—b7
8.	Kc3—a4	c5 : d4
9.	a2—a3	Cb4—e7
10.	e3 : d4	Фd8—c7

11. b2—b4 . . .

Комментарий будет через несколько строк. Пока же заметим, что обдумывание этого хода отняло у Ботвинника 52 минуты. Я играл неторопливо, но все же примерно вдвое быстрее.

11.	...	Kf6—g4
12.	g2—g3	f7—f5

Здесь и я задумался, но не считал варианты, а старался понять, что происходит. Дело в том, что первые восемь ходов в этой партии в точности воспроизводят партию Тайманов — Ботвинник, которую белые проиграли. Первые 10 ходов идентичны партии Алаторцев — Ботвинник, где также победили черные; первые 12 ходов те же, что и в партиях Алаторцев — Лисицын (X чемпионат СССР, 1937 г.). К этому надо добавить, что

в обеих партиях белые проиграли. Куда же идет Ботвинник, когда он свернет с дороги, ведущей к пропасти? И еще. Над чем думал Ботвинник почти час на 11-м ходу?

Впоследствии говорили, что «Ботвинник забыл партию с Алаторцевым», «Ботвинник не знал партию Лисицына». Какая наивность! Словосочетания типа «Ботвинник не знал», «Ботвинник забыл» вообще не имеют никакого содержания, ибо в них подлежащее логически несовместимо со сказуемым. Он все прекрасно знал и все отлично помнил. Думал же он, вероятно, о том, не сыграть ли ему 11.h3, чтобы избежать выпада Kf6—g4. Он высоко ценил мою способность «мутить воду» в непосредственной близости от неприятельского короля и запрограммировал себя на логическую игру в центре и на ферзевом фланге. А этот конь как фантом нависал над королем. Он простоял здесь до 25-го хода, потом ушел и вернулся сюда на 36-м, чтобы сыграть одну из главных ролей в заключительной трагедийной сцене.

13. Ka4—c3! . . .

Вот этот ход в сочетании с последующим маневром слона поистине заслуживает восклицательного знака! В партии Алаторцев — Лисицын было 13. Ke1, что позволяет черным разрешить все проблемы защиты. Оригинальнейший шахматист пятидесятих годов Н. Копылов в чем-

пионате СССР (осень, 1951 г.) после того, как белые сыграли 13. Лe1, перешел в контратаку против Т. Петросяна путем 13. ... f4! 14. С : f4 Л : f4.

Ботвинник продолжает логически вытекающий из позиции план зажима на ферзевом фланге в сочетании с атакой в центре (23.d5).

13. ... a7—a6
14. Лf1—e1 Kb8—c6
15. Cd3—f1 Kc6—d8

Гроссмейстер Лилиенталь, который вскоре после матча превосходно прокомментировал эту партию, указал на следующие возможности:

14. ... С : f3 (вместо 14. ... Кс6)
15. Ф : f3 Кс6 16. Ке2 Cf6 17. Сb2.

15. ... f4 (вместо 15. ... Кd8)
16. С : f4 Л : f4 17. gf К : d4
18. Ф : d4 С : f3 19. Кd5 С : d5
20. cd Cf6 21. Фс4! Ф : с4 22. С : с4 С : a1.

Обе эти попытки обострить игру в матче на первенство мира вряд ли могли привести к успеху. Белый король надежно укрыт.

16. Сс1—f4 Ce7—d6
17. Cf4 : d6 Фс7 : d6
18. Cf1—g2 Кd8—f7
19. c4—c5 Фd6—c7
20. Ла1—c1 ...

Небольшая неточность — первый признак утомления и надвигающегося жестокого цейтнота — результат раздумья на 11-м ходу. Точнее было 20. Ka4, и если 20. ... b5, то 21. Kb6 Лаe8

22. d5. Белая пешка уже продвинулась на d5, а черная еще не добралась до f4.

20. ... Ла8—e8
21. Кс3—a4 b6—b5
22. Ka4—c3 ...

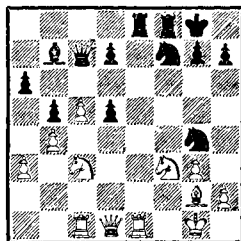
Теперь, когда ладья ушла с a8, на 22. Kb6 я ответил бы d7—d5.

22. ... f5—f4

А вот подоспело и мое фирменное блюдо — линия «f» открывается.

23. d4—d5 f4 : g3
24. f2 : g3 ...

Эту неточность, после которой перевес белых почти или совсем растаял, многие объясняли цейтнотом. Но ведь как раз в цейтноте был бы понятен более надежный ход 24. hg. Я думаю, что Ботвиннику интуитивно не нравилось сочетание коня g4 и ладьи на линии «f» против пешки f2, и, кроме того, он резервировал возможность сохранить закрытой линию «h» ходом h2—h4. А в общем-то, имея заметный перевес на ферзевом фланге и в центре и перспективную игру против пешки d7, он не придавал особого значения

расположению пешек, оберегающих короля.

24. . . . e6 : d5

(См. диагр.)

Здесь Ботвинник стоял перед альтернативой — взять пешку конем или увеличить свое позиционное преимущество, что он и сделал. Однако достижение это только кажущееся, и после 25. $\Phi d4$ он уже партию выиграть не мог. Почему же он не сыграл 25. $K : d5$? Во-первых, я тогда мог сразу снять напряжение, разменявшись на $d5$, затем $Ke3$, размен на $g2$ и в заключение — размен на $e1$, после чего возможно $d7-d6$, избавляясь от слабой пешки. Во-вторых, был острый ход 25. . . $\Phi c6$, который я, вероятно, и сделал бы. Впоследствии А. Лилиенталь доказал, что белые могли взять качество, не опасаясь атаки, например 25. $K : d5 \Phi c6$ 26. $Ke7 + L : e7$ 27. $L : e7 Kg5$ 28. $\Phi b3 + Kph8$ 29. $\Phi c3!$

Этот красивый маневр скрывает игру черных необходимостью оберегать пункт $g7$, но осложнения могут все же возникнуть после 29. . . $\Phi h6$. Если 30. $Kh4$, то 30. . . $C : g2$ 31. $Kp : g2 \Phi c6 +$; если 30. $\Phi b2$, то 30. . . $C : f3$ 31. $C : f3 K : f3 + 32. Kph1 K : h2$.

И даже такая крайняя мера, как 30. $\Phi : g7 + \Phi : g7$ 31. $L : g7$ с намерением на $Kp : g7$ ответить 32. $K : g5$, не решает партию, ибо черные играют 31. . . $K : f3 + 32. C : f3 C : f3$, оставаясь с двумя легкими фигурами за ладью и две пешки при

ненадежном положении белого короля.

Оказывается, однако, что у белых находится неожиданный ресурс — на 29. . . $\Phi h6$ они отвечают 30. $h4!$ Вот для чего Ботвинник сохранил пешку «h» и взял на 24-м ходу пешкой «f»!

Разумеется, о том, чтобы считать все это (у Ботвинника оставалось минут пятнадцать), не могло быть и речи. Кроме того, был здесь и психологический элемент: Ботвиннику доставляет истинное удовольствие поиграть против сдвоенных изолированных пешек, обреченных и совершенно для него безопасных. Ему не хотелось сразу уничтожать пешку $d5$. Итак...

25. $\Phi d1-d4$ $Kg4-f6$

26. $Kf3-h4$ $Le8-e5!$

Контролируя поле $f5$ и сохраняя за собой линию «e». Размен ферзей теперь практически неотвратим.

27. $Le1 : e5$ $\Phi c7 : e5$

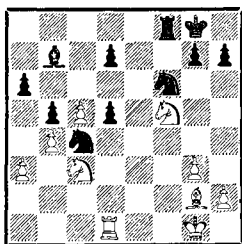
28. $\Phi d4 : e5$ $Kf7 : e5$

29. $Kh4-f5$ $Ke5-c4$

30. $Lc1-d1$. . .

Ничью можно было сделать двумя способами: 30. $Ke7 + Kpf7$ 31. $Ke : d5 Cc6$ 32. $K : f6 Kp : f6$ 33. $Kd5 + Kpe5$ 34. $Le1 + Kpd4$ 35. $Ld1 +$ или 30. $K : d5 K : d5$ 31. $C : d5 + C : d5$ 32. $Ke7 + Kpf7$ 33. $K : d5 Kpe8$.

Ботвинник хотел после разменов на $d5$ занять поле $d5$ ладьей, но этим он требовал от позиции больше, чем она могла дать.

30. . . . Kpg8—h8!

Один из лучших моих ходов в матче. Его эффект еще усиливается тем обстоятельством, что у Ботвинника на последующие девять ходов осталось только пять минут. Король ушел от тени шаха в дальний угол, где его того и гляди ладья заматует. Многие зрители думали, что демонстратор пропустил ход белых Ke7+.

Теперь бить пешку d5 плохо: 31. К : d5 С : d5 32. С : d5 К : d5 33. Л : d5 g6 34. Л : d7 (34. Kd6 Ke3) 34. . . gf 35. c6 Ke5 36. Лс7 Лf7 37. Лс8+ Kpg7 38. c7 Kpf6 39. Kpf2 Кс6 40. Крз3 Ка7.

31. Лd1—e1 Кс4 : a3
32. Кf5—d6 Сb7—c6
33. Ле1—a1 Ка3—c2
34. Ла1 : a6 d5—d4

Сильнее, чем 34. К : b4. Продвижение пешка «d» обеспечивает черным победу.

35. Кс3 : b5 Сс6 : g2
36. Kpg1 : g2 Кf6—g4
37. Kd6—f5 . . .

На 37. Ке4 я ответил бы, как и в партии, 37. . . d3.

37. . . . d4—d3

38. Ла6—d6 Лf8 : f5
39. Лd6 : d3 Кс2—e3+

Белые сдались ввиду мата следующим ходом.

№ 34. Сицилианская защита Бронштейн Ботвинник

6-я партия

Эта партия приобрела первоначальную популярность среди шахматистов — странный 57-й ход белых, сделанный после 45-минутного размышления, до сих пор не нашел своего объяснения. В ходе королем не было абсолютно никакого содержания... при любом ответе черных. Впрочем, посмотрите сперва партию целиком.

1. e2—e4 c7—c5

Вполне логично. Если соперник сыграл королевской пешкой, значит, он ждет французскую, надо его перехитрить.

2. Kg1—f3 Кb8—c6
3. d2—d4 c5 : d4
4. Кf3 : d4 Kg8—f6
5. Кb1—c3 d7—d6
6. Сc1—g5 . . .

Не для того, чтобы бить коня, а чтобы освободить дорогу ладье и поле для короля (0—0—0!). Можно для аналогичной цели пойти 6. Сс4 (0—0!), но еще и сегодня выпад слонem на g5, теоретически обоснованный В. Раузером, признается сильнейшим в данном положении.

6. . . . e7—e6
7. Фd1—d2 h7—h6

М. Ботвинник специально к матчу разработал этот вариант. Однако круг позиций, в которых ведущие гроссмейстеры ищут улучшений старых планов, столь узок, что и я тоже при подготовке к матчу рассматривал этот ход, тем более что он уже был применен в партии Котов — Авербах из чемпионата Москвы 1946 года.

Размен слона на коня теперь вынужден, но оправдана ли добровольная порча пешечного за-слона? Мне казалось, что нет, и поэтому я ближайшие ходы играл уверенно и быстро.

8. Cg5 : f6 g7 : f6
9. 0—0—0 a7—a6
10. f2—f4 Cc8—d7
11. Kpc1—b1 Cf8—e7

Ботвинник выстраивает до-мик из пешек d6+e6 и слонов d7+e7. В более поздних партиях, иггранных этим вариантом, чер-ные стремились поставить слона на h6 после предварительного h6—h5. В партии Котов — Авер-бах на 11. Kpb1 черные ответили 11. . .Фb6 12. Kb3 0—0—0.

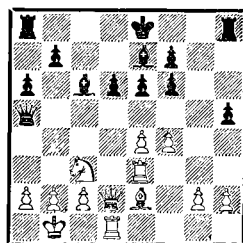
12. Cf1—e2 Kc6 : d4
13. Фd2 : d4 Фd8—a5
14. Лh1—f1 h6—h5
15. Лf1—f3 Фа5—c5

Избегая ловушки: 15. . . 0—0—0? 16. b4! Фc7 17. Kd5 ed 18. Лс3 Cc6 19. ed, и позиция черных рушится.

16. Фd4—d2 Cd7—c6

Черные слоны начинают вы-ползать на атакующие позиции. По-прежнему плохо было роки-ровать из-за 17. Kd5 ed 18. Лс3. Своим следующим ходом белые возобновляют угрозу вторже-ния конем.

17. Лf3—e3 Фc5—a5

18. Ce2—f3 . . .

Наглухо закрывая возмож-ность прорыва d6—d5, но было ли это угрозой? Если бы белые сыграли 18. a3, то черные все еще не могли разрешить себе рокировку: 18. . .0—0—0? 19. b4! Ф : a3 20. Kd5 Фа4 21. Kb6+ или 19. . .Фc7 20. Kd5 ed 21. ed Kpb8 22. dc d5 23. cb Ф : b7 24. C : a6 Ф : a6 25. Л : e7 Ф : a3 26. Фd4.

18. . . . 0—0—0
19. Фd2—d3 Лd8—d7
20. h2—h4 . . .

Увидев, что черная ладья d8 отнюдь не стремится занять поле g8, белые опрометчиво ослабляют пешку g2. Правда, им удастся съесть одинокую пешку на h5, но не так скоро, как хотелось бы, и дорогой ценой — потерей пешки «g». Симпатичней выгля-дел перевод коня Kc3—e2—d4.

20. . . . Kpc8—b8
 21. a2—a3 Ce7—d8

В 1-й партии матча соперник чемпиона мира точно таким техническим приемом переквалифицировал слона из «плохого» в «хорошего». А сейчас сам Ботвинник применяет этот метод активизации фигуры.

22. Kpb1—a2 Фа5—c5

Не попадаясь, разумеется, в ловушку: 22. . . Cb6 23. b4. Из 10 последних ходов черные четыре раза играли ферзем. Говорит это о силе или о слабости их позиции? Нет. Просто свидетельствует о пассивном расположении сил. Виной тому — черные пешки. В центре их двигать трудно, на королевском фланге нельзя, а на ферзевом фланге, где укрылся король, опасно. Но и белым трудно нащупать активную линию игры. Эту задачу сумел спустя шесть месяцев решить Керес, когда в чемпионате СССР 1951 года Ботвинник применил против него ту же систему защиты, а спустя пять лет — Ларсен на шахматной Олимпиаде 1956 года в Москве.

23. Ле3—e2 а6—a5

Сильный ход. Ботвинник не согласен со мной в том, что движение пешек ферзевого фланга сулит опасности черному королю. Его партнер по матчу тоже не любил бороться против чересчур открытых слонов и своим очередным ходом прижал к месту пешки «а» и «b» черных. Откровенно говоря, ближайшие

ходы белых, связанные с ослаблением позиции короля, стали возможны только благодаря одному обстоятельству: после форсированного размена ферзей черная ладья h8 будет надолго прикована к защите пешки h5, что позволит белым иметь превосходящие силы в центре доски. Все же надо признать — поединок в стадии между дебютом и эндшпилем белые проиграли.

24. a3—a4 Cd8—b6
 25. b2—b3 Lh8—c8
 26. Фd3—c4 Фc5: c4
 27. b3 : c4 Lc8—h8

Жертвовать пешки не так-то просто. Когда еще два черных слона скажут свое веское слово — неизвестно, тем временем белая пешка «h» объявит себя проходной со всеми вытекающими из этого факта последствиями...

28. Kpa2—b3 Лd7—d8
 29. Лd1—d3 Cb6—g1

Хитрый маневр. Королевский слон черных намерен съесть пешку h4 (Cb6—g1—h2—g3 : h4), пользуясь тем, что слон f3 не имеет полей для отступления и поле g3 пока никем не атаковано.

30. Ле2—d2 Kpb8—c7
 31. Kc3—e2 Cg1—f2
 32. Лd2—d1 Cf2—c5
 33. Ke2—g3 Лd8—g8

В сильном обоюдном цейтноте чемпион мира играет весьма изобретательно. Белым трудно решить, брать пешку h5 или нет. Вариант 34. K : h5 Лg6 35. f5 ef 36. ef C : f3 37. gf Лgh6 38.

Kg3 Л : h4 39. Ke4 для них приемлем, а вот если 34. . . С : e4 или даже 34. . . f5, то уже не так ясно. Самое разумное отступить конем.

34. Kg3—e2 Лh8—h7

На доске типичная позиция динамического равновесия. Два других шахматиста, вне сомнений, охотно согласились бы на ничью. Но в матче 1951 года по инициативе М. Ботвинника и в моей формулировке было впервые применено правило однократного предложения ничьей. Никто поэтому не хотел нести моральный ущерб...

35. f4—f5 . . .

Шахматисты, игравшие впоследствии с Ботвинником тот же дебютный вариант, как правило, делали этот атакующий ход намного раньше. И я все ждал-ждал, но случая удобного не было. А тут — цейтнот. Оценивать позицию нет времени, ходить надо, а как? Все фигуры стоят на хороших полях. Так и появился ход «незанятой пешкой». Проще всего было 35. Kd4.

35. . . . e6—e5

Последующие осложнения возникли произвольно, просто черным не нравился перевод коня на f4, а если бить на f5, то после 35. . . ef 36. ef С : f3 37. gf белый конь получает поля b5, d5, e4. Честно сказать, при идеальном слоне на c5 и шести изолированных белых пешках (рекорд матча, а возможно, и

мирового рекорд) черные и здесь легко форсировали ничью.

36. Ke2—c3 Сc5—d4

Зачем? Неужели Ботвинник предполагал, что я пожалею обменять пассивную ладью на свирепого слона? Не исключено, что черные не учли ответа белых; как правило, в эндшпиле ничего не жертвуют...

37. Лd3 : d4 e5 : d4

38. Лd1 : d4 . . .

Ответная неточность. Сильно было 38. Ke2, хотя и здесь после 38. Лhg7 39. Kf4 Лg4 40. С : g4 Л : g4 41. К : h5 С : e4 42. g3 С : f5 черные должны сделать ничью.

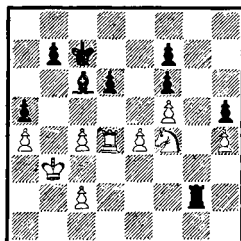
38. . . . Лh7—g7

39. Kc3—e2 Лg7 : g2

Трудно в цейтноте решить, что лучше — взять пешку или подставить ладью под удар (39. . . Лg4).

40. Cf3 : g2 Лg7 : g2

41. Ke2—f4 . . .

В этой позиции партия была прервана для анализа. Я понимаю, что такая формулировка встречается впервые, но факт есть факт. Когда в 1935 году

в Москве проходил II Международный турнир, то партии прерывались... для того, чтобы участники могли пообедать, и через полтора часа игра возобновлялась. К тому же самое главное: всякий анализ в эти полтора часа был строго запрещен. Ну, а сегодня партии откладываются для анализа; этим искусством даже гордятся больше, чем игрой. Так назовем вещи своими именами — партия была прервана для анализа. Сейчас Ботвиннику предстояло решить, дать ладьей шах с третьей линии или приберечь эту возможность.

41. . . . Lg2—g3+
 42. Kpb3—b2 Lg3—g4
 43. Kf4 : h5 Lg4 : h4
 44. Kh5 : f6 Kpc7—b6

Самый простой способ форсировать ничью. Но и другие ходы не проигрывали — отдаленных проходных пешек у белых нет, а черный слон лучше белого коня.

45. Ld4 : d6 Kpb6—c5
 46. e4—e5 Lh4—d4

Подтверждение только что сказанному. Ботвинник сам стремится к легкофигурному эндшпилю. Когда в моих партиях наступает стадия «сбора винограда», то я с грустью смотрю на слишком часто встречающиеся разбитые пешечные цепи и одинокие островки. Зато в миттельшпиле они так помогают атаке — то одна, то другая ладья норо-

вит выйти на открытую линию, а пешки... не мешают.

47. Ld6 : d4 Kpc5 : d4
 48. Kf6—g4 . . .

Выигрыша не видно — мало пешек, а ничью проще всего было обнаружить вариантом 48. e6 fe 49. fe Kpe5 50. Kd7+ Kp : e6 51. Kc5+ Kpe5 52. K : b7 C : b7 53. Kpa1.

48. . . . Cc6 : a4

Хладнокровно сыграно. Впрочем, при домашнем анализе можно найти и более смелые ходы.

49. e5—e6 f7 : e6
 50. f5—f6?? . . .

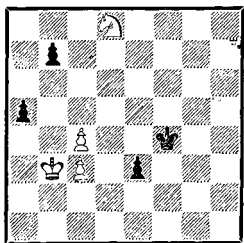
Это и есть проигрывающий ход. При разумном 50. fe Kp : c4 51. e7 Cb5 52. Kf6 a4 53. e8Ф C : e8 54. K : e8 игра опять-таки ничья. Но если так, зачем белые двинули пешку на f6? Это станет ясно из следующего примечания.

50. . . . Ca4—e8
 51. Kpb2—b3 e6—e5
 52. c2—c3+ Kpd4—e4
 53. Kg4—h6 Kpe4—f4
 54. f6—f7 Ce8 : f7
 55. Kh6 : f7 e5—e4
 56. Kf7—d8 e4—e3

Играя 50. f6?, я рассчитал вариант 57. Ke6+ Kpf3 58. c5 e2 59. Kd4+ Kpf2 60. K : e2 Kp : e2 61. Kpa4 Kpd3 62. Kp : a5 Kp : c3 63. Kpb6 Kpc4 64. Kp : b7 Kp : c5. А когда окончился

цейтнот и надо было только дать шах 57. Кe6+, вдруг стал вспоминать... дебют партии, углубился в тонкости хода 8. .g4 на целых 45 минут и неожиданно тронул короля. Пришлось им ходить...

Не на a4 же. Все-таки край доски. Вот так и возник «зевек столетия» — ход Kpb3—c2, не имеющий оправдания ни в одном из вариантов.

57. Kpb3—c2 Kpf4—g3

Белые сдались.

Этим проигрышем я, конечно, был раздосадован, но понимал, что ничего страшного не произошло. Матч должен был начаться сначала. Счет 3:3 — или, по-нынешнему, 1:1 — при четырех ничьих. Но я недооценил силы болельщиков. Они так дружно критиковали мою игру в эндшпиле, очно и по телефону, что совершенно меня загипнотизировали. Я стал думать, что совершил нечто непоправимое. Следующую, седьмую, партию я фактически проиграл без борьбы. Да и вообще не скоро пришел в себя. Из-за одного только прикосновения к королю...

№ 35. Голландская защита

Ботвинник

Бронштейн

7-я партия

1. d2—d4 d7—d5

Нелегко на следующий день после незаслуженного проигрыша вновь выходить на борьбу с таким волевым чемпионом, как М. Ботвинник, вдвойне трудно играть черными. Этим можно объяснить крепкое пешечное построение, избранное мною в ответ на ход ферзевой пешки. При иных обстоятельствах я предпочел бы староиндийскую партию или... защиту Грюнфельда. В данный момент матча я еще не готов был черными вести борьбу по всей доске. «Каменная стена» в голландской защите приводит к логичной игре с ограниченным числом объектов атаки (белых) и защиты (черных). И хотя все эти пункты и линии находятся на узком участке шахматного фронта, но давление белых сохраняется надолго, быть может, до самого конца.

2. c2—c4 e7—e6
3. Kg1—f3 c7—c6
4. g2—g3 f7—f5

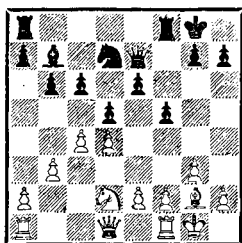
Отнюдь не смелость, а единственная дорога — другого хода у меня практически не было. Играть с Ботвинником каталонскую партию 4. .Kf6 5. Cg2 Ce7 6. 0—0 0—0 7. Kc3 b6 — чистое безумие, эта система не обладает большой жизнестойкостью.

Разумеется, я понимал, что в партии будет разыгран вариант с разменом чернопольных слонов, однако тогда, в 1951 году, мне этот размен не казался столь опасным, как авторам некоторых книг.

5.	Cf1—g2	Kg8—f6
6.	0—0	Cf8—e7
7.	b2—b3	0—0
8.	Cc1—a3	b7—b6

«Микроновинка». Обычно в этом варианте торопились защитить поле e5 ходом 8. . . Kbd7 и после 9. Фс2 не успевали удобно развить слона с8 из-за вечной угрозы cd.

9.	Ca3 : e7	Фd8 : e7
10.	Kf3—e5	Cc8—b7
11.	Kb1—d2	Kb8—d7
12.	Ke5 : d7	Kf6 : d7

13. e2—e3 . . .

Великолепно сыграно. В ожидании хода с6—с5 белые предусмотрительно защищают поле d4, и теперь у них развязаны руки для операций по линии «с», вскрытие которой рано или поздно неизбежно.

13.	. . .	Ла8—с8
14.	Ла1—с1	с6—с5

15.	Фd1—e2	Kd7—f6
16.	c4 : d5	. . .

Спорное решение. Белые извлекают черных от слабой пешки «е» и позволяют обменять «плохого» слона b7 на «хорошего» g2. Но, быть может, Ботвинник не считал, что слоны в чем-то не равны друг другу. Во всяком случае, в его богатой биографии можно найти много примеров, когда именно в голландской защите он побеждал черными... с помощью «плохого» слона с8.

16. . . . Cb7 : d5

В 1951 году этот ход казался мне естественным и, можно сказать, единственным, а сегодня я, вероятно, взял бы пешкой. В этом случае активность слона g2 всегда можно локализовать ходом Ke4, а белый ферзь не скользил бы столь беззаботно по полям d3 и e2. Взял же я слонem, а не пешкой, потому что боялся проигранного слоньего эндшпиля в случае, если белый конь сумеет укрепиться на e5 и его придется бить своим конем.

17.	Cg2 : d5	e6 : d5
18.	Kd2—f3	Лс8—с7
19.	Лс1—с2	Лf8—с8
20.	Лf1—с1	Kf6—e4

Коню в центре делать нечего. Хорошо, что я это быстро понял!

21. Kf3—e5 Ke4—f6

Меня спрашивали, зачем черные маневрировали туда-сюда,

когда можно было сразу открыть мирные переговоры по линии «с»: 21. . . cd 22. Л : с7 Л : с7 и т. д. Однако Ботвинник не обязан был меняться. Возможно 22. Кс6, и тогда неясно, то ли надо играть 22. . . Фа3 23. ed (хорошо и 23. К : d4 Ф : c1+ 24. Л : c1 Л : c1+ 25. Kpg2), сохраняя коня на сильной позиции, то ли 22. . . Фd7 23. К : d4 Л : c2 24. Л : c2 Л : c2 25. Ф : c2, стараясь свести вничью опасный эндшпиль.

22. Фе2—d3 g7—g6
23. Фd3—a6 Kpg8—g7
24. Фа6—e2 . . .

Ботвинник психологически прощупывает противника, приглашая его проявить «активности». Для этого были все основания. Я не люблю пассивно защищаться даже сегодня, а тогда. . . Достаточно сделать несколько выжидательных ходов, и я сам постараюсь изменить рисунок позиции, не очень задумываясь над тем, кому же это будет выгодно в конечном итоге. В этой партии я какой-то период держался, и то не до конца. И в других встречах Ботвинник, как я лишь впоследствии понял, часто бывал хитрее меня. Выдержки, выдержки — вот чего не хватало мне в матче...

24. . . . Фе7—d6
25. a2—a4 Kf6—e8

Белые ждут счастливой минуты для усиления нажима на пешки a7 и b6, черные никак не могут вызвать естественный ход

f2—f4 (тогда после Kf6—e4 кони были бы очень похожи, почти что братья).

Последний ход пешкой далеко не прост. За ним скрывается коварная ловушка: 25. . . Kd7 26. Kd3 c4 27. Kf4 cb 28. Л : с7 Л : с7 29. Ке6+! Поэтому черные предусмотрительно защищают ладью с7. Попутно белому ферзю закрывается дорога на a6 или b5 (26. Фа6 cd 27. Л : с7+ Л : с7 28. Л : с7 К : с7 29. Ф : a7 Ф : e5).

26. Фе2—d2 Ке8—f6

Конь-наблюдатель. Хорошо бы он ходил по полям f6 и e8, но его неожиданно и совсем не ко времени потянуло на h5...

27. Фd2—c3 Kf6—e4
28. Фc3—d3 . . .

Задуманная комбинация 28. dc К : c3 29. cd Ке2+ 30. Kpg2 Л : c2 31. Л : c2 Л : c2 32. d7 опровергалась наивным взятием белой пешки 28. . . Л : c5. Теперь при 29. Фb2 Л : c2 30. Л : c2 Л : c2 31. Ф : c2 Ф : e5 терялся конь, а после 29. Кс4+ К : c3 30. К : d6 Ке2+ 31. Kpf1 К : c1 32. К : c8 Л : c2 белые оставались без ладьи.

В ответ на отступление белого ферзя черные должны были отступить конем.

28. . . . c5 : d4
29. e3 : d4 a7—a5

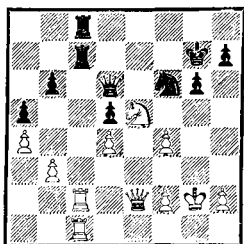
Вероятно, и это ослабление позиции не было обязательным.

30. Kpg1—g2 Ке4—f6
31. Фd3—e2 . . .

Во время партии я не так-то уж был уверен в безопасности эндшпиля для черных после простого 31. Л : с7+ Л : с7 32. Л : с7+ Ф : с7 33. Фа6 Фb8. Сейчас я вижу (а Ботвинник видел и тогда), что реальных путей прорыва у белых нет. Но тогда характер не позволял мне пассивно ждать будущего и вот — «дежурное блюдо».

31. . . . f5—f4
32. g3 : f4 . . .

Ботвинник тотчас совершает ответную ошибку. Правильно было сперва разменять все четыре ладьи и только потом взять пешку.

32. . . . Kf6—h5

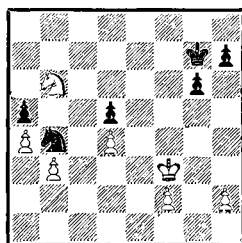
И здесь я не воспользовался счастливой возможностью сразу свести игру к ничьей — сделал «угрожающий» ход, не потрудившись посчитать варианты. Необходимо было 32. . . Л : с2! Мне не понравился вариант 33. Л : с2 Kh5 34. Kpf3 Фе6 35. Kg4 Ф : е2+ 36. Л : е2. Однако менять ферзей лучше не на е2, а на е4. После 35. . . Фе4+ черные выигрывали ладью с2 и партию. Ботвиннику пришлось бы пойти 34. Kd3, но тогда

34. . . Л : с2 35. Ф : с2 К : f4+ 36. К : f4 Ф : f4, и ферзевый эндшпиль даже несколько в пользу черных. Избирая вариант в партии, я рассчитывал прорваться ферзем на с1 (35. Kpf3 Фс1) и совершенно упустил из виду замечательный ход белого ферзя, приведший к выигранному коневому эндшпилю.

33. Лс2 : с7+ Лс8 : с7
34. Лс1 : с7+ Фd6 : с7
35. Фе2—g4 Kh5—f6
36. Фg4—e6 Kf6—h5
37. Фе6—d7+ . . .

Таким образом, завершены все «осложнения», и партия решила в коневой эндшпиль, в котором шансы черных на ничью близки к нулю.

37. . . . Фс7 : d7
38. Ke5 : d7 Kh5 : f4+
39. Kpg2—f3 Kf4—d3
40. Kd7 : b6 Kd3—b4

После 40. . . Kc1 41. К : d5 К : b3 42. Кре3 ловился черным конь. Теперь же у белых ясный план: во-первых, выжить черного коня с b4, во-вторых, двинуть пешку на b4, в-третьих, прозвести пешку «а» в ферзи. «Задача заключается в том, чтобы при этом не пропустить ко-

роля противника к белым пешкам королевского фланга» (М. Ботвинник).

Итак, после перерыва и анализа чемпион мира с большим аппетитом и не торопясь принимается доедать своего несмышленого партнера, который не использовал свои шансы ни на 28-м ходу, ни на 32-м.

41. Kpf3—f4	Kpg7—f6
42. Kb6—d7+	Kpf6—e7
43. Kd7—e5	Kpe7—e6
44. Kpf4—e3	Kpe6—f5
45. f2—f3	g6—g5
46. Kpe3—d2	h7—h5

На 46. . . Kpf4 последовало бы 47. Kd3+ K : d3 48. Kp : d3 Kp : f3 49. b4 ab 50. a5.

47. Ke5—d3	Kb4—a6
48. Kd3—c5	Ka6—b4
49. Kc5—d3	Kb4—a6
50. h2—h3	Ka6—c7
51. Kpd2—e3	...

На 51. Kpc3 черные получили некоторые контршансы после 51. . . Ке6. Белые в этом случае попали бы в цугцванг — они рискуют потерять пешку d4 или пропустить короля на f4.

51. . . .	Kc7—a6
52. Kpe3—e2	Kpf5—e6
53. Kpe2—d2	...

На 53. Kc5+ последовало бы 53. . . K : c5 54. dc Kpd7 55. Kpd3 Kpc6 56. Kpd4 h4!

53. . . .	Kpe6—e7

Если 53. . . Kpf5, то 54. Kpc3, и белые проводят в выгодный для них момент прорыв b3—b4.

54. Kpd2—c3	Kpe7—d6
55. b3—b4	a5 : b4+
56. Kd3 : b4	Ka6—c7
57. a4—a5	Kc7—b5+
58. Kpc3—d3	Kpd6—e6
59. Kpd3—e3	Kb5—a7
60. a5—a6	Ka7—b5
61. Kb4—c6	Kb5—c7
62. Kc6—b4	Kpe6—f5

Или 62. . . Kb5 63. Kpf2 и затем Kpg3 и f3—f4.

63. a6—a7	Kpf5—e6
64. Kpe3—f2	h5—h4
65. f3—f4	g5 : f4
66. Kpf2—f3.	Черные сдались.

№ 36. Ферзевый гамбит

Бронштейн Ботвинник

8-я партия

1. d2—d4	d7—d5
2. c2—c4	c7—c6
3. Kb1—c3	Kg8—f6
4. Kgl—f3	e7—e6

Приглашение играть слоном на g5. Долгое время этот ход считался лучшим для белых, но вот в 1940 году на турнире в Гастингсе была сыграна партия Сабо — ван-Схельтинга, которая сразу заставила теоретиков призадуматься. После 5. Cg5 dc 6. e4 b5 7. e5 h6 8. Ch4 g5 9. K : g5 вместо шаблонного 9. . . Kd5 10. K : f7 Ф : h4 11. K : h8 Сb4 12. Фd2 c5 13. dc Kd7 (сильнее 12. Лc1 Фе4+ 13. Се2 Kf4 14. f3 Фе3 15. Фd2 Kd3+ 16. Kpd1 Kf2+ 17. Kpc2) черные, не мудрствуя лукаво, сыграли 9. . . hg 10. С : g5 Се7 и благодаря

открытым линиям на королевском фланге получили атаку на белого короля. Партия тотчас была опубликована разными журналами, и шахматисты начали практически испытывать новую систему. Одним из первых откликнулся М. Ботвинник. В чемпионате Москвы 1943 года его партия с В. Живцовым развивалась так: 9. . .hg 10. С : g5 Kbd7 11. Фf3 Сb7 12. ef Фb6 13. Фе3 0—0—0 14. 0—0—0 Фа5 15. Kpb1 Kb6 16. h4 b4, и черные выиграли.

Лучше играл с Ботвинником в XIII чемпионате СССР А. Лилиенталь: 9. . .hg 10. С : g5 Kbd7 11. g3 Сb7 12. Сg2 Фа5 13. ef b4 14. Ке4 0—0—0 15. а3, но выиграть все же не смог. И, наконец, в матче по радио 1945 года СССР — США встреча чемпионов на I доске Ботвинника и Денкера развивалась так: 11. ef Сb7 12. Се2 Фb6 13. 0—0 0—0—0, и Ботвинник в красивой борьбе победил. Больше никто играть этот вариант белыми не пожелал, мне тоже он не очень нравится: слишком много черных пешек ферзевого фланга охраняют позицию своего короля. Более того, в турнире претендентов я сам играл эту систему (черными с В. Смысловым) и получил хорошую позицию после 9. . .hg 10. С : g5 Kbd7 11. g3 Лg8 12. С : f6 К : f6 13. ef, но испортил ее ходом Ф : f6 (сильнее Фb6).

Теперь понятно, почему в данной партии белые избрали

спокойный ход 5. e3, уклонившись от 5. Сg5.

5.	e2—e3	Kb8—d7
6.	Cf1—d3	...

Приглашение играть меранский вариант. Бить пешку c4 черные вынуждены. Система 6... Се7 применялась в тридцатых годах и была признана недостаточной. Шахматисты хорошо знают поучительную партию Ботвинник — И. Рабинович из турнира 1934 года. Вариант 6... Сb4 7. а3 Са5 8. 0—0 0—0 9. Фс2 принес черным разочарование в партии Ботвинник — Эйве из матч-турнира 1948 года. Черные могли, правда, сделать попытку уравнивать игру путем 6. . .Cd6 7. 0—0 0—0 8. e4 dc 9. С : c4 e5, но для белых гораздо сильнее 7. e4 de 8. С : e4 0—0 9. Сс2 (Бронштейн — Дамянович, турнир мира, Загреб, 1965 г.).

6.	...	d5 : c4
7.	Cd3 : c4	b7—b5
8.	Сс4—d3	a7—a6
9.	e3—e4	c6—c5
10.	e4—e5	...

Зря. Известный шахматный фельетонист гроссмейстер Ферзьбери незадолго до матча обратил мое внимание на заметку Р. Рейнолдса в английском журнале «Чесс» за январь 1939 года. Там разбирается продолжение 10. d4—d5, причем все варианты заканчиваются к явной выгоде белых. Это, собственно, меня и отпугивало. Уж чересчур легко выигрывает 10. d5, не верилось

в такую удачу. И я решил играть по старинке.

10. . . . c5 : d4
11. Кс3 : b5 . . .

Интересней было 11. Ке4, начиная знаменитую атаку Фреймана. С ней меня познакомил автор этой книги Борис Самойлович Вайнштейн, живший долгое время в Ташкенте бок о бок с С. Фрейманом и даже принимавший посильное участие в разработке отдельных вариантов атаки 11. Ке4. Я и сегодня убежден в полной корректности такого метода игры, при возможности непременно так сыграю, но тогда, в 1951-м... Нет, я не испугался домашних заготовок, просто не хотел их допускать. Дело в том, что атаку Фреймана я уже играл в 1946 году в Ленинграде на полуфинале чемпионата страны и победил самого Г. Левенфиша, поэтому с Ботвинником я избрал старую, но в общем-то безобидную атаку Г. Штальберга.

11. . . . Kd7 : e5
12. Kf3 : e5 a6 : b5
13. Фd1—f3 . . .

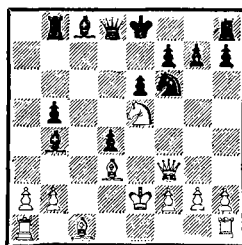
Атака Штальберга. Не стану приводить никаких анализов, не буду давать рекомендаций. Читатели, желающие узнать больше о меранском варианте, могут найти в библиотеке монографию «Меранская система», которая была создана при участии консультантов, один из них — я.

13. . . . Cf8—b4+
В более поздней партии Ре-

шевский — Ботвинник (матч СССР — США в Москве, 1955) черные вытащили из архива старый ход Г. Левенфиша 13. . . Фа5+. Как объяснял потом М. Ботвинник в комментариях, опубликованных в журнале «Чесс» (март 1956 г.), он в какой-то мере надеялся, что белые последуют книжной рекомендации 14. Кре2 Cd6 15. Фс6+Кре7 16. Cd2 b4 17. Кс4 Фа6 18. Kb6 и т. д., на что был заготовлен ответ 17. . . Фh5+. Однако, играя восьмую и десятую партии матча со мной, чемпион мира понимал, что ловить такого партнера на книжные варианты нереалистично.

Остается добавить, что плохо здесь 13. . . Ла5 из-за 14. 0—0 b4 15. Cf4 Ce7 16. Jfcl 0—0 17. Фh3 с выигрышным положением у белых (Капабланка — Левенфиш, Москва, 1935 г.).

14. Kpel—e2 Ла8—b8

15. Ке5—с6 . . .

Новинка, специально подготовленная к матчу. Увы, Ботвинник легко раскусывает этот орешек. Белые рассчитывали использовать в эндшпиле пару связанных проходных на ферзе-

вом фланге, но оказалось, что черные в силах пригвоздить к месту пешку «b», а одна проходная «a» неопасна. Зато оправдилось другое предположение белых — король в силах задерживать наступление пешек «d» и «e», но это достижение не так уж велико, ничью можно форсировать не такими длинными вариантами.

15. . . . Cc8—b7

Теоретический ответ, суть новинки белых — в следующем ходе.

16. Cc1—f4 . . .

Рассчитывая на острый вариант 16. . . Фb6 17. С : b8 С : c6 18. Фg3 0—0 19. Се5 с обоюдными возможностями, но Ботвинник усиливает защиту, не опасаясь перехода в эндшпиль.

16. . . . Cb4—d6

17. Kc6 : d8 Cb7 : f3+

18. Кре2 : f3 . . .

Не было ли лучше 18. gf?

18. . . . Лb8 : d8

19. Cd3 : b5+ Кре8—e7

20. Cf4—d2 Лd8—b8

21. a2—a4 . . .

Любопытный читатель может раскрыть теоретическое руководство и обнаружить этот вариант в партиях, иггранных задолго до 1951 года. Тогда он, естественно, спросит: где же новинка белых? Ответ заключается в том, что новинкой может быть не ход, не вариант, а оценка позиции. В данном случае я думал, что книжная оценка ошибочна, а оказалось, что ошибал-

ся я сам. Таким образом, хотя новинка и имела место, но эффект ее был отрицательный, поскольку изменить оценку удалось лишь отчасти — партия примерно равна и при аккуратных ходах должна, естественно, завершиться ничьей.

21. . . . Kf6—d5

22. b2—b3 f7—f5

23. Лh1—c1 e6—e5

24. Kpf3—e2 e5—e4

25. Лc1—c6 . . .

При подготовке к партии я рассматривал различные способы защиты со стороны черных. Во многих вариантах мне казалось очень важным укрепить ладью на c6. Здесь я был прав, но Ботвинник тотчас эту ладью выменивает и вторую ладью тоже. Лишившись мощной поддержки сбоку, пешка «a» теряет всю свою ударную силу. Более того, сохраняя объективность, надо констатировать переход инициативы в руки черных.

25. . . . Лh8—c8

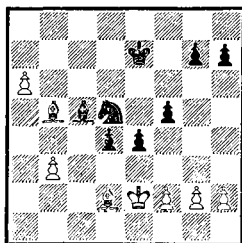
26. Ла1—c1 Лc8 : c6

27. Лc1 : c6 Лb8—b6

28. Лc6 : b6 Kd5 : b6

29. a4—a5 Kb6—d5

30. a5—a6 Cd6—c5

Выкристаллизовывается чистая ничья. Некоторые трудности белых вызваны отсталостью пешки «b». Ближайшая задача — отправить белопольного слона в тыл черных пешек и создать угрозу продвижения пешки «b» до b6. Тогда на доске возникнет позиция динамического равновесия.

31.	b3—b4	Cc5—a7
32.	Cb5—c6	Kpe7—d6
33.	Cc6—b7	h7—h6
34.	h2—h4	g7—g5
35.	h4 : g5	h6 : g5
36.	Cd2 : g5	Kd5 : b4

Черные сами решили организовать размен пешек и теперь играют дальше разве только в расчете на ошибку соперника в цейтноте.

37.	Cb7—c8	Kpd6—e5
38.	Cg5—d2	Kb4—d5
39.	Cc8—b7	Kd5—c3+
40.	Cd2 : c3	d4 : c3
41.	g2—g3.	

Партия была отложена и признана ничьей без продолжения игры.

Теперь я могу сказать, что, по сути дела, ни к чему большему тогда не стремился. Если бы после двух неожиданных поражений кряду я проиграл бы еще и 3-ю партию, то вряд ли восстановил в этом матче свое внутреннее психологическое равновесие.

В конце концов, размышляя я перед 9-й партией, Ботвинник выложил свои козыри, но не достиг перевеса в логической, позиционной борьбе.

№ 37. Голландская защита

Ботвинник

Бронштейн

9-я партия

Эта партия игралась в объективно неблагоприятной для меня спортивной ситуации: я грубым зевком проиграл 6-ю партию; не использовал тактического шанса и отдал задаром очко в седьмой; не угадал дебют (будем откровенны) и попал в критическое положение в эндшпиле 8-й партии.... И вот надо черными выдерживать осаду неумолимого чемпиона, который до матча со мной выигрывал белыми почти каждую партию даже у самых стойких гроссмейстеров.

Естественно, я стремился сделать все, чтобы как можно раньше создать такую позицию, в которой было бы как можно больше «разноликих элементов», полагая, что такая тактика сопернику будет не очень приятна. Мой прогноз оказался на сей раз точным. Ботвинник сам применил новый ход (шестой), стремясь получить исходную позицию для учебного зажима со всех сторон. Странно, но уже мой ближайший ход был для белых сюрпризом. И получилось так, что к 11-му ходу позиция черных выглядела более активной. Мне бы на этом успокоиться, но захотелось взять быка за рога и немедленно использовать экстравагантный ход Ботвинника 11. f2—f3. Продумав какое-то время (жаль, нет хронограм-

мы), я нашел замечательную комбинацию, благодаря которой белая пешка хотя и проходит в ферзи, но в своем новом качестве гибнет под ударом двух черных слонов. Если белые не пойдут на главный вариант, то черные просто и без помех получат великолепную игру по открытым линиям ферзевого фланга. Итак, я сделал ход 11... b7—b5 и ждал затаив дыхание, что будет.

Счастье мне улыбнулось. Ботвинник не взял пешку пешкой, а пошел ферзем в атаку на чернопольного слона. «Теперь,— думал я,— дело в шляпе. Надо только нигде не сворачивать с выбранной дороги, а то еще испугаюсь какого-нибудь несуществующего варианта и после партии буду плакать горячими слезами. Сколько уж раз бывало у меня именно так!» Сказано — сделано. Я начал ходить слонами быстро, как было задумано, почти не рассматривая варианты, и с каждым ходом волновался все больше: шутка ли, такие комбинации с жертвой ферзя и проходом пешки встречаются не чаще чем раз в десять лет! Помнил я только четыре примера: Боголюбов — Алехин из Гастингса, 1922, Капабланка — Шпильман из Нью-Йорка, 1927, Котов — Рагозин из межзонального, 1948, и Эйве — Керес, из Авро-турнира, 1938. Так что читатель должен меня понять — сам бы, вероятно, волновался не меньше.

А Ботвинник спокоен, верит

в свой расчет, играет уверенно. Неужели ничуть не беспокоится? Нет, скорее наоборот. Не верит он в мои комбинации, они ему кажутся случайными фокусами, без солидной позиционной базы. Ладно, не стану таить обиду, лучше ферзя поймаю в сети, а тогда уж посмотрим, у кого есть база, а у кого ее нет.

Так мы быстро дошли до позиции после 17. b7 : a8Ф, и только я приготовился взять слонем пешку d5, как увидел, что белый ферзь бьет слона a7. Мурашки пробежали по коже — не может того быть, ведь слон не там, он стоит на b6! Нет, на a7.... Так, не надо волноваться, все верно, походи Са7 — b6 и бей пешку d5, затем ферзя a8. . . Нет, тут что-то не то... Голова пошла кругом... Внезапно я сообразил, в чем дело: в расчете варианта из-за волнения сделал за черных два хода подряд — очень уж хотелось, чтобы комбинация была корректной! В таких случаях непроизвольно голову окутывает ласковый дымок, желание играть красиво мутит рассудок.

И тут произошло неожиданное: я страшно на себя разгневался. И вместо того чтобы сдать партию — зал, гудевший как улей, ждал именно этого, — я, собрав нервы в единый клубок, стал быстро играть оставшимися фигурами, будто ничего не произошло: просто партнеры обменялись взаимными уколами и ведут позиционную борьбу в рамках правил...

Правила, конечно, нарушены не были, но в результате моей роскошной комбинации у Ботвинника было на ладью больше. Сегодня я стал старше и вполне понимаю, что на его месте и я бы потерял боевой дух, с ходу на ход ждал бы капитуляции, переключился бы мыслями на 10-ю партию.... Вот так и получилось, что один из партнеров был полон энергии, жаждал борьбы до королей, а второй демобилизовал волю и равнодушно ждал сдачи соперника. Ботвинник не знал, что комбинацию я не зевнул, а придумал. Течение дальнейшей части партии показывает, сколь важно психологическое состояние шахматистов. Перед ним отступают на второй план все стандартные оценки. Все-таки человек с его слабостями — главное в шахматах, остальное только жалкие приложения.

Я рассказываю об этом, кроме всего прочего, еще и потому, что в 1964 году прочел в журнале «Огонек» рассказ Ботвинника о том, как он при доигрывании партии с С. Глигоричем в Гастингсе в очень важном варианте сделал за себя в расчете два хода подряд. Ну, а если это случилось у Ботвинника, то могло случиться и у меня — теперь мне читатель поверит. И вот сейчас я впервые вслух рассказываю о том, что произошло в дебюте 9-й партии на самом деле. Если бы не все это, я не нашел бы в себе силы играть без ладьи и играть хорошо! Никогда! Я бы остановил часы, как

сделал в гораздо лучшей позиции на финише матча в 23-й партии. Так что мое объяснение не только правдиво, но и единственно возможное. Неужели кто-нибудь подумает, что гроссмейстер, оспаривающий правоту своих творческих взглядов и страстно влюбленный в сложную шахматную комбинацию, может в самом начале игры, на первом часу, зевнуть такой примитив, как 15. b5—b6? Тем более что выбор был: 14. . . ab 15. К : c5 dc 16. d6+ Кph8 с отличными возможностями у черных. Но кто бросит в меня камень за то, что я хотел в течение трех ходов взять в плен двух черных ферзей...

1.	d2—d4	e7—e6
2.	c2—c4	f7—f5
3.	g2—g3	Kg8—f6
4.	Cf1—g2	Cf8—e7
5.	Kb1—c3	0—0
6.	d4—d5	...

Новый ход, специально приготовленный Ботвинником для нашего матча. Любопытно, что хотя дебют сложился в пользу черных, в матче больше моих голландских не было — в 15-й партии партнер предпочел французскую, а в других встречах я сам избирал новые дебюты. Но, кажется, напрасно: голландская защита ничем отрицательно себя не проявила — чудный дебют.

6. . . . Ce7—b4

Стандартная реплика — черные не хотят оставлять слона

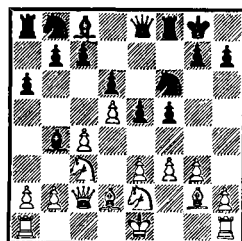
взаперти за пешечной цепью. Именно этот ход слона, однако, и привел партию к цепи неслыханных событий. О части из них я уже рассказывал.

7.	Cc1—d2	e6—e5
8.	e2—e3	d7—d6
9.	Kg1—e2	a7—a6

Вероятно, для тех лет новый замысел. В голландской защите полагалось прежде всего переводить ферзя с d8 на h5, как бы демонстрируя свои агрессивные намерения. Но матч на первенство мира играется не для демонстраций, а ради утверждения собственного шахматного стиля. Мне всегда казалось, что если на поле боя есть 64 клетки, то и надо играть на максимальном числе оных. Тем более что один ферзь на h5 погоды не сделает. К тому же в лагере белых есть хороший объект атаки — пешка c4; если ее «сбить с орбиты», то может оказаться без поддержки пешка d5. Впрочем, тут мне пригодился опыт разыгрывания черными староиндийской защиты, где сила или слабость пешки d5 определяет перевес белых или черных. Еще один пример того, что дебюты только носят разные имена, — стратегия в них порой очень схожа.

10.	Фd1—c2	Фd8—e8
11.	f2—f3	...
	(См. след. диагр.)	
11.	...	b7—b5

Начало ошибочной комбинации, о которой я рассказывал. Сам по себе ход хорош, но не на-

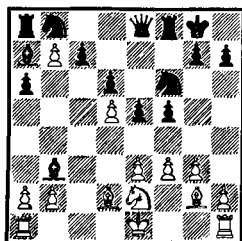

до было ничего потом жертвовать. Избирая логичные продолжения, черные могли вести полнокровную борьбу.

12.	Фc2—b3	Cb4—c5
13.	c4 : b5	Cc8—d7

Иллюзия побеждает, здравый смысл отступает. Взяв пешку, черные сохраняли инициативу: 13. . . ab 14. К : b5 Фf7 15. e4 fe 16. fe Kg4, или 15. Кc3 c6, или 15. 0—0 К : d5 16. f4 e4. Зато сейчас начинаются чудеса, сделавшие партию уникальной.

14.	Кc3—a4	Cc5—a7
15.	b5—b6	Cd7 : a4
16.	b6—b7	...

Вот позиция, где черным при расчете на четыре хода вперед почудился вариант 16. . . Cb6 17. baФ C : d5? Но где здесь ошибка? Нигде. Все абсолютно правильно. Только ход сейчас не черных, а белых, и комбинация

превращается в неудавшийся фокус.

16. . . . Ca4 : b3
17. b7 : a8Ф Ca7—b6
18. a2 : b3 . . .

Итак, этому слону-самоубийце не суждено было съесть ферзя.

18. . . . Фе8—b5

Вот и доказательство того, что в голландской партии ферзю не обязательно бежать на h5, есть другие маршруты...

19. Ke2—c3 Фb5 : b3
20. Ла1 : a6 . . .

Щедрость Ботвинника понятна, но что грозило белому королю после давно запланированной рокировки?

20. . . . Kb8 : a6
21. Фа8 : a6 Kf6 : d5
22. Фа6—a4 . . .

Теперь становится понятен смысл жертвы ладьи за коня — белые стремились к размену ферзей и к эндшпилю. Выбора у меня не было.

22. . . . Фb3 : a4
23. Kc3 : a4 Cb6 : e3
24. Cg2—f1 . . .

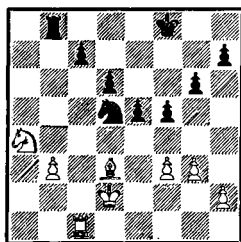
Угроза Cf1—c4 крайне неприятна, и можно подумать, что исход партии уже решен. Однако теперь на сцену выходит уже вполне реальная шахматная комбинация. В игру вступает ладья f8, и выясняется, что белые все же зря не рокировали; положение короля и ладьи на

исходных местах создает для черных возможность сильного шаха с поля a1.

24. . . . Lf8—a8
25. b2—b3 . . .

Варианты 25. Cc4 Л : a4
26. C : d5+ Kpf8 27. C : e3 Ла1+ или 27. Kpe2 C : d2 28. Kp : d2 Лd4+ были к выгоде черных, но возможно было 27. Cb3 Ла1+ 28. Cd1.

25. . . . Ce3 : d2+
26. Kpe1 : d2 Kpg8—f8
27. Cf1—d3 g7—g6
28. Lh1—c1 Ла8—b8

Буря миновала, ветер утих, фигуры успокоились. У черных внезапно появились серьезные надежды на спасение партии. Как поется в известной песенке Розы Баглановой, пешка «тонет и не тонет, потихонечку плывет». Имеется в виду, что белая пешка «b» есть, а вроде бы ее и нет. В проходные она не годится, а иначе особой ценности не имеет. Ботвинник, однако, еще не расстался с мыслью о выигрыше. Продолжая играть слишком прямолинейно, он делает в цейтноте несколько слабых ходов и чуть ли не получает уж вовсе несправедливый ноль.

29. Ka4—c3 Kd5—b4
 30. Cd3—e2 Lb8—a8
 31. Kc3—a4 . . .

Редкий случай, когда борьбу за линию ведут не две ладьи, а конь и ладья! Однако если черной ладье безразлично, с какого поля охранять восьмую горизонталь, то коню приятнее было бы находиться в центре доски.

31. . . . c7—c6
 32. Lc1—c4 La8—b8

Наэлектризованные зрители возбужденно что-то говорили, шум был — никогда мне такого не приходилось слышать, судьи К. Опоченский и Г. Штальберг буквально съезали глазами стрелки часов. Я и не глядя на часы знал, что циферблат показывает цейтнот в своем крайнем выражении. Ботвинник, не имея опыта игры молниеносных партий, хотя у него было в запасе полторы минуты, нервничал сверх всякой меры. Оно и понятно: не каждый день играешь такой невероятный эндшпиль, где не знаешь, то ли оценивать позицию в общем, то ли кропотливо считать варианты.

33. Ce2—d1 Kpf8—e7
 34. Lc4—h4 h7—h5
 35. Ka4—b2 d6—d5
 36. g3—g4 h5 : g4
 37. f3 : g4 f5—f4
 38. g4—g5 Lb8—f8

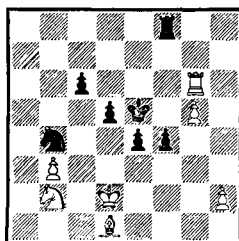
Черным тоже нелегко. Если белые не знают, как выиграть,

то им надо было решать задачу похитрей: бороться за очко или за половинку? А времени подумать не было ни секунды. Поэтому ладья мечется — символ недоумения...

39. Lh4—h7+ Kpe7—d6
 40. Lh7—g7 e5—e4

Ход в ход к контрольному рубежу черные выстроили цепь пешек. Однако счет никто не вел, и по инерции даже аккуратный Ботвинник делает в горячке битвы лишний ход.

41. Lg7 : g6+ Kpd6—e5

В этой позиции партия была отложена и около полудня следующего дня по предложению белых была признана ничьей. Матч продолжался при счете +2—1=6.

Основные варианты: 42. Cg4 f3 43. Le6+ Kpd4 44. Lf6 La8 45. C : f3 La2 46. Kpc1 La1+ 47. Kpd2 La2 или 42. h4 f3 43. Lf6 L : f6 44. gf Kp : f6 45. Kpe3 Kpf5 46. C : f3 gf 47. Kp : f3 c5. Если в первом из этих вариантов 45. Ka4, то 45. . . e3+ 46. Kpd1 e2+ 47. Kpd2 Le8, и черные выигрывают.

Бронштейн

Ботвинник

10-я партия

1. d2—d4	e7—e6
2. c2—c4	f7—f5
3. Kb1—c3	Cf8—b4

Тонкий, глубоко продуманный ход. Спустя 15 лет мне довелось в командном чемпионате Москвы играть черными с Ботвинником такую партию: 1. c4 f5 2. d4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 Cb4 5. e3 C : c3+ и т. д. Когда партия закончилась (ничья к обоюдному удовольствию, хотя борьба шла до пешечного эндшпиля), мы стали анализировать дебют. Дойдя до хода 5. . . C : c3, экс-чемпион мира сказал: «Единственный ход».

Истоки побед Ботвинника, по моему мнению, кроются в глубоком понимании дебютных тонкостей. Обладая выдающейся техникой, Ботвинник обычно доводил до победы позиции, где у него был ясный и четкий план увеличения дебютного давления. До матча 1951 года все (кроме, быть может, Г. Левенфиша) противники Ботвинника не придавали значения самостоятельным поискам в дебюте, и, как правило, попадали на ту или иную тщательно отработанную схему — неважно, черными или белыми. Это понимал Левенфиш, отстоявший в матче с Ботвинником свое звание чемпиона СССР (+5—5=4), но его достижение не было оценено.

Изучив все опубликованные партии Ботвинника, я разгадал некоторые тайны моего партнера. В матче с ним я прежде всего старался не дать охватить себя клещами стандартных технических приемов. Сказать, что мне это всегда удавалось, не могу, но все же после матча в одном из выступлений чемпион мира наградил меня «комплиментом жизни»: «Главная сила Д. Бронштейна в том, что он является чемпионом мира в стадии перехода партии из дебюта в миттельшпиль».

То есть Ботвинник признал, что я сделал максимум возможного, чтобы не дать ему получить выгодные исходные позиции для технической реализации дебютного преимущества. Не случайно, видимо, оценивая итоги матча, журнал «Шахматы в СССР» в июне 1951 года писал: «Ботвинник в полной мере проявил одну из сильных сторон своего творчества — искусство защиты, но мы не были свидетелями на этот раз ни одной партии (!), где чемпион мира, завладев инициативой, доводил бы свой план до логического завершения, создавая, как прежде, блестящие комбинационные атаки».

Такая оценка матча мне приятна вдвойне. Не так-то легко в 24 партиях, из них 12 черными, без усталости импровизировать, чтобы не позволить противнику взять себя на абордаж! Однако эта тактика имела и отрицательные последствия. Думая в основном о том, как обезвредить

оружие партнера, я изменял своему стилю и вместо бурных открытых дебютов белыми, а черными — сложных индийских построений занимался в основном профилактикой, что отразилось на силе моей игры в целом.

Теперь уже легче объяснить, возвращаясь к ходу 3...Cb4, почему Ботвинник не спешит с развитием коня g8,— избегает связки слонном.

4. Фd1—c2 ...

В 12-й партии борьбу с чернопольным слонем и я вел хитрее — оставил на месте коня b1 (перехватил дебютный прием партнера!) и сперва сыграл пешкой e2 на e3.

Потерпев фиаско в 12-й партии, я в дальнейшем решил проблеме дебюта более капитально — перенял целиком не один ход, а все фигурно-пешечное построение противника — из... 1-й партии матча.

4. ... Kg8—f6

5. e2—e3 ...

Теперь 5. Сg5 не так-то и сильно, поскольку потерял темп на ход ферзем. В партии из командного чемпионата, о которой я упоминал, черные побили коня слонем, так как не хотели допустить хода Kg1—e2, после чего бить на c3 уже не имело смысла.

5. ... 0—0

6. Cf1—d3 d7—d6

7. Kg1—e2 c7—c5

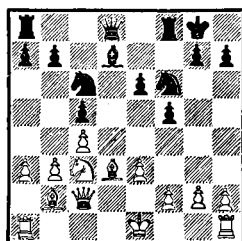
8. a2—a3 Cb4 : c3+

9. Ke2 : c3 Kb8—c6

10. d4 : c5 d6 : c5

11. b2—b3 Cc8—d7

12. Cc1—b2 ...

Одного беглого взгляда на позицию достаточно, чтобы увидеть заметный перевес белых. Их чернопольный слон не имеет оппонента, сила его увеличивается благодаря ходу f7—f5. Но одно дело теория, другое — практика. Набравшись чрезмерного оптимизма, белые играют небрежно.

12. ... Kc6—e5

13. Cd3—e2 ...

Зачем белым этот слон? Он пассивно стоит на d3, еще хуже на e2. Однако в данной конкретной обстановке я стал жертвой воспоминаний о двух слонах, принесших мне в жизни немало побед в эндшпиле. Будь эта партия играна после 19-й или 23-й, мои воспоминания были бы, вероятно, не столь розового оттенка и я без колебаний сделал бы длинную рокировку, которую в своих комментариях вполне резонно рекомендует Ботвинник.

13. . . . Cd7—c6
14. f2—f3 . . .

Белые планировали удар 14. Kd5, расчищая диагональ слону, но теперь зря играют пешкой. Опасности в ходе 14. . . Kfg4 не было никакой, в то же время и после 14. . . ed 15. C : e5 Kg4 16. C : g4 fg 17. 0—0—0 Fe7 18. Cb2 игра была бы равна. Теперь черные захватывают инициативу

14. . . . Kf6—h5
15. Kc3—d1 . . .

10-я партия — очень удачный пример отсутствия у партнеров правильных взаимных характеристик. Ботвинник сейчас будет вести атаку не спеша, концентрируя внимание на стратегических аспектах позиции; его партнер станет оперировать сверхдерзкими ходами с целью вызвать ту или иную стандартную жертву фигуры. Моя тактика объяснялась просто — я безгранично верил в сочетание слона по диагонали a1—h8 и ладьи по вертикали g1—g8. Эта батарея должна себя проявить. Ботвинник уклонялся от острых и сильных прорывов с жертвой, так как был уверен в том, что я... рассчитал дальше, тогда как я не считал вовсе, а руководствовался интуицией.

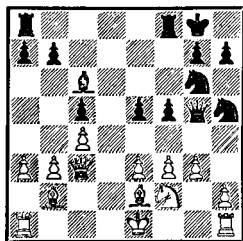
На этом своеобразном взаимном непонимании партнеры и подошли к тихому эндшпилю, вместо того чтобы завершить борьбу в раннем миттельшпиле. Сейчас вместо 15. Kd1 хорошо

рокировать. Указанный многими комментаторами ответ 15. . . Фg5 белым неопасен ввиду того же выпада конем — 16. Kd5. Но мне здесь пришла в голову новая идея — укрепить короля в центре и подготовить вскрытие линии «g» для ладьи... с помощью ходов партнера. Очень рискованный замысел, который я после этой партии уже никогда не пытался реализовать на практике. Если все же 15. 0—0 Фg5 16. Kd5 ed, то 17. f4, и белые добились своей цели — вскрыли диагональ не только чернопольному слону, но и его белопольному собрату тоже.

15. . . . Ke5—g6
16. Фc2—c3 . . .

Продолжение ошибочного плана.

16. . . . Фd8—g5
17. g2—g3 e6—e5
18. Kd1—f2 . . .

Черные, естественно, препятствуют длинной рокировке.

18. . . . Ла8—d8
19. Лh1—g1 Фg5—e7

Последний ход белых и черных объяснить невозможно. Вместо хода 19. Лd1, пытаюсь водой

погасить атаку, белые подливают бензин, а черные не играют 19. . . f4, что неизбежно взламывало все двери и оконные проемы в шатком доме белого короля. Только комментарий к 15-му ходу может кое-что прояснить. Ботвинник не хотел идти на острый вариант 19. . . f4 20. h4 Фe7 21. gf ef 22. e4 К : h4 23. Кd3 Kg3 24. К : f4 Л : f4 25. Л : g3 и выбрал более капитальное продолжение.

20. Ла1—d1	Kh5—f6
21. Лd1—d2	a7—a6
22. Kpe1—d1	b7—b5

Парадоксально. Отказавшись от верной атаки на королевском фланге, черные ищут проблематичные шансы на ферзевом. Между тем ситуация изменилась, и теперь самое главное место сражения — центр. Здесь и надо было ломать сопротивление белых.

23. Kpd1—c1	b5—b4
24. Фc3—c2	Лd8 : d2
25. Фc2 : d2	Лf8—d8
26. Фd2—c2	f5—f4

Смело, дальновидно, просто. За четыре игровых часа Ботвинник присмотрелся к слону b2 и увидел, что угрозы больших нет, если даже открыть линию «g». Зато после размена пешек черные смогут нацелить своих коней на важный пункт d4.

27. g3 : f4	e5 : f4
28. e3—e4	a6—a5
29. Kf2—d3	Kf6—d7

Утверждали, будто черные могли сразу выиграть жертвой коня за пешку e4. Ну уж нет! Выиграть сразу можно было сыграв f5—f4 на 19-м ходу, когда оба черных коня врывались в стан белого короля. Но теперь, когда белый король стоит близко к левому углу, так просто его не взять. К тому же я отлично видел жертву коня и жаждал съесть его. Почему? Позиция белых мне не нравилась, я чувствовал, что стратегически проигрываю бой, а в варианте 29. . . К : e4 30. fe, приобретая коня, должны быть скрытые возможности. Ботвинник дает вариант 29. . . К : e4 30. fe С : e4 31. Лd1 f3 32. Cf1 Kf4, но сам улучшает его за белых ходом 31. Фd2 и не находит ничего лучшего, нежели 31. . . f3 32. Cf1 Фd6 33. Лg5 h6 34. Лh5 Фe7. Сделав еще три-четыре хода — 35. ab ab 36. Лd5 С : d5 37. cd Л : d5 38. Фf2, надо долго думать, почему белые должны проиграть. А заметив, что белая ладья по пятой линии не так уж беспомощна, можно еще раньше найти ход 34. Фе3 или даже 34. Л : c5. Так что если даже в монографии, посвященной своему творчеству, Ботвинник не дает четкого выигрыша, то какие (и сколько) ошибки мог бы он сделать, пожертвовав коня в реальной ситуации?

30. a3 : b4	a5 : b4
31. Сb2—a1	...

Белые никак не могут успокоиться, все им мерещится бата-

рея из ферзя и слона по большой диагонали. Было самое время перевести белопольного слона на диагональ h3—c8, а мечты об атаке забыть.

31. . . . Kd7—f8
32. Лg1—d1 . . .

Не зря ли белые так усердно себя критикуют за активный стиль борьбы? Сыграй они сейчас 33. h4, ладья могла бы себя проявить с лучшей стороны. Что мне не понравилось — сказал бы, да не знаю. Хода 32. . . Ф : h4 у черных не было (33. Фb2 Фе7 34. К : f4 или 33. . . Фh6 34. К : c5 с явным перевесом в обоих случаях). Не поторопился ли Ботвинник увести коня с поля f6, где он прикрывал пешку g7 от слона?

32. . . . Kf8—e6

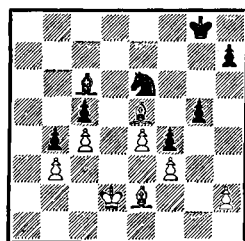
По мнению Ботвинника, сильнее было 32. . . Фg5.

33. Kd3—e5 Kg6 : e5
34. Cb2 : e5 Фе7—g5
35. Лd1 : d8+ Фg5 : d8
36. Фc2—d2 Фd8 : d2+
37. Kpc1 : d2 . . .

«Белые существенно поправили свои дела. Им осталось только перевести слона на h3, чтобы полностью уравнивать игру», — говорит Ботвинник в своих комментариях.

37. . . . g7—g5

Внезапная буря перенесла партнеров в эндшпиль, и чемпион мира делает один из своих самых любимых пешечных ходов.

38. Kpd2—d3 Kpg8—f7
39. Ce2—f1 h7—h5
40. Cf1—e2 . . .

«40-й ход! Белые не решаются на продолжение 40. Ch3 g4, хотя после 41. fg Kg5 42. Cf1 C : e4+ 43. Kpe2 hg 44. C : f4 Ke6 45. Cd6 Cc2 46. Cg2 позиция упрощалась и ничья оказывалась неизбежной» (Ботвинник).

40. . . . Kpf7—e7
41. Ce2—f1 Cc6—d7
42. Cf1—h3 . . .

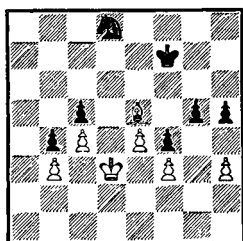
«А сейчас наоборот — единственный шанс состоял в сохранении двух слонов. Теперь белые получают проигранный конец, решение которого так мною и не было найдено в домашнем анализе».

42. . . . Ke6—d8
43. Ch3 : d7 Kpe7 : d7
44. h2—h3 Kpd7—e7
45. Ce5—g7 Kpe7—f7
46. Cg7—e5 . . .

(См. след. диагр.)

46. . . . Kpf7—e7

«46. . . Kpg6!! 47. Kpe2 (47. Cd6 Ke6!) 47. . . Kc6, и черные либо образуют проходную пеш-

ку путем g5—g4 с последующим вторжением своего короля, либо выигрывают пешку b3» (Ботвинник).

47.	Ce5—g7	Kd8—b7
48.	Cg7—h6	Kpe7—f6
49.	Ch6—f8	Kpf6—f7
50.	Cf8—h6	Kpf7—g6
51.	Ch6—f8	Kpg6—f6
52.	Kpd3—e2	Kpf6—f7
53.	Cf8—h6	Kpf7—g6
54.	Ch6—f8	Kpg6—f6
55.	Kpe2—d3.	
- Ничья.

Несмотря на хаотический характер борьбы и множество неточностей, партия очень хорошо иллюстрирует различие творческих установок гроссмейстеров.

№ 39. Новоиндийская защита

Ботвинник

Бронштейн

11-я партия

1.	d2—d4	e7—e6
2.	Kg1—f3	Kg8—f6
3.	c2—c4	b7—b6
4.	g2—g3	Cc8—b7
5.	Cf1—g2	Cf8—e7
6.	0—0	0—0
7.	b2—b3	d7—d5
8.	c4 : d5	e6 : d5

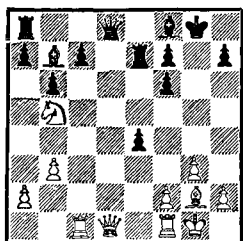
9.	Cc1—b2	Kb8—d7
10.	Kb1—c3	Lf8—e8
11.	Kf3—e5	...

Новинка, несомненно подготовленная к матчу. Точно такая позиция встретила в 1-й партии поединка Левенфиш — Ботвинник (матч, 1937). Там белые играли 11. Le1, и Ботвинник ходом 11...Ke4 успел первым перейти демаркационную линию. Теперь он спешит осуществить тот же маневр белыми. К тому же здесь скрыта тонкость. Если черные сыграют 11...Cd6, то после 12. f4 Ke4 13. K : e4 de 14. Фс2 черным трудно будет бороться с конем на e5. Поэтому черные отступают слоном на f8. Если 12. f4, то 12...c5 13. e3 cd 14. ed Ke4, и у белого ферзя нет поля c2 из-за ответа Лс8.

11.	...	Ce7—f8
12.	Lal—c1	...

Соль варианта. Я знаком с этим дебютом, но не могу припомнить, чтобы белые в новоиндийской защите столь рано жертвовали пешку. Всесторонне рассмотрев варианты, возникающие из хода 12...K : e5, я решил принять жертву, то есть «попасться» на домашний заготовленный вариант, так как не видел опасности королю и верил в свое мастерство защиты.

12.	...	Kd7 : e5
13.	d4 : e5	Le8 : e5
14.	Kc3—b5	Le5—e7
15.	Cb2 : f6	g7 : f6
16.	e2—e4	d5 : e4

Где же это видано, чтобы чемпион мира так просто за доской по одному наитию отдавал две пешки (см. статью М. М. Ботвинника в газете «Известия», лето 1961 г., «Анализ или импровизация»)?

17. $\Phi d1-g4+$ $Cf8-g7!$

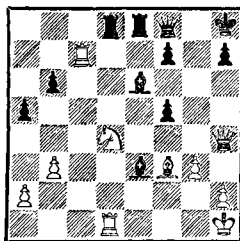
Этот ход, вероятно, не был предусмотрен Ботвинником при кабинетной работе. Для ферзя освобождается поле f8, и основные страхи остаются позади.

18. $Lf1-d1$ $\Phi d8-f8$
 19. $Kb5-d4$ $Cb7-c8!$
 20. $\Phi g4-h4$ $f6-f5$
 21. $Kd4-c6$...

Здесь уместно было от позиционных соображений общего характера перейти к конкретному расчету вариантов. Трезво оценив позицию, белые, вероятно, избрали бы вариант, предложенный С. Флором: 21. $Ch3$ $C:d4$ 22. $L:d4$ $Ce6$ 23. $L:c7$ $L:c7$ 24. $\Phi g5+$ $\Phi g7$ 25. $Ld8+$ с вечным шахом. Впрочем, и здесь не так все ясно после 22. ... $h6$. Например, 23. $L:c7$ $L:c7$ 24. $Ld8$ $Lc1+$ 25. $Kpg2$ $Ca6$.

21. ... $Le7-e8$
 22. $Cg2-h3$ $Cg7-h6$

23. $Lc1-c2$ $e4-e3$
 24. $f2:e3$ $Ch6:e3+$
 25. $Kpg1-h1$ $Cc8-e6$
 26. $Ch3-g2$...
 Слон трубит отбой.
 26. ... $a7-a5$
 27. $Cg2-f3$ $Kpg8-h8$
 28. $Kc6-d4$ $La8-d8$
 29. $Lc2:c7$...

Белые неожиданно отыграли одну пешку и заняли своей ладьей активную позицию. Тем не менее сейчас очередь хода за черными, а этот фактор зачастую оказывается решающим. В атаку идут черные слоны.

29. ... $Se6-d5!$
 30. $Ld1-e1?$...

Сразу проигрывает. Плохо было также 30. $\Phi f6+$ $Kpg8$ 31. $\Phi:f5$ $C:f3+$ 32. $\Phi:f3$ $L:d4$. Однако заслуживала внимания рекомендация чемпиона защиты С. Флора: 30. $Lf1$ $\Phi d6$ 31. $C:d5$ $\Phi:d5+$ 32. $Kf3$ с шансами на ничью. За нее, правда, еще придется бороться после 32. ... $Kpg7$ или 32. ... $Lc8$. Можно сыграть и более остро — 32... $Le6$, и если 33. $L:f7$, то 33. ... $Lh6$ 34. $\Phi e7$ $\Phi:f3+$ 35. $L:f3$ $Ld1+$ 36. $Kpg2$ $Lg1\times$, но это не получается из-за 34. $L:f5$.

30. . . .	Фf8—d6
31. Лс7—с2	Ле8—е4!
32. Cf3 : е4	Cd5 : е4+
33. Фh4 : е4	f5 : е4
34. Kd4—f5	Фd6—b4
35. Le1 : е3	Ld8—d1+
36. Kph1—g2	Ld1—d2+
37. Лс2 : d2	Фb4 : d2+
38. Kpg2—h3	Фd2—f2
39. Kph3—g4	f7—f6

Белые сдались.

№ 40. Голландская защита

Бронштейн **Ботвинник**

12-я партия

1. d2—d4	e7—e6
2. c2—c4	. . .

Одержав столь приятную победу в 11-й партии, я был просто обязан или сыграть 1. e2—e4, или принять приглашение к французской защите. Неужели белые должны бояться варианта 1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kd2 c5 или 3. Kc3 Cb4? Нет, конечно. Почему же я уклонился от французской?

Поскольку голландская и французская защиты стали для меня в матче опорными точками, то не хотелось раскрывать партнеру больше того, что необходимо. Играя белыми только против одной голландской, я наивно полагал, что скрываю от Ботвинника правильный метод атаки в том или другом варианте французской защиты. Однако эта супертонкая дебютная стратегия оказалась ошибочной. Как бы там ни было, именно в 12-й партии, игравшейся на перело-

ме матча, следовало играть остро и бескомпромиссно.

2. . . .	f7—f5
3. e2—e3	Kg8—f6
4. Kb1—c3	d7—d5
5. Kgl—h3	. . .

Экстравагантный ход. Особенно тогда, в 1951 году, когда единственно правильной в дебюте считалась центральная стратегия — прямое следствие беспримерных турнирных успехов Ботвинника и его творческих установок. Отчасти поэтому мне ужасно хотелось пойти конем на край доски. Но сегодня таким ходом никого не удивить.

5. . . .	c7—c6
6. Cc1—d2	Cf8—d6
7. Фd1—c2	0—0
8. 0—0—0	. . .

Проясняются контуры задуманного белыми стратегического плана. Избрав острую дебютную систему с разносторонними рокировками, я надеялся первым либо вскрыть линию «е» в пункте e4, либо прорвать по линии «g» с помощью ходов Лh1—g1, Cf1—e2, g2—g4. Увы, все оказалось не так просто.

8. . . .	Фd8—e7
9. f2—f3	. . .

Последовательно и... слабо. Уж если конь вышел на h3, то ему надо было идти дальше — на f4. Конечно, черные могли прогнать коня — 9. Kf4 g5, но после 10. Kh3 пешечное прикрытие короля черных было бы ос-

лаблено, особенно если учесть, что король белых на другом фланге и в бой смело могут выйти пешки g2 и h2. А если бы черные не решились на ход 9. . . g5, то после 10. h4 белые укрепили коня на сильной позиции. В этом случае черным невыгодно уступать центр — 9. . . dс или играть 9. . . g5 10. Kh3 h6 11. f4 g4 12. Kf2, так как фигуры белых имели бы объекты для атаки в виде пешки e6 или пешки g4.

9. . . . d5 : с4

Этот ответ я попросту просмотрел. Досадный промах, тем более обидный, что партия не успела еще выйти из дебютной стадии.

10. e3—e4 . . .

После длительного размышления я отказался взять пешку слоном. При 10. С : с4 b5 11. Се2 e5 или 11. Сb3 a5 12. a4 Ка6 атака черных развивается слишком легко. Но и попытка перехватить инициативу в центре не приносит желаемого результата.

10. . . . f5 : e4

11. Кс3 : e4 . . .

Одинаково плохо бить пешкой; после 11. fe e5 12. С : с4 + Kph8 позиция белых в центре разваливается, пункт e5 в руках черных, в дополнение ко всему самыми ближайшими ходами черные начнут наступление пешками на ферзевом фланге, пользуясь тем, что белые фигуры чересчур сжаты.

11. . . . b7—b5

Защищая пешку и уклоняясь от варианта 11. . . К : e4 12. Ф : e4 b5 13. Kg5 g6 14. h4. Тонко оценив ситуацию, Ботвинник позволяет белым обменять на коня ценного чернопольного слона.

12. Ke4 : d6 . . .

В качестве утешения белые получают пункт e5 для слона. Поэтому не имело смысла играть 12. Сg5 Ка6 13. С : f6 gf, и белым еще хуже, чем при продолжении в партии.

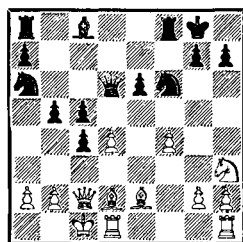
12. . . . Фе7 : d6

13. f3—f4 . . .

Непоследовательно. Обязательно было 13. Cf4. Белые тоже увидели, что из атаки фигурами ничего не получается, и стараются подключить к наступлению пешки «f» и «g». Но даже в этом случае важный слон на центральном поле e5 мог при счастливом стечении обстоятельств сказать веское слово.

13. . . . Kb8—a6

14. Cf1—e2 c6—c5

Ботвинник наносит удар по самому укрепленному пункту по-

зиции белых. Попутно для белопольного слона с8 открывается путь к полю е4.

15. Се2—f3 Ла8—b8
16. Cd2—c3 . . .

Белые слоны совершили чудо — несмотря ни на что, вышли на боевые позиции. Но слово за черными конями, и это решает битву в их пользу.

16. . . . Ка6—b4
17. d4 : c5 Kb4 : a2+
18. Kpc1—b1 Ка2 : c3+
19. Фс2 : c3 Фd6 : c5
20. Лh1—e1 . . .

Фигуры белых сконцентрировались на центральных линиях, но переломить ход борьбы им не под силу: все-таки у черных не одна, а две лишние пешки, к тому же обе они в районе белого короля.

20. . . . h7—h6
21. Ле1—e5 Фс5—c7
22. g2—g4 Сс8—b7
23. Cf3 : b7 Лb8 : b7
24. g4—g5 . . .

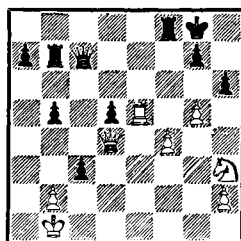
Последняя попытка поддерживать кислородом угасающую жизнь белых фигур.

24. . . . Kf6—d5
25. Лd1 : d5 e6 : d5
26. Фс3—d4 c4—c3

Разрушая последнюю надежду.

(См. диагр.)

27. b2—b3 Фс7—d7
28. Kh3—f2 c3—c2+
29. Kpb1—c1 h6 : g5
30. Ле5 : g5 Фd7—e6

31. Лg5—e5 Фе6—d6
32. Kpc1 : c2 Лb7—c7+
33. Kpc2—d2 Фd6—c5
34. Фd4 : c5 Лс7 : c5
35. Kf2—d3 Лс5—c6
36. Ле5 : d5 a7—a6
37. h2—h4 Лс6—h6
38. h4—h5 Лh6—f6
39. b3—b4 Лf6—f5
40. Лd5—d6 Лf8—f6

В этом положении партия была отложена. Конечно, белые записали 41. Лd6—d8+, но наутро сдали партию с помощью телефона.

№ 41. Защита Нимцовича

Ботвинник

Бронштейн

13-я партия

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kb1—c3 Cf8—b4
4. e2—e3 b7—b6

Если черные хотят играть на выигрыш, то другого хода у них нет. Только немедленно создавая давление по диагонали а8—h1, можно помешать белым гармонично расставить фигуры.

Сейчас борьба разворачивается вокруг полей е4 и d5.

5. Kg1—e2 Cc8—b7
 6. a2—a3 Cb4 : c3+
 7. Ke2 : c3 0—0
 8. Cf1—d3 . . .

Смелая жертва пешки. В случае 8. . . С : g2 9. Лg1 Сb7 10. e4 Ke8 11. Фh5 g6 12. e5 Kg7 13. Фh6 f5 14. h4 Kph8 черные как будто отбивали первую атаку, но после 15. Сg5 Фе8 16. Cf6 Фf7 17. h5 им все равно пришлось бы капитулировать. Разумно поэтому отклонить данайский дар.

8. . . . c7—c5

Черные продолжают ошибочную (это я понимаю сегодня!) тактику осложнения борьбы лобовой ценой. Правильно было 8. . . d5 9. cd ed 10.0—0 Kbd7 11. b4 c5 12. bc bc 13. Лb1 Фc7 14. dc К : c5. Черные кони владеют полем e4 и могут не бояться двух слонов.

9. d4—d5 b6—b5

Ради этого хода черные играли весь вариант. Гора родила мышь. Белые не обязаны принимать жертву пешки и спокойной рокировкой закрепляют перевес в центре.

10. 0—0 b5 : c4

Спустя три года, на XI Олимпиаде в Амстердаме, П. Трифунович в партии с автором примечаний испытал ход 10. . . ed, но тоже получил плохую игру после 11. cd d6 12. e4 a6 13. Ke2 Ле8 14. Kg3.

11. Cd3:c4 e6 . d5

12. Kc3:d5 Kb8—c6
 13. b2—b3 . . .

Ботвинник ведет игру по рельсам партии Фурман — Левенфиш (чемпионат Ленинграда, 1949 г.). И я тоже держал эту партию в уме как запасный выход, если не сумею усложнить игру раньше. Сейчас мне удастся сделать заготовленный дома ход ладьей и свести игру к ничьей. Но когда я за доской, сыграв 12. . . Kc6, ждал ответа белых, то неожиданно увидел ход 13. b4 и очень удивился, почему такой опытный тактик, как С. Фурман, не стал немедленно атаковать пешку c5. Впрочем, понять можно и Фурмана и Ботвинника: им казалось, что пешка c5 дешевле пешки b2 и менять их неразумно. Так-то оно так, но белые ходом 13. b4 выигрывали еще и темп — ход 13. . . Ke5 был для черных плох, независимо от того, защищает пешка «b» слона c4 или нет: 13. . . Ke5 14. Сb2 К : c4 15. К : f6+ gf 16. Фg4+ Kph8 17. Ф : c4 cb 18. Фf4 Kpg7 19. Фg5+. Поэтому ход 13.b3 гораздо слабее, хотя и рекомендован теорией.

13. . . . Kf6 : d5
 14. Cc4 : d5 Ла8—b8
 15. Cc1—b2 Кc6—e7

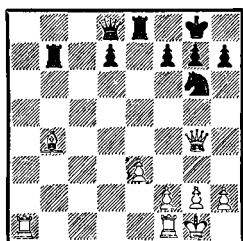
Может быть, белые ждали только хода конем на a5. Тогда возможен вариант 16. Фg4 g6 17. С : b7 Л : b7 18. b4 cb 19. Фd4 f6 20. ab Kc6 21. Фd5+ Лf7 22. b5 Ka5 23. Л : a5 Ф : a5 24. Ф : b7.

16. Фd1—g4 Ке7—g6
17. Cd5 : b7 Лb8 : b7
18. b3—b4 . . .

31. h2—h3 Ле8—a8
32. Лf1—d1 Фе6 : d5
33. Лd4 : d5 Кс5—e4

Признание в том, что ход
13. b3 был потерей времени.

18. . . . a7—a5
19. Cb2—c3 a5 : b4
20. a3 : b4 c5 : b4
21. Cc3 : b4 Лf8—e8

Внезапная горячая пешечная стычка на ферзевом фланге привела к открытию трех линий.

Однако когда игра переместилась на королевский фланг, черный конь уже не слабее слона белых — дальнбойность потеряла свое значение. В то же время слабость пешки «d» не так уж велика — четырехладный эндшпиль ничейный, к тому же эту пешку надо еще выиграть.

22. Cb4—c3 Фd8—h4
23. Фg4—f3 Лb7—c7
24. Cb2—d4 Kg6—f8
25. Ла1—a5 Кf8—e6
26. Cd4—e5 Лс7—c6
27. Се5—g3 Фh4—c4
28. Ла5—d5 Ке6—c5
29. Лd5—d4 Фc4—e6
30. Фf3—d5 h7—h6

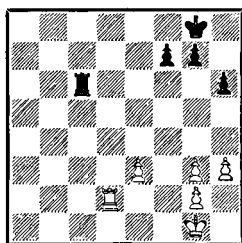
Более полезного хода у черных сейчас нет.

Оказывается, черные думают не только о защите. Приготовив для короля убежище на h7, они готовы вторгнуться обеими ладьями на вторую горизонталь. Но пока что пункт f2 надежно охраняет слон. Поэтому задача № 1 для черных — атаковать и уничтожить слона.

34. Лd5 : d7 Ке4 : g3
35. f2 : g3 Ла8—a2
36. Лd1—d2 Ла2 : d2

Сегодня я сыграл бы 36. . . Лс6—c2, но тогда мне казалось более правильным не медля ни секунды перейти в ничейный ладейный эндшпиль. Быть может, здесь вообще нет предмета для дискуссии, но в иных случаях бывает так, что ладья нужна именно на втором ряду.

37. Лd7 : d2 . . .

37. . . . Кpg8—f8
38. g3—g4 Кpf8—e7
39. Кpg1—f2 Лс6—f6+
40. Кpf2—e2 Лf6—a6

Тут цейтнот кончился, и была самая пора согласиться на

ничью. Однако Ботвинник записал ход.

41.	Ld2—d5	Ла6—a2+
42.	Kpe2—f3	g7—g5
43.	Ld5—f5	...

Ботвинник любит слабые пункты...

43.	...	Kpe7—f8
44.	Lf5—f6	Kpf8—g7
45.	Lf6—d6	Ла2—b2
46.	g2—g3	Lb2—a2
47.	h3—h4	Ла2—h2
48.	Ld6—d1	Kpg7—f6
49.	e3—e4	Kpf6—g6
50.	h4—h5+	Kpg6—f6
51.	Ld1—d6+	Kpf6—g7
52.	e4—e5	Lh2—h1
53.	e5—e6	f7 : e6
54.	Ld6 : e6	Lh1—f1+
55.	Kpf3—e4	Lf1—e1+
56.	Kpe4—d5	Le1—d1+

Ничья (по предложению белых).

№ 42. Староиндийское начало

Бронштейн **Ботвинник**

14-я партия

Чтобы развеять плохие воспоминания от ужасной 12-й партии, я переменял дебют — сыграл на первом ходу королевским конем. Однако я не имел в виду дебют Рети, поскольку не раз его применял, и партия вскоре свернула с теоретических путей, приняв характер староиндийской в первой руке.

Впоследствии такие позиции охотно стал играть Р. Фишер, а недавно в командном чемпио-

нате Москвы мне «почти удалось» выиграть у Т. Петросяна именно в этом дебютном варианте. Правда, середину партии я на базе накопленного опыта провел лучше, чем с Ботвинником.

1.	Kg1—f3	e7—e6
2.	g2—g3	d7—d5
3.	Cf1—g2	c7—c5
4.	0—0	Kb8—c6
5.	d2—d3	g7—g6

Ботвинник упорно хочет играть свою любимую систему с развитием слона на g7 и коня на e7. Мне все же кажется, что пока белые не пошли Kb1—d2, черным лучше играть 5. . . Cd6, развывая слона без потери темпа на ход пешкой. Возможно, с этим не согласится Б. Ивков, проигравший на турнире в Санта-Монике Фишеру, но ошибку югославский гроссмейстер допустил позднее.

6.	e2—e4	Cf8—g7
7.	Фd1—e2	Kg8—e7
8.	e4—e5	Фd8—c7
9.	Lf1—e1	h7—h6

Симптоматичный ход. Чувствуя слабость полей f6, h6, g5, Ботвинник надолго откладывает короткую рокировку.

10. c2—c3 Cc8—d7

Заслуживает внимания 10. . . b6 и затем Ca6.

11.	Kb1—a3	a7—a6
12.	La1—b1	...

Чтобы в случае длинной рокировки начать атаку ходом b2—b4. Но черный король пока

в центре, и поэтому сильнее было укрепить пешку е5 ходом d4.

12.	...	Ke7—f5
13.	Ka3—c2	Ла8—с8
14.	h2—h4	Фс7—а5

Черным трудно создать план активной игры. Смысл хода 14. . . Фа5 в том, чтобы вызвать ослабление ферзевого фланга белых.

15.	a2—a3	Фа5—d8
16.	Cc1—f4	0—0

Смелое и правильное решение. Рокировать все равно необходимо, и это лучше сделать сейчас, пока белые не успели перестроиться для прямого штурма.

17.	Kc2—e3	...

Преждевременный размен коней. Правильно было 17. Фd2 Kph7 18. Kh2 b5 19. Kg4 — в этом случае у белых было бы больше надежд организовать неотразимую атаку. Возможно, Ботвинник видел какую-то защиту и в этом случае, иначе бы он не рисковал.

17.	...	Kf5 : e3
18.	Фe2 : e3	Kpg8—h7
19.	Kf3—h2	Kc6—e7
20.	Kh2—g4	Ke7—g8

Сильный защитительный маневр; теперь пробить позицию черных нелегко. Этот конь сыграл главную роль в защите и в контратаке, а в заключение своей военной карьеры отдал свою жизнь за жизнь белого

слона и создал все предпосылки для победы черных.

21.	Фe3—d2	Cd7—c6
22.	d3—d4	c5 : d4
23.	Фd2 : d4	...

Белые хотят укрепить на d4 слона. Хорошо было 23. cd, но я вынужден был считаться с большим искусством Ботвинника в защите, тем более что в 4-й партии матча мне не удалось использовать открытую линию «с».

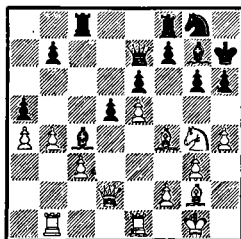
23.	...	Cc6—b5

Опасно допускать перевод слона g2—f1—d3.

24.	b2—b3	a6—a5
25.	a3—a4	Cb5—a6
26.	Фd4—d2	...

Сильнее было сразу 26. b4.

26.	...	Фd8—e7
27.	b3—b4	Ca6—c4

28.	b4 : a5	...

Просчет в варианте или подсознательное влечение к изолированным сдвоенным пешкам? Правильно было 28. b5, сохраняя все выгоды позиции.

28.	...	Cc4—a6
29.	Cg2—f1	Фe7—c5

30. Cf1—b5 Фc5 : c3
 31. Фd2 : c3 Лc8 : c3
 32. Cb5 : a6 b7 : a6
 33. Лb1—b6 Лc3—c4

Сильный ход, которым черные перехватили инициативу. Я рассчитывал ответить 34. Ла1 (34. . . Ла8 35. Лb7), но проморгал 34. . . g5.

34. Kg4—h2 Kg8—e7
 35. Лb6 : a6 Ke7—c6
 36. Kh2—f3 Kc6—b4

Красивый рейд коня Kg8—e7—c6—b4—d3—f4. Чувствуется огромный опыт партнера в разыгрывании позиций с крепкой французской пешечной цепью d5—e6—f7.

37. Ла6—b6 Kb4—d3
 38. Лe1—a1 Kd3 : f4
 39. g3 : f4 Лc4 : f4

Положение белых, несмотря на две проходные пешки «а», неожиданно стало критическим. Однако в азарте цейтнота белым было обидно играть 40. Ла3 f6 41. Л : e6 fe 42. К : e5 Л : f2 43. К : g6 Лf1+ 44. Kpg2 Л8f2+ 45. Kpg3 Cd4 46. h5 с вероятной ничьей.

40. Kpg1—g2 g6—g5

Последний контрольный ход в цейтноте. Привычка точно считать варианты не позволила Ботвиннику сыграть 40. . . f6, хотя, как сказал бы Таль, и без всякого счета видно, что при позиции ладьи на a1 вскрытие слона g7 к выгоде черных. Однако

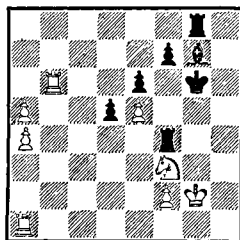
Ботвинник хотел съесть пешку e5 живьем.

Здесь партия была отложена.

41. h4 : g5 h6 : g5

Непросто защищаться и после 41. . . h5.

42. Kf3 : g5+ Kph7—g6
 43. Kg5—f3 Лf8—g8

При домашнем анализе я пришел к выводу, что этот ход самый сильный. Сначала я хотел играть 44. Лb7, но потом уже за доской увидел вариант 44. . . Kph7!! 45. Kg5+ Kph6 46. К : f7+ Л : f7 47. Л : f7 С : e5+, реализую идею f7—f6, но в другом исполнении.

Другие продолжения не давали черным решающего преимущества: 43. . . Лh8 44. Лg1 Kpf5 45. Лb7 или 43. . . Лg4+ 44. Kpf1 Лh8 45. Kpe2 Ле4+ 46. Kpd2 Ch6+ 47. Kpd3.

44. Ла1—a3 Cg7—f8
 45. Ла3—d3 Лf4 : a4
 46. Kpg2—f1 Ла4—a1+

Если 46. . . Cc5, то 47. Лb5 Ca7 48. Лb7 Л : a5 49. Kd4 Ла1+ 50. Kpg2 Kph6+ 51. Kph2 С : d4 52. Лh3+ Kpg7 53. Лg3+ Kph8 54. Лh3+.

47. Kpf1—e2 Ла1—а2+
 48. Лd3—d2 Ла2 : а5
 49. Лb6—b8 . . .

Единственный ход. Если бы черным удалось начать атаку двумя ладьями и слоном, защиты у белых не нашлось бы.

49. . . . Лg8—h8
 50. Kf3—d4 Cf8—g7
 51. Лb8 : h8 Cg7 : h8
 52. f2—f4 . . .

Определенное достижение для белых. Конечно, это не тот конь, о котором белые мечтали на 23-м ходу, когда брали пешку d4 ферзем, но все же пешка e5 под надежной защитой. Теперь черные вряд ли могут выиграть.

52. . . . Ла5—а6
 53. Лd2—d1 Ла6—а2+
 54. Кре2—f3 Ла2—а3+
 55. Kpf3—g4 Ch8—g7
 56. Kpg4—h4 Cg7—f8
 57. f4—f5+ . . .

Форсирует ничейные упрощения.

57. . . . e6 : f5
 58. Лd1—g1+ Kpg6—h7
 59. Kd4 : f5 . . .

Проще было 59. Kpg5 с угрозой 60. Kpf6.

59. . . . Ла3—а6
 60. Лg1—g5 . . .

Экстравагантный ход, один из тех, которые помешали мне выиграть матч. Недавно в голландском журнале я прочел интервью с М. Эйве, где он давал

характеристику группе гроссмейстеров. Экс-чемпион мира говорит, что «Бронштейн крепко-накрепко запретил себе все нормальные ходы». Сперва я обиделся, но, подумав, вынужден был признать справедливость упрека президента ФИДЕ. Разве последний ход ладьей придет кому-нибудь в голову? Просто и понятно было 60. Лd1. Впрочем, не боялся ли я варианта 60. . . Kpg6 61. Ке3 Ла4+ 62. Kpg3 Ла3?

60. . . . Cf8—h6
 61. Лg5—g3 Ла6—e6
 62. Лg3—f3 Ле6 : e5
 63. Kf5 : h6 Kph7 : h6
 64. Лf3 : f7 Kph6—g6
 65. Лf7—f4 Ле5—f5
 66. Kph4—g4.
 Ничья.

№ 43. Французская защита Ботвинник Бронштейн 15-я партия

Существенное отличие матчевой борьбы от турнирной заключается в том, что в матчах соперники обычно безнаказанно повторяют одни и те же дебютные схемы. Однако это не значит, что все дебюты подготовлены до матча. В период между партиями надо беспрерывно ремонтировать защитные схемы. В 15-й партии я наивно избрал вариант, который уже играл в третьей, но Ботвинник приготовил усиление, я почувствовал это в момент перехода из дебюта в миттельшпиль.

1.	d2—d4	e7—e6
2.	e2—e4	d7—d5
3.	Kb1—d2	c7—c5
4.	e4 : d5	e6 : d5
5.	Kg1—f3	...

Точнее, чем 5. Сb5+, поскольку... черные могут вместо правильного 5. . . Кс6 допустить ошибку: 5. . . а6? 6. dс С :с5 7. Кb3 Са7 8. Фе2+ или 5. . . с4? 6. b3 cb 7. Сb5+ Cd7 8. Фе2+ Фе7 9. Ке5. Или преждевременно сыграть конем на f6, что я и сделал.

5.	...	Kg8—f6
6.	Cf1—b5+	Cc8—d7
7.	Cb5 : d7+	Kb8 : d7
8.	0—0	Cf8—e7
9.	d4 : c5	Kd7 : c5
10.	Kf3—d4!	...

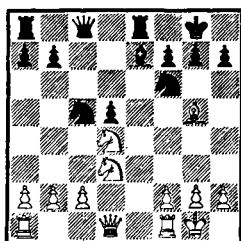
Сильный и глубоко продуманный маневр. Прежде играли 10. Кb3 К5е4 11. с3 с небольшим, но длительным перевесом у белых. Идея Ботвинника понятна, но бороться с ней трудно — белые хотят укрепить коня на f5 и вызвать ослабление g7—g6 угрозой прямой атаки на пункт g7.

10.	...	Фd8—d7
11.	Kd2—f3	...

Если 11. Фf3 0—0 12. Кf5, то 12. . . Cd8, и нет хода 13. Фg3.

11.	...	0—0
12.	Kf3—e5	Фd7—c8
13.	Cc1—g5	Лf8—e8
14.	Ke5—d3	...

Белые меняют план, поскольку в процессе защиты чер-

ные пассивно расположили своего ферзя и не успели ввести в игру ладью а8.

14.	...	Kc5 : d3

Легкомысленный ход, свидетельствующий о моей плохой спортивной форме в этот вечер. Следовало поставить этого коня на e4. При большем числе фигур черным было бы легче создать встречные угрозы белому королю. Однако в 1951 году я точно так же, как Б. Спасский в 1969 году против Т. Петросяна и В. Корчной в 1974 году против А. Карпова, не боялся играть эндшпиль с единственной слабостью — изолированной пешкой на d5. Впрочем, в 20-й партии матча, как увидит читатель, Ботвинник тоже проявил себя шахматистом неробкого десятка, добровольно создав позицию с изолированной пешкой в центре. Проблема эта очень сложна, еще не одно поколение шахматистов будет голосовать «за» и «против» одинокой пешки в центре.

15.	Фd1 : d3	Фc8—g4
16.	Cg5—e3	Ce7—c5
17.	h2—h3	Фg4—g6

Лучше было 18. . . Фе4, но черные хотят убить двух зай-

цев — разменять ферзей и защитить поле f5, хотя коню там уже делать нечего.

18. Фd3 : g6 h7 : g6
19. Ла1—d1 Ле8—e4
20. c2—c3 b7—b6

Ненужная профилактика на ферзевом фланге. Уж если черные начали серию разменов, следовало продолжать 20. . . С : d4 21. Л : d4 Л : d4 22. С : d4 Ле8 23. f3 Ле2 24. Лf2 Ле1+.

21. Kd4—c2 Ла8—d8
22. Лd1—d3 Kpg8—f8
23. Лf1—d1 Kpf8—e7
24. Kpg1—f1 Kpe7—d7
25. Се3—g5 Kpd7—c6
26. b2—b4 . . .

Черные видели этот ход, но переоценили силу короля на c6.

26. . . . Сс5—f8
27. Кс2—e3 Ле4—e5
28. f2—f4 . . .
Ошибка.
28. . . . Ле5—e4
29. f4—f5 . . .

Белые просмотрели, что на 29. С : f6 следует 29. . . Л : f4+. Поэтому следовало играть, как тотчас же после партии указал Ботвинник, 28. С : f6 gf 29. f4 Лh5 30. c4 С : b4 31. К : d5 Cd6 32. К : f6 Лhh8 33. Ке4 Се7 34. Л : d8 Л : d8 35. Л : d8 С : d8 36. Кре2 f5 37. Kg5, и белые выигрывают.

29. . . . Ле4—e5
30. Сg5—f4 Ле5—e4
31. Cf4—g5 Ле4—e5

32. Сg5—f4 Ле5—e4
33. Cf4—g5 Ле4—e5
Ничья.

№ 44. Голландская защита Бронштейн Ботвинник

16-я партия

В партии, которую мы сейчас рассмотрим, было, по существу, две партии: одна до 40-го хода и вторая после откладывания. Или даже три партии, если учесть, что и во время доигрывания было две части, абсолютно не похожие друг на друга: от 41 до 46-го хода и от 47 до 75-го хода.

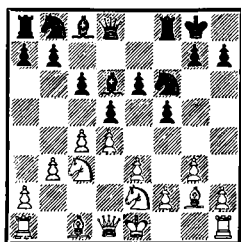
О доигрывании мы поговорим потом, сейчас я хочу рассказать о дебюте и первой стадии миттельшпиля.

Белые применили расстановку сил, которую Ботвинник сам приберег для первой партии матча, и если меня обвинят в плагиате, я не найду аргументов в свою защиту. Однако я, видимо, защищался лучше, чем Ботвинник, ибо в 1-й партии матча достиг явного преимущества черными уже к 20-му ходу, а Ботвинник лишь удерживал равновесие до самого перерыва.

Последующая маневренная борьба — вплоть до контроля времени — лучше всего показывает равенство шахматной силы партнеров и одновременно взаимное отсутствие у них стопроцентного уважения к стратегическим или тактическим замыслам другого. Белые долго пы-

тались найти точку прорыва, но все их усилия разбивались о глубоко эшелонированную оборону Ботвинника. Возможно, мы оба играли слишком медлительно, но зато согласно своим шахматным программам: я ждал какой-либо тактической неточности, а Ботвинник неизбежного, по его мнению, моего стратегического ляпсуса. Разобрав партию, читатель увидит, что каждый из нас имел неверное представление о некоторых особенностях стиля партнера. Поэтому партия на 41-м ходу была отложена с таким же минимальным преимуществом белых, какое у них было перед первым ходом.

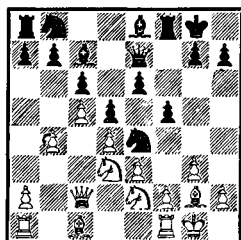
1.	d2—d4	e7—e6
2.	c2—c4	f7—f5
3.	g2—g3	Kg8—f6
4.	Cf1—g2	Cf8—e7
5.	Kb1—c3	0—0
6.	e2—e3	d7—d5
7.	Kg1—e2	c7—c6
8.	b2—b3	Ce7—d6

Характерный для Ботвинника ход. В то время как учебники призывают каждым ходом вводить в бой новую фигуру, лидер стратегической школы Ботвинник исповедует принцип «ходить теми фигурами, по-

зицию которых надо улучшить в данный момент». Конкретно ход слоном сделан для черного ферзя, которому необходимо срочно выйти на e7, чтобы воспрепятствовать размену слонов по диагонали a3—f8. Такую потерю темпа черные могут себе позволить только в голландской защите, где имеется надежный контроль над центральным полем e4.

9.	0—0	Фd8—e7
10.	Фd1—c2	Kf6—e4
11.	Kc3—d1	Kb8—a6
12.	Kd1—b2	Cc8—d7
13.	c4—c5	Cd6—c7
14.	Kb2—d3	Cd7—e8
15.	b3—b4	Ka6—b8

Вновь та же картина. Если слон на восьмом ходу всего только потерял темп, то конь просто идет обратно. Такие чудеса в открытых дебютах невозможны, но в позициях замкнутого типа время измеряется другими оценками и единицами.

16. Cc1—b2 . . .

Белые тоже не торопятся и наивно полагают, что достаточно им пойти La1—e1, f2—f3, e3—e4, как позиция черных развалится. Однако прорвать стра-

тегические заслоны чемпиона мира оказалось совсем не так просто. И если бы мне довелось играть точно такую позицию еще раз, я действовал бы гораздо энергичнее.

16.	...	a7—a5
17.	a2—a3	Kb8—d7
18.	Kd3—e5	Ke4—f6
19.	Ke2—c1	g7—g5!

Блестящий ход, который является острием глубокого позиционного замысла. Наступление пешки «g» обеспечивает черным фигурам вечный контроль над полем e4, что, в свою очередь, служит гарантией прочности пешечной конструкции f5—e6—d5—c6.

20.	f2—f3	g5—g4
21.	Kc1—d3	g4 : f3
22.	Cg2 : f3	Kf6—e4

Конь с триумфом возвращается на свое законное поле.

23.	La1—e1	Kd7—f6
24.	Kd3—f4	Kpg8—h8

Диагональ a1—h8 настолько забита фигурами, что король может смело идти в угол.

25.	Le1—e2	Ke4—g5
26.	Cf3—g2	Lf8—g8

Оба противника неторопливо маневрируют. Мотивы таких действий читатель уже знает.

27.	Cb2—c3	Kg5—e4
28.	Cc3—e1	a5 : b4
29.	a3 : b4	Kf6—h5
30.	Kf4—d3	Kh5—f6
31.	Фc2—b1	Ce8—h5

32.	Le2—b2	Ch5—e8
33.	Lb2—a2	La8 : a2
34.	Фb1 : a2	Cc7—b8

Защищаясь от вторжения ферзя на a7.

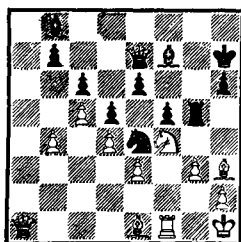
35.	Фа2—b2	...

Чувствуется, что начался цейтнот.

35.	...	h7—h6
36.	Kd3—f4	Kph8—h7
37.	Kpg1—h1	Kf6—g4
38.	Ke5 : g4	Lg8 : g4
39.	Cg2—h3	Lg4—g5

Не попадаясь в прозрачную ловушку — 39. . . Lg8 40. K : e6.

40.	Фb2—a1	Ce8—f7

В этой позиции партия была отложена. Я всю ночь искал за белых логические пути прорыва черной пешечной цепи, но не нашел ничего заманчивого. Вероятно, самое правильное было предложить по телефону ничью, но в этом матче ничьи предлагались в мертвых ничейных позициях. А просто так, из боязни проиграть, о ничьих (и о болезнях...) не думали. К тому же замечен позиционный перевес белых. Но одно дело видеть

позицию на диаграмме, другое — играть ее в ответственном соревновании.

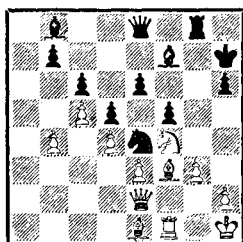
41. Ch3—g2	Lg5—g8
42. Cg2—f3	Ke4—f6
43. Фa1—b2	Kf6—g4
44. Фb2—e2	Kg4—f6

Ботвинник выжидает, попутно заставляя белых решать туманные задачи, разгадывать комбинации черных, связанные с прыжками черного коня.

45. Lf1—g1	Kf6—e4
46. Lg1—f1	...

Плохие примеры заразительны — пассивные ходы фигур носят характер эпидемии. С. Флор вполне резонно советует наступать на ферзевом фланге — 46. b5.

46. ... Фе7—e8

47. Фе2—d3?? ...

Ужасный ход. Черные так долго отказывались бить коня на f4 слонем, что белые перестали обращать внимание на эти две фигуры. Ботвинник не менял своего чернополюсного слона, так как после, например, 46. . . С : f4? 47. gf! Фf8 48. Lg1 или 48. Ch4 слоны белых силь-

ны, в то время как черный конь e4 нестрашен, а слон f7 пассивен.

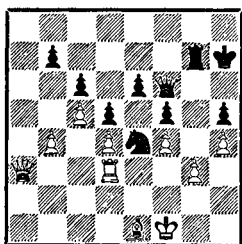
Другое дело теперь. Счастливо подвернувшийся шанс (грубая ошибка белых, переставших контролировать поле h5) позволяет Ботвиннику одним только ходом преобразовать неплохую позицию в лучшую. Дальше, может быть, и не в лучшую, а просто выигранную. Но теперь помимо шахматных ударов в игру, точь-в-точь как в 10-й партии, включается психология. Обрадовавшись такому благоприятному повороту событий, Ботвинник начинает нервничать, подолгу думать даже над элементарными ходами и за короткий остаток времени (от 46-го до 75-го хода) дважды попадает в ужасный цейтнот. Так что меня несколько не удивляет, что справедливость в конце концов восторжествовала. Каждый получил по пол-очка.

47. ...	Cb8 : f4
48. e3 : f4	...

Совсем плохо 48. gf Ch5 49. Cg2 Фg6 50. Фc2 Cd1 51. Фb2 Ca4.

48. ...	Ce8—h5
49. Фd3—a3	Ch5 : f3+
50. Lf1 : f3	Lg8—g7
51. Kph1—g2	Фe8—d8
52. Kpg2—f1	Фd8—f6
53. Lf3—d3	h6—h5
54. h2—h4	...

Положение совсем не так примитивно выиграно для черных, как это может показаться

малоопытному глазу. Конь е4 силен, слов нет, но радиус его действия весьма ограничен. Сейчас задача белых — не пропустить черные фигуры на линию «а», а в случае прорыва черного ферзя на g4 иметь наготове ответ Фa2—e2 при белой ладье на поле а3.

54. . . . Лg7—g8
55. Лd3—d1 . . .

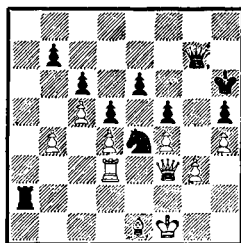
Глупый ход, которому нет оправдания даже ссылкой на цейтнот. Я хотел сначала играть ферзем на a1 и ладьей на а3, но, увидев на миг, что пешка b7 не защищена, задумал позднюю атаку: Лd3—b3 и b4—b5. Один из очевидцев матча — С. Флор свидетельствует в своих комментариях, что белые даже сыграли 55. Лd3—b3, но, увидев, что пешка d4 под ударом, успели, не выпуская ладьи из рук, сделать ход ладьей по диагонали b3—d1 и исправить что возможно...

55. . . . Фf6—g7
56. Фa3—f3 Кph7—h6
57. Кpf1—g2 Лg8—a8

Этот ход предупредить было нельзя, например 57. Лd3 Ла8 58. Ла3 Л : а3 59. Ф : а3 Ф : d4

60. Фa8 Фc4+ 61. Кpg1 Кf6, и выигрыш черных не за горами.

58. Лd1—d3 Ла8—a2+
59. Кpg2—f1 . . .

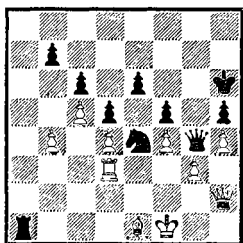
59. . . . Ла2—a1

Получив подарок в виде хода 47. Фd3??, Ботвинник не хочет выпускать очко из рук. И над этим элементарным ходом ладьи думал около 50 минут, имея всего час на все ходы вплоть до 72-го. Неужели и теперь кто-либо поверит, что я сознательно толкал партнера в цейтнот? Более чем очевидно, что сам Ботвинник сознательно подзывал цейтнот к себе, словно индийский заклинатель — змею. Ну, а я попадал в цейтнот.... из-за Ботвинника. Если чемпион думает по 50 минут над ходом (2-я партия после 10. Сg5 — 40 минут, 5-я партия перед 11. b4 — 52 минуты и т. д.), то его ходы, несомненно, очень сильны и тут есть над чем задуматься и мне.

60. Фf3—g2 Фg7—g4
61. Фg2—h2 . . .

У белых позиция настолько плохая, что мне хочется на минуту передать слово С. Флору. В книге «Шахматное творчество

М. Ботвинника» (том 2, стр. 302—303) он пишет: «Белая ладья не может уйти из-за 61... Фd1, у короля нет ходов, а у ферзя только два поля — g2 и h2». Ботвиннику стоило сделать несколько ходов королем, чтобы убедить противника в том, что его последняя надежда — цейтнот — не помогает в таких позициях.

61. . . .	Фg4—g8
62. b4—b5	Фg8—a8
63. Фh2—b2	Фa8—a5
64. Лd3—e3	c6 : b5
65. Ле3—e2	Фa5—a4
66. Kpf1—g2	Ла1—d1
67. Се1—f2	Фa4—c4
68. c5—c6	Фc4 : c6
69. Фb2—b4	Фc6—e8
70. Ле2—c2	Лd1—d3
71. Cf2—e1	Фe8—g8
72. Фb4—e7	Лd3 : g3+
73. Се1 : g3	Фg8 : g3+
74. Kpg2—h1	Фg3—e1+
75. Kph1—h2.	

Ничья в результате ошибочной жертвы качества. Проще всего было 72... b4 и, в случае 73. Ф : b4, лишь теперь 73... Л : g3+. И раньше было плохо — 65... К : g3+.

№ 45. Защита Нимцовича

Ботвинник

Бронштейн

17-я партия

1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	Cf8—b4
4. e2—e3	b7—b6
5. Kg1—e2	Cc8—a6

Новинка, специально мною подготовленная за завтраком в день партии. Как это бывает в подобных случаях, совершенно неожиданно всплыл вопрос: а почему не взять под прицел пешку c4? Впоследствии этот вариант включил в свой дебютный репертуар Р. Фишер.

6. a2—a3 . . .

Уход от творческой дискуссии за доской. Принципиальным было продолжение, отнявшее у меня два часа анализа и не давшее ясного результата: 6. Kg3 0—0 7. e4 d5 8. cd C : f1 9. Кр : f1 ed 10. e5 Ke4 11. Фg4 — у белых сильная атака, зато нет рокировки. Вероятнее всего, что на 6. Kg3 черные ответили бы 6... h5. Мой любимый ход, самой любимой пешкой, на самое любимое поле.

6. . . .	Cb4—e7
7. Ke2—g3	d7—d5
8. c4 : d5	Ca6 : f1
9. Kg3 : f1	e6 : d5
10. Kf1—g3	Фd8—d7

Начало серии сильных ходов, имеющей целью смутить соперника и дезорганизовать стройный ход его мыслей. Внеш-

не ходы черных вроде бы несложны, а в действительности связаны единой нитью. Впоследствии Ботвинник, объясняя проигрыш нескольких партий, говорил, что игра моя туманна и часто он не мог даже понять, чего я хочу.

Мне кажется, что эти слова — лучший комплимент. Когда на доске все видно, бывает так трудно оторваться мыслями от противника! А если чемпион мира не понимает вашего плана, то чего желать более?

Проводя в жизнь намеченный план, черные все время мешали белым предугадывать свои намерения. Так, например, я пускал коня на f5 только в тот момент, когда это было выгодно мне, не позволяя сыграть f2—f3 и e3—e4, взяв ходом 11...Kc6 под удар пешку «d». Ходом 17...a5 предупредил зажим b4, ходом 18...Cd8 заранее обезвредил давление на пешку c7. В результате получилось, что многие подготовленные моим партнером залпы оказались холостыми. Может показаться, что белые играли плохо, но это не так. Они играли хорошо и правильно. Все дело в том, как уже знает читатель, что Ботвинник составил неправильно мою характеристику.

11.	Фd1—f3	Kb8—c6
12.	0—0	g7—g6
13.	Cc1—d2	...

Активнее 13. b4, несмотря на то, что у белых появится серьезная слабость на c4. После развигия слона на b2 и ладьи a1

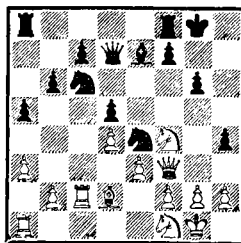
на d1 белые могли надеяться вскрыть игру ходом e4.

13.	...	0—0
14.	Kc3—e2	h7—h5!

Сильный фланговый выпад, цель которого заключается в том, чтобы отбросить коня g3 и завоевать центральный пункт e4.

15.	Lf1—c1	h5—h4
16.	Kg3—f1	Kf6—e4
17.	Ke2—f4	a7—a5!
18.	Lc1—c2	...

В тихом омуте черти водятся. Загадочный маневр Kc2—e2—f4, оказывается, был связан с идеей жертвы ладьи на c7 в случае опрометчивого хода 18...Kd8. Таким образом, можно сказать, что белые сами подсказали следующий ход черным.

18.	...	Ce7—d8
19.	Cd2—e1	Kc6—e7
20.	Фf3—e2	Ke4—d6
21.	f2—f3	g6—g5

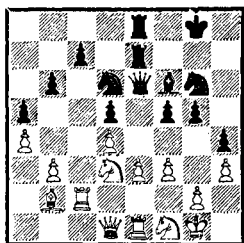
Укрепив свои позиции на ферзевом фланге, черные переходят к наступлению на королевском и в центре. Впрочем, о прямом наступлении говорить еще рано. Сейчас идет накопление сил для перехода к прямому штурму. Формула постро-

ения классическая — пешки впереди, фигуры сзади.

22. Kf4—d3 Фd7—e6
23. a3—a4 Ke7—g6
24. h2—h3 f7—f5
25. Ce1—c3 ...

Белые, видимо, опасаются маневра Лf7, Cf6 и f5—f4 с нажимом на пешку d4, но, защищая избыточно пункт d4, облегчают черным сдвоение ладей по линии «е», где готовится прорыв.

25. ... Cd8—f6
26. Лa1—e1 Ла8—e8
27. Фе2—d1 Лf8—f7
28. b2—b3 Лf7—e7
29. Cc2—b2 ...

29. ... f5—f4

Продолжение стратегического плана подрыва пункта d4. После логичного 30. Kf2 fe 31. Kg4 Cg7 32. Л : e3 Фf7 белым трудно защищать одинокую пешку «d». Черные кони через поля f5 и f4 угрожают прорваться в лагерь белых.

Разумеется, безрассудно принимать жертву ферзя: 30. ef Ф : e1 31. К : e1 Л : e1 32. Фd3 К : f4 33. Фа6 Kf5. Под давлением всех угроз белые торопятся за-

переть линию «е» и сделать первый активный ход в партии.

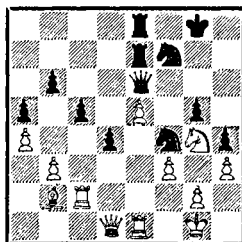
30. Kd3—e5 Cf6 : e5

Разумеется, плохо 30... К : e5 из-за 31. de C : e5 32. ef Cd4+ 33. Ф : d4! Ф : e1 34. Фh8+ Kpf7 35. Фf6+ Kpg8 36. f5.

31. d4 : e5 Kd6—f7
32. e3 : f4 ...

Ошибка. Острее 32. Kh2.

32. ... Kg6 : f4
33. Kf1—h2 c7—c5
34. Kh2—g4 d5—d4

35. Kg4—f6+ ...

Как обычно, нас «поджимал» цейтнот. Серию ходов Kf1—h2—g4—f6+ Ботвинник провел очень быстро, с весьма довольным видом. Но после ответа был сильно изумлен.

35... Фе6 : f6. Белые сдались.

В случае 35. Ле4 я ответил бы 35... Ф : b3, отдавая качество.

№ 46. Ферзевый гамбит

Бронштейн

Ботвинник

18-я партия

Эта партия могла стать переломной, если бы белые в момент откладывания не думали так

долго и записали естественный ход 41. с6. Матч мог бы окончиться до 24-й партии.

1.	d2—d4	d7—d5
2.	c2—c4	c7—c6
3.	Kb1—c3	Kg8—f6
4.	Kg1—f3	e7—e6
5.	e2—e3	a7—a6

Ботвинник уклоняется от мексиканского варианта, и не без основания. В кригический момент матча я собирался применить атаку Рейнолдса.

6.	Cf1—d3	b7—b5
7.	b2—b3	...

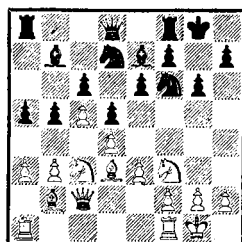
«Преждевременно 7. с5 ввиду 7... Kbd7 с угрозой e6—e5» (М. Ботвинник).

7.	...	Kb8—d7
8.	0—0	Cc8—b7
9.	c4—c5	...

Вполне вовремя. «После того как ферзевый слон черных покинул диагональ c8—h3, ход e6—e5 представляется сомнительным. Например, 9... e5 10. de Kg4 11. e6 fe 12. Kd4 K : c5 13. Ф : g4 K : d3 14. Ф : e6+ Фе7 15. Фf5» (М. Ботвинник).

9.	...	Cf8—e7
10.	a2—a3	a6—a5
11.	Cc1—b2	0—0
12.	Фd1—c2	g7—g6

Черные разыграли дебют весьма своеобразно. Более или менее заблокировав ферзевый фланг, они по принципу голландской защиты хотят начать активные операции на королевском. Однако сильная пешка c5 гарантирует перевес белым.

13.	b3—b4	a5 : b4
14.	a3 : b4	Фd8—c7
15.	Лa1—e1	...

Линия «а» пока белым не нужна.

15.	...	Лf8—e8
16.	Kc3—e2	...

Энергичнее было 16. Ке5, но я еще не понял скрытого замысла черных.

16.	...	Ce7—f8
17.	h2—h3	Cf8—g7
18.	Kf3—e5	Kd7—f8
19.	f2—f3	...

Я хотел сохранить за собой возможность прорыва в центре e3—e4, но уже через несколько минут убедился, что за этим вторым зайцем нет смысла гнаться, и продвинул пешку еще на один шаг.

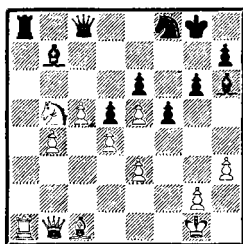
19.	...	Kf6—d7
20.	f3—f4	f7—f6
21.	Ke5—f3	Ле8—e7

Если 21... e5, то 22. fe fe 23. e4, и позиция черных разваливается на части из-за того, что все фигуры белых нацелены на черного короля, а слон b7 — на собственную пешку.

22. Ke2—c3 f6—f5
 23. Le1—a1 . . .

В этот момент я уже задумал жертву фигуры на b5. Должен признаться, что этот технический прием я применял довольно часто. Две проходные пешки, наступающие на фигуры противника, принесли мне более десятка очков в турнирах разного ранга, но в матче на первенство мира такую жертву надо считать особенно аккуратно.

23. . . . Le7—e8
 24. Kf3—e5 La8 : a1
 25. Lf1 : a1 Le8—a8
 26. Фc2—b1 Фc7—c8
 27. Cd3 : b5! Kd7 : e5
 28. f4 : e5 Cg7—h6
 29. Cb2—c1 c6 : b5
 30. Kc3 : b5 . . .

Смешная позиция. В распоряжении черных четыре активные фигуры, у белых только три. К тому же чернополюсный слон огорожен собственными пешками. Но есть другая сторона оценки: белый конь стремится на d6, а когда пешка «b» пойдет вперед, черные фигуры окажутся запертыми на узком участке пространства и белые смогут праздновать победу, как в игре

«Волки и овцы». К сожалению, овцой, проявив нерешительность в финальной стадии, оказался я.

30. . . . Kf8—d7
 31. Kb5—d6 La8 : a1
 32. Фh1 : a1 Фc8—a8
 33. Фa1—c3 . . .

Правильно указывает Ботвинник, что к вероятному выигрышу приводил сдержанный ход 33. Фb2.

33. . . . Ch6—f8
 34. b4—b5 Cf8 : d6
 35. e5 : d6 Фа8—a4
 36. Фc3—b2 . . .

«Если бы ферзь уже стоял на b2, то белые, имея лишний темп, могли продолжать 36. Kph2 Kpf7 37. Cd2 Kf6 38. Фb4 Фc2 39. Фа5 с очевидным выигрышем» (М. Ботвинник).

36. . . . Kpg8—f7
 37. Kpg1—h2 . . .

Нерешительность в сильнейшем цейтноте. Белые готовят ход e3—a4 и уведут короля с первой линии. Сильнее было 37. Cd2 и 38. Фb4.

37. . . . h7—h6?

«Видимо, спасало партию 37. . . Kf6, ибо после 38. Cd2 Кре8 39. Фb4 (39. c6 C : c6 40. bc Ф : c6 41. Фb8+ Kpd7 42. Фа7+ Kpc8 43. Фе7 Ке4 44. Ф : e6+ Фd7) 39. . . Ф : b4 40. C : b4 Kpd7 черные проиграть не должны» (М. Ботвинник).

38. e3—e4 f5—f4

«Если 38. . . fe, то 39. C : h6 или 38. . . de 39. d5!, и белый

ферзь проникает в неприятельский тыл» (М. Ботвинник).

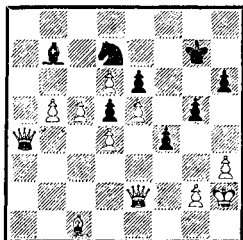
39. e4—e5 g6—g5

Вызвав это ослабление, я не сомневался, что смогу прорваться ферзем на поле e7.

40. Фb2—e2 . . .

Говорят, со стороны виднее, и 40-й ход белых подвергся критике А. Котова в газете «Советский спорт». Гроссмейстер рекомендовал маневр 40. Фb1 Kpg7 41. Фd3. Легко видеть, что позиции получались одинаковыми.

40. . . . Kpf7—g7

«В этой критической позиции партия была отложена, и никто, в том числе и я, не сомневался в победе белых. Анализ подтвердил это мнение и показал, что белые выигрывают путем 41. c6 C : c6 42. bc Ф : c6 43. C : f4! gf 44. Фg4+ Kpf7 45. Ф : f4+ Kpg7 46. Фg4+ Kpf7 47. Фh4 (47. Фh5+ Kpg7 48. Фе8 K : e5) 47. . . Kf8 48. Ф : h6, и черным нечего противопоставить движению пешки «h». Не меняет оценки эндшпиля и возможный размен ферзей...

Оставалась небольшая надежда на то, что белые не записали 41. c6, полагая, что этот ход от них не уйдет. Длительное время и в этом случае я при анализе не видел удовлетворительного продолжения и лишь за полтора часа до начала доигрывания нашел правильный план защиты» (М. Ботвинник).

Над ходом 41. Фd3 или 41. c6 я думал 30 минут. Поскольку я не видел возможности усиления коня d7 и слона b7, то решил записать ход ферзем, надеясь при этом выиграть с помощью марша белого короля: 41. . . Kf8 42. h4 Kd7 43. hg hg 44. Kph3 Kf8 45. Kpg4. Эта иллюзия преследовала меня почти до самого начала доигрывания. Но когда я уже шел в Зал Чайковского, то знал, что у черных находится спасение — в шутку рассматривая вариант 41. . . Kb8 42. h4 Kc6, я к изумлению увидел, что перевод коня на d8 и f7 гарантирует черным ничью, а в случае 43. bc C : c6 белые также не могут выиграть, ибо их пешки блокированы.

Почему я не записал простой ход 41. c6? Только из-за галлюцинации. Мне показалось, что вариант 41. . . C : c6 42. bc Ф : c6 43. C : f4 опровергается путем 43. . . Фc4 44. Ф : c4 dc 45. Cc1 Kb6 с выигрышным эндшпилем у черных — оторвавшаяся пешка d6 выпала из поля моего зрения. Типичная ошибка шахматиста в стадии крайнего перенапряжения и нервной усталости. Надо ли

говорить, что белые легко выигрывают, приближаясь королем?

Несмотря на то что выиграть эту партию мне не удалось, Р. Файн, автор многих книг и знаток шахматного наследия, высказал мнение, что поединок в этой встрече носил самый фантастический характер из всех партий, иггранных в матчах на первенство мира, начиная от Лабурдонне и кончая Талем.

41. Фе2—d3 Kd7—b8!!

Вполне согласен с Ботвинником, что «лишь этот парадоксальный ход спасает черных... Теперь белые могут отыграть фигуру, но уже не слона, а коня, тогда на доске остаются разноцветные слоны и черным нечего опасаться».

42. h3—h4 Фа4—c4

43. Фd3—h3 Фc4 : b5!

«Именно так, а не 43... Ф : c1 44. hg hg 45. Ф : e6 Фе3 46. Фf6+ Kph7 47. Ф : g5 Фg3+ 48. Ф : g3 fg+ 49. Кр : g3, и белые пешки сильнее черных фигур. Поэтому следует уничтожить пешку b5: она опаснее белого слона» (М. Ботвинник).

44. h4 : g5 h6 : g5

45. Фh3 : e6 Фb5—d3!

«Теперь в случае 46. Фf6+ Kph7 47. Ф : g5 Фg3+ 48. Ф : g3 fg+ 49. Кр : g3 Сс8 с последующим Kpg6, Кс6 и Cd7 черные создают крепость» (М. Ботвинник).

46. Фе6—f6+ Kpg7—h7

47. Фf6—f7+ Kph7—h8

48. Фf7—f6+ Kph8—h7

49. Сс1 : f4 ...

Вечный шах белым обеспечен, можно пожертвовать еще одну фигуру...

49. ... g5 : f4

50. Фf6—f7+ Kph7—h8

51. Фf7—e8+ Kph8—g7

52. Фе8—e7+ Kpg7—h8

53. Фе7—e8+ Kph8—g7

54. Фе8—e7+ Kpg7—h8

55. Фе7—f8+ Kph8—h7

56. Фf8—f7+ Kph7—h8

57. Фf7 : b7 Фd3—g3+

58. Kph2—h1. Ничья.

№ 47. Защита Грюнфельда

Ботвинник

Бронштейн

19-я партия

Если после выигрыша 5-й партии я тотчас проиграл 6-ю и 7-ю, если после победы в 11-й поспешил бесплатно отдать очко в 12-й, то, сумев выдержать натиск чемпиона мира в период с 13-й по 16-ю партии и выиграть 17-ю, я добился в 18-й самого крупного достижения за весь матч — свел ее вничью, нарушив тем самым некую цепную реакцию. И все же горечь от доигрывания 18-й партии оставалась, хотя пряталась на самом доньшке. Не выиграть такую позицию!

Так или иначе, 19-я партия началась для меня в более благоприятной обстановке, чем 7-я и 13-я. И я решил отказаться от надоевшей французской или гол-

ландской защиты и продолжить с партнером теоретическую дуэль по защите Грюнфельда.

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	g7—g6
3.	g2—g3	...

Ботвинник отказывается от главного варианта защиты Грюнфельда и предпочитает вести борьбу более утонченными методами — наступая с фланга и не трогая до поры до времени черный центр.

3.	...	Cf8—g7

Ошибка. Необходимо было теперь, а не в 23-й партии пойти 3. . . c6. Во-первых, Ботвинник мог сообразиться любимым ходом d4—d5, а у меня был припасен острый гамбитный вариант 4. d5 b5 5. dc bc 6. cd+ K : d7 7. Cg2 Lb8 8. Фа4 Cg7 9. Ф : c4 0—0; за пешку у черных инициатива, которую я в 1951 году обожал...

Во-вторых, если бы белые играли 4. Cg2 d5 5. cd cd 6. Kc3 Cg7 7. Kh3, то я набрался бы опыта и в решающей 23-й партии или повторил вариант или нашел бы что-либо лучшее.

4.	Cf1—g2	d7—d5

Зачем торопиться отдавать центр? Атаковать было бы целесообразней пункт d4, как черные и поступили в 21-й партии. Правда, белые могли бы после 4. . . d6 5. e4 e5 развить королевского коня поближе к ферзю и королю — 6. Ke2, но теория дебютов не доказала преимуще-

ства этого хода над обычным развитием коня на f3.

5.	c4 : d5	Kf6 : d5
6.	Kg1—f3	0—0
7.	0—0	c7—c5

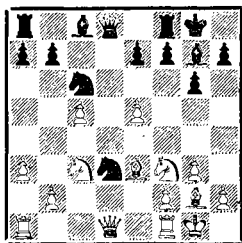
Сегодня, спустя четверть века, теоретики утверждают, что тоньше играть 7. . . Kb6 8. Kc3 Kc6 9. e3 Le8, но в 1951 году шахматы были еще полны динамики, поэтому так просто оставлять партнеру укрепленный форпост на d4 никто бы не решился. Ход в тексте — дань классическим традициям и. . . моде тоже. Мода вообще играла в матче 1951 года большую, слишком большую роль. Оба партнера — чемпионы мира и я — были до предела насыщены всевозможными вариантами и системами «собственного изготовления», но решались применять только то, что может быть классифицировано критиками как серьезная игра для большого матча.

8.	e2—e4	Kd5—f6
9.	e4—e5	Kf6—d5
10.	d4 : c5	Kd5—b4

Чистая импровизация за доской. Уж очень быстро сделал Ботвинник свои 8—10-й ходы! Кому хочется попасть на детально расшлифованную позицию после строго теоретического 10. . . Ka6 11. Kg5 или 11. Фа4! Мой экспромт удался только наполовину — хорошо, что мы поплыли не по теории, но нейтрализовать ядовитое действие слона g2 мне так и не удалось.

Почти до самого контроля черные находились у грани, отделивающей ничью от проигрыша. А в конечном счете все-таки проиграли.

11.	Kb1—c3	Kb8—c6
12.	a2—a3	Kb4—d3
13.	Cc1—e3	...

Ботвинник очень тонко оценил сложившуюся ситуацию и принял правильное решение: пешку «е» отдать, а пешку «с» защищать изо всех сил. Пока пешка занимает свой пост на пятой линии, черные все время будут ощущать слабость пешки b7. Это вынудит их оттягивать силы для ее защиты, что, в свою очередь, развяжет белым руки для операций в центре доски. Еще одна немаловажная деталь: быстро или медленно к пешке «с» подойдет пешка «b», и в какой-то момент на ферзевом фланге образуется опасная белая проходная пешка (так и случилось).

13.	...	Cc8—g4

Если бы мне сейчас дали играть эту позицию, то я ни за что не отдал бы белопольного слона за коня, но в те далекие годы я еще верил в торжество

чернопольной стратегии, мне казалось, что, ликвидировав коня f3, черные получат полный контроль над важным узловым полем d4.

14.	h2—h3	Cg4 : f3
15.	Фd1 : f3	Kd3 : e5
16.	Фf3—e4	Фd8—d3

Чересчур оптимистично. Осторожней было 16. ... Фd7, но я хотел захватить пункт c2 ферзем или ворваться на c4 конем.

17.	Фe4—a4	...

Просто и сильно. Обе угрозы отражены одним ходом.

17.	...	Фd3—c4

Размен ферзей в принципе к выгоде белых, но в этот момент у черных не было выбора.

18.	La1—d1	La8—d8
19.	Cg2—d5	...

Реальность победила фантазию. Пока черные мечтали овладеть пунктом d4, белый слон довольно эффективно вторгся на d5. Теперь размен ферзей неизбежен, и вместе с сильной пешкой c5 два белых слона смогут целиком показать свою мощь в эндшпиле.

19.	...	Фc4 : a4
20.	Kc3 : a4	e7—e6
21.	Cd5—a2	...

Аккуратность. Высказывалось мнение, что отход слона на g2 создавал черным больше трудностей в координации движений фигур и пешек. Ботвин-

ник с этим не согласен. Для него главное — не пропустить черные фигуры в центр (21. Сg2 Кс4 22. Сс1 Кd4 23. С : b7 Ке2+ 24. Кpg2 К : c1 25. Л : c1 К : b2 26. К : b2).

21. . . . Ке5—f3+

Трудно удержаться от искушения объявить шах, если к тому же конь в два прыжка переходит на заветное поле. Однако в спокойной обстановке домашнего анализа каждый шахматист решит, что надо принимать события как они есть. Разменяв четырех ладей и маршируя королем к полю c7, черные могли надеяться на успешную защиту (21. . . Л : d1 22. Л : d1 Лd8 23. Л : d8+ К : d8 и т. д.). Дело в том, что наличие на доске ладей не позволяет черным продвигать вперед пешки «е» и «f», а без этого у белых фактически лишняя проходная пешка на ферзевом фланге, роль которой с каждым ходом будет все ощущимей.

22. Кpg1—g2 Кf3—d4

23. g3—g4 . . .

И сегодня на меня производят неизгладимое впечатление разумные профилактические ходы белых то на одном, то на другом фланге. Сперва слон ушел на a2, чтобы застопорить движение пешки f7, теперь пешка идет на g4, чтобы ограничить радиус действия коня d4.

23. . . . h7—h6

24. Лd1—d2 Кpg8—h7

Лучшую защиту давало хладнокровное ожидание — 24. . . Лd7 25. Лfd1 Лfd8 26. b4 Кb8 27. Сс4 Кс2 и т. д.

25. f2—f4 f7—f5

26. Ка4—с3 e6—e5

27. f4 : e5 Сg7 : e5

28. Кс3—d5 f5 : g4

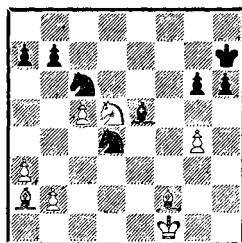
Черные устали держать на исходных позициях пешку «f» и торопятся реализовать ее потенциал до конца. Между тем все еще надо было играть хладнокровно — 28. . . Кpg7. Бить на f5 пешкой белым невыгодно, а взять на g4 черные всегда успеют. Ирония присуща шахматным партиям тоже. Захватив поле d4, черные не пользуются силой коня; позиция открылась, и ладьи теперь были бы очень кстати.

29. h3 : g4 Лf8 : f1

30. Кpg2 : f1 Лd8—f8+

31. Лd2—f2 Лf8 : f2+

32. Се3 : f2 . . .

32 . . . a7—a6

Обыкновенная потеря времени. Можно было сэкономить важный темп и сразу пойти 32. . . h5, создавая отдаленную проходную пешку.

33. Kpf1—g2	Kph7—g7
34. Ca2—c4	Kd4—e6
35. b2—b4	Ce5—b2
36. a3—a4	Kc6—e5
37. Cc4—e2	Cb2—d4
38. Cf2—g3	...

Этот ход выигрывает партию не сам по себе, а с учетом психологического состояния партнеров. Белые уклонились от ничьей, черные пугаются призраков, допускают одну ошибку за другой и... теряют ценное очко.

38. ...	a6—a5
39. b4 : a5	Ke6 : c5
40. Kd5—c7	Ke5—c6

Пока на доске ничья. Ничья была почти сутки, так как в этой позиции партия была отложена. Но когда началось доигрывание, начались и чудеса — впрочем, как почти при каждом доигрывании.

41. a5—a6	b7 : a6
42. Kc7 : a6	Kc5—e4?

Странный ход, близкий по своему качеству к ходу королем в 6-й партии матча. За долгую ночь я отчетливо сумел разобрать по косточкам все варианты этого в общем-то элементарного эндшпиля. И первая мысль была пожертвовать коня: 42. ... K : a4 43. Cb5 Kc5 44. K : c5 C : c5 45. C : c6 h5 46. gh gh с ничьей. Однако перед самым доигрыванием, проверяя вариант, я нечаянно поставил белого короля на f3 и с удивлением увидел (вернее, придумал)

ошибку — нет хода Ce3 (46. g5 Ce3), надо играть Ce7, а тогда Ботвинник сыграет 47. Cf4 и долго будет ходить туда-сюда. Надо ли говорить о моем изумлении, когда я, придя на игру, обнаружил, что неточно составил отложенную позицию. Конечно, и при ходе конем в центр доски ничья легко достижима, но мысли мои были далеко от реальной жизни.

43. Cg3—c7	Ke4—c3
44. Ce2—f3	Kc6—e5
45. a4—a5	h6—h5
46. g4—g5	Ke5—c4

Загадочное решение. Нападая на слона ходом 46. ... Kb5, черные лишали белых преимущества двух слонов, и пешка «а» из сильной превращалась в слабую (47. Cd8 Kf7 48. Cb6 K : g5 или 47. Cb6 Kc4 48. Cd8 Cc3).

47. Ka6—b4	Kc3—b5
48. Cc7—d8	Kpg7—f8

Еще было не поздно маневром 48. ... Cc3 49. Kc6 Kd4 50. K : d4 C : d4 51. a6 Kd6 52. Cc6 Kc8 53. Cd7 Ka7 организовать блокаду пешки а6.

49. Kb4—c6	Cd4—c5
50. Cf3—e2	Kc4—e3+
51. Kpg2—f3	Kb5—d4+
52. Kc6 : d4	Cc5 : d4
53. Ce2—d3	...

Отчего не 53. Cb6?

53. ...	Ke3—g4
54. Cd3 : g6	Kg4—e5+
55. Kpf3—e4	Ke5—c6

56. Cd8—b6 Cd4 : b6
 57. a5 : b6 h5—h4
 58. Cg6—f5 Kpf8—e7
 59. Kpe4—f4 Kpe7—d6
 60. Cf5—e4. Черные сда-
 лись.

№ 48. Дебют Рети

Бронштейн **Ботвинник**
 20-я партия

За пять партий до конца матча задача моя стала еще более трудной, чем после поражения в 12-й или в 7-й. Тогда М. Ботвинник тоже лидировал с перевесом в одно очко, но оставалось соответственно 12 и 17 партий, теперь же каждый ход становится значительно более ответственным.

Поэтому, обдумывая стратегию в 20-й партии, я решил, во-первых, играть спокойно, чтобы не повторилась история двух проигрышей; во-вторых, не давать партнеру объектов для атаки в дебюте, чтобы сбить воинственное настроение; в-третьих, ставить фигуры на крепкие места, чтобы успокоиться самому и перевести дух перед четырьмя решительными партиями на финише. Почему я говорю о четырех, а не о пяти? Потому что в регламенте было оговорено, что после 20-й партии участники будут отдыхать во время майских праздников и сыграют 21, 22, 23-ю партии только 4, 6, 8 мая, получая на подготовку к ним не день, как обычно, а три. Было бы непростительно

проиграть в конце апреля и несколько дней терзаться мыслью — а не сдать ли матч? Кто знает, возможно, строгая игра в 20-й партии — мой лучший ход в матче.

1.	c2—c4	e7—e6
2.	Kg1—f3	Kg8—f6
3.	g2—g3	b7—b6
4.	Cf1—g2	Cc8—b7
5.	0—0	Cf8—e7
6.	b2—b3	0—0
7.	Cc1—b2	d7—d5
8.	c4 : d5	...

Поскольку Ботвинник писал, что я пользовался его дебютами, то мне, вероятно, следует сказать, что размен пешек на d5 я придумал сам и что похожий размен в 11-й партии, предпринятый Ботвинником, к данной партии отношения не имеет. Там белые хотели укрепиться конем на e5 при пешке d4, а я задумал отвод коня в глубь обороны, с тем чтобы только в случае необходимости пойти пешкой на d4. Этот пример еще раз показывает опасность, которой мы все подвергаемся, когда смело говорим: точно так было сыграно в такой-то партии из такого-то турнира. Ход, возможно, был такой же, но замысел мог быть иным.

8.	...	e6 : d5
9.	Фd1—c2	Lf8—e8
10.	e2—e3	Kb8—d7
11.	d2—d3	Ce7—f8

Внимательный читатель заметит, что Ботвинник до сих

пор копировал мои ходы из 11-й партии...

12. Kb1—c3 a7—a6

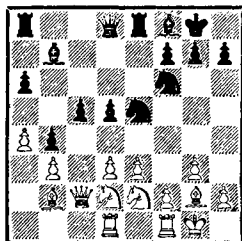
Начало глубоко продуманного плана атаки на ферзевом фланге. Тонкий ход ладейной пешки готовит развернутое наступление не только по вертикалям, но и по линии фронта: освобождается шестой ряд для переброски ладьи через b6 на h6 — любимый атакующий прием Ботвинника в ферзевом гамбите при игре любым цветом.

13. La1—d1 b6—b5

14. a2—a4 b5—b4

15. Kc3—e2 c7—c5

16. Kf3—d2 Kd7—e5

Сегодня уже редко можно увидеть позицию, где после 16 ходов ни одна белая фигура не расположилась дальше второго ряда. Однако стратегия подобного сорта тоже не без яда. Белые выжидают ошибки противника, основанной на неправильной оценке партнера. Иными словами, я вызывал Ботвинника на атаку, но он меня перехитрил, гарцуя все время на одном коне, и мне так и не удалось нащупать в лагере черных хоть какую-нибудь слабую точку.

17. Ke2—f4 Ла8—c8

18. Фc2—b1 a6—a5

19. Лf1—e1 Лc8—c7

20. d3—d4 Ke5—g6

21. Kf4 : g6 ...

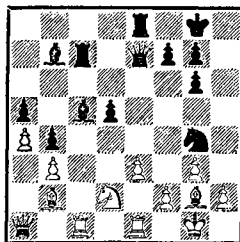
В случае 21. Kd3 могло последовать 21...c4 22. bc dc 23. С : b7 cd 24. Са6. Однако, сыграв так, я столкнулся бы с большими неприятностями, поскольку чемпион мира заготовил труднонаходимый ход 23...c3, и белые как минимум теряют качество. Я четверть века думал, что благополучно избежал западни, но сейчас меня начинает мучить такой вопрос: после 24. Сg2 c2 25. Фа2 cdФ 26. Л : d1, наверное, у белых были бы две пешки в центре и лучшая позиция?..

21. ... h7 : g6

22. d4 : c5 Cf8 : c5

23. Фd1—a1 Фd8—e7

24. Лd1—c1 Kf6—g4

Второй черный конь идет в атаку. Его притязания на пешку f2 надо пресечь в корне, для этого приходится согласиться на размен слона b2 и разрушить батарею «ферзь плюс слон».

25. Cb2—d4	Ле8—с8
26. Kd2—f3	Kg4—f6
27. Cg2—h3	Cc5 : d4
28. Kf3 : d4	Лс7 : c1

Оба соперника выдержали характер — не переходили границы риска и сейчас, поняв, что ошибок уже не будет, к обоюдному удовольствию, меняют сперва ладьи, затем слонов и ферзей.

29. Ле1 : c1	Лс8 : c1 +
30. Фа1 : c1	Kf6—e4
31. Ch3—c8	Ke4—c3
32. Cc8 : b7	Фе7 : b7
33. f2—f3	Kpg8—f8
34. Фс1—f1	Фб7—c8
35. Kpg1—g2	g6—g5
36. g3—g4	g7—g6
37. Фf1—e1	Фс8—e8

Любопытно, как ферзи издали наблюдают за перемещениями друг друга.

38. Фе1—d2	Фе7—e5
39. Фd2—d3	Фе5—f6
40. Kd4—c2	...

Подготавливая плацдарм для мирных переговоров.

40. ...	Kpf8—e7

Черный король проявляет внимание и спешит... в коневой эндшпиль, где место короля тем важнее, чем оно центральной.

41. Фd3—d4	Фf6 : d4
42. Kc2 : d4	Kc3—d1
43. Kd4—c2	Kd1—b2

Загадочный маневр. Впрочем, возможно, черные опасались подхода белого короля на

d3 и перехода в пешечный эндшпиль?

44. Kc2—d4	Kb2—d1
45. Kd4—c2	Kd1—b2
46. Kc2—d4.	

Ничья ввиду троекратного повторения позиции. Несмотря на скучный характер, борьба в этой партии была отнюдь не безобидной.

№ 49. Староиндийская защита **Ботвинник** **Бронштейн**

21-я партия

В трудную минуту матча, когда для победы требовалось три очка из четырех или больше, но никак не меньше, я решил ввести в бой свое самое надежное оружие — староиндийскую защиту в ее чистом виде, через ходы 2... d6 и 3... e5, не допуская грозной атаки Земиша. При этом, зная характер Ботвинника, я игнорировал возможность перехода в эндшпиль после 4. de и т. д., так как тогда белые целиком утрачивают дебютное преимущество. Был риск, что чемпион мира так сыграет, но риск небольшой, и на него смело можно было идти.

1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	d7—d6
3. Kb1—c3	e7—e5
4. Kg1—f3	Kb8—d7
5. g2—g3	...

А теперь очень сильно было 5. Cg5, но чемпион мира, видимо, не ждал староиндийской за-

щиты и решил, что надежнее проверенная система с fianкеттированием слона.

5.	...	g7—g6
6.	Cf1—g2	Cf8—g7
7.	0—0	0—0
8.	e2—e4	c7—c6
9.	h2—h3	...

В партии между теми же партнерами, игранный в 1945 году на чемпионате СССР, было 9. d5 cd 10. cd Kc5 11. Фc2 a5 с хорошей игрой у черных. После оживленной игры партия закончилась вничью.

Сейчас Ботвинник не торопится закрывать центр. Ход 9. h3 и по сей день считается лучшим.

9.	...	Kf6—h5

Один из тех ходов, цель которых — смутить партнера. Эту же цель преследуют ближайшие пять ходов черных. Сами по себе они безобидны, но заставляют гадать о возможных намерениях противника.

10.	Cc1—e3	Фd8—e7
11.	Kf3—h2	...

Срабатывает закон цепной реакции. Ботвинник тоже начинает делать странные ходы. Скажу честно, я даже не пытался их разгадать. Я был доволен, что мне удалось увести игру в сторону от классических путей.

11.	...	Kpg8—h8
12.	Lf1—e1	a7—a6
13.	a2—a3	Ла8—b8
14.	Cg2—f1	Kh5—f6

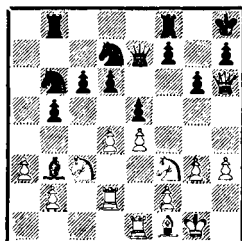
Конь вернулся на свое место, и белые тоже начинают делать

нормальные староиндийские ходы.

15.	Фd1—d2	b7—b5
16.	c4 : b5	ab : b5
17.	Ла1—d1	Kd7—b6
18.	Ce3—h6	...

Неправильная оценка позиции. Слон e3 был белым необходим.

18.	...	Cg7 : h6
19.	Фd2 : h6	Cc8—e6
20.	Kh2—f3	Ce6—b3
21.	Ld1—d2	Kf6—d7

При поверхностном взгляде на позицию она кажется равной, в действительности же перевес на стороне черных. Пункт h7 защитить очень легко, а вот отразить наступление черных фигур на ферзевом фланге не так-то просто.

22.	Фh6—e3	Cb3—c4
23.	Cf1—g2	f7—f6
24.	Ld2—c2	Cc4—b3
25.	Lc2—e2	Kb6—c4
26.	Фe3—d3	Kc4—a5
27.	Ле2—d2	...

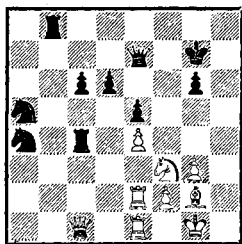
С помощью последовательных тактических угроз черные заметно усилили позицию. Объект атаки — пешка b2.

27.	...	Kd7—b6
28.	Фd3—b1	Kb6—c4
29.	Лd2—e2	b5—b4
30.	a3 : b4	Лb8 : b4
31.	h3—h4	Kc4—b6
32.	Kc3—a2	Cb3 : a2
33.	Фb1 : a2	Kb6—c4
34.	h4—h5	Лf8—b8
35.	h5 : g6	h7 : g6
36.	Фа2—b1	Kph8—g7
37.	d4 : e5	f6 : e5

Последние ходы были сделаны в цейтноте.

38.	Фb1—c1	Kc4 : b2
39.	Фc1—c3	Kb2—a4
40.	Фc3—c1	Лb4—c4

По мнению С. Флора, сильнее 40. . . Кc5 или 40. . . c5 с дальнейшим переводом коня на d4.

41. Фc1—g5 . . .

Записанный ход.

41.	...	Фe7 : g5
42.	Kf3 : g5	Ka5—b3
43.	f2—f4	Kb3—d4
44.	Ле2—a2	Лb8—b2
45.	Ла2 : b2	Ka4 : b2
46.	Kpg1—h2	Kb2—d3
47.	Ле1—e3	Лc4—c3
48.	Cg2—f1	Лc3—c2+
49.	Kph2—h3	Kd3—f2+
50.	Kph3—h4	Лc2—c1
51.	Cf1—g2	Лc1—g1

52.	Cg2—h3	Лg1—h1
53.	f4 : e5	d6 : e5
54.	Ле3—a3	Kpg7—f6
55.	Kg5—h7+	Kpf6—e7
56.	Kh7—g5	Kpe7—d6
57.	Kg5—f7+	Kpd6—e7
58.	Kph4—g5	Kpe7 : f7
59.	Ла3—a7+	Kpf7—e8
60.	Ch3—d7+	Kpe8—d8
61.	Kpg5 : g6	Kf2 : e4
62.	g3—g4	Лh1—f1
63.	Cd7—f5	Kd4 : f5
64.	g4 : f5	Kpd8—e8

Белые сдались.

№ 50. Голландская защита

Бронштейн **Ботвинник**

22-я партия

1.	d2—d4	e7—e6
2.	c2—c4	f7—f5
3.	g2—g3	Kg8—f6
4.	Cf1—g2	Cf8—e7
5.	Kb1—c3	0—0
6.	e2—e3	...

Ботвинник играет «мою» голландскую, а я — его систему с 6. e3.

6.	...	d7—d5
7.	Kg1—e2	c7—c6
8.	b2—b3	Kf6—e4

В 16-й партии Ботвинник играл 8. . . Cd6.

9.	0—0	Kb8—d7
10.	Cc1—b2	Kd7—f6
11.	Фd1—d3	g7—g5

Программный ход Ботвинника в голландской защите.

12.	c4 : d5	e6 : d5
13.	f2—f3	Ke4 : c3

14. Cb2 : c3 g5—g4
 15. f3 : g4 Kf6 : g4
 16. Cg2—h3 ...

Препятствуя маневру Kg4—f6—e4. Партия вступает в полосу маневренной борьбы.

16. ... Kg4—h6
 17. Ke2—f4 Ce7—d6
 18. b3—b4 a7—a6
 19. a2—a4 Фd8—e7
 20. Ла1—b1 ...

Угроза 21. b5 вызывает естественную реакцию пешки «b», что белые считали выгодным.

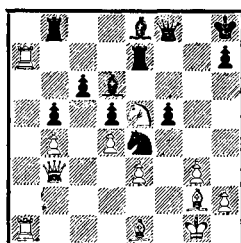
20. ... b7—b5
 21. Ch3—g2 Kh6—g4
 22. Cc3—d2 Kg4—f6
 23. Лb1—b2 Cc8—d7

Неточность, которая дает возможность удачно перегруппировать силы. Путем 23. . . Ke4 черные заставили бы белых или отступить слоном на e1, что нарушало связь между белыми ладьями, или устраняли бы важного слона.

24. Лf1—a1 Kf6—e4
 25. Cd2—e1 Лf8—e8
 26. Фd3—b3 Kpg8—h8
 27. Лb2—a2 Фе7—f8

Любопытно, что черные отказываются от взятия на f4. Вероятно, они боялись хода Ce1—h4. Однако посмотрим, что было дальше.

28. Kf4—d3 Ла8—b8
 29. a4 : b5 a6 : b5
 30. Ла2—a7 Ле8—e7
 31. Kd3—e5 Cd7—e8

32. g3—g4 ...

«М. Ботвинник старательно защищал все слабости на ферзевом фланге, и вдруг неожиданно Д. Бронштейн наносит сокрушительный удар на другом участке сражения, что производит большое впечатление. Позиция чемпиона мира рушится в несколько ходов» (С. Флор).

32. ... f5 : g4
 33. Cg2 : e4 d5 : e4
 34. Ce1—h4 Ле7 : e5

Более трудную задачу ставило перед белыми продолжение 34. . . Л : a7 35. Л : a7 Фf5 36. Лf7 С : f7 37. К : f7+ Kpg7 38. К : d6 Фf3 39. Cg3 Ла8. Однако возможно было немедленно 36. Cg3, и нет защиты от 37. Лf7.

35. d4 : e5 Cd6 : e5
 36. Ла1—f1 Фf8—g8
 37. Ch4—g3! Се5—g7
 38. Фb3 : g8+. Черные сдались.

№ 51. Защита Грюнфельда Ботвинник Бронштейн 23-я партия

Когда накануне матча я вел трудные переговоры с М. М. Ботвинником, то большую роль

в достижении согласия сыграл президент ФИДЕ Фольке Рогард.

Он говорил о необходимости уступать друг другу в мелочах, так как выработанные и согласованные условия лягут в основу постоянного положения о матче на первенство мира по крайней мере на ближайшие 50 лет. Увы, как мы знаем, его предвидение не сбылось...

А все-таки кое-какие пункты из положения о матче 1951 года сохранились и в последующих матчах. К примеру, пункт о болезни. Мы тоже могли три раза не явиться на игру по недомоганию. Но никто этой возможностью не воспользовался. Мне было 27 лет, Ботвиннику — 40, просто стыдно было болеть. Но если стать на точку зрения партнеров в более поздних матчах, то Ботвинник обязан был взять перерыв после катастрофической 9-й партии и неудач в 21-й и 22-й. Мне, в свою очередь, следовало взять тайм-аут после 6, 12 и 19-й партий — уж очень обидные проигрыши! Две партии проиграл просто зря, а третью играл из рук вон скверно. А быть может, надо было сделать иначе: взять тайм-аут после двух трудных побед в 21-й и 22-й партии (4 и 6 мая). Но если потерявший лидерство чемпион мира Ботвинник мужественно пришел 8 мая играть 23-ю партию, то как бы я смотрел в глаза своим друзьям, если бы сказался больным? И если участники матча 1951 года заслужили

симпатии зрителей, то в какой-то мере и благодаря отличному здоровью...

Говорить о самой 23-й партии мне не хочется. Не то чтобы я ее плохо играл, нет! Только не было огонька, не было дерзаний, не было связующих нитей... Были отдельные хорошие ходы, были уверенные ходы, были осторожные ходы, но не хватало главного — шахматиста, который бы все эти ходы объединил общим замыслом. Разыгрываю я эту партию еще и сейчас не только без удовольствия — какое уж тут удовольствие! — но с досадой. Хотя появилось и любопытство. Как же это я умудрился проиграть такую тихую, спокойную позицию? Была ничья надежная, верная, неистребимая. От 5-го до 35-го хода. А вот последние пять ходов перед контролем критики не выдерживают. Да и в день доигрывания мог бы играть лучше. Ну, а сдавать почти ничейную позицию, да еще после 45-минутного обдумывания, было ни к чему. (Шок какой-то? Или... помните 6-ю партию? И там 45 минут... Совпадение довольно странное...)

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	g7—g6
3.	g2—g3	c7—c6

Если в 19-й партии я играл здесь 3...Cg7, а ошибку — 4...d5 — сделал после 4. Cg2, то тут я допускаю психологическую неточность уже на третьем ходу. Вся обстановка вокруг матча как-то меня запрограм-

мировала на ничью в предпоследней партии, и никто (разве что гроссмейстер Ферзьбери, но для читателей это персонаж вымышленный...) не подсказал мне, что партия может стать последней, если я буду играть ее на выигрыш. Сообразил я это сам чуть позднее, когда дебют был разыгран, и то с косвенной подсказки: за сценой красовался роскошный букет ярких роз. Чудесный стимул, но менять характер позиции было поздно.

Конечно, надо было играть 3. . . Cg7 4. Cg2 d6 и смело повторять староиндийские мотивы 21-й партии. Не обязательно делать точь-в-точь те же ходы; староиндийская такой дебют, где возможны тысячи вариаций. Но играть надо было непременно такую партию.

4. Cf1—g2

Некоторым оправданием служит мне то обстоятельство, что я на все 100 процентов был уверен в ходе 4. d5, на что был припасен острый ответ 4. . . b5 с жертвой пешки, как указано в примечаниях к 19-й партии. Так что в вариант 4. Cg2 d5 5. cd cd я «влип» не по своей воле. Еще сейчас не поздно было перейти к староиндийской защите ходом 4. . . Cg7, но я не хотел допустить продолжение 5. e4 d6 6. Ke2.

4. . . . d7—d5
5. c4 : d5 c6 : d5
6. Kb1—c3 Cf8—g7
7. Kg1—h3 . . .

Опять этот странный конь на краю доски! Если б я сам не играл так в 12-й партии, то, вероятно, не обратил бы на него ровно никакого внимания. Но я его заметил, а заметив, решил помешать маневру Kf3—f4—d3—c5. Потом я пожалел о слоне c8, с которым расстался так легко.

7. . . . Cc8 : h3
8. Cg2 : h3 Kb8—c6
9. Ch3—g2 e7—e6

Черные собираются вести неторопливый образ жизни. Вероятно, они скорее достигли бы желанной ничьей, если бы играли более непосредственно — рокировали, затем Fd6, Lad8 и прорыв e7—e5. Выжидательная стратегия сама по себе не плоха, но ее минус в том, что тот, кто ее придерживается, сам постепенно засыпает над доской и целиком теряет боевой потенциал.

10. e2—e3 0—0
11. Cc1—d2 Ла8—с8
12. 0—0 Kf6—d7

Все еще хорошим был план продвижения e7—e5. Слабости пешки d5 можно было не бояться, так как она приобретала подвижность с помощью раскрывшегося слона g7.

13. Kc3—e2 Fd8—b6
14. Cd2—c3 Лf8—d8

Черные не играют — они любят свою неприступную крепость. Моя мысль начинает дремать, как щука в иле...

15.	Ke2—f4	Kd7—f6
16.	Фd1—b3	Kf6—e4
17.	Фb3 : b6	a7 : b6
18.	Cc3—e1	Kc6—a5
19.	Kf4—d3	Cg7—f8

Что собирается охранять слон на этой диагонали?

20.	f2—f3	Ke4—d6
21.	Ce1—f2	Cf8—h6

Этот прыжок слона был бы понятней, если бы черные продолжали нажим на пешку e3. . .

22.	La1—c1	Ka5—c4
23.	Lf1—e1	Kc4—a5

Пора было сделать первый активный ход. После 23. . . Kf5 Ботвиннику пришлось бы немного подумать: 24. f4 Kfd6 или 24. g4 K : e3 25. Ch3. В обоих случаях инициатива у черных.

24.	Kpg1—f1	Ch6—g7
25.	g3—g4	Ka5—c6
26.	b2—b3	Kd6—b5

Наконец-то ход конем имеет конкретную цель — пропустить черного слона на а3. Но уже лучше этой дороги у слона g7 не было.

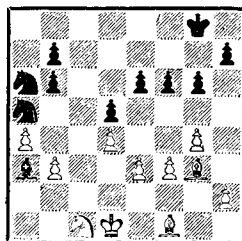
27.	Kpf1—e2	Cg7—f8
28.	a2—a4	Kb5—c7
29.	Cf2—g3	Kc7—a6
30.	Cg2—f1	f7—f6
31.	Le1—d1	Kc6—a5

Окончательно выигрывая бой за поле b4, поскольку белый конь теперь надолго привязывается к пешке b3.

32.	Lc1 : c8	Ld8 : c8
33.	Ld1—c1	Lc8 : c1

Зря. После 33. . . Лс6 белым пришлось бы решать проблему пешки «b» в менее выгодной обстановке. Но я взял на c1 не для того, чтобы выигрывать пешку, нет, я только хотел сковать силы белых, оккупировав своими легкими фигурами поля а3, b4, а5.

34.	Kd3 : c1	Cf8—a3
35.	Kpe2—d1	. . .

35.	. . .	Ca3 : c1

Самая тяжелая ошибка всего матча. Белые фигуры скованы на ферзевом фланге и не имеют точек прорыва на королевском. Конечно, я не так наивен, чтобы думать, что в этой позиции, если бы она была отложена, Ботвинник согласился на ничью, но даже самый тщательный домашний анализ не дал бы ему ни одного шанса на победу.

36.	Kpd1 : c1	Ka5 : b3+
37.	Kpc1—c2	Kb3—a5
38.	Kpc2—c3	Kpg8—f7
39.	e3—e4	f6—f5

У меня нет охоты анализировать этот трагический эндшпиль. Верю, что и сейчас на доске ничья. Но черные напрасно играют f6—f5. До сих пор

не пойму, чего я ждал от этого хода. Раскрывать слонов явно нет смысла. Вызывал ход е4—е5? Но кто так пойдет?

40. g4 : f5 g6 : f5
41. Cf1—d3 Kpf7—g6

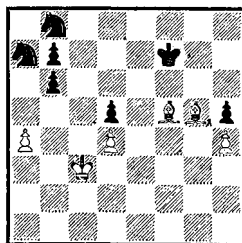
Здесь партия была прервана, и Ботвинник, 20 минут подумав, записал ход.

Несложный анализ показал, что после 42. Сb1 дела черных плохи. Все же я всю ночь попеременно анализировал то 42. Сb1, то более естественный ход 42. Cd6, хотя все, кто только мог, звонили по телефону и говорили, что глупо разбрасывать силы, когда все пресс-бюро смотрит только 42. Сb1, а искусство Ботвинника в момент выбора записанного хода граничит с колдовством. Скис я, конечно, и если б не гроссмейстер Ферзьбери... Он даже остался ночевать у меня, в номере гостиницы «Пекин», хотя жил рядом, за углом, и настойчиво ставил на доску ход 42. Cd6. Знал, видно, психологию...

Правда, я начал смотреть ход 42. Cd6 и довольно скоро нашел, что после 42. . .Кс6 43. Сb1 Ка7 44. ed ed 45. Са2 b5 и т. д. партия ничья. Но в день доигрывания случилось опять нечто экстраординарное. Так как все ждали хода 42. Сb1!, то и я изумился, увидев слона на d6. И, на беду, вспомнил чей-то совет «хватит играть конями, подтяни лучше короля». Ладно, думаю, короля так короля. Сыг-

рал 43. . .Кpf6 и угодил на домашний вариант. Понял, что зря не сыграл 43. . .Ка7, огорчился последний раз в матче и совсем опустил руки...

42. Cg3—d6 Ka5--c6
43. Cd3—b1 Kpg6—f6
44. Cd6—g3 f5 : e4
45. f3 : e4 h7—h6
46. Cg3—f4 h6—h5
47. e4 : d5 e6 : d5
48. h2—h4 Ka6—b8
49. Cf4—g5+ Kpf6—f7
50. Cb1—f5 Kc6—a7

51. Cg5—f4 Kb8—c6
52. Cf5—d3 Ka7—c8
53. Cd3—e2 Kpf7—g6
54. Ce2—d3+ Kpg6—f6
55. Cd3—e2 Kpf6—g6
56. Ce2—f3 Kc6—e7

Еще и здесь был небольшой шанс — 56. . .К8е7, однако после 57. Сс7 Кf5 58. С : d5 Кf : d4 59. С : b6 черные все равно проигрывали.

57. Cf4—g5. Черные сдались.

Ботвинник приводит вариант 57. . .Кс6 58. С : d5 Кd6 59. Cf3 Kpf5 60. Сс1! (указано В. Смысловым) b5 61. С : c6 bc 62. a5. Но это все предстояло найти за доской...

1. d2—d4 . . .

Весь день накануне решающей партии я провел в лесу — дышал свежим воздухом, но не забывал о предстоящей партии, поэтому одновременно на карманных шахматах шлифовал вариант 1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 Сb4 4. e5 c5 5. a3 С : c3+ 6. bc Фc7 7. Фg4 f5 8. Фh5+ g6 9. Фd1 cd 10. cd Фc3+ 11. Cd2 Ф : d4 12. Кf3 или 9. Фh3 cd 10. cd Ф : c2 11. Сb5+ Cd7 12. С : d7+ К : d7 13. Ке2. Поэтому так и надо было играть.

Однако у меня были некоторые колебания: а вдруг 1. . . e7—e5 или 1. . . c7—c5?

Тем не менее, повторяю, ход 1. d2—d4 в данном случае явился ошибкой. Ничего плохого нет для белых в испанской партии, а тем более в сицилианской. Конечно, хотелось провести тщательную подготовку, но вот тут-то как раз и не надо было идти дорогой Ботвинника. Разумней было довериться собственной фантазии, интуиции, воле к победе. А быть может, в дополнение к этому была бы подготовленная французская...

Первый ответный ход черных еще ни о чем не говорил, это отказ только от голландской...

1. . . . d7—d5
2. c2—c4 c7—c6
3. Кb1—c3 Kg8—f6

Черные избегают варианта 3. . . dc 4. e4 e5 5. Кf3 ed 6. Ф : d4 Ф : d4 7. К : d4 Сс5 8. Се3 b5 9. a4 b4 10. Кd1 Кd7 11. С : c4 Ке5 12. Се2 Kg4, видимо, из-за 13. Кf5, а быть может, даже ввиду 6. С : c4 dc 7. С : f7+ Кре7 8. Фb3 Фb6 9. С : g8 cb, хотя в книге М. Ботвинника «Матч Алехин — Эйве, 1937 г.» этот вариант оценивается в пользу черных.

Жаль, что я, вместо того чтобы импровизировать в дебюте, как раз в этот важный день решил следовать примеру Ван-Схельтинга, применившего любопытный ход a2—a4 еще в 1947 году.

4. Kg1—f3 e7—e6
5. Сc1—g5 . . .

Вариант 5. . . dc 6. e4 b5 7. e5 h6 изучался Ботвинником годами, он специально к матчу освежил свои знания в этой острой системе, а в день партии вновь уточнил в памяти забытые детали. А что я знал об этом варианте по сравнению с Ботвинником? Ровным счетом ничего.

5. . . . d5 : c4
6. a2—a4 Cf8—b4
7. e2—e4 c6—c5

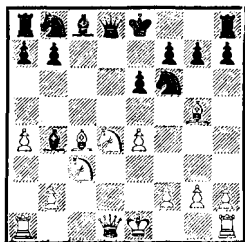
Основные расчеты белые строили на варианте 7. . . b5 8. ab cb 9. e5 h6 10. ef hg 11. fg Лg8 12. h4 g4 13. h5 Л : g7 14. h6 Лh7 15. Фc2 Лh8 16. Фе4 Фd5 17. Ф : g4 с острейшей позицией, где у меня было то преимущество, что я был к ней готов.

В партии Доннер — Котов (Венеция, 1950): 6. a2—a4 Cf8—b4 7. e2—e4 черные играли традиционно — 7...b7—b5, но и Доннер тоже избрал инертное 8. Se2.

Просмотрел ли я при подготовке к партии ход 7...c5? Нет, конечно. Мне казалось, что получается вариант В. Симмагина из венского варианта ферзевого гамбита — 8. С : c4 cd 9. К : d4 Фа5 10. С : f6 С : c3+ 11. bc Ф : c3+ 12. Kpf1 Ф : c4+ 13. Kpg1 и т. д., причем в еще более невыгодной, просто скверной для черных редакции, так как обычно после 13...Kbd7 играют 14. Лc1 Фа6 15. a4 (К : f6 16. Kb5), а здесь пешка уже стоит на a4 (благодаря медленному движению пешки «с» черных: 2...c7—c6 и 7...c6—c5). Поэтому я не стал особенно внимательно рассматривать ход 7...c5 и все его последствия.

Но при пешке на a4 черным не грозит шах ферзем с этого поля. А раз так, то можно не заботиться о слоне b4 и заняться нейтрализацией белого слона g5.

8. Cf1 : c4 c5 : d4
9. Kf3 : d4 ...

9. ... h7—h6

Этот ход сохранил за Ботвинником шахматную корону мира.

10. Cg5—e3 Kf6 : e4
11. 0—0 Ke4—f6

Было бы неразумно выигрывать пешку в результате взятия конем или слоном на c3. Теперь же, хотя черные и потеряли два хода, их позиция осталась достаточно крепкой. Двенадцатым ходом белые совершают новую ошибку, но ее можно простить — много ли найдется охотников в такой ранней стадии партии переходить в эндшпиль? Между тем я был обязан играть 12. Kd4—b5, сохраняя все выгоды своей позиции. Легко видеть, что вариант 12...Ф : d1? 13. Kc7+! ведет к сильной атаке, но стоит ли она фигуры? За доской я не был в этом уверен на все 100 процентов и изменил свое мнение только после матча, уступив каллиграфически ясным и четким доводам П. П. Кереса.

Могли ли черные защищаться лучше, чем ходом 12...Ф : d1? Разумеется. К примеру, 12...Kbd7. Но тогда я мог играть 13. Kd6+ С : d6 14. Ф : d6, сохраняя сильное давление по черным полям, что вполне в духе избранного варианта. Учитывая огромный спортивный накал встречи, такое развитие событий было бы определено в мою пользу.

12.	Фd1—f3	0—0
13.	Лa1—d1	Фd8—e7
14.	Лf1—e1	...

Эта позиция издали казалась мне вполне удобным трамплином для атаки черного короля. Однако у белых не хватает пешки. Этим обстоятельством Ботвинник искусно пользуется.

14.	...	Кb8—c6
15.	Фf3—g3	Кpg8—h8
16.	Кd4 : c6	...

Сдача позиций. Но что было делать?

16.	...	b7 : c6
17.	Се3—d4	Лf8—d8
18.	Лd1—d3	Сс8—b7

Завершая развитие и окончательно отнимая у белых последние надежды на счастливый исход матча. Так что последовавший грубый зевек вполне объясним — спад эмоционального напряжения и неосознанное желание поскорее сбросить с плеч тяжесть матча на первенство мира.

19.	Ле1—e3	Лd8 : d4
20.	Лd1 : d4	Сb4—c5
21.	Лd4—d1	Сс5 : e3
22.	Фg3 : e3	

Немного поразмыслив, Ботвинник предложил ничью, и я ее принял.

Почему — я думаю, понятно... Это был первый матч на первенство мира в нынешней системе ФИДЕ, и такой скорый результат 24-й партии многих удивил, даже вызвал всевозмож-

ные кривотолки. Вероятно, не все любители шахматного искусства знали — а молодые и недавно, — что в таких матчах существуют разнообразные формы этикета. Поступок Ботвинника (лишняя пешка, лучшая позиция...) можно объяснить на других примерах. Лидируя в матче 1935 года, М. Эйве за минуту до начала 30-й, финальной, партии сказал чемпиону мира: «Доктор Алехин, в любой момент я согласен на ничью». Партия была отложена... без двух пешек у А. Алехина, но он не стал записывать ход, а неожиданно сказал: «Хорошо, ничья». Примеру М. Эйве последовал недавно А. Карпов в матче с В. Корчным.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МАТЧУ

Сегодня, спустя почти четверть века, мне трудно вспомнить все тонкости, скрытые за тем или другим шахматным ходом. Но я думаю, что это даже к лучшему, потому что у меня неожиданно появилась приятная перспектива откровенно сказать, что я думаю о том давнем матче, о стратегии партнеров, их надеждах и действительности, о влиянии матча на шахматные вкусы. А что касается отдельных ходов и комментариев к ним, то, право же, я никогда ходами не играл, да и Ботвинник тоже. Мой партнер неоднократно высказывал в печати мысль, что для него главное — монументальный стратегический план.

Что касается моего подхода к шахматному творчеству, то на первом месте у меня всегда перспектива, то есть меня оставляет одинаково равнодушным и сильная атака и заманчивое защитное расположение фигур и пешек, если я чувствую, что нет перспективы прорвать оборону соперника или выдержать натиск и защитить от вторжения королевскую крепость. Тут, вероятно, и кроется загадка того, почему далеко не во всех моих партиях можно проследить четкий стратегический план или столь же ясный тактический рисунок атакующей операции.

Впрочем, я еще не так стар, чтобы быть в состоянии осознать все мотивы, которые руководят мной во время игры в шахматы. Но я уже достаточно созрел для понимания того, что в шахматах самое главное — момент выбора из многих возможностей, а отдельных ходов в шахматах нет. Есть последовательность выборов, совершаемая поочередно белыми и черными на первом, втором, третьем и т. д. ходах. Кроме того, мне думается, живой шахматист не делает выбор на каждом ходу. Человек всегда имеет комплекс выборов, ибо один глобальный выбор сделан еще до партии — намечена стратегия на данную партию, а в процессе игры имеется определенный выбор перегруппировки нескольких фигур и пешек в заданном направлении. Наконец, в каждой единичной ситуации

приходится делать микровыбор для одной-единственной фигуры и пешки, но это происходит на фоне уже сделанных выборов.

И если смотреть на позицию особым зрением и видеть не то, что реально стоит на доске, а то, что было ранее, и то, что было бы желательно создать, то очень трудно отдать предпочтение действиям той или иной шахматной фигуры.

Тут часто не помогает один лишь расчет технических вариантов и начертанный в мозгу план действий — надо не только разгадать шахматную оценку положения со стороны противника, но и составить прогноз о вероятных действиях соперника в ответ на тот или иной ваш выбор. А поскольку безошибочных прогнозов быть не может, то в игру неизбежно вкрапливается элемент риска. Вероятно, от величины риска и глубины плана зависит возрастающая трудность нахождения выбора.

Переигрывая сейчас 24 партии матча, я никак не могу отделаться от ощущения, что оба мы играли не очень понимая, что на самом деле представлял собой противник. Скажу о себе. Слава М. Ботвинника в тот год достигла апогея, а его трехлетнее затворничество еще больше повышало его шахматную силу. Трудно было готовить прицельный дебютный репертуар, приходилось руководствоваться оценками специалистов, а они изображали М. Ботвинника как

изумительного стратега и слабого тактика. Поэтому я волея-неволей старался избегать четкой стратегической борьбы, а если оказывался в простых позициях, то проявлял нервозность, не зная, с какой стороны последует удар, хотя бояться-то было нечего. Напрасно осложняя в таких случаях любой ценой игру, я давал Ботвиннику неожиданные шансы на выигрыш и зря терял ценные очки или половинки.

Мне трудно говорить о сопернике, но очень похоже, что и у него был негативный мой портрет. Сыгранные мною многочисленные комбинационные партии он ошибочно посчитал свидетельством того, что его партнер слабо ориентируется в глубокой маневренной борьбе. И пытался вести борьбу по спокойному руслу, даже когда вполне мог завязать выгодные комбинационные осложнения.

Вполне вероятно, что это взаимное недоразумение и было той бочкой пороха, которая воспламенила весь матч и придала ему такой интерес.

Правда же, на мой взгляд, лежала где-то посередине. Я не разглядел ее по молодости лет, он же находился в заблуждении из-за фимиама, расточавшегося вокруг, что помешало ему трезво проанализировать мои партии 1948—1950 годов. М. Ботвинник — великолепный тактик, что подтверждается его уверенной игрой даже в самых жестких цейтнотах — шутка ли, ни

в одном из цейтнотов матча он ничего крупно не зевнул, а по мелочам зеваем мы все! В то же время в стратегии чемпиона мира были определенные изъяны, основанные на его догматическом подходе к целому ряду стандартизованных шахматных положений.

Что касается моей игры, то в области стратегии я никак не уступал партнеру, но понял это, к сожалению, в последней трети матча, когда был уже чересчур измотан напрасными вечными поисками хаотических, непонятных позиций.

В комбинационной борьбе, конечно, я был намного сильнее, но не пользовался этим оружием в полной мере, явно недооценив М. Ботвинника в этой сфере борьбы и желая победить малой энергией. Что же касается нашумевшей проблемы об игре в эндшпиле, то думаю, что играл никак не слабее М. Ботвинника, что можно легко проверить, изучая игру даже в простых позициях, но до 40-го, контрольного хода. Однако в те годы слава Ботвинника как аналитика была столь велика, что во время доигрывания я, словно загипнотизированный, боялся каждой пешки и фигуры партнера, наивно полагая, что им уже найден выигрыш, которого никто не видит...

Одним словом, мы оба были достойны друг друга в своих надеждах и разочарованиях.

Итак, наша книга подходит к концу. Вместе с гроссмейстером Д. И. Бронштейном мы прошли по его шахматным путям, проникли в мир его творчества, познакомились с людьми, которые ему повстречались в жизни.

Хочется думать, что в результате мы несколько шире стали понимать шахматы как искусство и как один из процессов общественной жизни. Мы видим в них не только игру и борьбу, не только ходы и варианты. Мы находим в шахматах главное — возможность реализовать органически присущее нам стремление к творчеству, познанию, эстетическому восприятию, общению с людьми, находим аналогии с жизненными ситуациями. И, быть может, именно Бронштейн помог нам воспринять эти стороны шахмат, ибо он шел по своей необычной дороге не с мечом и барабанным боем, а с улыбкой доброты и дружбы, он видел шахматы и показывал их другим не как поле жестокого боя, а как арену для творческой импровизации.

Сейчас Давиду Ионовичу уже за пятьдесят, но его талант не угас. Даже по официальной классификации он занимает 14-е место в мире, а если бы он придавал этому хоть какое-нибудь значение, то мог бы, подбирая турниры, стоять заметно выше. По-прежнему он не знает страха; его логика, озаренная фантазией и подкрепленная высокой техникой, позволяет ему побеждать опаснейших соперников... Хотя проведи, как прежде, длинный турнир на одном дыхании ему уже порой не под силу.

Его, старейшего динамовца, хорошо знают футболисты и хоккеисты этого общества. С ними он, не отставая, бегает кроссы на спортивной базе в Новогорске и с любимым готов сыграть «блиц». Его кабинет переполнен разложенными в невероятном беспорядке шахматными книгами и журналами со всех концов мира. Д. Бронштейн не учил специально иностранные языки, но он бегло говорит на английском, испан-

ском, французском и может объяснить с друзьями из Югославии, Польши, Болгарии на их языке.

Как шахматист он и сейчас остается одним из лучших знатоков дебюта и мастером сложных миттельшпилей; значительно сильнее, чем в молодости, он чувствует себя в эндшпилях. Я не удивлюсь, если он примет участие в очередном цикле отборочных соревнований на первенство мира. Да что там, ведь ему всего пол-очка не хватило на межзональном турнире в Петрополисе чтобы продолжить борьбу в матчах!..

Велико влияние Бронштейна на шахматную элиту; особенно оно было ощутимо в пятидесятых годах, но еще больше он сделал для развития любительских массовых шахмат. Благодаря Бронштейну и Талю — эти два имени здесь хочется поставить рядом — в сферу шахматного искусства были вовлечены миллионы. Игра Бронштейна, будучи недостижима для рядового любителя по силе, стала эталоном по стилю и привлекательности.

Идеи Бронштейна, несомненно, отразились на творчестве нового поколения советских мастеров и гроссмейстеров, для которых столь характерны раскованность и непринужденность на всех стадиях партии, стремление к нестандартному мышлению — именно те черты, которые в наибольшей мере присущи Бронштейну.

Трудно перечислить все дебюты, в которые он внес новый ход, новый вариант и чаще всего — новую идею. Известен Бронштейн и как шахматный композитор. Ему принадлежит десяток этюдов.

Приходят новые времена, появились иные шахматные кумиры — ну что ж, сочтемся славою... Но импровизационное творчество Д. И. Бронштейна ценят и всегда будут ценить любители шахмат за его оптимизм и здравый смысл, за стремление к гармоничному и справедливому разрешению возникающих на доске конфликтов...

**Спортивные результаты Д. И. Бронштейна
(1936—1975 годы)**

Д. И. Бронштейн принимал участие в 160 соревнованиях, не считая тренировочных. За 40 лет он сыграл примерно 1200 партий. Ниже приводятся результаты основных наиболее интересных соревнований.

Год	Соревнование	Результат, место
1936	Первенство 25-й школы Киева	II (присвоена V категория)
1937	Первенство школьников Киева	VII—IX (присвоена III категория)
1938	Первенство школьников Киева	I (присвоена I категория)
1939	Первенство Киева	II—IV (кандидат в мастера)
1940	Чемпионат Украины	II (присвоено звание мастера спорта)
1941	Полуфинал XIII Всесоюзного чемпионата	+3—1=2 турнир не закончен
1942	Первенство Владикавказа (Орджоникидзе)	I +13—0=0
1943	Тренировочный турнир мастеров в Баку	III—IV
1944	XIII Всесоюзный чемпионат	XV
1945	Полуфинал XIV Всесоюзного чемпионата	I
1945	Финал XIV Всесоюзного чемпионата	III (гроссмейстерский балл)
1945	Матч СССР—США по радио	+2—0=0 (с Сантасьером)
1945	Полуфинал чемпионата Москвы	I +13—0=2
1945/46	Чемпионат Москвы	I (второй гроссмейстерский балл)
1946	Матч-турнир Москва—Прага	I +10—1=1
1947	XV Всесоюзный чемпионат	VI
1947	Полуфинал XVI Всесоюзного чемпионата	III—IV
1948	Первый межзональный турнир ФИДЕ (Стокгольм)	I международный гроссмейстер
1948	XVI Всесоюзный чемпионат	I—II
1949	XVII Всесоюзный чемпионат	I—II
1950	Турнир претендентов, Будапешт	I—II +8—2=8
1950	Матч с И. Е. Болеславским (Москва)	+3—2=9
1951	Матч на первенство мира с М. М. Ботвинником (Москва)	+5—5=14
1951	XIX Всесоюзный чемпионат	VI—VIII
1952	Международный турнир студентов	I—II
1952	X Всемирная олимпиада (Хельсинки)	+7—1=2, лучший результат на 3-й доске

Год	Соревнование	Результат, место
1952	XX Всесоюзный чемпионат	VII—IX
1953	Чемпионат Москвы	I
1953	Турнир претендентов (Нейгаузен — Цюрих)	II—IV
1953—1954	Международный турнир в Гастингсе	I—II
1954	Командные матчи СССР—Аргентина, Уругвай, Франция, США, Англия, Швеция	Все матчи выиграны командой Советского Союза
		+10—2=2 за 1-й и 2-й доской
1954	XI Всемирная олимпиада (Амстердам)	+7—0=7 за 3-й доской
1954	Международный турнир (Белград)	I +8—0=11
1955	Межзональный турнир ФИДЕ (Гётеборг)	I +10—0=10
1956	Турнир претендентов (Амстердам)	III—VII
1956	XII Всемирная олимпиада	+9—0=4 абсолютно лучший результат
1956	Мемориал Алехина (Москва)	V
1957	XXIV Всесоюзный чемпионат	II—III
1957	Чемпионат Москвы	I
1957	Командное первенство Европы	+4—1=1 за 3-й доской
1957	Международный турнир, Гота (ГДР)	I
1958	XXV Всесоюзный чемпионат	III
1958	Межзональный турнир ФИДЕ (Портоторж)	VII—XI
1958	XIII Всемирная олимпиада	+7—0=5 за 4-й доской
1959	XXVI Всесоюзный чемпионат	XII—XIII
1959	Международный турнир ЦШК	I—III
1960	Международный турнир (Мар-дель-Плата)	III
1961	XXVIII Всесоюзный чемпионат	XII—XIII
1961	Чемпионат Москвы	I
1961	Мемориал Геза Мароци (Будапешт)	II—III
1961	XXIX Всесоюзный чемпионат	III
1962	Матч СССР—Югославия	I
		+3—0=3
1963	Международный турнир (Бевервейк)	II
1963	Мемориал Асталоша (Мишкольц)	II
1963	XXXI Всесоюзный чемпионат	IV—V
1964	Зональный турнир ФИДЕ	II—III
1964	Межзональный турнир ФИДЕ (Амстердам)	VI
1964	XXXII Всесоюзный чемпионат	II
1965	XXXIII Всесоюзный чемпионат	IX
1966	Мемориал Асталоша (Сомбатхей)	I—II
1966	XXXIV Всесоюзный чемпионат	VII—IX
1967	Международный турнир гроссмейстеров (Москва)	VI—VIII
1968	Чемпионат Москвы	I—II

Год	Соревнование	Результат, место
1968	Международный турнир (Амстердам)	II
1968	Мемориал Эм. Ласкера (Берлин)	I—II
1969	Международный турнир (Монте-Карло)	IX—X
1970	Кубок СССР по шахматам	I
1971	Международный турнир (Таллин)	III
1971	Международный турнир (Сараево)	I—III
1971	XXXVIII Всесоюзный чемпионат	VII—VIII
1973	Межзональный турнир ФИДЕ	VI
1974	Международный турнир (Рейкьявик)	III—IV
1974	Международный турнир (Сан-Хосе, Коста-Рика)	I
1975	Мемориал Александера	III—IV—V
1975	Первенство СССР (высшая лига)	IX—X

Кроме того, Д. И. Бронштейн участвовал в командных первенствах СССР (за команду «Динамо» и за команду Москвы), в первенствах спортивного общества «Динамо», в международных матчах, в спартакиадах народов СССР, в небольших отечественных и международных турнирах; не раз Д. И. Бронштейн занимал первые места в блиц-турнирах «Вечерней Москвы».

СОДЕРЖАНИЕ

Блестящий мир шахматного искусства. (Вместо введения) . . .	5
Глава первая. Заветная мечта	14
Глава вторая. Заявка претендента	19
Глава третья. Первый матч на первенство мира	39
Глава четвертая. Города и годы, турниры и люди	55
Глава пятая. Душа шахмат	86
Глава шестая. Бронштейн о своем матче на первенство мира	193
Послесловие к матчу	274
Эпилог	277
Спортивные результаты Д. И. Бронштейна (1936—1975 годы) . .	278